

Материалы секций

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ:
ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

17-23 апреля 2024
НОВОСИБИРСК

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МНСК-2024

**ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ:
ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
•
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
•
ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА
•
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

Материалы
62-й Международной научной студенческой конференции

17–23 апреля 2024 г.

Новосибирск
2024

УДК 81+82
ББК Ш12Я431+Ш.Я431
И683

И683 Иностранные языки: лингвистика и межкультурная коммуникация. Литературоведение. Прикладная лингвистика. Языкознание : Материалы 62-й Международной науч. студ. конф. 17–23 апреля 2024 г. / Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2024. — 346 с.

ISBN 978-5-4437-1615-2

Данное издание представляет собой публикации тезисов 62-й Международной научной студенческой конференции 2024 г. (МНСК-2024) по иностранным языкам: лингвистике и межкультурной коммуникации, литературоведению, прикладной лингвистике и языкознанию.

Материалы конференции представляют интерес для студентов, аспирантов, преподавателей, научных работников, сотрудников образовательных учреждений.

УДК 81+82
ББК Ш12Я431+Ш.Я431

ISBN 978-5-4437-1615-2
DOI 10.25205/978-5-4437-1615-2

© СО РАН, 2024
© Новосибирский государственный университет, 2024

SIBERIAN BRANCH OF RAS
MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

ISSC-2024

**FOREIGN LANGUAGES:
LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION**
•
LITERATURE STUDIES
•
APPLIED LINGUISTICS
•
LINGUISTICS

Proceedings
of the 62nd International Scientific Student Conference

April, 17-23, 2024

Novosibirsk
2024

УДК 81+82
ББК Ш12Я431+Ш.Я431
И683

И683 Foreign languages: Linguistics and intercultural communication. Literature studies. Applied linguistics. Linguistics : Proceedings of the 62nd International Scientific Student Conference. April, 17–23, 2024 / Novosibirsk State University. — Novosibirsk : IPC NSU, 2024. — 346 p.

ISBN 978-5-4437-1615-2

This edition represents the publications of the 62nd International Scientific Student Conference 2024 (ISSC-2024) theses in Foreign languages: Linguistics and intercultural communication, Literature studies, Applied linguistics and Linguistics.

These Conference materials can be of interest for students, Ph.D. candidates, professors, scientists, and members of educational institutions.

УДК 81+82
ББК Ш12Я431+Ш.Я431

ISBN 978-5-4437-1615-2
DOI 10.25205/978-5-4437-1615-2

© SB RAS, 2024
© Novosibirsk State University, 2024

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ: ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Председатель секции — канд. филол. наук, доц. *А. Л. Соломоновская*

Ответственный секретарь секции — *М. Д. Борисенкова*

Экспертный совет секции

д-р филол. наук, проф. *М. Дебрени*

канд. филол. наук, доц. *Н. С. Мулладжанова*

канд. филол. наук, доц. *Н. В. Тарабунова*

канд. филол. наук, доц. *В. В. Шилова*

канд. филол. наук, доц. *Н. В. Налетова*

канд. пед. наук *А. А. Кушнарера*

канд. филол. наук, доц. *И. В. Микута*

канд. филол. наук, доц. *Н. А. Тюленева*

канд. филол. наук, доц. *Г. В. Курак*

канд. филол. наук, доц. *А. К. Халдояниди*

канд. филол. наук *М. И. Рыбалова*

FOREIGN LANGUAGES: LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Section Head — Cand. Philol. Sci., Assoc. Prof. *A. L. Solomonovskaya*

Responsible Secretary — *M. D. Borisenkova*

Section scientific committee

Dr Philol. Sci., Prof. *M. Debrenne*

Cand. Philol. Sci., Assoc. Prof. *N. S. Mulliadzhanova*

Cand. Philol. Sci., Assoc. Prof. *N. V. Tarabunova*

Cand. Philol. Sci., Assoc. Prof. *V. V. Shilova*

Cand. Philol. Sci., Assoc. Prof. *N. V. Naletova*

Cand. Ped. Sci. *A. A. Kushnareva*

Cand. Philol. Sci., Assoc. Prof. *I. V. Mikuta*

Cand. Philol. Sci., Assoc. Prof. *N. A. Tiuleneva*

Cand. Philol. Sci., Assoc. Prof. *G. V. Kurak*

Cand. Philol. Sci., Assoc. Prof. *A. K. Khaldoyanidi*

Cand. Philol. Sci. *M. I. Rybalova*

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 811.512.16

Сравнительный анализ огузской подгруппы тюркских языков

Д. Т. Азоян

Российский биотехнологический университет, Москва

Тюркские языки включают несколько подгрупп: огузскую, карлукскую, кыпчакскую, северо-восточную. Примерами огузской подгруппы являются турецкий, гагаузский, азербайджанский, туркменский, а также хорезмийский диалект узбекского языка и крымско-татарский диалект. Данные языки имеют практически общую грамматику, различаются немного фонетикой и письменностью. Причиной служат внешние факторы. Кроме турецкого, все эти языки были под влиянием России и разрабатывали различные алфавиты в разное время. В данном исследовании рассмотрим особенности фонетики огузской подгруппы.

Гагаузский язык, который распространен в Молдове, был подвергнут большому влиянию славянских и романских языков. Сочетания *бл, бр, гр, кр, тр, сл, ск, ст, сп* (*круча* 'крест', *бластамат* 'проклятый') несвойственны тюркским языкам, так как он предусматривает порядок согласный — гласный — согласный в начале слов. В гагаузском алфавите есть буква «ц», взятая у славян и молдаван: *раца* 'утка', *кумица* 'крестница'. Присутствуют долгие и краткие фонемы гласных звуков, которые также есть в туркменском и обозначаются на письме: *Беним завалы боба үйрен-миши-ти кеменче-дй чал-маа* 'Мой бедный отец учился играть на скрипке' [1].

Сравнивая азербайджанский, турецкий и туркменский, можно выделить следующие различия.

1. В азербайджанском существует твердая буква «г» — *q*, стоящая перед задними гласными *a, ı, o, u*, и мягкая «г» — *g*, стоящая перед передними *e, i, ö, ü, ə*. Буква *q* на конце слова переходит в звук «х»: *ауақ — аях* 'нога'. В некоторых диалектах «дж» и «ч» превращаются в «дз» и «ц», возможно, из-за влияния армянского или грузинского языков. Буква *k* в конце слов и перед глухими согласными произносится как «ч»: *çögək — чёрэч* 'хлеб', *səksən — сэчсэн* 'восемьдесят'; между гласными — как «й»: *göz-lüküm — гэзлююм* 'мои очки' [3].

2. Туркменский язык имеет в алфавите удлинённый звук «н», который отсутствует в турецком и азербайджанском. Проблема этого языка состоит в том, что при письме отсутствует разделение на долгие и краткие гласные звуки. Например, *sal* при кратком произношении «а» означает 'строить', а при долгом — 'плот'. В основном произношение таких слов зависит от контекста [2].

3. Турецкий язык не имеет таких звуков, как длинные «н», «х». Причиной тому послужила латинизация турецкого алфавита, исключая арабскую вязь и арабизмы, а также упрощение самого турецкого из-за неграмотности населения. Также *ğ* удлиняет задние

гласные звуки на конце слова или перед согласным: *dağ* — *даа* ‘гора’, *dağlar* — *даалар* ‘горы’. Между передними гласными — «й»: *değil* — *дейил* ‘не’. В азербайджанском данная буква произносится как среднее между «г» и «х» [5].

Хорезмийский диалект узбекского языка имеет свои особенности [6]:

1) в отличие от литературного языка, есть сингармонизм гласных: *təp oquwçı emas-təp* — *təp oquwçı emasman* — *ben öğrenci değılim* — ‘я не ученик’ (хорезм. — узб. — тур.); *niçiksiz* — *qalaysiz* — *nasılsınız* — ‘как вы’;

2) карлукский элемент *q* — гортанный «к». Огузский: наличие передних (*e, i, ö, ü, ə*) и задних (*a, ı, o, u*) гласных рядов звуков, которых нет в узбекском (из-за влияния персидского получились краткие и долгие звуки);

3) переход согласных звуков «т», «к» в «д», «г»: *til* — *dil* — *dil* — ‘язык’ (узб. — хорезм. — тур.); *kel* — *gel* — *gel* — ‘иди’; *tish* — *diş* — *diş* — ‘зуб’ [4].

1. Банкова И. Гагаузский язык: этапы становления и перспективы развития // *Carta europeană a limbilor-instrument de protecție al diversității lingvistice și de întărire a dialogului intercultural în Moldova*. 2008. С. 178.
2. Иванова Т. А., Винниченко С. Д., Атаев А. Некоторые моменты сопоставительного анализа фонетики русского и туркменского языков // *Викладання мов у вищих навчальних закладах освіти на сучасному етапі*. 2009. № 15.
3. Рустамова З. И., Новрузов Р. М. Практикум по переводу. Азербайджанский язык. 2020. 10 с.
4. Тиллабаева З. Р. Самаркандские диалекты узбекского языка и их взаимодействие с другими диалектами // *Universum: филология и искусствоведение*. 2022. С. 16–18.
5. Штанов А. В. Турецкий язык // *Базовый курс*. 2021. Т. 1.
6. Abdurahmanova S. B. Basics of composition of the corpus of lacunar units in uzbek dialects // *Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences*. 2023. P. 1150–1153.

Научный руководитель — С. С. Усов

УДК 811.133.1

Невербальные показатели фокализации во французской речи

А.Д. Бобрикова

Новосибирский государственный университет

Фокализация, обозначающая выбор одного компонента дискурса и исключение всех других возможных членов парадигмы, появляется в коммуникативном акте, построенном на противоречии. Просодические характеристики фокализации описаны во многих работах, посвященных изучению интонации и синтаксиса французского языка, однако ее невербальные признаки до конца не изучены и остаются предметом обсуждения в научной среде [1–5]. Цель статьи — изучить невербальные маркеры фокализации во французской речи на примере политического дискурса.

Материалом исследования послужили видеозаписи дебатов французских политиков Эмануэля Макрона и Марин Ле Пен, а также отрывки речи ведущих дебатов. Данный жанр интервью был выбран неслучайно: именно в дискуссиях, в которых высказываются противоположные точки зрения, встречается фокализация со значением контрастной ремы. В ходе работы использовались программы ELAN и PRAAT, которые помогают создавать аннотации аудио- или видеозаписей и анализировать такие просодические параметры ударения, как частота основного тона (ЧОТ), долгота, интенсивность, форманты и т. д.

В результате проведенного исследования были выделены две разновидности фокализации: интонационная и синтаксическая. Согласно полученным данным, частотность использования интонационной фокализации (13 %) в речи участников дебатов ниже частотности использования синтаксической фокализации (87 %), при этом большинство жестов было зафиксировано во второй разновидности.

В высказываниях с интонационной фокализацией отдельный компонент дискурса получает резкое и быстрое повышение тона H^* и интенсивности на ударном слоге выделенного слова. Во фразе наблюдается инклинация тона в фокализованной части и его деклинация в постфокальном сегменте. Гласный слога под ударением фокализации отличается краткостью, а удлинение слога происходит в результате удлинения начального согласного: *Je suis fier* [%L H^*] *qu'on ait fait ça* [%L L^*]. При синтаксической фокализации компонент в фокусе ставится в начальную синтаксическую позицию при помощи конструкции *c'est...que/qui* и также произносится на резком повышении мелодики и интенсивности без удлинения гласного. Например, *C'est dans mon projet, c'est pour ça* [%L H^*] *que j'assume un investissement massif sur le sujet de la santé* [%L L^*].

Анализ видеоматериала показал, что ритмические жесты являются характерным невербальным средством выражения фокализации, так как в подавляющем большинстве примеров собеседники использовали именно данный вид жеста, соотнесенный с ритмомелодикой фразы (положение рук рамкой, резкие рывки головой, постукивание ребрами ладоней, круговые движения руками и др.). Кроме того, участники дискуссии

использовали репрезентативные (пальцы раздвинуты врозь), прагматические (руки вверх) и дейктические (указание пальцем на оппонента) жесты. Меньше всего в дебатах использовались жесты-адаптеры, которые появляются при повышении уровня стресса и потере контроля над ситуацией со стороны коммуниканта.

1. Крейдлин Г. Е. Механизмы взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалоге. М.: РГГУ, 2007. 327 с.
2. Морозова Л. П., Устинович В. В. О средствах фокализации во французском устном высказывании // Вестн. МГЛУ. Сер. 1: Филология. Минск: МГЛУ, 2018. № 5(96). С. 99–108.
3. Халдояниди А. К. Информативная структура высказывания: деконденсация и фокализация в спонтанной речи (на примере русского и французского языков) // Вестн. НГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск: НГУ, 2009. № 7 (2). С. 42–51.
4. Dohen M., Løevenbruck H. Audiovisual Production and Perception of Contrastive Focus in French: a Multispeaker Study // Proceedings of Interspeech/Eurospeech. Lisbonne. 2005. P. 2413–2416.
5. Khaldoyanidi A., Morel M.-A. Focalisation et Prédication en russe et en français. Propriétés intonatives et posturo-mimico-gestuelles // La prédication, coord. Jean-Marie Merle. Paris-Gap: Ophrys, Bibliothèque de Faits de Langues, 2008. P. 227–241.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. А. К. Халдояниди

УДК 81'42

**Вербальная актуализация репрезентативных систем человека
в публичных выступлениях
(на материале публичных выступлений TED Talks)**

Я. С. Брагина

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена исследованию маркеров репрезентативных систем человека в устном публичном дискурсе.

Актуальность данного исследования обусловлена прежде всего изменением процессов восприятия в эпоху сетевых коммуникаций, а также возросшим интересом лингвистов к этим процессам. В условиях тотальной компьютеризации и виртуализации действительности происходят изменения структуры языкового сознания, которые, в свою очередь, влияют на процессы восприятия окружающей действительности.

Цель работы — определить роль аудиальной, визуальной, кинестетической и цифровой репрезентативных систем человека в публичном дискурсе посредством исследования вербальных средств их выражения.

Материалом исследования послужили видеозаписи публичных выступлений TED Talks. Всего было проанализировано 6 публичных выступлений, среди которых мы выявили 359 случаев вербальной актуализации репрезентативных систем человека.

Ключевым понятием данной работы является «репрезентативная система» (РС). Под РС понимается «способ кодирования информации или, иначе, модальности человеческого опыта» [1]. Вслед за С. В. Ковалевым мы выделяем визуальный, аудиальный, кинестетический каналы получения информации, а также цифровой (дискретный).

Проанализировав эмпирический материал, мы пришли к следующим результатам.

1. Изучив публичные выступления на платформе TED Talk — шесть видео материалов длительностью по 12 мин каждый — удалось выявить 359 случаев актуализации репрезентативных систем: визуальные (142), аудиальные (74), кинестетические (42), цифровые (101). Преобладание единиц, относящихся к визуальной модальности, может быть мотивировано преобладанием визуальной РС как ведущей у большинства людей.

2. Анализ случаев актуализации визуальной РС. Выделенные единицы были классифицированы по частям речи (глаголы — 73, существительные — 13, прилагательные — 11, наречия — 2). Среди стилистических приемов, относящихся к визуальной модальности, были выявлены случаи употребления метафоры (36). Например, *Instant Gratification Monkey*. А также случаи сравнения (6), олицетворения (1) и крылатых фраз (1). С точки зрения значения языковых единиц, большая часть имеет прямое отношение к органам чувств (70).

К примеру, *He was someone who's always looking down on him and watching over him in his darkest moments*. Остальные слова были классифицированы как относящиеся кос-

венно, только в контексте (24), например *I could compare them*. В данном случае подразумевается восприятие органами зрения.

3. Анализ случаев актуализации аудиальной РС. Анализ аудиальной модальности выявил следующие особенности: а) чаще всего употребляются глаголы для представления цитаты или косвенной речи (30 из 63), реже встречаются существительные (8) и наречия (1); б) большинство глаголов относятся к адресанту (59), и лишь 4 глагола задействуют каналы восприятия адресата (*hear, listen*); в) релевантно рассматривать актуализацию на фонетическом уровне (аллитерация — 4): *It's always about tips and tricks and techniques...*

4. Анализ случаев актуализации кинестетической РС. Данная группа является самой малочисленной. Это связано с особенностями устного публичного дискурса, а также тематикой выступлений. В отличие от других модальностей, здесь преобладают прилагательные (14). Так, наиболее частотным прилагательным является *hard*. В меньшей степени присутствуют глаголы (12), существительные (7), наречия (1), причастия (4): *And he wants to take all of that into account*.

5. Анализ случаев актуализации цифровой РС. Данная РС характеризуется логичностью и аргументированностью. Несмотря на то что современный мир требует постоянного участия цифровой РС, в анализируемых публичных выступлениях она не является преобладающей. Из проведенного анализа видно, что использование глаголов доминирует, составляя 73 % всех выделенных единиц цифровой РС (*So step zero is, make sure you understand that you cannot manage time*). Существительные и прилагательные используются в значительно меньшей степени.

1. Ковалев С. В. Введение в современное НЛП психологии личностной эффективности: учеб. пособие. М., 2007. 640 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. В. Шилова

УДК 81'34

Особенности восприятия эмоциональных значений, сопровождающих иронию-отрицание

П. Е. Васильева

Санкт-Петербургский государственный университет

Ирония — комплексное явление, суть которого заключается в наличии некоторого несоответствия, контраста, противоречия в речевом акте. Особенно ярко это проявляется в таком типе иронии, как антифразис (или ирония-отрицание), при котором прямое лексическое значение отрицается с помощью просодических и/или паралингвистических средств. Ирония привлекала внимание ученых со времен Античности: исследователи рассматривали проявление иронии на различных языковых уровнях, а также ее восприятие слушателями, однако эмоциональный компонент, сопровождающий иронические высказывания, на данный момент практически не изучен. Поскольку устная речь мультимодальна, то есть передача и восприятие информации происходят посредством нескольких каналов одновременно, эмоциональные значения, сопровождающие иронию-отрицание при ее порождении посредством различных информационных каналов, могут различаться.

Главной целью данного исследования является выявление и сравнение эмоциональных значений, сопровождающих иронию-отрицание в различных информационных каналах.

Материалом для исследования послужил корпус иронической речи, разработанный на кафедре фонетики СПбГУ. В корпус вошли аудио- и видеозаписи омонимичных высказываний, включенных в иронические и нейтральные контексты, прочитанные носителями русского языка в лабораторных условиях.

Для определения эмоциональных значений, сопровождающих иронию-отрицание в лабораторной иронической речи, были проведены три перцептивных эксперимента. В первом эксперименте участникам были предъявлены аудиофрагменты, во втором — видеофрагменты без звука, в третьем — видеофрагменты со звуком. Каждый эксперимент включал в себя 12 фрагментов из фраз, содержащих иронию, и 12 фрагментов из нейронических фраз. Для экспериментов были отобраны записи 6 дикторов: 3 мужчин и 3 женщин. Аудитору было необходимо прослушать или посмотреть фрагмент и ответить, является ли он частью иронического или нейронического высказывания, а также выделить, какие эмоции выражаются в данном фрагменте (радость, злость, удивление, страх, отвращение, грусть, вариант аудитора). Все аудиторы являлись носителями русского языка, каждый опрос прошло более 30 аудиторов.

Результаты исследования показали, что аудиторы по-разному определяют эмоциональные значения иронии-отрицания в аудио- и видеофрагментах. В эксперименте с аудиофрагментами наиболее часто отмечались отвращение (34 %) и злость (27 %), в эксперименте с видео без звука — радость (28 %), в эксперименте с видеофрагмента-

ми со звуком — отвращение (28 %) и злость (27 %). По результатам эксперимента можно сделать вывод о том, что поскольку аудиторы приписывают просодическим и паралингвистическим ключам контрастные эмоциональные значения, сопровождающие иронию-отрицание, в них также отражается противоречие, закладываемое говорящим в речевой акт.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. У.Е. Кочеткова

УДК 81-119

Ассоциативное поле «власть» в языковом сознании якутов, русских и французов

С. К. Винокурова

Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, Якутск

Тема является актуальной в связи с рядом социальных, политических и культурных изменений, которые происходят в мире. Исследование языкового сознания народов разных культур может помочь лучше понять, какие ценности и представления о власти существуют в разных культурах и как они влияют на поведение людей. В рамках данной статьи мы будем исследовать, как содержание ценности «власть» в языковом сознании якутов, русских и французов может различаться, а также как эти различия отражаются на культуре, политике и социальных отношениях каждого народа.

Целью данного исследования является выявление и раскрытие роли власти в языковом сознании якутов, русских и французов.

Материалом исследования служат данные, полученные при помощи свободного ассоциативного эксперимента [1].

Методы исследования: свободный ассоциативный эксперимент, метод семантического гештальта, описательный метод, статистический метод, сравнительно-сопоставительный метод [2].

Результаты исследования по методу семантического гештальта [3] (Ю. Н. Караулова) ассоциативного поля «власть» показали, что среди респондентов ядерными семантическими зонами являются: ЭТО (квазидефинитивные конструкции, в которых местоимение «это» выполняет роль гипотетической связки), ДЕЛАТЬ (действие, ассоциируемое со словом-стимулом) и ЧТО (предмет, ассоциируемый со словом-стимулом). Мы выделили следующие абсолютно частотные реакции на стимул *былаас/власть/pouvoir*:

1) у якутов — *сокуон* ‘закон’ (14), *күүс* ‘сила; мощь’, *энергия* (12), *тойон* ‘господин; глава’ (9), *президент* (7), *Путин*;

2) у русских — *сила* (19), *Путин* (12), *государство* (11), *президент* (9), *влияние* (7), *ответственность* (7), *политика* (7), *могущество* (6), *народ* (6);

3) у французов — *force* ‘сила’ (29), *puissance* ‘мощь; сила’ (27), *capacité* ‘возможность; способность’ (24), *politique* ‘политика’ (18), *roi* ‘король’ (16), *président* ‘президент’ (14), *chef* ‘руководитель’ (6).

Сравнительный анализ содержания ассоциативного поля «власть» у якутов, русских и французов позволяет выявить универсальное и специфическое в языковом сознании этих культур. Анализ показал, что для якутской, русской и французской культур характерны такие универсальные реакции, как *сила*, *закон*, *правительство*, *президент*, *деньги*, *ответственность*.

При рассмотрении уникальных особенностей каждой культуры мы выявили, что французы особенно ценят понятие свободы. Каждый француз считает такие понятия, как свобода, равенство и братство своего рода ориентиром в жизни. Также они относятся к власти с большим доверием и уважением, в отличие от якутов и русских [4].

Монархическая форма правления и Российского государства, и Франции как прецедент прослеживается в реакциях русских и французов на слово-стимул «власть».

Череды войн, походов в истории России, в особенности Великая Отечественная война, оставили глубокий след в культуре как у якутов, так и у русских, что находит отражение в их языковом сознании. В русской культуре Великая Отечественная война стала символом единства народа в борьбе за свободу и независимость.

Недоверие — *бюрократ; коррупция; сымый* ‘ложь, неправда, ложный, неправильный’; *албын* ‘хитрый, хитрость, обман, льстивый, обманчивый’; *албынчык* ‘хитрец, обманщик, плут, мошенник, лстец’ — русских и якутов к власти является сложной и многогранной проблемой, которая может быть вызвана различными факторами. Это могут быть экономические проблемы, коррупция, нарушения прав граждан, политическая нестабильность и другие факторы.

Наш эксперимент показал, что при наличии точек соприкосновения в некоторых аспектах основа ценностей трех культур все же разная. Фундаментом французского языкового сознания является национальный девиз «Свобода, Равенство, Братство» (фр. *Liberté, Égalité, Fraternité*), старый порядок и продукты массовой культуры: *Batman* ‘Бэтмэн’; *Superman* ‘супермен’. Базисом якутского и русского языкового сознания является история страны.

1. Абрамов В. П. Теория ассоциативного поля. URL: www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/lex_fraz.doc (дата обращения: 18.05.2023).
2. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 487 с.
3. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть: Изд-во Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1998. 180 с.
4. Глухов В. П. Основы психолингвистики: учеб. пособие для студентов педвузов. М.: АСТ, 2005. 351 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. И. С. Хохолова

УДК 81'23

Глагольно-именные аналитические конструкции с глаголами *давать* и *брать* в немецком языке: психолингвистический аспект

Е. А. Гоманова

Новосибирский государственный университет

Интерес к вопросу о типологии языков начал появляться в конце XVIII — начале XIX в. Аналитические конструкции отличаются от аналитических форм, так как они не формируют новое грамматическое значение. Однако слияние глагольного и именного компонента в аналитических конструкциях оказывается настолько тесным и неразрывным, что формируется единое лексическое значение [1].

Несмотря на то что тенденция к номинативному стилю на фоне растущей употребительности субстантивно-глагольных словосочетаний аналитического типа в современном немецком языке долгое время была объектом критики, в спонтанной речи носителей современного немецкого языка все чаще можно встретить глагольно-именные конструкции [2].

Связь между значениями многозначного слова проявляется нередко в наличии общих ассоциативных признаков, объединяющих эти значения. Использование системного подхода, а также антропометрических и семасиологических методов позволяет раскрыть функциональный статус значений и смыслов и выявить структурные взаимосвязи, используемые при построении глагольно-именных аналитических конструкций.

Актуальность данной работы обусловлена лишь частичной исследованностью глагольно-именных аналитических конструкций в психолингвистическом аспекте. В работе были использованы методы семантической интерпретации, сравнительного анализа, а также семасиологического анализа и лингвистического описания.

Объектом исследования были выбраны два ассоциативных поля — немецких глаголов *geben* 'давать' и *nehmen* 'брать'. Предметом исследования стали глагольно-именные аналитические конструкции с лексемами «давать» и «брать» в немецком языке, выявленные на базе ассоциативного эксперимента.

В рамках данного эксперимента было проведено онлайн-анкетирование, в котором приняло участие 45 человек. Респондентами стали представители российских немцев в Новосибирской и Омской областях, в Алтайском крае, а также три гражданина Германии, проживающие на данный момент на ее территории. Средний возраст респондентов составляет 33 года, минимальный возраст — 18 лет, максимальный — 64 года. Среди испытуемых 10 человек мужского пола и 35 — женского. Эксперимент проводился в период с ноября 2023 г. по январь 2024 г.

Опрос включал два блока: основная информация об отвечающем (пол, возраст, гражданство, родной язык) и написание ассоциаций. Во второй блок опроса вошли 10 базовых глаголов немецкого языка, восемь из которых — слова-пустышки. Всего было получено 1300 реакций, из которых 1095 — существительные.

В результате проанализировано 116 реакций-существительных и 22 остальные реакции на слово-стимул *geben*, 106 реакций-существительных и 17 остальных реакций на глагол *nehmen*.

В ходе анализа реакций были выделены две основные группы существительных для обеих единиц: конкретные и абстрактные.

Существительные конкретной семантики к глаголу *geben* распределяются по таким категориям, как «Продукты питания», «Денежные отношения», «Документы или носители информации». Например, *Zitrone* ‘лимон’, *Blatt* ‘лист’, *Kugelschreiber* ‘ручка’, *Heft* ‘тетрадь’, *Geld* ‘деньги’ и т. д. Абстрактные существительные также были распределены по категориям «Информация», «Непосредственное влияние», «Онтологические понятия», «Работа»: *Unterstützung* ‘поддержка’, *Leben* ‘жизнь’, *Anweisung* ‘инструкция’, *Zeit* ‘время’ и т. д.

Для конкретных существительных к глаголу *nehmen* выделяются категории «Кухонная утварь», «Денежные отношения», «Продукты питания», «Медикаменты»: *Medikamente* ‘лекарства’, *Flasche* ‘бутылка’, *Geld* ‘деньги’, *Kredit* ‘кредит’ и т. д. Существительные абстрактной семантики распределяются по категориям «Обязательства», «Отдых», «Образование». Некоторые категории совпадают с группами, выделенными к глаголу *geben*, — «Онтологические понятия», «Информация», «Непосредственное влияние». В них входят такие существительные, как *Zeit* ‘время’, *Auswertung* ‘анализ’, *Initiative* ‘инициатива’ и др.

Таким образом, анализ ассоциаций к выбранным глаголам позволяет исследовать взаимозаменяемость языковых единиц, возможные процессы грамматикализации и особенности именных компонентов при их взаимодействии с широкозначными глаголами.

1. Аналитизм германских языков в историко-типологическом, когнитивном и прагматическом аспектах: моногр. / Ин-т языкознания РАН; Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2005. С. 7.
2. Гутарова А. В. Аналитические глагольно-именные конструкции немецкого языка и их русские соответствия: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. С. 76.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. В. Налетова

УДК 81'34

Связь интонационного оформления шуточных высказываний с жестами

И. В. Гусев

Санкт-Петербургский государственный университет

Интонация и жесты — два инструмента, используемых человеком для передачи смысла и эмоций в коммуникативных процессах. Их взаимодействие во время общения имеет значительное влияние на восприятие информации.

Данная работа сравнивает жестикуляцию нейтральных и юмористических (шуточных) высказываний, оценивает степень совпадения жестов с интонационным центром синтагмы. Видеоматериал, на базе которого проводилось исследование, был взят из выступлений разных команд КВН (Клуб Веселых и Находчивых) разных лет. Всего было отобрано 68 видеофрагментов с яркими жестами: 33 фрагмента, использованных в нейтральных высказываниях, и 35 — из шуточных высказываний.

Анализ материала был проведен следующим образом.

1. С помощью программы для видеомонтажа DaVinci Resolve были вырезаны отрывки выступлений, в которых шутка была подчеркнута жестикуляцией, а также «нейтральные» отрывки (не содержащие шутки).

2. В программе ELAN была проведена аннотация видеоматериала. Были созданы слои, обозначающие слово, являющееся информационным фокусом в синтагме, его ударный слог (интонационный центр) и ударный гласный. Также был создан слой, на котором размечались жесты. Использовались следующие обозначения: he (голова), ha (рука), 2ha (две руки), отдельно отмечалось направление жеста.

3. В программе Excel была проанализирована синхронизация жеста с интонационным центром высказывания. Была обозначена градация степеней синхронизации (каждой степени присвоено свое значение):

- 8 — на ударном гласном;
- 7 — перед ударным гласным (примыкает к нему);
- 6 — на ударном слоге;
- 5 — перед ударным слогом (примыкает к нему);
- 4 — перед ударным слогом (на слове) / после слога (на слове);
- 3 — на протяжении слова;
- 2 — перед словом (примыкает к нему);
- 1 — перед словом, после слова;
- 0 — жест относится к слову, не содержащему интонационного центра.

Затем для нейтральных и шуточных высказываний были посчитаны средние значения синхронизации и мода. Результаты показали, что значения синхронизации для шуточных и нейтральных высказываний равны 5,63 и 5,28 соответственно.

4. Цель следующей части анализа — получить данные о синхронизации направлений движения основного тона и жеста. Анализ показал, что в случае с нейтральными высказываниями они совпадали в 58 % рассмотренных фрагментов, в случае с шуточными — в 46 %.

Проведенный анализ позволил сделать наблюдения в отношении совпадения жеста и интонационного центра в шуточных и нейтральных высказываниях, что может быть в определенной степени обусловлено особенностями исследованного жанра (подобные совпадения характерны для актерской речи, речи, обращенной к публике). Однако, в отличие от актерской речи, параллелизма между направлением жеста и направлением движения тона не наблюдалось [1], совпадения носили скорее случайный характер. Изучение возможных факторов такого несоответствия требует проведения отдельного исследования.

1. Kochetkova U., Evdokimova V., Skrelin P. et al. Interplay of Visual and Acoustic Cues of Irony Perception: A Case Study of Actor's Speech. *Artificial Intelligence and Natural Language*. CCIS, Cham: Springer Nature, 2022. P. 82–94.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. У.Е. Кочеткова

УДК 81'23

Использование формульных последовательностей в качестве названий теле- и радиопередач (на материале французского языка)

К. А. Дубина

Новосибирский государственный университет

Формульная последовательность — это последовательность заранее заготовленных слов и словосочетаний, извлекаемая из нашей памяти целиком во время производства высказывания, обладающая культурной нагрузкой и выполняющая прагматическую функцию.

Цель данной работы заключается в классификации формульных последовательностей, используемых в качестве названий франкоязычных теле- и радиопередач, с позиции прагмалингвистики.

В ходе работы нами было проанализировано 2196 единиц, названий теле- и радиопередач (1079 и 1117 соответственно). Материалом послужили названия передач 5 телеканалов и 5 радиоканалов, представленных на сайтах FranceTV и RadioFrance за последние 20 лет. Метод сплошной выборки показал, что в 683 случаях используются формульные последовательности.

На основе полученных результатов мы выделили следующие источники формульных последовательностей, используемых в качестве названий теле- и радиопередач.

1. Прецедентные феномены — 12,15 %.

В качестве примера можно привести названия *Autant en emporte l'histoire* и *Autant en emporte le flow*, отсылающие к произведению Маргарет Митчелл, которое во французском переводе звучит как *Autant en emporte le vent*.

Также стоит упомянуть радиопередачу *Voyage au centre du cerveau*, источником названия которой послужило произведение Жюль Верна *Voyage au centre de la Terre*.

2. Устойчивые выражения — 87,85 %, куда входят:

1) разговорные выражения.

Например, источником названия *Cause commune, tu m'intéresses* 'Общее дело, ты меня интересуешь' является выражение *cause toujours tu m'intéresses* 'говори-говори, я тебя слушаю' (часто используется, когда слушающий не заинтересован в разговоре). Однако с помощью игры слов можно наблюдать другое значение — 'объединение усилий для достижения общей цели'. Более того, сама радиопередача посвящена обсуждению политических и социальных проблем и попытке найти их решение.

Название *Si ça vous chante* соответствует устойчивому выражению, значение которого 'если Вам это подходит, если Вам это удобно'. Однако в данном случае глагол *chante* (*chanter*) употреблен в прямом смысле 'петь', а передача носит музыкальный характер;

2) идиоматические и метафорические выражения, в том числе этнофразеологизмы.

Телепередача *Tout compte fait* отсылает к устойчивому выражению «учитывая все обстоятельства», употребляемому в ситуации, когда после тщательного размышления

человек меняет свое мнение о чем-либо. Однако в данном случае употреблено прямое значение выражения 'все считать сделанным, учитывать все', подразумевая деньги, поскольку сюжет передачи заключается в обучении экономической грамотности.

Кроме того, было обнаружено название *C'est du classique mais c'est pas grave*, часть которого (*c'est pas grave* 'не страшно'), согласно теории Б. Петерса, можно считать этнофразеологизмом, указывающим на культурные ценности французов [2];

3) сноуклоны [1].

Самым ярким примером сноуклона служит название *Dans la montagne, personne ne vous entendra crier* 'В горах никто не услышит, как ты кричишь'. Оно отсылает к известной формуле *In space, no one can hear you X*, реализуемой в фильме Риддли Скотта *In space, no one can hear you scream*. Однако в данной ситуации мы наблюдаем видоизмененную формулу *In X, no one can hear you scream*.

Таким образом, устойчивые выражения являются самым продуктивным источником формульных последовательностей, используемых в качестве названий теле- и радиопередач. Это может быть связано с их частой подверженностью языковой игре, способствующей привлечению внимания зрителя.

Стоит отметить, что общее число формульных последовательностей составляет 20 % от общего числа названий телепередач и 41,4 % — радиопередач. Можно предположить, что формульные последовательности чаще используются в качестве названий радиопередач в связи с тем, что заголовок является важным и одним из немногочисленных способов привлечения внимания, в то время как телепередачам доступны другие прагматические средства (например, визуальные).

1. Hartmann S., Ungerer T. Delineating extravagance: Assessing speakers' perceptions of imaginative constructional patterns // Belg. J. Ling. 2020. No. 34. P. 345–356.
2. Peeters B. Language, culture and values: towards an ethnolinguistics based on abduction and salience // Etnolingwistyka: problemy języka i kultury. 2015. No. 27. P. 47–62.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. М. Дебрени

УДК 81'23

Способы образования эвфемизмов, обозначающих названия зверей

Д. Н. Еремеева

Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, Якутск

Эвфемистическая лексика является одним из интересных пластов якутского языка, так как эвфемизмы отражают особенности национального менталитета, верования, традиции и обычаи народа. Широкое распространение эвфемизмов в якутской охотничьей лексике еще в 80–90 гг. позапрошлого века отмечал этнограф В. Л. Серошевский [1]. В народных представлениях якутов каждый из зверей, птиц, а также домашних животных носит свои ценности, бережное отношение к животному миру наложило табу на использование их названий, в результате возникли разнообразные эвфемизмы.

В данном исследовании эвфемизмы, обозначающие названия зверей в якутском языке, рассмотрены с целью выявления способов их образования.

В лексикографических источниках якутского языка охвачено большое количество слов-эвфемизмов. Всего обнаружено 97 эвфемизмов, заменяющих названия зверей.

Эвфемистическая лексика названий животных якутского языка по своему составу своеобразна и довольно сложна по словообразовательной модели. Определены следующие способы образования эвфемизмов.

1. Лексико-семантический способ образования, т. е. за счет лексикализации переносного значения слов: як. **итэҕэл** 'вера' «эвф., *Абый. Нижн. Кол., Ср. Кол., Верх. Кол.* саһыл 'лиса'» [2, с. 109], як. **аргыс** 'попутчик' «эвф. *Нижн. Кол.* тайах 'лось'» [2, с. 50] и т. д.

2. Лексико-морфологический способ образования:

а) имена существительные, образованные в результате субстантивации имен прилагательных: *-лаах* — як. **тумустаах** «эвф., *Ниж. Кол., Сакк.* кырс, саһыл 'песец, лисица'» [2, с. 247]; *-таабы* — як. **ойуурдаабы** «эвф. эһэ 'медведь'» [3, с. 411] и т. д.;

б) эвфемизмы, образованные от причастных форм: *-ар* — як. **маппыйар** «эвф. эһэ 'медведь'» [3, с. 411], як. **мандайар** «эвф., *веро.* саһыл 'лисица'» [4, с. 119];

в) переход из одной части речи в другую при изменении их значения, вызванном метафорическим переносом: як. **атаах** (имя прил. 'избалованный') — имя сущ. «эвф. кыыл оҕото 'дитя зверя'» [3, с. 409–411]; як. **кени** (местоим. он/она) — имя сущ. «эвф. эһэ 'медведь'» [3, с. 411], як. **коок** (звукоподр. слово) — имя сущ. «эвф., *Абый, Ср. Кол., Верх. Кол.* эһэ 'медведь'» [2, с. 115].

3. Лексико-синтаксический способ образования на основе связи:

а) управления: *имя прилаг. + глагол* — як. **талах булла** 'нашел тальник' «эвф., *Сакк.* тайах 'лось'» [2, с. 234], як. **маска бапат** 'не влезет в дупло' «эвф., *Сакк.* бэдэр 'рысь'» [2, с. 158];

б) примыкания: *имя прилаг. + имя сущ.* — як. **уһун атаһ** 'длинная нога' «эвф., *Олек.* тайах 'лось'» [4, с. 206]; *имя прилаг. + имя прилаг.* — як. **харана түүлээх** 'с темной

шерстью' «эвф. эһэ 'медведь'» [2, с. 281]; *имя суц. + имя суц.* — як. **мэндэри дьолуо** «эвф., *Верхнневил.* тайах 'лось'» [2, с. 170];

в) притяжательности: *имя суц. + имя суц.* — як. **ойуур уола** 'сын леса' «эвф. бөрө 'волк'» [4, с. 142], як. **сир кыыла** 'зверь земли' «1. эвф.. эһэ 'медведь'. 2. Волк 'бөрө' [2, с. 208] и т. д.

Большинство эвфемизмов по происхождению являются тюркизмами: як. **кутурук** «эвф., *Амма, Горн.* бөрө 'волк' — алт. *кузрук* 'хвост'» [2, с. 128]; як. **монус** «эвф., *Өлүөх.* эһэ 'медведь' — алт. *могус* 'ненасытный'» [2, с. 160] и т. д.

Многие эвфемизмы представлены с уменьшительным аффиксом *-каан, -чаан*: як. **атаскаан** «эвф., *Ниж. Кол.* киис атыыра 'самец соболя'. Также есть эвфемизмы, заимствованные из тунгусо-маньчжурских языков: як. **ньаадьы** «эвф. *Ньым., Олек.* Киис 'соболя'» [2, с. 177], як. **наараҕан** «эвф. саһыл 'лисица'» [5, с. 1680].

Кроме того, среди эвфемизмов отмечаются монголизмы: як. **абаҕа** «эвф. эһэ 'медведь'» [2, с. 39], як. **сиэгэн** «эвф., *Абый.* бөрө 'волк'» [2, с. 209] и т. д.

Некоторые эвфемизмы усвоены и переняты из русского языка, например: як. **мөлбүөт** «1. эвф., *Вил., Олек.* эһэ 'медведь'. 2. *Бул.* үрүн эһэ 'белый медведь' от русс. *медведь*» [2, с. 162], як. **баатыска** «эвф., *Вил.* эһэ 'медведь' от русс. *батьюшка*» [2, с. 56] и т. д.

Таким образом, словарный состав эвфемистической лексики якутского языка достаточно богат, своеобразен с точки зрения происхождения и поэтому представляет большой интересный лексический пласт для дальнейшего сравнительно-сопоставительного изучения.

1. Серошевский В. Л. Якуты: опыт этнографического исследования В. Л. Серошевского / под ред. Н. И. Веселовского. СПб., 1896. С. 720.
2. Диалектологический словарь якутского языка / сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. 392 с.
3. Кулаковский А. Е. Научные труды. Якутск: Якутское книж. изд-во, 1979. 483 с.
4. Воронкин М. С., Алексеев М. П., Васильев Ю. И. Диалектологический словарь языка саха. Новосибирск: Наука, 1995.
5. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. СПб.: Наука, 2008. Т. II.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. И. Н. Сорова

УДК 81'33

Особенности употребления феминативов в немецком языке на материале немецких СМИ

М. А. Журавлева

Новосибирский государственный университет

Актуальность доклада объясняется тем, что несмотря на интенсивное развитие гендерных исследований, все еще практически отсутствуют работы, посвященные выявлению отношения наивных носителей к феминативам в немецком языке.

Феминистская лингвистика возникла в 1960-х гг. благодаря женскому движению в США и Германии [1]. Первыми авторами, поднявшими вопросы дискриминации женщин через язык, были Мэри Рич Кей и Робин Лакофф. В Германии начали развивать феминистскую лингвистику Луиза Пуш и Сента Тремель-Плетц [2].

Для анализа были выбраны тексты периодических изданий *Die Zeit*, *Manager Magazin*, *NÖN.at*. Анализируя данные тексты, мы выявили следующие способы репрезентации феминативности.

1. Словообразование. Наиболее продуктивным способом формирования феминативов в немецком языке является суффикс *-in*. Он используется для обозначения лиц женского пола по профессии (*die Ärztin* 'женщина-врач') или по роду деятельности (*die Sängerin* 'певица'). Лексемы образованы как производные с помощью данного суффикса: *Der folgende Text ist ein leicht überarbeiteter Auszug aus dem aktuellen Buch "Wir haben ein Recht auf Zukunft", das die Rechtsanwältin und Richterin Roda Verheyen mit der Journalistin und Autorin Alexandra Endres geschrieben hat* 'Приведенный ниже текст представляет собой слегка отредактированный отрывок из книги «У нас есть право на будущее», написанной женщиной-адвокатом и судьей Рода Верхейен совместно с журналисткой и писательницей Александрой Эндрес» [3].

2. Эксплицитное название обоих полов [4]. Существуют разные варианты использования этого явления [5]. Первый вариант — полное написание обращения к группе лиц и мужского, и женского пола: *Gay hatte einen Rücktritt zunächst abgelehnt, auch Hunderte Dozentinnen und Dozenten stellten sich hinter sie* 'Первоначально Гей выступала против отставки, за ней также стояли сотни преподавательниц и преподавателей' [6].

Вторая форма — написание прописной буквы *I* в середине слова. Например: *Mit ihren StudentInnen diskutiert sie aktuelle Trends und befragt sie zu anderen Fächern, um selbst am Ball zu bleiben, wie sie es nennt* 'Она обсуждает текущие тенденции со своими учениками и ученицами и спрашивает их о других предметах, чтобы, по ее словам, оставаться в курсе событий' [7].

3. Употребление прилагательного *weibliche* (женский). Данная лексема обозначает принадлежность к женскому полу: *Am besten kommen weibliche Führungskräfte den Angaben zufolge im Veterinärwesen voran* 'Согласно данным, женщины-руководители лучше всего справляются с работой в ветеринарии' [8].

Таким образом, наиболее распространенным способом репрезентации феминативности является словообразование с помощью суффикса *-in*. Использование прилагательного *weibliche* встречается значительно реже. Наименее актуальным способом является эксплицитное название обоих полов. В динамике данного исследования будет выявлено отношение носителей немецкого языка к данным явлениям посредством опроса.

1. Петрова Е. И. Тенденции феминизации современного немецкого языка // Верхневолж. филол. вестн. 2019. № 3 (18). С. 134–139.
2. Суралева Е. П. Феминизация в языковой политике Российской Федерации и Федеративной Республике Германия // Международные отношения в глобальном измерении. 2022. № 3. С. 122–131.
3. Zeit Online. Vor Gericht klagen im Namen eines sterbenden Waldes? URL: <https://www.zeit.de/wissen/umwelt/2023-03/wir-haben-ein-recht-auf-zukunft-buch> (дата обращения: 12.02.2024).
4. Ясинская Л. И. О влиянии феминистского движения на немецкоязычную прессу // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2015. № 3. С. 248–250.
5. Климова С. С. Феминативы в современном немецком медиатексте // Романские и германские языки: актуальные проблемы лингвистики и методики. Ежегодник по материалам международной студенческой научно-практической конференции. 2020. С. 76–81.
6. Zeit Online. Harvard-Präsidentin Claudine Gay tritt zurück. URL: <https://www.zeit.de/gesellschaft/zeitgeschehen/2024-01/harvard-claudine-gay-ruecktritt> (дата обращения: 12.02.2024).
7. NÖN.at. Tiny Pribitzer: Von der Studentin zur FH-Lektorin. URL: <https://www.noen.at/niederosterreich/bildung/fh-st-poelten-tiny-pribitzer-von-der-studentin-zur-fh-lektorin-st-poelten-fh-st-poelten-tiny-pribitzer-print-nofb-313156675> (дата обращения: 12.02.2024).
8. Manager Magazin. Hälfte der Deutschen hält Benachteiligung von Frauen für kein Problem. URL: <https://www.manager-magazin.de/politik/equal-pay-day-haelfte-der-deutschen-haelt-benachteiligung-von-frauen-fuer-kein-problem-a-84b91371-2781-450f-99ed-894f89586898> (дата обращения: 12.02.2024).

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. М. Дебрени

УДК 81'34

Фонетические характеристики речи при когнитивной нагрузке

М. Р. Максимова

Санкт-Петербургский государственный университет

Когнитивная нагрузка — это нагрузка на когнитивную систему человека при выполнении какой-либо задачи. Когнитивная нагрузка отражает объем ресурсов, затрачиваемых рабочей памятью человека. Рабочая память обеспечивает хранение и обработку информации. Объем и возможности рабочей памяти человека ограничены. Следовательно, для эффективного выполнения задачи необходимо контролировать нагрузку на рабочую память [1].

Распознавание когнитивной нагрузки в речи применяется во многих сферах общественной жизни, в том числе в сфере образования. Выявление когнитивной перегрузки обучающихся и соответствующая адаптация образовательного процесса позволяют повысить эффективность образовательных методик [1].

Автоматическое распознавание когнитивной нагрузки позволяет повысить удобство использования диалоговых систем. Это особенно важно для работы голосовых ассистентов в ситуациях повышенной опасности. При наличии признаков умственной нагрузки в речи пользователя система сможет адаптироваться под его состояние [2].

Обзор научной литературы по теме данного исследования показал, что маркерами когнитивной нагрузки в речи могут быть повышение частоты основного тона (ЧОТ) и интенсивности [2, 3], сужение диапазона ЧОТ [3], ларингализация, изменения темпа речи, скорости артикуляции [2].

Целью данной работы является сравнение фонетических характеристик речи при повышенной когнитивной нагрузке и в ее отсутствие.

Материалом для исследования послужили аудиозаписи речи семи студентов кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков СПбГУ. В качестве задачи, вызывающей когнитивную нагрузку, информантам было предъявлено 20 названий цветов, где цвет шрифта отличался от значения слова (тест Струпа [4]). Испытуемые должны были назвать цвет шрифта каждого слова. Дополнительной задачей были вопросы, связанные с фонетикой английского языка.

Речь в случае отсутствия когнитивной нагрузки была реализована информантами при чтении фонетически представительного текста «Был тихий серый вечер» [5].

Результаты показали, что длительность безударных гласных в случае затруднения при выполнении задачи превышает длительность безударных гласных при отсутствии глубоких размышлений и при предпаузальном удлинении. Различия в длительности гласных при наличии повышенной когнитивной нагрузки и в ее отсутствие были статистически значимыми. Однако различия в длительности гласных при когнитивной нагрузке и при предпаузальном удлинении в большинстве случаев не были статистически значимыми. Этот случай требует рассмотрения спектральных характеристик звуков.

Длительность щелевых согласных при когнитивной нагрузке также была выше, чем при отсутствии затруднений и в случае предпаузального удлинения. В длительности сонантов наблюдалась такая же закономерность. Различия в длительности щелевых согласных и сонантов при когнитивной нагрузке по сравнению с их длительностями в случае отсутствия затруднений и при предпаузальном удлинении чаще всего были статистически незначимыми. Значимость различий была выявлена с помощью двухвыборочного t-теста с различными дисперсиями.

Чаще всего в случае затруднений при выполнении задания дикторы реализовали нисходяще-восходящий интонационный контур. Также частотным было восходящее движение ЧОТ. Диапазон значений ЧОТ в восходящих контурах при когнитивной нагрузке был значимо шире, чем диапазон восходящего мелодического движения при чтении неконечных синтагм в фонетически представительном тексте.

Длительность ларингализованных участков при когнитивной нагрузке была значимо больше, чем в случае предпаузального удлинения.

Затруднения при выполнении задачи также маркировались понижением интенсивности голоса, которое было значимым приблизительно в 50 % случаев.

1. Sweller J. Cognitive load during problem solving: Effects on learning // *Cognitive Sciences*. 1988. Vol. 12, No. 2. P. 257–285.
2. Yap T. F. *Speech Production Under Cognitive Load: Effects and Classification*: PhD thesis. Sydney, 2012. 211 p.
3. Huttunen K. et al. Effect of cognitive load on speech prosody in aviation: Evidence from military simulator flights // *Applied ergonomics*. 2011. Vol. 42, No. 2. P. 348–357.
4. Scarpina F., Tagini S. The stroop color and word test // *Front. Psych.* 2017. Vol. 8. P. 1–8.
5. Степанова С. Б. Фонетические свойства русской речи: реализация и транскрипция: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Л., 1988. 15 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. В. Евдокимова

УДК 81'23

Глаголы движения в немецком и русском языках: психолингвистический аспект

Е. А. Маслова

Новосибирский государственный университет

Данное исследование посвящено изучению репрезентации категории движения у носителей немецкого и русского языков на материале результатов цепочечного ассоциативного эксперимента.

Н. В. Болдыревым было отмечено, что есть два основных подхода к изучению языка и лексики — статический и динамический. Таксономии, полученные в исследованиях в статическом духе, часто носят искусственный характер [1], этим обусловлена актуальность работы. При исследовании языка в динамическом аспекте во внимание принимается и процессуальная сторона речемыслительной деятельности. Что касается глаголов движения, то по лексикографическим данным они представляют собой широкий класс единиц, многие из которых находятся в синонимических отношениях. В связи с возросшим значением психолингвистических методов как междисциплинарных представляется интересным получить информацию о роли глагольных единиц, выражающих идею движения, в немецком и русском языках.

Обозначенная актуальность позволяет сформулировать цель настоящего исследования: выявить значимые субъективные психолингвистические характеристики глагола *gehen* 'идти', его синонимов и их русских эквивалентов, построить их ассоциативно-вербальные поля на основе результатов цепочечного ассоциативного эксперимента, который покажет, какое именно представление о мире фиксируется данными глаголами в немецком и русском языках.

Рабочая гипотеза, которую предстоит проверить в рамках исследования, состоит в том, что категория движения по-разному реализуется у носителей этих языковых систем. В основе нашего предположения лежит теория А. Вержбицкой и К. Годдарда о естественном семантическом метаязыке (ЕСМ) [2] — исследователи на материале английского языка сформировали список примитивов, которые могут быть поняты без каких-либо толкований. А. Вержбицкая отмечала, что метаязык изоморфен — у каждого есть свой ЕСМ, который отличается от других содержанием элементарных единиц [3]; английский глагол *move* не соответствует русскому *передвигаться* и немецкому *sich bewegen* в полном объеме. Эти же отличия мы видим в семантемах лексических единицах, эквивалентных в немецком и русском языках.

Для достижения поставленной цели необходимо применение ряда лингвистических и междисциплинарных методов: компонентного анализа, экспериментального и описательного, наблюдения и классификации.

Материалом для исследования послужили результаты опроса информантов — носителей немецкого и русского языков. Стимульным материалом послужили 11 глаголов

движения (глагол *gehen* 'идти' и его синонимы) в русском и немецком языках: *gehen* — *идти (ходить)*, *laufen* — *бежать (бегать)*, *pilgern* — *странствовать*, *schleichen* — *красться (подкрадываться)*, *schreiten* — *шестьковать*, *schwanken* — *шататься*, *sich fortbewegen* — *двигаться*, *spazieren* — *гулять*, *stampfen* — *топать*, *wandeln* — *вышагивать*, *wandern* — *путешествовать*. Синонимический ряд представлен большим числом единиц; стимулы, которые вошли в психолингвистическую анкету, были отобраны по нескольким критериям: высокий показатель частотности; усложненная семантика — именно уникальные семы и, следовательно, специфичные реакции, полученные в ходе эксперимента, позволят установить основные отличия в репрезентации концепта движения в сознании носителей немецкого и русского языков; наличие коррелят в сравниваемой языковой системе. В состав анкеты не вошли лексические единицы с прозрачной внутренней формой, например *tänzeln* 'пританцовывать'. Кроме того, материалом для исследования послужат примеры употребления изучаемых глаголов из корпуса Берлинско-Бранденбургской академии наук DWDS [4] и НКРЯ [5].

Полученные данные обработаны в виде ассоциативно-вербальных полей слов-стимулов. Такая систематизация позволяет реконструировать фрагмент восприятия исследуемого концепта у носителей немецкого и русского языков и установить связи с другими онтологическими категориями. Параллельно с ассоциативным экспериментом проводился комплексный семантический анализ и пропозициональная интерпретация глаголов.

1. Болдырев Н. Н. Категориальное значение глагола: системный и функциональный аспекты. СПб., 1974. 171 с.
2. Goddard C.; Wierzbicka A. Global English, Minimal English: Towards better intercultural communication. Australian National University, Canberra, 2015. 19 p.
3. Вержбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 228 с.
4. DWDS — Korpora in dem Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/d/wb-dwdswb>.
5. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. В. Налетова

УДК 81'23

Анализ немецких сказок в психолингвистическом аспекте

М.С. Нечаева

Новосибирский государственный университет

Сказка — существующий на протяжении многих веков вид словесного творчества, весьма распространенный жанр искусства. Он содержит специфическую жизненную и социальную философию народа, сформировавшуюся под влиянием быта и истории. Текст сказки отображает индивидуальность нации через символы, языковые средства, образы и является результатом длительного развития мифопоэтических аспектов сознания и языка [1]. Эти аспекты обуславливают восприятие и интерпретацию сказки как особого текста, отражающего мировоззрение народа.

Целью нашего исследования является определение основных составляющих ментальности немецкого народа, выявление наиболее общих качеств и системы взглядов, характеризующих немцев.

В качестве материала исследования используются аутентичные тексты немецких сказок, таких как *Frau Holle* 'Госпожа Метелица', *Märchen von einem, der auszog das Fürchten zu lernen* 'Сказка о том, кто ходил страху учиться', *Aschenputtel* 'Золушка', *König Drosselbart* 'Король Дроздобород', *Die zwölf Brüder* 'Двенадцать братьев'.

Актуальность нашего исследования определяется тем, что психолингвистический подход к сказке позволяет нам выявить правдивые и ложные стереотипы о немецкой нации.

Проанализировав вышеупомянутые сказки, мы выделили ряд особенностей.

1. Немцы высоко ценят труд, много работают и осуждают безделье. Для них лень — главный порок, который нужно искоренять, и этот аспект немецкого менталитета отражается в сказке «Госпожа Метелица». Ее мораль заключается в том, что только труд может принести пользу и следует работать добросовестно. Кроме того, лень ассоциируется с уродством, а трудолюбие — с красотой: *Eine Witwe hatte zwei Töchter, davon war die eine schön und fleißig, die andere hässlich und faul* [2] 'У одной вдовы было две дочери: одна красивая и старательная, а другая — некрасивая и ленивая'.

2. Для немецкого народа значимы понятия «честность» и «справедливость». Немцы считают важным разделять все блага поровну и помогать обездоленным. Это отражено в сказке «О том, кто ходил страху учиться», где главный герой делит добытый клад на три части: одну часть золота отдает беднякам, другую королю, а третью забирает себе. В немецком обществе любая работа должна быть оплачена по заслугам, что и происходит в сказке «Госпожа Метелица» — труд одной сестры сравним с золотом, другой же — только с котлом смолы, его она и получает взамен.

3. Немцы считают, что добро нужно поощрять и ценить, люди должны вознаграждаться за благие дела и по всей строгости отвечать за скверные поступки. Так как непорядочного человека сложно исправить, логично наказать его, а не пытаться изме-

нить. Этот вывод можно сделать на основе сказки «Золушка», в которой злые сестры наказаны на всю жизнь слепотой, а кроткая Золушка становится женой принца.

4. Немцы трепетно относятся к семье, берегут семейные традиции. С семьей связано много суеверий, например, существует убеждение, что если момент создания семьи торжественный, то брак будет благополучным. Именно поэтому в немецких сказках свадьба описывается как пышный праздник, в частности в сказке «Король Дроздобород»: *Da kamen die Kammerfrauen und taten ihr die prächtigsten Kleider an, und ihr Vater kam und der ganze Hof, und wünschten ihr Glück zu ihrer Vermählung mit dem König Drosselbart, und die rechte Freude fing jetzt erst an* [3] 'Тут подошли к ней придворные дамы, нарядили ее в богатейшие наряды, и ее отец пришел, и весь двор; они желали ей счастья в брачном союзе с Королем Дроздобородом, и тогда началось настоящее веселье'.

5. В немецком менталитете особое место занимает понятие «индивидуализм». Немцам важно противопоставлять себя обществу, и этим обусловлены такие их качества, как решительность и самостоятельность. Этими чертами наделены персонажи сказки «Двенадцать братьев». Главные герои проявляют самостоятельность: сбегают из королевского замка в лес, находят пустой дом и начинают в нем жить, промышляя охотой.

Резюмируя, можно сказать, что немецкие сказки актуальны и сегодня и точно описывают культуру и качества народа Германии. Анализ этих текстов показывает, что немцы трудолюбивы, справедливы, порядочны, являются примерными семьянинами, а также обладают лидерскими качествами и ценят независимость.

1. Корнеева А. В., Кузина Е. В., Надеждина Е. Ю. Русские и немецкие сказки как объект анализа в исследовании менталитета нации // Язык и культура. 2023. № 61. С. 47–62.
2. Grimm J., Grimm W. Frau Holle. URL: https://www.grimmstories.com/de/grimm_maerchen/frau_holle (дата обращения: 03.02.2024).
3. Grimm J., Grimm W. König Drosselbart. URL: <https://www.grimmstories.com/language.php?grimm=052&l=ru&r=de> (дата обращения: 05.02.2024).

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. В. Налетова

УДК 81'23

Лингвистический анализ немецкой и английской политической лексики

К. А. Петрова

Новосибирский государственный университет

Одним из важнейших свойств слова является его способность отражать реальность. Политические события, культурные ценности, традиции — все это «отпечатывается» на лексике, и употребление определенного слова вызывает порождение целого ряда ассоциаций у носителя языка. Именно знание ассоциативных полей слов помогает приблизиться к глубинному пониманию значения слова и его сочетаемости.

Данная работа посвящена исследованию синонимичных лексем немецкого и английского политических языков: *Demokratie* — *democracy* 'демократия', *Staat* — *state* 'государство', *Ideologie* — *ideology* 'идеология', *Regierung* — *government* 'правительство', *Wahl* — *election* 'выборы', *Propaganda* — *propaganda* 'пропаганда', *Opposition* — *opposition* 'оппозиция', *Vaterlandsliebe* — *patriotism* 'патриотизм', *Politik* — *politics* 'политика', *Kundgebung* 'митинг, демонстрация' — *rally* 'митинг, ралли'.

Цель работы — выявление сходств и различий между ассоциативными полями лексем и их лексическими профилями.

Тема нашего исследования актуальна, так как лексемы несут в себе не только лингвистическую, но и экстралингвистическую информацию. Необходимо знать, какие концепты и реалии ассоциируются с лексемами в разных языках, для того чтобы успешно взаимодействовать. Таким образом, результаты нашего анализа могут использоваться в переводческой практике, а также при описании языковой картины мира немецко- и англоговорящего населения.

Наше исследование включало следующие этапы:

- 1) подбор синонимичных немецких и английских слов-стимулов языка политики;
- 2) составление ассоциативно-вербальных полей отобранных слов-стимулов на материале проекта «Сеть словесных ассоциаций» [1];
- 3) проведение количественного анализа слов-реакций;
- 4) выделение возможных причин несовпадения ассоциаций исследуемых языков;
- 5) проведение психолингвистического анализа ассоциаций и выделение сходств и различий между ассоциативными полями немецкого и английского языков;
- 6) отбор коллокаций к лексемам по критерию частотности из корпусов DWDS [2] и СОСА [3];
- 7) составление лексических профилей слов и их сопоставление.

При сопоставлении ассоциативно-вербальных полей синонимичных лексем немецкого и английского языков были сделаны следующие выводы:

- 1) ядро пересекающихся слов-реакций составляют универсальные понятия политического дискурса, например для слов-стимулов *Staat* — *State* 'государство' та-

кие реакции, как *Souveränität* — *Sovereignty* ‘суверенитет’, *Grundgesetz* — *constitution* ‘конституция’, *Autonomie* — *autonomy* ‘автономия, самоуправление’ и т. п. По нашим подсчетам, в среднем количество единиц, обозначающих лексемы политической сферы, составляет 39,5 %;

2) ассоциативные поля немецких и английский лексем объединяют слова-реакции, относящиеся к политическим режимам и деятелям XX в. Так, фамилия *Hitler* ‘Гитлер’ встречается пять раз среди немецких реакций на такие слова-стимулы, как *Ideologie* ‘идеология’, *Propaganda* ‘пропаганда’, *Opposition* ‘оппозиция’, *Politik* ‘политика’ и *Kundgebung* ‘митинг’, и три раза среди английских на слова-стимулы *ideology* ‘идеология’, *propaganda* ‘пропаганда’ и *rally* ‘митинг, ралли’;

3) различия между ассоциативными полями объясняются национально-культурной детерминированностью языка, т. е. слова-реакции обозначают культурные явления, политических деятелей, повседневные реалии, характерные для той страны, в которой говорят на исследуемом языке. К примеру, среди немецких ассоциаций *Bundestag* ‘Бундестаг’, *SPD* ‘Социал-демократическая партия Германии’, *Merkel* ‘Меркель’, а среди английских — *commonwealth* ‘содружество’, *Whig* ‘виг, либерал’, *Thatcher* ‘Тэтчер’ и др.

Следовательно, лексические профили синонимичных лексем сильно отличаются друг от друга (28,8 % совпадений в конструкциях N + N, N + V, Adj + N и др.). Например, для пары *Demokratie* — *democracy*: *stärken Demokratie* и *strengthen democracy* ‘укреплять демократию’, *Freiheit* и *freedom* ‘свобода’, *westliche Demokratie* и *western democracy* ‘западная демократия’ и т. д. Наибольший процент совпадений наблюдается в конструкциях N + V и V + N, а именно — 20 %.

Таким образом, это исследование показывает, что ассоциативные поля отобранных слов-стимулов объединяют конвенциональные политические понятия и лексемы, несущие в себе информацию о событиях XX в. Национально-культурная детерминированность лексики — причина, по которой ассоциативные поля различаются. Лексические профили синонимов также указывают на различия в употреблении немецкой и английской лексики.

1. Сеть словесных ассоциаций. URL: <https://wordassociations.net/ru/> (дата обращения: 11.02.24).
2. DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache). URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 11.02.24).
3. COCA (The Corpus of Contemporary American English). URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 11.02.24).

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. В. Налетова

УДК 811.111

Эволюция гендерной нейтрализации в английском языке на примере местоимений

В. С. Политина

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена анализу процесса гендерной нейтрализации в английском языке на примере изменений, произошедших в местоимениях.

Возникновение вопросов об использовании гендерно нейтральных местоимений связано с современными изменениями в обществе и прогрессирующими усилиями по достижению равноправия полов. Особенно это касается английского языка, обширно используемого для коммуникации в современном мире, проводится политика гендерной нейтрализации, чтобы сделать язык более политкорректным.

Английский язык изначально не был гендерно нейтральным: в древнеанглийском существительные делились на три грамматических рода: мужской, женский и средний. Грамматическая родовая система древнеанглийского языка с момента появления в письменных источниках находилась в шатком положении. Древнеанглийский был нижнезападногерманским языком, что означает, что он был склонен к потере флексии и, следовательно, к потере грамматического рода. Это связано с тем, что английский язык в своих самых ранних формах демонстрировал наличие сильного ударения на первом слоге корня большинства слов, что является важной особенностью во всех германских языках [1]. Поскольку ударение было на начальном слоге слова, к концу слова ударение стало постепенно теряться, «затухать». Это привело к постепенному «ухудшению» флективных окончаний, сначала за счет сокращения последних гласных до шва, а затем из-за потери многих конечных флективных согласных [2].

Нейтральное местоимение *he* появилось в английском не сразу. В прескриптивной модели Л. Мюррея [3] описано нарушение согласования чисел в предложениях, где они используются для обозначения неопределенного существительного в единственном числе, и Мюррей маркирует все такие ситуации как ошибочные [2]. В 1850 г. парламентский акт признал «корректность» использования нейтрального местоимения *he*, чтобы сократить юридические документы и прекратить использование словосочетания *he or she*, которое значительно отягощало текст и влияло на его длину. Этим актом далее стало руководствоваться движение за избирательное право для женщин, поскольку суфражистки утверждали, что использование местоимения *he* в актах голосования было общим и должно было включать в себя женщин.

Цель данной работы — выяснить, насколько успешно проходит политика гендерной нейтрализации английского языка, и исследовать принцип использования гендерно маркированных и гендерно нейтральных английских местоимений в современном языке.

Объект исследования данной работы — процесс гендерной нейтрализации в английском языке. Предмет исследования — изменение принципа использования местоимений среди людей, владеющих английским языком.

Наше исследование проводится на основе лингвистического эксперимента, вдохновленного простым заданием *Everyone loves __ mother*. Тестируемых разделили на две группы: те, для кого английский язык родной, и те, для кого он родным не является. Участникам эксперимента был предложен список предложений из корпусов *Corpus of Contemporary American English* и *British National Corpus* с пропущенными местоимениями. Предложения были с условием, что не будут упоминаться имена или так или иначе гендерно маркированные названия профессий, обозначения семейных ролей и т. д. Тестируемых попросили вставить местоимение, которое, по их мнению, подходило для данного пропуска.

При анализе полученного материала мы пришли к выводу, что тенденция гендерной нейтрализации английского языка больше влияет на молодое поколение, поскольку среди ответов гендерно нейтральное местоимение *they* чаще выбирали люди младше тридцати лет. Люди старше чаще склонялись к выбору гендерно маркированных местоимений, однако среди женщин старше тридцати лет также прослеживалось более частое употребление гендерно нейтральных местоимений, чем среди мужчин той же возрастной категории. Также выбор в большинстве случаев зависел от прагматики и/или эмоциональной окраски предложения. В примерах с профессиями преобладал выбор местоимения *he*, а если речь шла о семье, тестируемые чаще выбирали местоимение *she*. Это свидетельствует о том, что гендерные роли все еще закреплены в сознании людей, но благодаря политике политкорректности и тенденции нейтрализации больше людей приходит к осознанию того, что традиционные гендерные метки не всегда точно отражают реальность и слабо подходят для понимания комплексности человеческого опыта.

1. Baugh A. C., Cable T. *A History of the English Language* 6th ed // Authorized British ed. Abingdon, Routledge. Chicago, 2006.
2. Curzan A. *Gender Shifts in the History of English*. Cambridge University Press, 2003.
3. Murray L. *English Grammar*. Philadelphia: J. B. Lippincott & co, 1860.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. С. Г. Проскурин

УДК 811.112.2'36

Использование модальных глаголов в объективном и субъективном значениях в немецкоязычной художественной литературе

В. Д. Трофимова

Новосибирский государственный университет

Понятие категории модальности в современной лингвистике трактуется неоднозначно в связи с большим числом семантических значений и разнообразием средств ее выражения. Существует много нерешенных вопросов, например четкое разграничение видов модальности и особенности использования модальных глаголов в текстах разных функциональных стилей немецкого языка.

Цель данного исследования — выявление особенностей использования модальных глаголов в объективном и субъективном значениях в немецкоязычной художественной литературе. Для этого были проведены контекстуальный и количественный анализ материалов, а также классификация полученных данных.

Источником материала исследования послужил корпус DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache), а именно DWDS-Kernkorpus 21 (2000–2010), подкорпус Belletristik. Методом сплошной выборки было выделено 50 контекстов употребления каждого из шести модальных глаголов, в совокупности проанализировано 300 контекстов их употребления.

Используя модализированное предложение, говорящий не делает непосредственного заявления о реальности, а представляет ситуацию как необходимую или возможную относительно определенного контекста речи — норм, желаний, совокупностей знаний, фактических обстоятельств и т. д. [1].

Категория модальности может быть выражена разными средствами: наклонениями и временными формами глагола, модальными словами, вводными конструкциями, интонацией или модальными глаголами.

В грамматике германских языков модальными глаголами называется морфологический класс претерито-презентных глаголов с семантикой необходимости и возможности [2]. В современном немецком языке к данному классу относятся глаголы *dürfen*, *können*, *sollen*, *müssen*, *wollen*, *mögen*.

В 23 контекстах *dürfen* встречается в нашем материале в объективном значении возможности, обусловленной разрешением, которое может исходить как извне, так и от самого субъекта действия. Другим частым значением является запрет (21 случай). В субъективном значении *dürfen* встречается в 4 контекстах и выражает предположение.

Глагол *können* в более чем половине случаев употребления имеет значение возможности, обусловленной объективными обстоятельствами или врожденными или приобретенными способностями. В 13 контекстах *können* используется с отрицанием и указывает на невозможность какого-либо действия из-за различных факторов. Редко (два случая употребления) данный глагол встречается в предположениях, которые указыва-

ют на возможность какого-либо события, и всего в одном контексте *können* обозначает запрет. В субъективном значении средней степени уверенности *können* используется только в двух случаях.

Глагол *sollen* в нашем материале имеет наибольшее разнообразие значений. В 10 контекстах он обозначает будущее в прошлом и используется в форме Präteritum. Значение необходимости, основанной на чужой воле, а также необходимости, обусловленной нормами, ожиданиями и т. д., советы и рекомендации, обозначение планов и намерений встречаются наиболее часто. Другие значения данного глагола встречаются реже. В субъективном значении пересказываемости ситуации *sollen* употребляется только в 2 случаях.

В половине проанализированных контекстов глагол *müssen* встречается в значении необходимости, которая обусловлена внешними факторами, 8 случаев употребления — необходимость, которую осознает сам субъект действия. В 5 случаях данный глагол используется с отрицанием для обозначения отсутствия необходимости в чем-либо. Также *müssen* в нашем материале выражает значение произвольных действий и обязательных к соблюдению рекомендаций и советов (4 и 3 случая соответственно). В субъективном значении *müssen* используется в 5 случаях и обозначает высокую степень уверенности.

Глагол *wollen* встречается преимущественно в значении желания, намерения. В 8 контекстах данный глагол используется в сочетании с отрицанием и указывает на отсутствие желания. В субъективном значении *wollen* в нашем материале не употребляется.

Наиболее частым в проанализированных контекстах употреблением глагола *mögen* является обозначение стремлений, желаний, потребностей (15 случаев). В 11 контекстах *mögen* выражает предпочтение, в 6 — побуждение или пожелание. В сочетании с отрицанием данный глагол встречается в 5 случаях и обозначает отсутствие потребности в чем-либо. В субъективном значении допущения, неуверенности *mögen* употребляется в 9 контекстах.

Таким образом, в текстах художественной литературы преобладают объективные значения модальных глаголов.

1. Duden. Bd. 4: Die Grammatik. Unentbehrlich richtiges Deutsch: nach den Regeln der neuen deutschen Rechtschreibung. 2006. 7. 1343 S.
2. Егорова О. В. Модальные глаголы немецкого языка как грамматические прецедентные единицы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2017. 22 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук А. С. Центнер

СТИЛИСТИКА И ПЕРЕВОД

УДК 81'4

An Analysis of the Translation of Occasional Collocations in Marina Tsvetaeva's Works in English

L. A. Dudova

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Moscow

Collocations are a natural combination of words. They play a vital role in every language since collocations help people speak and write in a more natural and accurate way [1]. Occasional collocations are of greatest interest to linguists. The reason is that in these collocations one of the types of compatibility is violated in order to attract readers' attention [2]. The report is devoted to examine and to analyze the translation of several occasional collocations in Marina Tsvetaeva's works in English. The following methods were used in this study: sampling, analysis of dictionary definitions and comparative analysis.

There are some occasional collocations in Marina Tsvetaeva's works.

1. *Удушливой волной* (e.g. *и не краснеет удушливой волной*). This collocation was used in Marina Tsvetaeva's poem "I like that you are not in love with me..." [3]. Robin Kallsen (the translator of the poem from Russian into English) interpreted the sentence containing this collocation as "and not flush red with ardent modesty". It would be incorrect to translate this collocation literally. As L. S. Barkhudarov said, literal translation is "translation carried out at a lower level than the one that is sufficient to convey an unchanged content plan while observing the norms of the translating language" [4]. Comparing the source text and the translation language, we can see that Marina Tsvetaeva, using this collocation, colourfully shows that she does not feel heavy in her soul next to her loved one. In the English version, the interpreter describes more of a feeling of modesty, using the verb "flush" (become red in the face, especially as a result of strong emotions [5]).

2. *Гранитные колена* (e.g. *дробясь о гранитные ваши колена*). This collocation was used in the poem "Some — made of stone, others — of clay..." [6]. It was translated by the interpreter Andrey Kneller as "knees made of stone". It can be seen that the Russian version is more expressive than the English one. In the English translation the interpreter compares the knees to a stone, while Marina Tsvetaeva uses the word "granite", showing that she meets all sorts of people on her way. However, in the following lines (*Я с каждой волной — воскресаю! — But each coming wave sets me free*) she describes that, despite public opinion, she does not give up and remains unconvinced.

3. *Веселая пена* (e.g. *высокая пена морская*). This collocation was also taken from the poem "Some — made of stone, others — of clay...". It was translated as "lively foam". In this case the interpreter more accurately displayed the meaning of this collocation, using the word

“lively” (full of energy and enthusiasm) [5]. The reason is that in this poem Marina Tsvetaeva associates herself with the foam and assigns human traits [7].

4. *Звенящий бег* (e.g. *не радуется ни утро, ни трамвая звенящий бег*). This collocation was sampled from the poem “I do not think, I’m not complaining, do not argue...” [8]. The interpreter Rolf W.F. Gross found it necessary to transform this collocation into two gerunds — “ringing and running” (e.g. *not the delights in the morning, nor the tram’s ringing and running*). It also suggests that in this case it is difficult for the interpreter to translate this collocation literally, that is why he decided to use an easier method so as not to disturb the author’s thought.

Thus, collocations lose their function when translated into another language. The meaning takes on a different connotation. In the Russian version, these collocations indicate the expressiveness and colorfulness of the text, more accurately describing the state of the poetess, while the English translation reduces it.

1. McCarthy M., O’Dell F. English Collocations in Use. Intermediate. Cambridge, 2017. 190 p.
2. Vlavatskaya M. V., Korshunova A. V. Occasional collocations in the functional-semantic aspect. Novosibirsk, 2016. P. 21–32.
3. Tsvetaeva M. I like that you are not in love with me. 1915. URL: <https://ruverses.com/marina-tsvetaeva/i-like-that-you-are-not-obsessed-with-me/5565/> (accessed 16 February, 2024).
4. Barkhudarov L. S. Language and translation. Moscow, 1975. 240 p.
5. Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed 16 February, 2024).
6. Tsvetaeva M. Some — made of stone, others — of clay. 1920. URL: <https://ruverses.com/marina-tsvetaeva/who-s-made-of-stone/4223/> (accessed 16 February, 2024).
7. Litrekon. URL: <https://litrekon.ru/analiz-proizvedenij/kto-sozdan-tsvetaeva/> (accessed 16 February, 2024).
8. Tsvetaeva M. I do not think, I’m not complaining, do not argue. 1914. URL: <https://ruverses.com/marina-tsvetaeva/i-never-think-or-argue/7101/> (accessed 16 February, 2024).

Научный руководитель — М. Д. Красоцкая

УДК 81'25

Newspeak в переводах романа Дж. Оруэлла «1984» на французский и русский языки

Л. С. Амирагян

Новосибирский государственный университет

В данной работе анализируется перевод слов Newspeak — искусственно созданного в рамках романа Дж. Оруэлла «1984» пропагандистского языка, для которого характерны эвфемизмы, иносказания, искажение привычных значений слов, замена одного слова другим, а также проводится сравнение этих переводов с оригинальным текстом. Актуальность темы подтверждается растущим в последнее время интересом читателей к данному роману, а также недавней публикацией нескольких вариантов новых переводов на разные языки. Больше половины переводов романа на русский язык приходится на последние три года: с 2021 г. в России было издано 7 новых переводов романа из 13 когда-либо существовавших. Во Франции же перевода всего два — первый, изданный в 1950 г., и сравнительно недавний 2018 г.

Целью данной работы является выявление причин, по которым издаются новые варианты перевода рассматриваемого романа на разные языки, в частности в цвете переписывания классиков. За основу этой работы взято 5 версий романа «1984»: оригинал Дж. Оруэлла (1949 г.), первый французский перевод Амели Одиберти (1950 г.), второй французский перевод (2018 г.) Жозе Камун, два перевода на русский язык — Виктора Гольщева (1989 г.) и Леонида Бершидского (2023 г.) [1–5].

Повторный перевод предполагает сосуществование различных вариантов перевода одного и того же текста, созданных различными переводчиками в различные социально-исторические периоды. К факторам, мотивирующим появление повторных переводов, часто относятся те, что имеют идеологический и политический характер, а также желание переводчика осуществить перевод, который станет лучше существующего и в котором он предложит свое понимание оригинала.

Методом сплошной выборки из романа было выделено 33 неологизма, в совокупности составляющих 165 слов, подлежащих полному анализу. Также был проведен анализ четырех версий перевода раздела под названием *The principles of Newspeak*, включающих в себя три словаря, разделенных по способам употребления. В ходе анализа выяснилось, что во французских вариантах Newspeak иногда прослеживается полное переводческое совпадение, однако чаще всего переводы сильно разнятся.

Обе версии перевода на русский язык значительно отличаются друг от друга, поэтому в результате анализа не было замечено ни одного переводческого совпадения. Интересной деталью является то, что даже перевод ключевого в романе слова *Newspeak* различается: *Новояз* (пер. Гольщева) и *Новоречь* (пер. Бершидского). Такую же модификацию перенес этот термин во французских переводах: *Novlangue* (пер. Одиберти) и *Néoparler* (пер. Камун). В ранних переводах встречаются лексические единицы, логи-

чески не соответствующие оригиналу, что впоследствии и было изменено в новых переводах: *Pornosec* (от англ. *porn* и *section*) — *Pornosex* (от фр. *porno* и *sexe*) — *Pornunit* (от фр. *porno* и *unité*), *Thoughtcrime* — *Мыслепреступление* — *Криводум*. В последнем случае термин *Мыслепреступление* логически не соответствует принципам Newspeak, прописанным в приложении, согласно которым слова, входящие в словарь, не должны быть длиннее трех слогов.

Можно предположить, что повторный перевод рассматриваемого романа был вызван несколькими факторами, присущими переводной множественности, а именно: попыткой предложить новый перевод, поскольку с момента выхода последнего прошло много времени (особенно в случае с французскими изданиями), резко возросшим интересом читателей к этому роману, а также желанием точнее передать семантику слов, составляющих Newspeak, в том числе предложить новый перевод слов, попросту калькированных в первых изданиях.

Таким образом, можно прийти к выводу, что все переводчики проделали огромную работу для того, чтобы передать смысловое содержание слов, представленных в Newspeak, на своем родном языке. Однако хотелось бы отметить, что новые переводы местами более точные, чем старые, они лишены логических ошибок, более образны, а потому воспринимаются читателем проще, внутренняя форма слов и их смысл понятнее. При этом стоит отдать должное авторам ранних переводов за столь качественно проделанную работу, хотя им и пришлось столкнуться с большими трудностями.

1. Orwell G. 1984. N. Y.: Signet Classics, 1949. 312 p.
2. Orwell G. 1984 / traduit de l'anglais par Amélie Audiberti. Paris: Gallimard, 1950. 447 p.
3. Orwell G. 1984 / traduit de l'anglais par Josée Kamoun. Paris: Gallimard, 2018. 389 p.
4. Orwell G. 1984 / пер. с англ. Л. Бершидского. М.: Альпина Паблишер, 2023. 382 с.
5. Orwell G. 1984 / пер. с англ. В. Гольшева. М.: АСТ, 2020. 318 с.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. М. Дебрэнн

УДК 81'25:81'38

Особенности перевода дневниковой прозы на примере романа Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла»

А. Е. Белошейкина

Новосибирский государственный университет

«Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» — эпистолярный роман английской писательницы и поэтессы Энн Бронте. Роман считается одним из первых феминистских произведений, так как в нем поднимается тема неравенства полов и положения женщины в обществе.

Дневниковая проза — особый жанр, соединяющий в себе повествование о происходящих вокруг автора событиях и глубокую внутреннюю рефлексию. Несмотря на свою субъективность и описание событий только с одной стороны обзора, мы можем сделать множество выводов о характере героя, проследить все изменения, личностный рост, перемены в мировосприятии. В этой работе мы рассмотрим особенности стиля дневниковой прозы, как менялся стиль со временем и относительно происходящих событий, а также обратим внимание на перевод дневника с английского на русский язык.

Роман можно разделить на три части, первая и последняя из которых идут от лица Гилберта Маркхема, изначально наблюдателя за жизнью главной героини, а затем и непосредственного ее участника. Разделяет размышления Гилберта личный дневник Хелен Грэхем, который читает главный повествователь романа, как мы узнаем, уже после всех произошедших событий. Именно дневник героини с точки зрения его стиля и дальнейшего перевода представляет для нас наибольший интерес.

Дневник героини — практически синхронное отражение ее мыслей, чувств и эмоций. Такая своевременность изложения гарантирует честную и достоверную передачу происходящего вокруг и внутри Хелен: *And I went; but my brain worked so, I could not think of sleeping. I feel calmer now that I have written all this; and I will go to bed, and try to win tired nature's sweet restorer.* За отсутствием действительно близкого и понимающего человека рядом, дневник очень помогает героине справиться с эмоциями, даже сон не представляется возможным без излияния души на бумагу. Примечательно, что в русском переводе часть *but my brain worked so, I could not think of sleeping* выглядит как «но мой мозг был в таком лихорадочном возбуждении, что я и подумать не могла о том, чтобы лечь», то есть работа мозга дополнительно приукрашивается и добавляется еще большая эмоциональность.

Фокус дневника постепенно смещается с чувств и мыслей о себе (*and I went down to enjoy it, in a quiet ramble, in a company with my own blissful thoughts*) до попыток угодить Артуру, ее мужу, который сместил все внимание на себя (*to please him I had to violate my cherished predilections, my almost rooted principles*). Это находит отражение в местоимениях — к естественному, частому для дневника *I* подмешивается огромное

количество *he, him, his: I must... fearing to disappoint him; satisfy his expectations; he seemed/discovered/appeared*. Хелен становится зависимой от мнения и действий мужа, попав, к сожалению, под влияние не самого честного человека.

Стиль дневника Хелен разнообразен: мы видим и юную девушку, и мудрую женщину, которая сталкивается с давлением и предрассудками общества, но при этом можем явно различить как меняется отношение самой героини к этим ожиданиям: от безмолвного подчинения до страшного осознания и гордого противостояния, и все это выражается изменениями в стиле. Именно поэтому такая неоднородность стиля создает пространство для разных переводческих интерпретаций, которые представляют наибольший интерес для исследования.

Научный руководитель — канд. филол. наук Н. О. Ласкина

УДК 81'42

Роль экспрессивных речевых актов в создании художественного образа персонажа: переводческий аспект

С. С. Гапоненко

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена исследованию экспрессивных речевых актов (ЭРА) в художественном дискурсе, а именно особенностям их перевода.

Актуальность обусловлена распространенностью экспрессивных речевых актов в повседневной жизни, всеобщим интересом к их особенностям в художественном дискурсе. Более того, ЭРА представляют особый интерес в вопросе их перевода, так как экспрессивность является неотъемлемой частью каждой художественной работы.

Цель работы — определить, как экспрессивы влияют на создание художественного образа персонажа и насколько данный образ сохраняется при их переводе на русский язык.

Материал исследования составляет 31 речевой акт из романа Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие!». Основными **методами** исследования являются дискурсивный, стилистический, а также нарратологический. При выявлении речевых актов использовался метод сплошной выборки.

Под экспрессивными речевыми актами, согласно Н. А. Трофимовой, понимается «класс речевых действий, которые отличаются тем, что их исполнитель в своих действиях выражает внутреннее состояние определенного типа — а именно “чувства”, “эмоции”, “мнения” в широком смысле слова» [1].

Проанализировав эмпирический материал, мы пришли к следующим результатам.

1. Экспрессивные речевые акты могут быть формальными или иметь искренний посыл. Мы выявили 22 случая употребления ЭРА в виде клише. В выбранном нами романе все клишированные акты принадлежат главному герою, что позволяет предположить, что он представляет собой вежливого, учтвого человека. Больше всего об этом говорят акты положительного пожелания (15) и комплимента (4). Для более глубокого анализа образа персонажа мы исследовали девиантные случаи употребления актов (23). При анализе каждого типа ЭРА мы пришли к выводу, что каждый из них по-разному влияет на образ. Так, например, речевой акт комплимента позволяет сказать, что Фредерик Генри умеет расположить к себе людей и построить диалог. Акты положительного пожелания, соболезнования и сожаления свидетельствуют о том, что главный герой представляет собой человека, который ценен в обществе. Он, красив, умен, ловок, о чем говорят комплименты от него, извинения и благодарность. Он умеет использовать тонкие психологические манипуляции с целью достижения желаемого, например *All my best wishes and many thanks* [2, с. 89], где главный герой благодарит за оказанную услугу, или *“I’m sorry, Tenente,” said Manera* [2, с. 53], где второстепенный герой просит прощения у главного.

2. Клишированность и искренность зависит от прагматической ситуации и анализа отношений между участниками. Так, например, в случае комплимента его любимой женщине акт приобретает искренность “*You have beautiful hair;” I said.* [2, с. 18]. При этом, когда главный герой делает комплимент медсестрам, акты представляют собой клише *You are awfully nice to me* [2, с. 79]. В первом случае герою важно мнение его женщины, ее чувства, так как идет речь о построении романтических отношений. Во втором же случае интенция — установить контакт и оставить о себе впечатление вежливого человека.

3. При анализе речевых актов важно учитывать хронотоп произведения. Действие происходит в Италии, куда главный герой отправляется добровольцем на фронт во время Первой мировой войны. Данный факт влияет на экспрессивные речевые акты. Так, все акты благодарности, которые мы анализировали, принадлежат главному герою. Они являются девиантными, так как для главного героя благодарность нехарактерна. Он представляет собой строгого мужчину, который живет в военное время.

4. При переводе мы выявили, что под влиянием переводческих трансформаций экспрессивные акты не подвергаются серьезным изменениям, т. е. тип и вид акта в исходном тексте практически не отличаются от переведенного варианта. 28 из проанализированных нами актов практически не изменились после перевода. Однако все же в 3 случаях происходят изменения. Два из них связаны с изменением типа воздействия на адресата, т. е. при переводе косвенный акт преобразуется в прямой: *I appreciate it very much* [2, с. 89] — *Я вам очень благодарен.* В таких случаях используется переводческая трансформация замены следствия причиной и наоборот. И в одном случае изменение связано с индексом искренности. “*Good evening*” — *I said* [2, с. 21] — «До свидания», — *попрощался я.* При переводе акт утрачивает искренность и переходит в этикетную форму выражения.

1. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты. Семантический, прагматический, грамматический анализ. СПб.: ВВМ, 2008. 376 с.
2. Hemingway E. London: Vintage books, 2005. 293 p.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. В. Шилова

УДК 81'25

**Переводческие трудности при закадровом переводе
научно-популярного фильма (на материале немецкой
телевизионной передачи Galileo)**

А. С. Гостев

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ

Цифровые технологии меняют наш мир с каждым годом все сильнее. Пользователи интернета активно поглощают иностранный видеоконтент, который нуждается в аудиовизуальном переводе. Прогресс в областях аудиовизуального перевода (АВП) позволяет постоянно открывать для себя что-то новое, связанное с использованием технологий обработки текста и видео. Цель данной работы заключается в описании переводческих трудностей при закадровом переводе научно-популярного фильма. Материалом исследования послужил научно-популярный фильм Galileo: 10 Fragen an... einen Chefarzt [1].

Одним из видов АВП является закадровый перевод, под которым понимается вид озвучивания, предусматривающий создание дополнительной речевой дорожки, которая накладывается на оригинальную [2]. Особенности построения и восприятия аудиовизуального произведения определяют специфику их перевода, который, согласно теории АВП, рассматривается как когнитивно-ориентированный [3].

Основными компонентами когнитивно-ориентированного перевода, которые определяют специфику закадрового перевода фильма Galileo: 10 Fragen an einen Chefarzt, являются полимодальность произведения, доминанта динамической эквивалентности, сюжетность построения исходного нарратива.

В полимодальном аудиовизуальном произведении зритель воспринимает информацию по аудиальному и визуальному каналу, при этом доминирующим является визуальный канал. АВ-переводчик должен учитывать это, добиваясь динамической эквивалентности (в понимании Ю. Найды), т. е. соответствия реакции реципиентов оригинала и перевода.

Рассмотрим следующий пример.

Оригинал	Полный эквивалентный перевод	Адаптированный перевод
<i>Zum Essen bleibt da nicht wirklich Zeit. Deshalb gibt es bei Doktor Walter die obligatorische Butterbrezel</i>	Времени на обед не остается. Поэтому у доктора Вальтера всегда с собой крендель с маслом	Времени на обед не остается. Поэтому у доктора Вальтера всегда с собой перекус

В немецкой культуре крендель («брецель») с маслом — это традиционное и популярное изделие для перекуса, что для русскоязычного зрителя может показаться несколько странным. И учитывая то, что в данном контексте неважно, что ест герой, было принято решение заменить это словосочетание на «перекус», тем более что это подчеркивается видеорядом.

Одной из важных составляющих АВ-произведений является их сюжет. В нашем случае переводчику необходимо сохранить формат интервью и стилистику живой речи.

Рассмотрим следующий пример.

Оригинал	Полный эквивалентный перевод	Адаптированный перевод
<i>Ja, schon. Also ich fühle mich schon stolz. Ich kann jeden Abend in den Spiegel und jeden Morgen in den Spiegel schauen</i>	Да, это так. Я чувствую гордость. Я могу смотреться в зеркало каждый вечер и каждое утро	Да, это так. Я чувствую гордость. Мне не стыдно за свою профессию

Конкретно в этом случае изначально переводчик передал фразу *In den Spiegel schauen können* дословно. Он руководствовался тем, что «хирургу не может быть стыдно за свою профессию». Однако в процессе анализа видеоряда, мимики и жестов спикера стало понятно, что речь идет именно о стыде.

Следующий пример развивает идею взаимосвязи видеоряда и текста.

Оригинал	Полный эквивалентный перевод	Адаптированный перевод
<i>Für die Kinder ist auch noch Platz, wir haben Zeit, manchmal beschwert sie sich schon</i>	У нас еще есть время для детей и на выслушивание жалоб	У нас еще есть время для детей, и она иногда жалуется

В отрыве от видеоряда первый перевод вполне может быть легитимным. Однако в этот момент в кадре появляется жена спикера, и отсылка к ней выглядит более логичной. Кроме того, самой распространенной трудностью является укладка текста в тайминги, чтобы диктор не выходил за рамки оригинала.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что стратегия когнитивно-ориентированного перевода заключается в первую очередь в тщательном анализе оригинального произведения и целевой аудитории произведения-перевода. Благодаря ему переводчик становится в один ряд с авторами оригинала и доносит их идеи до носителей другой культуры.

1. Wie viel verdient ein Chefarzt? 10 Fragen an... einen Chefarzt. URL: https://www.youtube.com/watch?v=6GBdQ2_aDeA&t=216s&ab_channel=Galileo (дата обращения: 12.12.23).
2. Аносова Н. Э. Закадровый перевод и субтитрование: особенности и перспективы // Международный электронный научный журнал. 2018. № 1. С. 179–182.
3. Козуляев А. В. Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. М., 2019. 228 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. Б. Самбуева

УДК 81'25

**Сибирский текст: переводческий аспект
(на материале книги В. Йоста «Из Японии в Германию через Сибирь»)**

В. А. Григорьева

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ

Данная работа посвящена исследованию сибирского текста с точки зрения переводоведения. Актуальность данной работы обусловлена тем, что в начале XXI в. наблюдается рост интереса к переводам, их цифровизация и, следовательно, увеличение объемов перевода различных типов. Поэтому необходимо подготовить переводчика-эрудита, который должен обладать широким кругозором и знанием не только языков, но и различных областей человеческой деятельности, а также мировой и национальной культуры.

Переводческий процесс — это деятельность интерлингвокультурная, следовательно, от переводчика требуется активное владение не только информацией о культурной жизни других народов, но и собственной культурной информацией.

Одним из ключевых понятий в нашей работе является «этнотекст», который можно определить как «дискурс коллектива о себе самом» [1].

Одним из видов этнотекста является сибирский этнотекст, однако эти понятия имеют некоторые различия. Сибирский текст можно рассматривать как «дихотомическое понятие: это текст, созданный в Сибири, в рамках сибирской культуры, и текст о Сибири» [1]. Это понятие является одновременно историческим и культурным. В то время как сибирский текст тесно связан с территориальной идентичностью, этнотекст связан с культурной идентичностью. Сибирский этнотекст включает в себя русскоязычные и иноязычные научно-популярные тексты о Сибири, художественные тексты сибирских авторов о Сибири, а также художественные тексты зарубежных авторов, описывающие Сибирь [1].

Целью данной работы является описание некоторых трудностей, возникающих при переводе сибирского текста. Материалом данного исследования послужила глава под названием «Верхнеудинск и поездка в Кяхту» (*Werchne Udinsk und Ausflug nach Kjachta*) из книги немецкого профессора Кёльнского университета и путешественника Вильгельма Йоста «Из Японии в Германию через Сибирь» (*Aus Japan nach Deutschland durch Sibirien*), написанная по материалам ежедневных дневниковых записей и опубликованная в 1883 г. [2].

Жанр произведения — травелог. Исследователи отмечают сложность травелога, который включает разнообразные формы, такие как легенды, исторические хроники, отчеты экспедиций, путевые письма, и сочетает элементы различных жанров и дискурсов. Исследуемое нами произведение, с одной стороны, повествует о путешествии, с другой стороны, показывает жизнь общества в Сибири в конце 19-го века, а также восприятие путешественником чужой культуры, в нашем случае Сибири.

Исследование выявило следующие факторы, усложняющие перевод: готический шрифт, время создания оригинального текста (XIX в.) и полижанровость травелога.

Переводчику требуется знание истории, культуры и образа жизни соответствующего периода, а также умение сохранить разнообразие жанров и авторские переживания при переводе травелога.

При переводе был обнаружен ряд следующих переводческих трудностей.

1. Использование автором большого количества реалий для описания типичных явлений сибирской культуры, которые он включает в текст как иноязычные транскрибированные вкрапления, давая в тексте сразу эквивалент на немецком языке. Например, *Smatritel* (Aufseher ‘смотритель’), *Pissar* (Schreiber ‘писарь’), *Jämschtschik* (Kutscher ‘ямщик’). Их основная функция — номинативная. Однако в большинстве случаев они несут эмоционально-стилистическую нагрузку. Автор показывает свое отношение к этим явлениям культуры. При переводе на русский язык, к сожалению, экспрессивно-стилистическая функция теряется.

2. Как и в большинстве травелогов, исследуемый нами текст содержит большое количество топонимов в их транскрибированной форме. В некоторых случаях названия написаны неправильно, что требует особой внимательности переводчика. Например, *Selinga* (верное написание *Селенга*), *Trois-Kosawsk* (*Троцкосавск*, ныне Кяхта), *Werchne Udinsk* (*Верхнеудинск*, ныне Улан-Удэ).

3. Не менее важно передать эмоциональную информацию, что будет соответствовать авторскому отношению. Например, *Von dem Feuer blieben leider die ältesten und hässlichsten Viertel verschont* ‘К сожалению, самые старые и уродливые кварталы не пострадали от пожара’, *geschmacklose Arkaden* ‘безвкусные аркады’ и др. Точность в передаче авторского видения является необходимым условием для жанра травелога.

Перевод сибирских текстов обеспечивает доступ представителям других культур к уникальным культурам Сибири.

1. Разумовская В. А. Этнопереводоведение как новое направление гуманитаристики // Сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч.: в 2 т. Т. 2. М.: Р. Валент, 2023. С. 79–87.
2. Joest W. Aus Japan nach Deutschland durch Sibirien. Köln: M. DuMont Schauberg, 1887. 243 S.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. Б. Самбуева

УДК 81'42

Межсемиотическая адаптация литоты на материале произведений англоязычной литературы и их экранизаций

Д. А. Гурьянова

Новосибирский государственный университет

Начало XXI в. отметилось стремительным развитием кинематографа, благодаря чему популярностью пользуются киноадаптации художественных произведений. Просмотр фильма занимает меньше времени и позволяет ознакомиться с сюжетом оригинала. Основная задача сценариста при этом заключается не только в том, чтобы верно изложить события книги, но также в том, чтобы передать уникальный стиль автора.

Так, например, литота, как один из наиболее интересных стилистических приемов, представляет собой троп, основанный на сопоставлении двух разнородных предметов (явлений) с обязательным наличием отрицательного лингвистического компонента. В наиболее общем определении литота — это прием, который «более или менее уменьшает вещь» [1]. Литота в тексте обладает большим эмоциональным весом — употребляется сравнительно редко, только в наиболее напряженные моменты или для яркой характеристики персонажа.

Киноадаптация книги, являясь примером полимодального текста, обладает большим арсеналом приемов, помогающим передать атмосферу оригинала. При прочтении книги читатель взаимодействует только с литературными средствами выразительности, а в кинотексте присутствуют как лингвистические (вербальные), так и нелингвистические (невербальные) знаки: звуковые (музыка, речь персонажей), визуальные (надписи, интерьер). Кроме того, существует особая система кинематографических приемов (движение камеры, освещение). Весь этот арсенал может быть использован для передачи посыла произведения и индивидуального стиля автора.

Целью нашего исследования является выявление дискурсивного потенциала литоты посредством стилистического и полимодального анализа данного экспрессивного средства на материале художественных произведений разных авторов и их экранизаций.

В качестве языкового материала был выбран ряд литот из произведений *Hamlet* (W. Shakespeare), *Romeo and Juliet* (W. Shakespeare), *The Importance of Being Earnest* (O. Wilde) и др. Мы решили рассмотреть именно эти произведения, так как они считаются одними из наиболее важных для развития литературного английского языка.

Всего мы проанализировали 38 контекстов с литотами в художественных произведениях и их экранизациях.

В процессе исследования мы обнаружили, что межсемиотической адаптации литоты подверглись по-разному — некоторые цитаты опускались (56 %), некоторые были изменены (был изменен текст реплики или она прозвучала в другом контексте) (8 %), 6 — перенесены на экран без изменений (36 %).

Мы выяснили, что несмотря на то что адаптация текста в экранизациях — это использование совокупности коммуникативных и кинематографических модусов, использованы они неравномерно. Модус интонации мы выделяем как центральный. Сопутствующими важными модусами мы считаем модусы мимики и взгляда, которые всегда неразрывно связаны с процессом человеческой речи.

Так, мы рассмотрели литоту из пьесы У. Шекспира Hamlet: *He hath not fail'd to pester us with message / Importing the surrender of those lands / Lost by his father, with all bonds of law / To our most valiant brother.* В экранизации 1990 г. цитата была опущена, в экранизации 2009 г. — перенесена без изменений. Экспрессивность литоты *hath not fail'd to pester* была передана с помощью интонации, избранной актером, — слова *hath, not, fail'd* произнесены четко и громко, между ними выдержаны короткие паузы, которые замедляют общий темп предложения, привлекая к себе внимание зрителя. Этот эффект усиливается жестикуляцией — при произнесении слов *hath, not* и *fail'd* актер ритмично кивает головой, таким образом визуально делая акцент на каждом отдельном слове.

В качестве другого примера мы взяли цитату из пьесы О. Уайлда The Importance of Being Earnest: *You know that I love you, and you led me to believe, Miss Fairfax, that you were not absolutely indifferent to me.* В обеих рассмотренных адаптациях цитата была воссоздана без изменений. При анализе мы обратили внимание на практически идентичную позу и интонацию актеров — между словами *absolutely, not* и *indifferent* выдержаны паузы. Так, мы пришли к выводу, что экспрессивным центром в цитате является именно литота — необычное использование отрицания как привлекает внимание слушателя, так и позволяет говорящему вложить в свои слова больше эмоциональности.

Таким образом, в процессе исследования мы обнаружили, что литота обладает большим экспрессивным потенциалом, который выполняет сразу несколько функций: выразить смущение, скрыть волнение и беспокойство и т. д. При реализации этого приема в киноадаптации происходит его преобразование в полимодальный текст. Кроме того, мы обнаружили, что общим для всех адаптаций было выделение (с помощью интонации, жестикуляции, мимики) отрицательного компонента в литоте как логического и экспрессивного центра.

1. Fontanier J.P. Les figures du discours. Paris: Flammarion, 1968.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. В. Шилова

УДК 81'25

Особенности перевода юмористического дискурса ситкомов: компаративный аспект (на материале сериала «Друзья»)

З. В. Демидова

Новосибирский государственный университет

В современном мире американские комедийные сериалы набирают большую популярность не только среди молодежи, но и взрослых людей. В свою очередь, появляется потребность в качественном переводе юмористического материала, поэтому важными задачами переводчика являются адаптация шуток и достижение комического эффекта.

Актуальность данной работы обусловлена широким распространением среди русскоговорящих зрителей англоязычного контента (сериалов и фильмов), который требует перевода. Особую сложность для переводчика составляет перевод юмористической составляющей, так как необходимо не только передать смысл, но и сохранить шутку. На сегодняшний день при переводе юмористического кинодискурса с одного языка на другой переводчики жертвуют юмористической составляющей в пользу передачи смысла. Таким образом, проблема перевода шуток является актуальной и нуждается в рассмотрении.

Целью данной работы является определение основных приемов перевода юмористического дискурса ситкомов двумя ведущими компаниями с последующим сравнением переводов.

Ключевым понятием нашей работы является «юмористический дискурс».

По мнению В. И. Карасика, юмористический дискурс — «текст, погруженный в ситуацию смехового общения» [1]. Основными признаками данного дискурса являются: способность вызывать смех, коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора, стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты. Кроме того, необходимо наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре.

Материалом для данного исследования послужил первый сезон американского комедийного сериала «Друзья» 1994 г. (дубляж Paramount Comedy и РТР).

Основные методы исследования — лингвостилистический и сравнительно-сопоставительный анализ.

При рассмотрении юмористического кинодискурса следует помнить, что одним из важных свойств юмора принято считать национальный колорит, который зависит от культурных традиций и реалий и является ключевым аспектом в понимании юмора, поэтому необходимо обратить внимание на распространенные лингвокультурологические особенности юмора в оригинальном произведении, чтобы не потерять в процессе перевода эффект, оказываемый автором на зрителя [2].

Из первого сезона сериала было исследовано 10 кинодиалогов и выявлено 13 шуток. Следуя классификации Г. Г. Почепцова, мы разделили юмор на две категории: ситуатив-

ный и лингвистический [3]. Таким образом, были зафиксированы 9 лингвистических шуток и 4 ситуативные.

Лингвистический анализ показал, что наиболее распространенным приемом перевода шуток обеих компаний оказалось целостное преобразование.

Самым наглядным примером является юмористическая ситуация, в которой один из героев пытается ответить ребенку на дразнилку: *Yeah? I'm rubber, you're glue. Whatever you... I can't do it* [Friends, S1E4]. Обе компании приняли решение перевести данную шутку путем целостного преобразования: «Тебе смешно, а мне обидно, понял? Я так не могу» (Paramount Comedy); «Ну как там... вышел месяц из тумана, вынул ножик... не помню» (РТР). Таким образом, посредством целостного преобразования переводчикам удалось сохранить комический эффект и донести шутку русскоговорящему зрителю, которому знаком текст данных дразнилок.

Нам удалось определить наиболее характерные приемы перевода каждой студии.

Paramount Comedy часто при переводе юмора использует синтаксическое уподобление, которое заключается в дословном переводе с одного языка на другой. Помимо этого, студия использует следующие приемы: грамматическая замена и трансформация, калькирование, опущение, компенсация.

Компания РТР (СТС) наиболее часто при переводе использует компенсацию. Также при переводе шуток встречаются следующие приемы: добавление, опущение, конкретизация.

Кроме того, комический эффект был создан с помощью средств художественной выразительности: тропы (эпитет, метафора, олицетворение, гиперболы), приемы (лексический повтор, градация, парцелляция), синтаксические средства (риторические обращения, синтаксический параллелизм, сравнительный оборот), лексические средства (антонимы, неологизмы).

1. Карасик В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 144–153.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
3. Почепцов Г. Г. Язык и юмор. 3-е изд. Киев: Вища школа, 1990. 327 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. В. Шилова

УДК 81'25

Способы перевода лингвостилистических средств русской волшебной сказки на немецкий язык

М. В. Демчева

Новосибирский государственный университет

Наше исследование посвящено описательному и сопоставительному анализу переводов лингвостилистических средств русской народной волшебной сказки на немецкий язык.

В условиях расширяющихся межкультурных и межъязыковых контактов изучение фольклорного текста на языках разных народов обретает особую актуальность. Народные сказки как значимый прецедентный текст вбирают в себя множество элементов национальной языковой и ценностной картины мира, которые необходимо включать в фонд общих знаний иностранных коммуникантов для успешного восприятия многих буквальных и имплицитных смыслов. Качественная передача исходных сюжетных и художественных смыслов сказочных текстов на язык иностранных читателей осуществляется в том числе за счет верного перевода ряда лингвостилистических средств, свойственных народной сказке.

Объект исследования — лингвостилистические средства, служащие важными структурными и стилистическими элементами русской волшебной сказки, и их переводы на немецкий язык. Исследование проведено на **материале** русских народных сказок «Василиса Прекрасная», «По щучьему веленью», «Принцесса лягушка», «Жар-птица», «Сивка Бурка» из сборника А. Н. Афанасьева (2014) и их переводов на немецкий язык, выполненных издательствами «Прогресс» (1973) и «Анаконда» (2020).

Цель работы состоит в выявлении особенностей перевода национально-специфических лингвостилистических средств, характерных для русской народной сказки, на немецкий язык.

Для анализа способов перевода лексических единиц мы опирались на работы отечественных и зарубежных лингвистов, описывающие методы переводческой трансформации. Среди методов передачи лингвостилистических средств выделены **грамматическая трансформация** и **лексико-семантическая трансформация**, включающая синонимичный перевод, конкретизацию, генерализацию, адаптацию, опущение и добавление лексических средств.

В составе анализируемых лингвостилистических средств мы отметили наличие лексики, передающей самобытность и колорит русской народной сказки. Опираясь на классификации реалий С. Влахова и С. Флорина [1], а также на литературоведческие работы В. Я. Проппа [3, 4], посвященные структурным и художественным особенностям русской волшебной сказки, мы выделили следующие лексико-семантические группы:

- наименование ономастических реалий (44 ЛЕ): *Василиса, Кощей, Иван-царевич, Баба-яга, Лягушка-квакушка*;

- атрибуты (10 ЛЕ): *красная девица, Премудрая, Бессмертный, костяная нога*;
- наименования бытовых реалий (42 ЛЕ): *горница, чуланчик, изба, пшеница, квас, закрома, двор, каравай, кубок, пляски, баня*;
- сказочные формулы (41 ЛЕ): *запоры мои крепкие, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь; на, куколка, покушай, моего горя послушай*;
- наименования чувств и эмоций (22 ЛЕ): *горе, несчастье, потужить, влюбиться без памяти, опечалиться, разгневаться, сжалиться*.

При переводе наименований бытовых реалий переводчики часто обращаются к конкретизации, т. е. замене лексической единицы с более широким предметно-логическим значением на единицу с более узким значением. Например, с помощью конкретизации лексическая единица *сбруя* была передана словом *das Zaumzeug* ‘узда’, называющим одну из деталей сбруи.

Прием адаптации с полной заменой лексических средств использован при сравнении красоты Василисы с образом солнца, которое в переводе заменено на соотнесение героини с луной, звездами и небом. В работе З. Д. Поповой «Язык и национальная картина мира» [2] различие русской и германской мифологических картин мира иллюстрируется на примере отношения к этим объектам: русской народной традиции свойственно тяготение к солярной мифологии, а в германской космогонии центральную позицию занимает небо: оно предстает символом святости и чистоты, проявлением лучших качеств. Возможно, именно это культурологическое различие легло в основу переводческой адаптации и помогло донести суть образа героини русской сказки до немецкого реципиента без потери стилистического и художественного содержания.

В ходе исследования было выявлено, что при переводе на немецкий язык наиболее часто используемым методом переводческой трансформации является адаптация, поскольку именно этот способ позволяет сохранить прагматическое значение высказывания, несмотря на замену исходных образов, более близких культурному пространству реципиента. Так, сказочные формулы, атрибуты и некоторые антропонимы были переданы с помощью этого способа перевода.

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.
2. Попова З. Д. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2007.
3. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М., 2001.
4. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976.

Научный руководитель — канд. филол. наук Т. И. Белица

УДК 81'38

Лингвофункциональные особенности публицистического стиля

Ю.Э. Доржу

Тувинский государственный университет, Кызыл

Данная работа посвящена изучению лингвофункциональных особенностей публицистического стиля (ПС), обладающего спецификой в употреблении лексики и фразеологии, грамматики синтаксических конструкций.

Публицистический стиль наблюдается в средствах массовой информации (пресса, радио, кино, телевидение, общественно-политическая литература), в речи выступающих на собраниях, агитаторов, в ораторской речи и т. д. Публицист прямо и открыто агитирует, убеждает, соответственно, функция убеждения первична и выражена в слове, она не опосредована другими факторами и категориями. ПС выполняет функции воздействия и сообщения. Функция сообщения обуславливает употребление нейтральной, общей лексики, в которой особую роль занимает политическая, экономическая лексика. Хотя тематическая неограниченность ПС определяет необычайную широту и разнообразие его лексики. Функция воздействия обуславливает острую потребность публицистики в оценочных средствах выражения.

Проанализируем статью из сетевой новостной ленты CNN (16.02.2024) *New York City sues social media platforms over youth mental health crisis* автора Samantha Murphy Kelly. Информационный текст излагает в лаконичной форме основную суть происходящего в последнее время события в Нью-Йорке и имеет общественное значение, воздействует на массы. Текст описывает реальные события, что определяет *истинность* повествования как отличительную понятийную характеристику публицистики. Такой типологический признак ПС, как *достаточность*, представляет излагаемый факт во всей возможной полноте и связан с *аргументированностью*. Высказанные в тексте положения получают серьезное мотивированное подтверждение, что обеспечивается на языковом уровне средствами синтаксиса: в анализируемой статье это прямой порядок слов; наличие многочисленных синтаксических построений, типичных для обычно строго упорядоченной официально-деловой речи:

- причастные конструкции: *including depression and suicide ideation, damaging their mental health, faced tough questions from lawmakers;*
- герундиальные конструкции: *on helping users communicate with close friends and by opening up directly to the camera;*
- инфинитивные конструкции: *NYC is first major American city to take combined steps of this magnitude;*
- перфектные формы: *have sued, have dedicated their careers.*

Другими признаками ПС являются *стандартизованность* и *экспрессивность*. Анализируемый текст стандартизован воспроизведением однотипных элементов, выраженных разнообразными лингвистическими и экстралингвистическими средствами:

– многочисленные тематически дифференцированные номенклатурные наименования: *the lawsuit, congressional hearings, municipalities, press conference*;

– широкое использование прецизионной информации (обозначения географических реалий, различных цифровых показателей, имен собственных и пр.): *New York City, Eric Adams, 6 %, Surgeon General warning*;

– сокращения: *US states, NYC, CNN, EU*.

Под экспрессивностью понимается способность языковой единицы производить на адресата речи определенный прагматический эффект, для достижения которого в публицистической речи используются разнообразные лексико-стилистические средства:

– подбор лексических единиц, в том числе архаичных, поэтических и книжных: *confidence, uptick, resilience, large burden*;

– оценочные единицы, напрямую или косвенно выражающие эмоциональную или интеллектуальную оценку описываемого факта: *increasingly*;

– слова, ассоциируемые в общественном сознании с какой-либо оценкой: *harmful, damaging, equitable, dangerous, addictive*;

– стилистические средства — развернутые яркие метафоры: *are absorbed in screens* (с целью образной передачи мысли о вовлеченной зависимости).

Заключение. Проведенный анализ новостного текста CNN свидетельствует о том, что, несмотря на свою очевидную неоднородность, он обнаруживает в себе ряд функциональных особенностей, характерных для публицистики и отличающих его от других функциональных стилей английского языка: экономия языковых средств, лаконичность изложения; доходчивость языковых средств; использование речевых стереотипов, клише; жанровое и стилистическое разнообразие языковых средств; использование образительно-выразительных средств языка, средств стилистического синтаксиса (риторические вопросы и восклицания, параллелизм построения, повторы, инверсия и т. д.), общественно-политической лексики и фразеологизмов.

Таким образом, в проанализированном тексте проявляются функциональные черты публицистики: он соответствует объективной реальности, в нем достаточно полно представлена аргументация описываемых событий, в равной степени представлены стандартизированность и экспрессивность. Кроме этого, в данном тексте в равной мере проявляют себя функция общения и функция воздействия.

1. CNN. URL: <https://edition.cnn.com> (дата обращения: 16.02.2024).

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. О.О. Чыпсымаа

УДК 81'25

**Передача эмоциональной информации при переводе
информационно-аналитической статьи
(на материале статей издания Focus)**

В. А. Дорохова

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ

Цель данного исследования состоит в определении способов перевода средств выражения эмоциональной информации информационно-аналитических статей на немецком языке.

Материалом для нашего исследования послужили 5 статей немецкого журналиста Г. Штейнгарта, опубликованных в издании Focus в 2023 г.

В своих статьях автор поднимает проблемы, связанные с климатом, и осуждает деятельность партий, крупных компаний, которые не желают признавать проблему, связанную с выбросом углерода.

Актуальность данного исследования обусловлена увеличивающейся востребованностью аналитического материала в пространстве СМИ. Постоянный рост информационно-новостного потока значительно осложняет возможность быстро ориентироваться в предлагаемой нам информации.

Аналитическая статья имеет ряд четко выраженных жанрообразующих черт, к которым относятся четкая структура, разносторонний анализ, оценочность, фактологичность. Важной характеристикой аналитической статьи является ее разнонаправленность. С одной стороны, аналитическая статья базируется на фактах. С другой стороны, она является авторской интерпретацией события/явления.

Предпереводческий анализ, проведенный нами по схеме И. С. Алексеевой [1], показал, что главная задача исследуемых статей — предоставить реципиенту актуальную информацию относительно происходящего на политической арене, касательно экологии. Автор данных статей старается сохранить объективность, приводя большое количество фактов, цитат и т. д. Но данный жанр статей предполагает выражение своей собственной точки зрения на какую-либо ситуацию, поэтому в аналитических статьях наблюдается усиление субъективной составляющей.

Основным средством выражения эмоциональной информации является эмоционально-оценочная лексика, под которой понимается лексика, имеющая способность актуализировать качественно-количественную характеристику реального предмета, выделить особенность данного предмета на фоне одноименных с ним предметов и выразить эмоциональную оценку предмета речи, данную ему от лица говорящего [2].

В ходе нашего исследования мы выявили, что эмоционально-оценочная лексика может выражаться различными метафорами, эвфемизмами, идиоматическими средствами, также авторы могут использовать средства из других стилей.

При переводе эмоционально-оценочной лексики нами использованы следующие переводческие трансформации.

1. Адекватная замена. *Während Europa klimaneutral wird, setzt China knallhart auf Kohle* 'В то время как Европа становится углеродно-нейтральной, Китай лезет из шкуры вон, чтобы перейти на уголь'. Прилагательное *knallhart* в корпусе немецкого языка DWDS имеет пометку *umgangssprachlich* 'разговорное' и означает 'неумолимо жестокий, безжалостный до беспощадности'. Мы перевели данное слово фразеологизмом, который означает «очень сильно стараться», так как это отражает интенцию автора, передает негативную коннотацию.

2. Идиоматизация. *Ruhig zurücklehnen geht trotzdem nicht* 'Спокойно сидеть сложа руки все равно не получится'. Данный глагол имеет два значения: 'откидываться назад' (прям.) и 'расслабляться' (перен., разг.). При переводе, однако, чтобы показать неодобрение автора к данной ситуации, подходит русский аналог фразеологизма, который означает 'ничего не делать, отдохнуть' и отражает интенцию автора, который описывает бездействие участников, и более точно раскрывает отношение автора.

3. Нейтрализация. *Die werden heute Morgen als Durchbruch in eine CO2-freie Zukunft abgefeiert...* 'Сегодня утром они будут отпразднованы с размахом как некий прорыв в будущее...' Глагол *abfeiern* в корпусе немецкого языка DWDS имеет пометку *umgangssprachlich* 'разговорное' и означает 'развлекаться, веселиться'. В данном случае необходимо будет произвести нейтрализацию слова, так как использование таких слов, как «отгулять» или «кутить», будет в данном контексте неуместно.

Таким образом, результаты данного исследования показывают, что при передаче эмоционально-оценочной лексики можно столкнуться с рядом проблем. Известно, что эти проблемы восходят к общим лексическим переводческим проблемам, таким, как проблема перевода безэквивалентной лексики, вызванная отсутствием полного словарного соответствия между единицами разных языков, а также сложности передачи прагматического значения. Для решения данных проблем мы использовали некоторые переводческие трансформации, такие как адекватная замена, идиоматизация и нейтрализация.

1. Алексеева И. С. Письменный перевод. Немецкий язык. СПб.: Союз, 2006. С. 368.

2. Лукьянова Н. А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования / отв. ред. К. А. Тимофеев. Новосибирск, 1976. Вып. 5. С. 3–21.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. Б. Самбуева

УДК 821.111

Художественные образы военнослужащих войск национальной гвардии в англоязычной литературе

А.М. Лавров

Новосибирский военный ордена Жукова институт
им. генерала армии И.К. Яковлева войск
национальной гвардии Российской Федерации

В современной американской художественной литературе существует весьма не-много художественных произведений, где в качестве главных героев были бы представлены военнослужащие национальной гвардии США. Самый известный роман на эту тему, найденный нами, — это «Медовый месяц в Багдаде» Хейди Радкевич [1]. Сюжет романа во многом автобиографический — писательница Хейди Радкевич и ее муж Джейк в прошлом являлись военнослужащими национальной гвардии и проходили службу в Ираке во время операции «Буря в пустыне». Герои романа — молодая супружеская пара, которая была отправлена практически сразу после свадебной церемонии служить в Ирак. В предисловии к роману автор рассуждает о том, что брак — это весьма непросто, и задается вопросом, делает ли совместная воинская служба отношения крепче или наоборот: *Marriage is hard enough when dealing with the normal, everyday scenarios that life gives you. Imagine being thrown into a battle zone with your spouse. How would your marriage fare? Would it make you stronger? Would it bring you closer together or further apart?*

Находясь в экстремальных условиях на войне героиня понимает: *Despite the ambushes, extreme heat, sand fleas, kangaroo rats and scorpions, she says the enemy fire forged their relationship to be stronger than ever.* Несмотря на засады, невыносимую жару, песчаных мух и огромных крыс и скорпионов, под огнем противника их отношения с мужем стали только крепче. Героиня с горечью делает вывод: *It doesn't get much more stressful and hard than having people try to kill you.* Нет ничего более ужасного и тяжелого, чем убивать людей. В романе есть много рассуждений главной героини на тему сохранения отношений на войне и того, как люди проявляют себя в экстремальных и стрессовых ситуациях. *"It was everything", she said. "We could be there together and share the moment and hold each other. You don't view things the same".*

По мнению самой героини, их брак преодолел это испытание и стал только крепче, потому что на войне они были вместе и даже служили в одном взводе. Многие семьи ветеранов Ирака были разрушены, потому что они в полной мере не могли рассказать своим близким людям о том, что пережили, и это создавало стену отчуждения и непонимания между ними. Образы самой героини, ее мужа и их сослуживцев, на наш взгляд, полны идеализации. Они говорят несколько шаблонными фразами, рассуждая о патриотизме, долге и любви к родине. Несмотря на это, роман, безусловно, имеет художественную ценность как образец военной художественной прозы.

Следующее произведение, которое мы бы хотели проанализировать, это военный фантастический роман *Divided, we fall* (Разделяясь, мы проигрываем), написанный Трентом Ридом в 2014 г. [2]. Это первый роман в трилогии, за которой следуют *Burning Nation* и *The Last Full Measure*. Трент Риди по специальности военный инженер, был командиром батальона подразделения национальной гвардии в штате Айдахо, воевал в Афганистане. Действие романа происходит в США в 2030 г. Повествование ведется от лица молодого человека — Дэнни Райта, который вступает в ряды войск национальной гвардии, участвует в подавлении массовых беспорядков штате Айдахо. Автор показывает историю взросления главного героя, его рефлексию и сомнения по поводу выбранной профессии. В начале романа Дэнни выглядит весьма инфантильным молодым человеком, который любит играть в футбол, переживает опыт первой неразделенной любви. Затем, приняв присягу, он постепенно обретает мудрость и стойкость. На наш взгляд, кроме образа главного героя, который тоже описан довольно хрестоматийно и стереотипно, остальные характеры обрисованы весьма прямолинейно и однозначно. Они делятся автором на положительных и отрицательных. Роман был оценен критиками (*a credible military thriller* 'впечатляющий военный триллер'), но подвергся осуждению из-за большого количества сцен насилия.

В целом можно сделать вывод, что художественных произведений, где главными героями являются военнослужащие войск национальной гвардии, очень мало, в отличие от литературы документального жанра об этом роде войск. Проанализированные романы объединяет стереотипность системы образов и сюжета и идеализация образа военнослужащего в целом.

1. Radkiewicz H. *Honeymoon in Baghdad*. Norton Young Readers, 2018. 546 p.
2. Reedy T. *Divided, we fall*. Scholastic Inc, 2014. 370 p.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. М. В. Гавриленко

УДК 811.521

Стратегия самопрезентации в предвыборных речах мэра Токио Коикэ Юрико

М. Ф. Макарова

Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, Якутск

Роль коммуникации в политике имеет огромное значение, ведь речь определяет, какими видят политиков граждане. Именно граждане выбирают кандидата на пост, из чего следует, что успехом будет пользоваться человек, который в полной мере владеет коммуникативными навыками. Среди политиков Японии выделяется Коикэ Юрико, одержавшая победу на выборах на пост мэра Токио в 2016 г. с большим отрывом, не имея при этом поддержки от собственной партии. Ю. Коикэ поддержали 44,5 % избирателей, тогда как ее оппонент, пользовавшийся поддержкой от правящей партии, получил всего 27,4 % голосов [1].

От грамотно подобранных слов и успешности выступлений напрямую зависит будущая карьера политика, в связи с этим в своих речах политические деятели используют разнообразные коммуникативные стратегии, которые требуют тщательного исследования. Цель нашей работы заключается в анализе стратегии самопрезентации в предвыборных речах мэра Токио Коикэ Юрико. Объектом исследования являются коммуникативные стратегии, предметом — языковая реализация стратегии самопрезентации. Материалом исследования послужили предвыборные выступления Ю. Коикэ с 14 по 30 июля 2016 г.

В рамках данного исследования под термином «коммуникативная стратегия», вслед за О. Н. Паршиной, понимается определенная направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации [2]. Коммуникативные стратегии реализуются через тактики, которые О. Л. Михалёва определяет следующим образом: тактика — это конкретный этап реализации коммуникативной стратегии, определяемый намерением говорящего, совокупностью приемов, которые обуславливают применение языковых средств [3].

Как отмечают исследователи, для успеха речи политика особенно важной оказывается стратегия самопрезентации, которая занимает центральное место среди стратегий воздействия на широкие массы [2]. Стратегия самопрезентации включает в себя такие тактики, как отождествление, солидаризация и оппозиционирование. Нами были проанализированы 10 предвыборных выступлений Коикэ Юрико, в которых стратегия самопрезентации используется 30 раз. В ходе анализа мы пришли к следующим результатам.

1. Тактика отождествления обнаружена 12 раз, например:

私は第1バイオリンとなって皆様のお力を得てオーケストラにしていきたいんです (*Watashi wa dai 1 baiorin to natte minasama no ochikara o ete o-kesutora ni shiteikitain desu*) ‘Став первой скрипкой, при вашей поддержке хотела бы работать в оркестре’.

В данном примере Коикэ отождествляет себя с электоратом, приводя пример музыкального оркестра, где первая скрипка — значимый музыкальный инструмент, отвечающий за тон и звучание всего оркестра. Используя данный фразеологизм, Ю. Коикэ рассматривает себя лидером токийцев, став их избранным кандидатом.

2. Тактика солидаризации — 13 раз:

私はこのことを是非とも働く女性の気持ちそれも受け止めながら進めていきたいと思っております (*Watashi wa kono koto o zehi to mo hataraku josei no kimochi sore mo uketome nagara susumeteikitai to omotteorimasu*) ‘Я хочу двигаться вперед, принимая во внимание чувства работающих женщин’. В этом примере Ю. Коикэ показывает, что она сама, являясь работающей женщиной, понимает положение работающих женщин в японском обществе, которое еще довольно ограничено традициями и мужским шовинизмом, и именно поэтому хочет изменить устоявшиеся представления о роли женщины в Японии.

3. Тактика оппозиционирования — 5 раз:

大組織を相手に、個人女一人の戦いでもあります (*Dai soshiki o aite ni, kojīn onna ichi nin no tatakai de arimasu*) ‘Это битва одной отдельной женщины против большой системы’. Приведенный пример демонстрирует, как Ю. Коикэ противопоставляет себя всей политической элите Японии, являясь одной из немногих женщин в политике, а также не имея поддержки своей партии.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что мэр Ю. Коикэ в предвыборных выступлениях чаще обращалась к тактике солидаризации с женщинами, чувства которых мэр понимает лучше всех; также мэр отождествляет себя со своим электоратом, токийцами, лидером которых она хочет стать; при этом тактика оппозиционирования используется редко, но выражается эксплицитно. Умело используя в своих предвыборных речах такую коммуникативную стратегию, как стратегия самопрезентации, Коикэ Юрико выиграла выборы, войдя в историю как первая женщина на посту мэра Токио, заручившись огромной поддержкой у населения.

1. 東京都知事選2016トップ. URL: <https://www.yomiuri.co.jp/election/local/tochijisen2016/> (дата обращения: 27.02.24).
2. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук. Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2005. 325 с.
3. Михалёва О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 256 с.

Научный руководитель — канд. пед. наук С. К. Ефимова

УДК 81'42

Лингвистические и экстралингвистические аспекты дизайна персонажа-антигероя в англоязычном видеоигровом дискурсе

С. А. Минашкина

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Современная индустрия видеоигр — это мощный и динамично развивающийся сектор экономики, способный привлекать как талантливых специалистов, так и миллионы игроков по всему миру. Разработка видеоигры требует слаженной работы многих специалистов, в том числе и сценаристов, которые создают мир и сюжет игры. Важным этапом является создание игровых и неигровых персонажей, так как благодаря интерактивности видеоигр у игрока выстраиваются отношения с вымышленными личностями. Таким образом, анализ привлекательных и непривлекательных героев является важной исследовательской задачей.

Цель данной работы — рассмотреть лингвистические и экстралингвистические аспекты дизайна персонажа-антигероя. В игровых мирах часто встречается антигерой — персонаж, объединяющий как положительные, так и отрицательные качества. Антигерой представляет сложный и многогранный образ, отличающийся от традиционных героев и злодеев. В качестве объекта исследования был выбран персонаж Красный Принц (Red Prince) из видеоигры *Divinity: Original Sin 2*. Эта игра была признана лучшей ролевой игрой в 2017 г. по версии *The Game Awards* и получила высокие оценки критиков и игроков, а исследуемый персонаж часто становился объектом обсуждения в сообществах, посвященных игре.

От других видов искусства и развлечений видеоигры отличаются следующими чертами:

- 1) мультимодальность — игрок воспринимает игру вербально, визуально и аудиально [1];
- 2) интерактивность — сюжет может иметь несколько линий развития, в зависимости от действий игрока;
- 3) сообщество — популярные игры порождают вокруг себя внеигровой, металюдический дискурс [3].

Для проведения анализа мы обратились к методике анализа персонажей кино, предложенной профессором Йенсем Эдером (Jens Eder) в работе «Понимание персонажей» (*Understanding Characters*) [2]. Метод исследования предполагает использование «циферблата», который разделен на четыре компонента: артефакт, вымышленная личность, символ и симптом. Артефакт включает в себя внешний облик и музыкальное оформление. Вымышленная личность отражает прошлое персонажа, его взаимодействие с игровым миром, стилистические особенности речи. Символ выражается через мысли и действия персонажа, его ценности и темы. Симптом позволяет исследовать воздействие героя на аудиторию.

Визуальные представления Красного Принца в игровом контексте направлены на формирование восприятия игроком данного персонажа как сильного, благородного воина, но несущего угрозу. Использование красного цвета и острых элементов в дизайне артефактов указывает на агрессивные черты, в то время как золотистый цвет и изящные узоры на облегченной ткани свидетельствуют о его высоком происхождении. Музыкальная тема ассоциирует его с ближневосточными культурами.

В диалогах Красного Принца много эпитетов и восклицаний, шуток и нецензурной лексики, что придает его речи эмоциональность, а употребление литературных слов, инверсии и формы *shall* в значении будущего времени придает ей официальный и книжный характер. Частое включение императивов указывает на военное прошлое персонажа.

На основе внутриигровых диалогов была определена частотность слов. Так, можно выделить три темы, характерные для персонажа: воссоединение с возлюбленной, эгоизм (местоимение *I* — самое частотное слово, употребляется в 2 раза чаще, чем *you*, также высокочастотны *me, my*) и мысли о родине и долге (модальный глагол *must* встречается 22 раза в речи персонажа, также частотны слова *home* и *empire*).

Комментарии на странице Reddit — [r/DivinityOriginalSin2](#) были также проанализированы. Восприятие персонажа характеризуется негативно в основном из-за его дерзости, высокомерия и спорных взглядов, в то время как его манера речи способствует положительному восприятию. В игровом сообществе он воспринимается как романтический герой, что отражается в частом употреблении слов *love* и *romance*.

В процессе применения методики, включающей стилистический анализ и контент-анализ, были выявлены характеристики, присущие антигерою-аристократу: благородство, сила, высокомерие, интеллект и эгоизм. Исследование имеет дальнейшие перспективы, поскольку каждый персонаж-антигерой уникален в своих способах самовыражения и темах. Особые черты характера также зависят от культурного и социального опыта создателей. Сравнение большего числа персонажей разных жанров и от разных разработчиков поможет выявить больше сходств и создать четкий портрет персонажа-антигероя в дискурсе видеоигр.

1. Никонова Е. В. Функции языковой составляющей в компьютерной игре // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Сер.: Гум. науки. 2019. № 6. С. 146–157.
2. Eder J. Understanding Characters. In: Projections // J. Movies Mind. 2010. No. 4. P. 16–40.
3. Ensslin A. The Language of Gaming. UK, 2012.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. О. Н. Гич

УДК 811.111-26

Перевод видеоигр с помощью нейронных сетей

А. К. Морозов

Сибирский государственный университет науки и технологий
им. М. Ф. Решетнёва, Красноярск

Перевод видеоигр при помощи нейросетей включает несколько технических этапов, которые обеспечивают высокое качество перевода игрового контента. Рассмотрим основные этапы и особенности этого процесса [1].

1. Подготовка данных: в начале необходимо провести предобработку данных перед переводом видеоигры, включающую удаление форматирования, разделение текста на предложения и токенизацию. Создаются параллельные корпуса с текстами на разных языках.

2. Обучение нейронной сети: после предобработки данных нейронная сеть обучается с использованием моделей машинного перевода, таких как RNN или трансформеры. Модель настраивается на параллельные текстовые данные для минимизации ошибок перевода.

3. Учет контекста и локализация: при переводе видеоигр необходимо учесть контекст и провести локализацию. Нейронные сети могут быть обучены на игровых корпусах для улучшения качества перевода в контексте игры. Локализация включает адаптацию игрового контента под конкретную культуру и язык, включая перевод терминов, юмора и отсылок.

Давайте рассмотрим актуальность и уровень качества перевода, используя несколько примеров. Например, видеоигра Starfield не имеет официальной локализации на русский язык, но благодаря одному энтузиасту и нейросети DeepL игроки могут наслаждаться игрой на русском языке. Это позволяет сэкономить время и ресурсы, а перевод является точным, легальным и абсолютно бесплатным.

Также нейросети уже используются как в любительских, так и в коммерческих проектах для озвучивания контента. Одним из примеров является Nehrim-мод с английским озвучением, где большую часть работы выполнила нейросеть ElevenLabs.io. Эта модель способна менять тон, расставлять акценты и делать паузы в речи, делая это уместно.

Использование искусственного интеллекта (ИИ) вместо настоящих актеров озвучивания в проекте THE FINALS вызвало критику после запуска открытой «беты». Об использовании ИИ вместо актеров озвучения звуковые инженеры THE FINALS рассказали еще летом, однако высказывания привлекли внимание сообщества только сейчас, с запуском «беты». По их мнению [2]:

- ИИ для преобразования текста в речь наконец-то стал действительно мощным и обеспечивает должный уровень качества;

- даже если ИИ-дубляж звучит «немного странно», то все равно удачно вписывается в антураж виртуального шоу;

- студия использует ИИ повсеместно «за несколькими исключениями» (например, для звуков дыхания и нечленораздельных междометий);
- ИИ позволяет команде быстрее реагировать на новые идеи, подготавливая черновую озвучку «за несколько часов, а не месяцев»;
- в Embark Studios считают, что индустрия находится на пороге новой эры озвучки для видеоигр.

Принявшие участие в обсуждении ситуации актеры озвучания не согласились с тем, что комментаторы в THE FINALS звучат естественно, и раскритиковали разработчиков, относящихся к голосам в игре как к очередному материалу в производственном цикле. На сторону артистов встали и другие представители индустрии.

Технологии ИИ все еще вызывают споры в различных аудиториях. Некоторые считают, что такой подход неправомерно отнимает работу у актеров, другие боятся возможных преимуществ ИИ [3].

1. Некрасов А. В. Локализация и перевод видеоигр в англо-русской языковой паре. Уральск: УВУ, 2019. 87 с.
2. Embark Responds to The Finals AI Criticism: Making Games Without Actors Isn't an End Goal. URL: <https://www.ign.com/articles/embark-responds-to-the-finals-ai-criticism-making-games-without-actors-isnt-an-end-goal> (дата обращения: 31.01.2024).
3. Раренко М. Б. Машинный перевод: от перевода «по правилам» к нейронному переводу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Лингвистика. 2021. № 3.

Научный руководитель — канд. пед. наук, доц. Н. А. Шумакова

УДК 81'42:811.131.1

Авторский стиль и особенности языка Дж. Родари (на материале сборника сказок *Favole al telefono*)

Я. Ю. Рыжих

Новосибирский государственный университет

Авторский стиль писателя является дискуссионным и до сих пор малоизученным аспектом в литературоведении и сфере лингвистики. В процессе изучения авторского стиля конкретного писателя исследователей прежде всего интересует язык автора. Под «языком писателя» следует понимать определенный набор языковых средств (тропы, лексические средства, синтаксические конструкции), с помощью которых автор воплощает свои идеи, жизненный опыт и демонстрирует свои индивидуальные черты стиля. В связи с этим язык приобретает неповторимые структуру и окраску, свойственные конкретному писателю, что составляет его идиостиль. Однако в настоящее время не существует единой принятой классификации в рассмотрении авторского стиля и языковых средств его выражения, так как очень часто происходит смешение форм его выражения и приемов его создания. Данная работа посвящена изучению языкового стиля итальянского писателя Джанни Родари на примере сборника его сказок *Favole al telefono*.

Цель работы заключается в изучении языковых средств и фигур речи, посредством которых выражается авторский стиль Джанни Родари в сборнике сказок *Favole al telefono* [1].

Новизна данной работы состоит в том, что произведения итальянского писателя и сказочника Джанни Родари являются малоизученными с точки зрения языка и стиля. В основном преобладают исследования, связанные с изучением биографии Джанни Родари с позиции его политической принадлежности, в то время как лингвистические особенности его произведений практически не рассмотрены лингвистами.

Материалом исследования послужили сказки из сборника Джанни Родари *Favole al telefono* (70 сказок).

По результатам исследования были выявлены языковые средства выражения индивидуального стиля писателя Джанни Родари на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях языка.

С помощью обращений автор выстраивает диалог с читателем и дает возможность проникнуться сюжетом, проанализировать конкретную ситуацию и выразить свое собственное мнение. *E chissà quanto tempo dovrà passare prima che il bambino di mare possa liberarsi. Voi cosa fareste al suo posto?* 'И кто знает, сколько времени пройдет, прежде чем морской ребенок сможет освободиться. **Что бы вы сделали на его месте?**'. В данном примере автор использует форму второго лица множественного числа *voi* и глагол соответствующей формы с целью обращения к читателю и вовлечения его в сюжет сказки.

Язык Дж. Родари отражает богатство его фантазии. *Invece è uno "stempino", cioè un temperino con l'esse davanti* 'Это **неножик**, то есть ножик, у которого впереди «не»'. В данном примере автор, для того чтобы с точностью описать необычный предмет

в своем повествовании, находит новое слово с помощью словообразовательной модели, что создает определенный художественный эффект и передает игру слов.

На фонетическом уровне языка Дж. Родари использует выражения, пародирующие диалектное произношение в Модене: *Allora inventiamo in fretta altri numeri per finire. Li dico io, alla maniera di Modena: unci dunci trinci, quara quarinci, miri miminci, un fan dè* ‘Тогда напоследок быстро придумаем еще несколько чисел. Знаешь, как считают в Модене? Разки, двазки, триски — четыре киски, пять и ки — пятаки уронили у реки’.

Дж. Родари часто использует гиперболы. *I bambini passavano di stanza in stanza come l'esercito di Attila e fracassavano a martellate quanto incontravano sul loro cammino. I colpi si udivano in tutta la Lombardia e in mezza Svizzera* ‘Дети переходили из комнаты в комнату, как армия Аттилы, и били молотком, сколько встречали на своем пути. Их удары слышала вся Ломбардия и половина Швейцарии’. В данном примере ярко использованы такие средства выразительности, как сравнение, аллюзия и гипербола. Автор сравнивает детей с армией Аттилы, что делает более яркой характеристику героев и явлений, а также усиливает образность текста, отражает авторские оценки и эмоции. Аллюзия к истории Европы дает характеристику детям как тем, кто несет разрушения всему, что встречается на их пути. Гипербола отражает преувеличение громкости ударов детей. Таким образом фрагменту текста придается большая выразительность, и внимание читателя сразу концентрируется на представленном моменте.

Таким образом, можно сделать вывод, что авторский стиль итальянского писателя Джанни Родари наполнен яркими образами, красочными языковыми оборотами, средствами выразительности на разных уровнях языка. Воздействие на визуальные органы чувств, как один из элементов идиостиля Родари, способствует развитию воображения у маленьких читателей, а стремление вовлечь читателя в сказку позволяет в определенной степени самому продолжить ее сочинять, что реализуется благодаря диалогу автора с читателем. Свободный творческий подход к использованию языка и языковых моделей и широкий полет фантазии позволяют автору создавать неповторимые сюжеты и воплощать самые абсурдные и комичные идеи путем их гиперболизации, что обеспечивает свежее и яркое восприятие текста у читателя.

1. Rodari G. Favole al telefono. Torino: Einaudi, 1962. 178 p.

Научный руководитель — канд. филол. наук М. И. Рыбалова

УДК 81'25

Особенности перевода терминов спортивного фехтовального дискурса

Т.М. Шустова

Новосибирский государственный университет

В современном мире спорт играет важную роль в жизни людей. В период развития средств массовой информации и социальных сетей особый интерес отводится переводу спортивных новостей, текстов, аудио- и видеоматериалов. Это позволяет оценивать и сравнивать не только результаты выступлений, но и новые техники и методики в спортивных дисциплинах.

Актуальность данной работы обуславливается прежде всего тем, что, несмотря на активный рост популярности олимпийского фехтования в России после Олимпиад 2016 г. в Рио-де-Жанейро и 2021 г. в Токио, где российские спортсмены завоевали первенство в общем медальном зачете, лидируя с большим отрывом, материалы, посвященные фехтованию, редко переводятся на русский язык.

Целью данной работы является выявление особенностей перевода терминов в спортивном фехтовальном дискурсе.

Новизна данной работы заключается в том, что степень научной разработанности тем, посвященных изучению перевода терминов спортивного фехтования, чрезвычайно мала.

Материалом исследования послужили видеоинтервью, опубликованные на YouTube-канале Британской федерации фехтования (the British Fencing Association), а также статьи из журнала *Escrime*, правила судейства. Основными **методами** исследования являются наблюдение, лингвостилистический анализ, контекстуальный анализ и сравнительно-сопоставительный анализ.

Ключевым понятием нашей работы является «термин». Советский лингвист О.С. Ахманова под «термином» понимает «слово или словосочетание специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т. п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [1].

Предпереводческий анализ материалов выявил следующие особенности спортивного фехтовального дискурса: 1) использование иностранных слов: итальянских (*riposte with feint and hit* 'ответ уколом с финтом/обманом'; *balestra* 'скачок вперед и выпад'), латинских (*septime position* 'позиция седьмая'), французских (*moulinet* 'замах') [2]; 2) использование аббревиатур, у которых отличается перевод полных форм: *The 100th session of the FIE congress was held in late November in Lausanne* [3] 'В конце ноября в Лозанне состоялась 100-я сессия конгресса Международной федерации фехтования (ФИЕ)'.

Предварительные результаты анализа перевода позволяют выявить следующие особенности:

1) различный перевод деривативов: *attacker/defender* может переводиться как ‘атакующий/атакуемый’ [2] и как ‘защищающийся/атакующий’;

2) использование описательного перевода: *appel* ‘промежуточное касание ногой фехтовальной дорожки в выпаде; *swing* ‘движение маховое’ [2]; *This gauge, provided by the Organising Committee, may have a tolerance of ± 0.05 mm, i.e. from 1.45 mm to 1.55 mm* [4] ‘Этот щуп для проверки шпаги, предоставленный организационным комитетом, может иметь отклонение $\pm 0,05$ мм, то есть от 1,45 мм до 1,55 мм’;

3) Калькирование: *fencing position* ‘фехтовальная стойка’; *time-keeping* ‘хронометраж’ [2]; *Corps à corps is said to exist when the two competitors are in contact; when this occurs, the Referee must stop the bout* [4] ‘Положение кор-а-кор наступает, когда два противника соприкасаются; когда это происходит, судья должен остановить поединок’.

Таким образом, частое употребление иностранных слов позволяет передать необходимое значение, что ускоряет понимание как для участников соревнований (спортсмены, тренеры, судьи), так и для зрителей. Однако частотность употребления иностранных слов вместо слов русского языка зависит от уровня спортивного мастерства и квалификации тренеров и спортсменов. Также, несмотря на официальный статус французского языка в судействе спортивного фехтования, в терминологии присутствуют слова итальянского и латинского происхождения. Изучение особенностей перевода спортивного фехтовального дискурса способствует обеспечению доступа тренеров и спортсменов к новостям спортивного мира и новейшим исследованиям/практикам зарубежных коллег.

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 474.
2. Тышлер Е. Г. Терминология спортивного фехтования в тренировке и соревнованиях: моногр. М.: Олимпия, 2012. 176 с.
3. Official magazine of the FIE Escribe. URL: <https://escrime-xxi.fie.org/123/en/47-1> (дата обращения: 10.02.2024).
4. FIE Rules for competitions. URL: https://www.britishfencing.com/uploads/files/fie_rules_-_technical_rules_-_dec_2014.pdf (дата обращения: 10.02.2024).

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. В. Шилова

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'42

Речевой акт насмешки в британской лингвокультуре

В. А. Беляева

Новосибирский государственный университет

В условиях межкультурной коммуникации внеязыковым контекстом общения является собственно культура говорящего и слушающего, определяющая особенности их языковой картины мира и способы выражения определенных значений.

Отличительной особенностью британцев является активное использование юмора в общении, в частности речевого акта насмешки. Для представителей нации это является обыденным явлением действительности, однако может стать барьером для иностранцев в условиях межкультурной коммуникации.

Цель работы — изучить особенности речевого акта насмешки в британской лингвокультуре на основе примеров из современной британской художественной литературы, проанализировав способы выражения насмешливых высказываний героями произведений и реакцию собеседников на них.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием достаточного количества материала, посвященного данной проблеме. Существует множество работ на тему описания речевых актов и британского национального характера, однако комплексный подход к изучению речевого акта насмешки в британской лингвокультуре остается малоизученным.

Одним из ключевых аспектов классификации речевых актов является их разделение на прямые и косвенные. Таким образом, выделяются высказывания, форма которых не отражает иллокутивной цели, преследуемой говорящим [1].

Примером использования косвенного речевого акта является отрывок из диалога героев романа Зэди Смита *White Teeth: 'Love is the reason, Irie'. — 'It's a four-letter word that sells life insurance and hair conditioner'*. На первом этапе анализа можно предположить, что ответная реплика относится к репрезентативам и отражает реальное отношение говорящего к объекту действительности, однако детальное рассмотрение позволяет определить высказывание как косвенное. Во-первых, идентичная структура предложений указывает на желание адресата опровергнуть суждение оппонента о любви, предложив собственное определение понятия. Во-вторых, сравнение абстрактной лексики *love* с бытовыми явлениями *life insurance* и *hair conditioner* создает абсурдный образ обсуждаемого чувства и таким образом выражает насмешливое отношение коммуниканта как к любви, так и к говорящему, стремящемуся указать на ценность данного явления. Более того, речевой акт насмешки позволяет сделать вывод о неудачном жизненном опыте говорящего, послужившем основой для данной коммуникативной ситуации.

В качестве примера речевого акта насмешки, основанного на расхождении религиозных убеждений, рассмотрим эпизод из того же произведения: *'A bacon sandwich,*

please... — ‘So you mean to **mock** me, is that it? Munch on your **pig** in front of me! Mr white-trousered Englishman. You know everything, even enough to escape your own **judgement day**’. Высказывание говорящего, с одной стороны, может быть трактовано как директив, выражающий просьбу, поскольку не имеет экспрессивной окраски в порядке слов или выборе эмоционально окрашенных лексем. Однако перлокуция, достигнутая данным речевым актом, включает в себя несколько предложений, раскрывающих негативную реакцию слушающего. Герой верно интерпретирует насмешливое высказывание, что отражено в глаголе *mock*, лексеме *pig*, являющейся контекстуальным синонимом использованного *bacon*, и концепте *judgement day*, что позволяет выявить религиозную базу конфликта между британцем и представителем мусульманской культуры.

Отличительной особенностью британской лингвокультуры является концепт *self-mockery*, представленный в романе Нила Геймана и Терри Пратчетт *Good omens: Note for Americans and other city-dwelling life-forms: the rural British, having eschewed central heating as being far too complicated and weakening moral fiber...* Являясь британцами, авторы осуществляют, с одной стороны, речевой акт насмешки над американцами, отсылая читателя к устоявшейся конфронтации между почитаемыми традициями первых и технологичностью последних, сопоставляя жителей США с понятием *life-forms*, не употребимым относительно человека; с другой стороны, авторы насмеваются над укладом жизни британцев, используя понятие *central heating*.

Таким образом, в результате исследования было установлено, что речевой акт насмешки является неотъемлемой частью современной британской лингвокультуры, поскольку данные высказывания имеют большой экспрессивный потенциал. Их понимание требует интерпретации, поскольку они отражают не прямой смысл, а внеязыковой контекст, представленный накопленным опытом, взаимоотношениями, эрудированностью говорящих. Насмешливые высказывания в современной художественной литературе британцев имеют глобальный характер, поскольку отражают концепты, свойственные не только британскому социуму, но и представителям разного культурного происхождения, в том числе включающие табуированные темы.

1. Searle J. *Speech Acts*. Cambridge: Cambridge University Press, 1965. P. 30; 42–50.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. А. Л. Соломоновская

УДК 81:811.131.1

ФЕ с религиозным компонентом как отражение специфики языковой картины мира итальянцев

С.С. Второва

Новосибирский государственный университет

О. А. Корнилов считал, что изучение любой культуры всегда будут неполным, если не принимать во внимание такой основополагающий компонент, как *склад мышления нации* [1]. Религия влияет на все сферы жизни итальянского народа и является основой его культуры и образа жизни. Это проявляется и в итальянском языке, богатом фразеологизмами с религиозными компонентами.

В. А. Маслова отмечает, что религиозный код имеет особую структуру, которую можно представить в виде ядра, в центре которого находится Бог [2]. Ранее нами были изучены фразеологические единицы (ФЕ) с компонентами *diavolo*, *Dio* и *santo*, которые можно включить в центр этого ядра. Материалом данной работы являются устойчивые выражения с компонентом *campanile*, *campana*, *chiesa*, *prete*, *Madonna* из итальянских фразеологических словарей. Всего было проанализировано 150 ФЕ. Мы предполагаем, что они находятся на периферии ядра. Цель исследования — установить, входят ли данные лексемы в периферию ядра религиозного кода, сделать вывод о частотности использования данных слов в ФЕ, выявить особенности значений выражений с ними и выяснить степень их десакрализации.

Т. З. Черданцева, Г. Ф. Зорько, Н. А. Скворцова, Я. И. Рецкер классифицировали и изучили пласты итальянских фразеологизмов, взяв за основу примеры из художественной литературы, прессы и публицистики. Такой подход к изучению ФЕ позволяет увидеть культурный контекст используемых выражений, а в случае полисемии сравнить оттенки значений. Работы итальянских лингвистов С. Lapucci, F. Palazzi, Tullio De Mauro примечательны этимологическими комментариями и пояснениями, которые отсылают к средневековой истории, библейским сюжетам и давним итальянским традициям.

Использовались методы сплошной выборки, лингвокультурологического и этимологического анализа материала, дословный перевод, метод содержательной интерпретации и анализа материала.

Актуальность работы связана с повышенным интересом лингвистов к национальным языковым картинам мира, стремлением найти сходства и различия между ними.

Новизна данной работы обусловлена недостаточной изученностью роли устойчивых выражений в итальянской языковой картине мира, а также тех ФЕ, которые прошли процесс языковой десакрализации.

Любовь итальянцев к своему дому и родине находит воплощение в ключевом для итальянской лингвокультуры понятии *campanilismo* или *amor di campanile* 'любовь к колокольне' [2]. Колокольня является символом населенного пункта и центром жизни, поэтому ФЕ, включающие лексемы *campanile* и *campana*, обозначают национальную

идентичность народа. Так, *vivere all'ombra del campanile* переводится как 'жить в тени колокольни' и означает сильную привязанность к дому. В более широком смысле это отсутствие любознательности, неприятие любой новизны и перемен.

Встречаются словосочетания, в которых описываются функции колокола или его звон. Такие выражения используются в бытовом контексте. Например, русское «носить воду решетом», означающее 'заниматься бесполезным делом', в итальянском языке имеет аналог *comprare campane senza suono* 'покупать колокола без звука'. Людей с нарушениями слуха в просторечии описывают с помощью выражений *sordo come una campana, aver male campane*.

Составитель *Dizionario dei Proverbi Italiani* С. Ларусси отмечает, что в пословицах часто встречается довольно негативное и ироничное отношение к приходским священникам [3, 4]. За их поучениями не всегда следует такое же назидательное поведение. *Scherzo da prete* 'шутка священника' — это несмешная шутка. Однако изначально выражение означало неожиданную шутку. Считается, что в Средние века существовала причудливая традиция, согласно которой священник устраивал шалости, чтобы расшевелить верующих. Например, чтобы наполнить церковь смехом, из алтаря бросали сосиски и каштаны. Этот обычай нужен был для поднятия духа прихожан перед долгим постом. Лексема *prete* нашла свое отражение в названиях итальянских блюд. Так, *cappello da prete* 'шапочка священника' может означать либо свиную колбасу треугольной формы, типичную для региона Эмилия-Романья, либо вырезку из плеча крупного рогатого скота, которую тушат или варят.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что устойчивые выражения с лексемами, находящимися на периферии религиозного кода, раскрывают особенности национальной картины мира итальянцев, их восприятия окружающего мира и своей родины. Кроме того, часть ФЕ, пройдя через процесс десакрализации, используется для описания повседневной жизни: еды, поведения и способностей людей.

1. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. С. 77.
2. Маслова В. А. Духовный код с позиции лингвокультурологии: единство сакрального и светского // *Метафизика*. 2016. № 4 (22). С. 84.
3. Литинская Н. В. Языковая репрезентация ценностных доминант итальянской лингвокультуры // *Альманах современной науки и образования*. 2014. № 10. С. 97–100.
4. Larucci S. *Dizionario dei proverbi italiani*. 2007. P. 32.

Научный руководитель — канд. филол. наук М. И. Рыбалова

УДК 811.131.1:81.06

Прецедентные феномены в современных граффити на итальянском языке

А. В. Галайда

Новосибирский государственный университет

Данное исследование посвящено явлению интертекстуальности, а именно прецедентным феноменам в текстах современных граффити на итальянском языке.

Феномен граффити является предметом исследования многих дисциплин, поскольку граффити — сложное и многогранное явление, которое имеет своих приверженцев и противников. Оно может быть выражением творчества, протеста или эстетического восприятия действительности.

Граффити как техника и форма художественного выражения с течением времени развились в различные формы и приобрели характерные особенности, от доисторических каменных граффити до современного уличного искусства. Большая часть надписей представляет собой цитаты, прямые или трансформированные, из различных источников. Таким образом, при анализе данного феномена необходимо затронуть проблему интертекстуальности.

Для успешного диалога между авторами прецедентных феноменов в составе граффити и их читателем необходимо наличие «межтекстовой компетенции» у последнего, т. е. хранение в его объеме памяти соответствующих прецедентных текстов. Элементы этих прецедентных текстов (их фонетическая или синтаксическая структура, метафорическая база, характерное сочетание лексем) являются своеобразными «маркерами интертекстуальности» в текстах граффити [1].

Основная цель использования прецедентных текстов в граффити заключается в реализации коммуникативной функции — установлении диалога между читателем и автором. Прецедентный феномен не ограничивается простым указанием на предшествующие факты, но может также играть роль культурного эталона, служить скрытой метафорой и символизировать определенный феномен или ситуацию.

Объектом исследования являются тексты надписей в городском пространстве Италии, содержащие прецедентные феномены. Материалом для исследования послужили граффити, размещенные жителями городов Италии на сайтах starwalls.it, mugipulitipopolomuto.it, а также в социальных сетях.

В анализируемом материале нами были выявлены следующие источники прецедентных текстов: песни современных итальянских исполнителей, пословицы и поговорки, кинематограф, поэзия, цитаты из художественной литературы, религиозных и философских текстов.

Многие граффити — это цитаты из песен итальянских исполнителей, как известных, так и незнакомых широкой аудитории. Важной особенностью подобных граффити является общая тема любви и романтических отношений. Например, строчка из песни

Sinnò Me Mogo итальянской актрисы и певицы Алиды Келли, которая послужила саундтреком к фильму Пьетро Джерми *Un maledetto imbroglio* (1959): *vojo resta co te sinnò me moro*, или слова из песни Торна Да Ме исполнителя Luchè: *torna da... me non mentirò più*.

На стенах зданий в Италии встречается цитата крупнейшего романтического поэта XIX в. Джакомо Леопарди: *Dolce e chiara è la notte e senza vento, / E queta sovra i tetti e in mezzo agli orti / Posa la luna*. При этом фиксируются строки из произведений не только итальянских писателей и поэтов, но и зарубежных авторов мировой известности, таких как Шекспир, Ницше, Фитцджеральд, Буковски. Например, *volevo ricordarti che l'amore è rimanere, è non sparire per vedere se poi uno ci tiene* (С. Bukowski). Такие цитаты обычно сопровождаются указанием автора, напрямую отсылая к первоисточнику или к автору прецедентного высказывания. Название книги итальянской писательницы Сюзанны Тамаро *Va dove ti porta il cuore* трансформируется в тексте граффити в созвучное *VA DOVE TI PORTA IL LIQUORE*. Подобная игра слов часто используется для достижения комического эффекта.

Источниками граффити являются также пословицы и поговорки. Надпись *taralli e sambuca* отсылает читателя к итальянской поговорке *finire a tarallucci e vino*. Это выражение первоначально зародилось на юге Италии и происходит от древней традиции: когда приезжали гости, хозяин предлагал тараллуччи и вино в знак приветствия, радушия и дружбы. Поговорка «закончить тараллуччи и вином» в итальянском языке означает, что дружественная атмосфера восстановлена после изначально конфликтной ситуации.

Источником прецедентных феноменов являются также и религиозные тексты. В текстах граффити используются прецедентные имена, связанные с христианством (*Gesù, Maria*), а также имена из других религий, например *Allah*, что обусловлено актуальной социокультурной ситуацией в Италии. Однако помимо прецедентных имен, нам встретился видоизмененный текст молитвы: *Ave Maria piena di rabbia* (оригинальный текст молитвы — *Ave Maria piena di grazia*).

Таким образом, анализ прецедентных текстов в граффити открывает новые возможности для более глубокого понимания культуры и языка Италии.

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. / науч. ред. П. Е. Бухаркин. СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 1999. 444 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук М. И. Рыбалова

УДК 81'27

Театральная метафора в британском и русском политическом дискурсе

К. Д. Дедусенко

Новосибирский государственный университет

Политический дискурс — это явление, с которым каждый из нас сталкивается ежедневно: через чтение новостей или разговоры об актуальных событиях в сфере политики. Однако политический дискурс не ограничивается информированием граждан и обсуждением политических событий. Главная цель политического деятеля — получить и удержать власть, а значит, политический дискурс — это прежде всего средство формирования общественного мнения.

Одним из наиболее распространенных способов воздействия на адресата в политическом дискурсе является метафора. Метафоричность политического дискурса связана с его массовой аудиторией. Политик заинтересован в том, чтобы донести свою идею понятным образом, используя знакомые зрителю лексику и аналогии. Метафора также может использоваться политиками, чтобы избежать упоминания конкретных терминов, имен или событий, таким образом, наоборот, делая речь политика менее понятной, когда это наиболее выгодно. Кроме того, метафора делает речь политика яркой и запоминающейся, а использование определенных когнитивных конструкций и лексики подталкивают зрителя к нужной власти интерпретации событий.

Ключевыми понятиями для данной работы являются «дискурс», «фрейм» и «концептуальная метафора». В нашем исследовании мы придерживаемся когнитивного подхода к определению этих явлений: дискурс — способ говорения и интерпретации реальности, который порождает определенное ее видение [1]; фрейм — иерархически структурированная единица знания, хранящая в себе информацию о типичном для данного понятия, фрейм заполняется слотами [2]; концептуальная метафора — концептуализация одной понятийной сферы с помощью фреймовой структуры другой понятийной сферы [3].

Данное исследование сфокусировано на театральной метафоре. Распространенное употребление театральной метафоры (театрального фрейма) в политическом дискурсе связано с высокой степенью ее экспрессивности и структурированности. Структура понятийной сферы «театр» очень удачно подходит для описания политических процессов, так, например, политическое событие может сравниваться с шоу или пьесой, политики — с актерами, их имидж — с ролью, тайная политика — с закулисами и т. д. Театральная метафора, как правило, имеет негативную коннотацию и выражает такие прагматические смыслы, как неискренность, несамостоятельность, некомпетентность.

Актуальность данной темы обусловлена плотной интегрированностью театральной метафоры в политический дискурс, так как поведение политика рассчитано на определенное эмоциональное восприятие и часто является театральным.

Материалом для исследования послужили контексты употребления театральной метафоры из Британского национального корпуса (British National Corpus), Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и новостных статей. К настоящему времени мы проанализировали 171 контекст британского дискурса и 210 контекстов русского.

Цель нашего исследования — проанализировать структурирование и применение театральной метафоры в политическом дискурсе русскоязычных и англоязычных СМИ.

Предварительные результаты исследования показывают, что в использовании театральной метафоры в британском и русском политическом дискурсе нет существенных различий, а некоторые общие тенденции использования демонстрируют, что:

– одной из наиболее распространенных метафор является сравнение хода политических событий с шоу или жанрами представления. Слоты, относящиеся к жанрам представления (drama — драма, circus — цирк, soap opera — мыльная опера), наиболее распространены и в британских, и в русских контекстах: 66 из 171 слота и 74 из 210 слотов соответственно;

– в ряде британских (40) и русских (36) контекстов встречается употребление нескольких слотов театральной метафоры: *bringing down the curtain on the latest act of Poland's political drama*; *В политическом цирке такой человек, как Поликарпов, был подобен бывшему артисту, отыгравшему все свои роли, которого из милости держат возле арены с граблями для выравнивания песка.*

1. Михалёва О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 256 с.
2. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
3. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале. Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): моногр. Екатеринбург, 2001. 238 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. А. Л. Соломоновская

УДК 81'27

**Концепты COMMON SENSE и ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ
в британской и русской лингвокультурах на примерах
Британского национального корпуса
и Национального корпуса русского языка**

П. П. Елизарова

Новосибирский государственный университет

Культура формирует индивидуальную и коллективную картину мира, базовым элементом которой является концепт. Одним из важных концептов, выполняющих в определенном смысле регулятивную функцию, является концепт COMMON SENSE для англоязычной культуры и соответствующий ему ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ для русскоязычной. Эти лингвокультурные феномены легли в основу данного исследования.

Материалом для исследования послужили 1000 единиц контекстов, зафиксированных в Британском национальном корпусе (500 ед.) и Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) (500 ед.).

Основная цель работы заключается в анализе лингвокультурологических особенностей рассматриваемых фрагментов английской и русской языковых картин мира и выявлении сходств и различий в значении и употреблении концептов COMMON SENSE и ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ, а также в лексическом анализе сопровождаемых их единиц.

Ключевым понятием данного исследования является «концепт», рассматривается его природа и проблематика. Характеристика абстрактных слов и понятий является одной из ключевых проблем в философии и лингвистике. Одной из основных проблем в характеристике абстрактных слов и понятий является их неопределенность и многозначность, так как они не имеют прямого или физического отображения на конкретные объекты или явления в мире.

COMMON SENSE — концепт, широко распространенный в англоязычной лингвокультуре, отражающий ментальность, ценности и взгляды носителей языка; это здоровое, практическое суждение о повседневных делах или базовая способность воспринимать, понимать и судить таким образом, который является общим почти для всех людей; естественная способность быть практичным и принимать правильные решения. Является одной из центральных ценностей в британской культуре и ярко отражает национальную склонность к эмпиризму. Особой, уникальной особенностью концепта является то, что он имеет большую практическую направленность, нежели его неточные аналоги из других языков, как, например, французский BON SENS или итальянский SENSO COMUNE [1].

В свою очередь, словосочетание ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ является устоявшейся калькой с немецкого выражения GESUNDER MENSCHENVERSTAND, которое буквально переводится как «здоровый человеческий разум». Следовательно, исходя из происхождения словосочетания, можно сделать вывод, что оно означает что-то вроде здорового суждения, присущего психически здоровому человеку [1].

Рассмотрим разницу и проблематику данных концептов на конкретных примерах. Нередко дескриптор COMMON SENSE встречается в названиях и описаниях книг. Чаще всего под это описание подходят книги из таких категорий, как воспитание детей, тайм-менеджмент, грамотная организация пространства, преподавание, пособия по самопомощи, названия которых нередко сопровождаются такими словами, как *plan, program, approach, guide, handbook, manual* и т. д. Например, книги *The little book of common sense investing* (John C. Bogle) и *Basic economics: a common sense guide to the economy* (Thomas Sowell) можно найти на полках российских книжных магазинов под названиями «Руководство разумного инвестора» и «Принципы экономики». Классическое руководство, так как данный дескриптор является непереводаемым на русский язык из-за несоответствия в значениях.

Или, например, рассмотрим пример, взятый из НКРЯ: *И безумство поэта почти всегда трактуется не как сумасшествие, а как возвышение над здоровым смыслом, который, как известно, есть набор трюизмов и штампов сознания* [2]. Исходя из вышеприведенного определения ЗДРАВОГО СМЫСЛА, видно, что данный концепт ассоциируется скорее с нормой и адекватностью, нежели каким-то напутствием к действию, как в случае с COMMON SENSE. Однако приведенный пример показывает, что адекватность и норма иногда противоречат креативности и индивидуальности субъекта.

Предварительные результаты исследования показывают, что данные концепты имеют широкий спектр возможных трактовок, которые могут приводить к возникновению проблем в процессе межкультурной коммуникации и переводческой деятельности.

1. Wierzbicka A. *Experience, evidence, and sense: the hidden cultural legacy of English* // N. Y.: Oxford University Press, 2010. 471 с.
2. Щербина Ю. В. *Художественной правдой продолжать документальность* // Волга. 2011. № 5.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. А. Л. Соломоновская

УДК 81'23:811.131.1

**Представление носителей итальянского языка
о языковых единицах *acqua, pane, vino*
на материале психолингвистического эксперимента**

А. Р. Заворина

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена изучению представлений носителей итальянского языка о языковых единицах *acqua* 'вода', *pane* 'хлеб', *vino* 'вино'.

В современной лингвистике продолжает расти интерес к различным слоям лексики, например к языковым единицам, обозначающим продукты, выступающие как репрезентанты национальных культур.

Новизна данной работы состоит в том, что представления итальянцев о лексике «базовые продукты питания» изучены недостаточно. Ассоциативного словаря итальянского языка пока не существует.

Объектом исследования служат языковые единицы *acqua, pane, vino*. Цель работы — изучение образа представлений о лексемах «базовые продукты питания» в языковой картине мира итальянцев.

Одним из самых эффективных методов в психолингвистике, позволяющим раскрыть языковое сознание личности, является психолингвистический эксперимент. Материалом для данного исследования послужили ответы респондентов, полученные в результате психолингвистического эксперимента среди носителей итальянского языка. Нами было получено 937 ответов от 58 респондентов на 9 вопросов анкеты, разработанной нами на основе анкеты ассоциативного эксперимента Ю. Н. Караулова [1].

Для каждого слова-стимула было выявлено **ассоциативное поле** (АП), которое состоит из **ядра**, то есть самых частотных реакций, и **периферии**, состоящей из более редких ассоциаций. Так, в **ядре** АП *pane* находится слово *buono*. Можно предположить, что эта ассоциация связана с идеальным хлебом, который должен быть мягким, теплым и вкусным. На **периферии** находятся реакции, обозначающие блюда, приготовленные из теста, например *пицца, брускетта, печенье*. Также стоит сказать, что *pane* у итальянцев ассоциируется с семьей и воспоминаниями из детства, что свидетельствует о наличии обычаев и традиций, чтимых народом Италии.

Ядро АП *acqua* — *mare*, на **периферии** находятся ассоциации, связанные с водными процедурами и средствами для очищения тела. Слово-стимул *acqua* у итальянцев ассоциируется с его прямым значением, так как наиболее популярными тематическими зонами являются «природа» (28 %), «утоление жажды» (8 %). *Rosso* — это самая частотная реакция для слова-стимула *vino*, это прилагательное описывает сорт вина, который является востребованным в Италии. Следует сказать, что у итальянцев *vino* связано также с географическими объектами (*Toscana, Italia*), данные реакции находятся на **периферии**. Лексема *vino* имеет больше переносных значений в языковой картине

мира итальянцев, ведь самая популярная тематическая зона — «общение», ассоциация *amici* составляет 43 %. Также некоторые ассоциации связаны с христианством: *Gesù, sangue, santo, eucarestia*.

Наиболее частотными реакциями на языковую единицу *acqua* являются ассоциации *mare* (11), *fresca* (10), *sete* (10), *vita* (7). Среди устойчивых выражений преобладает реакция *acqua in bocca* (11) 'Молчать! Ни слова!'. Приводя контексты употребления, респонденты достаточно часто употребляют изучаемую единицу языка для обозначения желания выпить жидкость и утолить жажду. Например, *mi passeresti dell'acqua, per favore?*

Самыми частыми реакциями на слово-стимул *pane* являются ассоциации *forno* (9), *fame* (9), *farina* (9), *profumo* (8), *buono* (8), *cibo* (7). Самая частотная реакция среди устойчивых выражений — *buono come il pane* (14), ее можно перевести как 'щедрый, добрейшей души человек'. Второй по частоте употребления фразеологизм — *pane al pane, vino al vino* (9). Его русский аналог — «называть вещи своими именами». В Италии хлеб — важная и ценная пища; выражение отражает важность этого продукта для культуры и общества. В свободном контексте респонденты используют это слово с целью сообщить о своем желании съесть хлеб или рассказать о факте его употребления в пищу. Например, *ieri ho mangiato il pane*.

Самые частотные ассоциации на слово-стимул *vino* — *rosso* (27), *amici* (9), *cena* (8), *uva* (8), *bianco* (8). Наиболее распространенное выражение с компонентом *vino* — *in vino veritas* (13) 'истина в вине'. Вино среди респондентов считается хорошим дополнением к еде, поэтому в свободном контексте можно встретить фразу *Il vino occorre per un'ottima cena*.

Можно предположить, что для языковой картины мира носителей итальянского языка важную роль играют такие тематические группы слов, как «природа», «еда и напитки», «общение», «семья и традиции». Также не стоит отрицать существования взаимосвязи между языковыми единицами *acqua, pane, vino* и другой лексикой, обозначающей продукты питания и напитки.

1. Караулов Ю. Н. и др. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности. М., 1994. К. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции.

Научный руководитель — канд. филол. наук М. И. Рыбалова

УДК 81'23:811.131.1

Суффиксы субъективной оценки в итальянском языке (на материале психолингвистического эксперимента)

Ю. А. Захарова

Новосибирский государственный университет

Данное исследование посвящено изучению семантических особенностей суффиксов субъективной оценки в итальянском языке.

Лингвисты А. А. Буряковская и Т. З. Черданцева изучили и классифицировали итальянские суффиксы субъективной оценки на основании их семантики [1, 2]. М. Grossman и F. Rainer предоставили подробное описание значений данных суффиксов в монографии *La formazione delle parole in italiano* [3].

Тем не менее вопросы, связанные с исследованием семантики суффиксов субъективной оценки в итальянском языке, все еще являются актуальными, так как в настоящее время в изучении языковых и речевых явлений стало приоритетным использование междисциплинарного подхода.

Новизна данной работы состоит в том, что попытка изучения значений слов с данными суффиксами при помощи психолингвистического эксперимента предпринята впервые и этот анализ представляет ценность для разработки данного вопроса в науке.

Цель работы — изучить особенности функционирования и различные оттенки значений, которые могут реализовывать итальянские суффиксы субъективной оценки в речевом контексте.

Материалом для данного исследования послужили ответы респондентов, полученные в ходе психолингвистического эксперимента среди носителей итальянского языка. В проведенном нами эксперименте (с ноября 2023 г. по январь 2024 г.) приняло участие 56 респондентов разного пола, возраста и рода деятельности из нескольких регионов Италии. В ходе эксперимента испытуемые должны были заполнить анонимную анкету — указать кратко личную информацию, привести несколько лексем с суффиксами *-one/a*, *-accio/a*, и *-acchiare* и составить с указанными словами несколько предложений. В итоге нами было получено и проанализировано 703 ответа: 159 лексем с *-one/a* и 115 предложений, 144 лексем с *-accio/a* и 112 предложений, 94 лексем с *-acchiare* и 80 предложений.

В исследовании были использованы метод сплошной выборки, лингвокультурологический анализ, метод частотного анализа, метод содержательной интерпретации и анализа материала, метод систематизации.

В современном итальянском языке суффикс *-one*, если присоединяется к существительным или прилагательным, обычно указывает на большой размер, высоту или рост чего-либо или кого-либо. Этот суффикс также образует существительные от глаголов и тогда указывает на человека, делающего что-либо чрезмерно. Например, в предложении, полученном нами в ходе психолингвистического эксперимента: *Luca è davvero*

un mangione, ha finito la teglia di lasagne da solo! ‘Лука такой обжора, он в одного съел противень с лазаньей!’ *mangione* ‘обжора’ обозначает человека, злоупотребляющего едой, и выражает негативное отношение говорящего. Тем не менее слова, образованные с помощью этого суффикса, могут иметь и позитивную коннотацию, как, например, в предложении: *Considero il mio vicino di casa un amicone d’infanzia* ‘Считаю своего соседа по дому своим самым лучшим другом детства’. В этом контексте *amicone* имеет значение ‘близкий, лучший друг’.

Суффикс *-accio/a* традиционно выражает негативное или уничижительное отношение к объекту или явлению действительности или содержанию речи в целом. Например, в предложении: *Lorenzo ha fatto il dito medio a Luisa ieri, che gestaccio!* ‘Лоренцо вчера показал Луизе средний палец. Какой непристойный жест!’ *gestaccio* имеет значение ‘непристойный, неприличный жест’ и имеет явную негативную коннотацию. Однако в некоторых контекстах оттенок значения может быть иным. Например, в предложении: *L’aver perso il lavoro è proprio un fattaccio per lei. Che poveraccia!* ‘Потерять работу — это катастрофа для нее. Бедняжка!’ используются сразу два слова с суффиксом *-accio/a*: *fattaccio* имеет значение ‘ужасное происшествие, катастрофа’ с ярко выраженной негативной коннотацией, тогда как *poveraccia* выражает совершенно противоположное значение сочувствия и доброжелательности и может быть переведено на русский язык как ‘бедняжка’.

Суффикс *-acchiare* (или его вариант *-ecchiare*) обычно указывает на слабую интенсивность или неполноту действия и имеет нейтральное значение, как, например, глагол *sonnecchiare* ‘вздремнуть’ в предложении: *Adesso mi viene voglia di sonnecchiare* ‘Сейчас мне хочется вздремнуть’.

Таким образом, итальянские суффиксы субъективной оценки имеют несколько противоположных значений, которые реализуются в различных контекстах, что затрудняет их точную классификацию и делает необходимым их дальнейшее изучение.

1. Буряковская А. А. К вопросу о статусе альтератов в системе итальянского языка // Известия ТулГУ. Гум. науки. 2011. № 3-2. С. 411–413.
2. Черданцева Т. З. Очерки по лексикологии итальянского языка: учеб. пособие. Изд. 5-е, стер. М.: Ленанд, 2020. 184 с.
3. *La Formazione delle Parole in Italiano* / ed. by M. Grossman, F. Rainer. Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH, 2004. 658 p.

Научный руководитель — канд. филол. наук М. И. Рыбалова

УДК 81'42

Гендерные особенности кооперативных стратегий и тактик (на материале англо- и русскоязычных подкастов)

С. А. Кузнецова

Новосибирский государственный университет

Актуальность работы обусловлена стабильным интересом к гендерным особенностям речевого поведения. Исследование гендерных особенностей кооперативных стратегий позволит расширить понимание происходящих процессов в английском и русском обществе в контексте вербального взаимодействия мужчин и женщин.

Цель работы заключается в выявлении гендерных особенностей кооперативных стратегий и тактик речевого поведения участников англо- и русскоязычных подкастов.

Одним из ключевых понятий данной работы является «речевое поведение». По определению Т. Г. Винокур, речевое поведение «это не столько часть поведения вообще, сколько образ человека, состоящий из способов использования им языка применительно к реальным обстоятельствам его жизни. <...> Каждое использование языка — это своего рода поведение, которое имеет место в определенном социальном контексте и требует подчинения другим, а не только правилам, относящимся к компетенции языка и т. п.» [1].

Речевому поведению присуща социальная природа, что подразумевает под собой трансляцию некоторых стереотипов, характерных для определенной социальной группы. Поэтому в исследовании также важно понятие «социальная роль». И. А. Стернин понимает социальную роль как «поведение человека, обусловленное его социальным статусом, то есть обусловленное тем, кем он на самом деле является в обществе или в конкретной ситуации» [3]. В первую очередь при описании социальной роли необходимо учитывать постоянные признаки человека: пол, возраст, образованность, профессию, положение в семье и т. д. Таким образом, характеристика «пол», как один из постоянных признаков, важна для выявления особенностей речевого поведения.

Для речевого поведения характерна интенциональность, иными словами наличие намерений. Свои намерения человек реализует, используя речевые стратегии. Согласно О. С. Иссерс, речевая стратегия «представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [2]. В случае анализа подкастов важны именно кооперативные стратегии, так как они нацелены на эффективное взаимодействие коммуникантов.

Материалом исследования послужили англоязычные подкасты Luke's English Podcast (2009 — н. в.) и русскоязычные подкасты «Интересный Подкаст» (2019 — н. в.). Для исследования используются выпуски 2022–2024 гг. Основные темы подкастов — культура, музыка, кино, лайфстайл. На данный момент прослушано около 26 ч подкастов.

Так как исследование находится на стадии разработки, было проанализировано относительно небольшое количество материала. На основе анализа этой части данных

можно сделать некоторые предварительные выводы, которые в дальнейшем могут измениться.

В проанализированных подкастах были обнаружены следующие тактики кооперативных стратегий.

1. Тактика согласия. Данная тактика популярна как среди мужчин, так и среди женщин в обоих языках. Мужчины (англ.) — 18 использований, мужчины (рус.) — 16. Женщины (англ.) и женщины (рус.) — 15 и 13 соответственно. Наиболее частотные выражения: *Yes, you're right; Yeah, exactly; Absolutely; Да, точно; Я согласен, да; Да, да, да, есть такая штука как критическое мышление.*

2. Тактика убеждения также распространена среди мужчин и женщин. Женщины в английских подкастах, так же как и женщины в русскоязычных подкастах, для убеждения склонны приводить примеры из личного опыта. Всего выявлено 9 и 11 случаев использования данной тактики у женщин (англ. и рус. соответственно). *Yeah, my children is like that too, they are English, they feel no cold; И вот однажды я приехала в семью... Мне так сильно хотелось детей, мама всегда удивлялась...* Мужчины же склонны мыслить абстрактно или доверять фактам: *In the programme they discussed...; Я читал, да, что есть моногамные животные, они хранят верность...* У мужчин соотношение использований 11 (англ.) и 14 (рус.).

3. Тактика поддержания диалога. В англоязычных подкастах мужчины и женщины для поддержания разговора задают примерно равное количество вопросов, 13 и 12 примеров соответственно: *What is the situation?; Was it during the pandemic?; Is it the same?; Have you been to SF?* В то время как в русскоязычных к вопросам больше склонны мужчины — 16 против 10 у женщин: *То есть вы без вопросов решили попробовать? Помнишь, там был фильм «Рок волна», смотрела ты его?*

4. Тактика комплимента в англоязычных подкастах присуща мужчинам (5) и женщинам (4): *It's a good catch phrase; It's got value; It's great city.* В русскоязычных подкастах комплименты озвучивали только женщины, всего 2 примера: *Да, веселое название; Группа просто класс.*

1. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 16 с.

2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.

3. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. 67 с.

Научный руководитель — канд. пед. наук А. А. Кушнарера

УДК 811.11-112:81'367.7

**Стратегия привлечения внимания и языковые средства
ее реализации в немецкоязычных видеорепортажах
(на материале YouTube-каналов follow me.reports и Y-Kollektiv)**

А. С. Сабашникова

Новосибирский государственный университет

Цель работы — исследовать коммуникативную стратегию привлечения внимания и лексико-грамматические средства ее реализации в немецкоязычных видеорепортажах, опубликованных на YouTube-каналах follow me.reports и Y-Kollektiv. Актуальность работы обусловлена тем, что количество зрителей, использующих онлайн-видео как средство получения информации, с каждым годом растет (в Германии этот показатель увеличился с 53 % в 2014 г. до 78 % в 2019 г. [1]). Изучение языковых особенностей и коммуникативных стратегий, применяемых в видеорепортажах, может быть полезно для исследователей, занимающихся влиянием языка на восприятие информации в современном медиaprостранстве. В ходе исследования были применены методы контекстуального и количественного анализа.

Материалом для анализа послужили 10 аудиовизуальных текстов, размещенных на YouTube-каналах информационной сети funk. Видеорепортажи funk являются одними из самых успешных среди немецкоязычных информационных интернет-СМИ (в 2022 г. в Германии 76 % людей в возрасте от 14 до 29 лет использовали форматы сети funk, узнаваемость бренда составляла 86 % [2]).

Коммуникативная стратегия привлечения внимания — комплекс речевых действий, повышающих аттрактивность текста и направленных на привлечение и удержание внимания реципиента. Данная стратегия реализуется в видеорепортажах за счет следующих тактик: вопросно-ответных конструкций, риторических вопросов, номинативных конструкций, восклицательных предложений и эллипсиса.

В ходе анализа было выявлено, что видеорепортажи отличаются образностью не только на визуальном, но и на вербальном уровне. Высокая эмоциональность, присущая этому жанру, находит свое выражение в использовании следующих стилистических и лексических средств: разговорная и диалектная лексика (*pöbeln, prügeln, schauen*), специальная лексика (*Defibrillator, Blutdruckmanschetten, Notaufnahme*), усилительные наречия и частицы (*sehr, nur, schon* и т. д.), лексика со значением эмотивности (*Notstand, Frust, Zuneigung*), качественные прилагательные (*auffällig, hektisch, reibungsloser*), междометия (*Aah!; Oje!; Guck an!*), сравнения (*Das ist wie ein Dachdecker, der damit rechnet, vom Dach zu fliegen*), фразеологизмы.

Для реализации коммуникативной стратегии привлечения внимания также используются грамматические средства. Журналист применяет их для описания событий с разных ракурсов, выражения своего отношения к ним, дистанцирования и других целей, которые помогают привлечь внимание зрителя к определенным деталям.

В основном в текстах репортажей используется настоящее время глагола (Präsens), что характерно для актуализации описываемых событий. У реципиента создается ощущение присутствия, что вызывает дополнительный интерес к просмотру. Например, *Wenn man als Besitzer oder Halter neben ihm hinfällt, kann es passieren, dass der einen attackiert.*

Пассивные (Passiv) и активные конструкции (Aktiv) позволяют автору направить фокус повествования либо на сами события, либо на их участников. Например, *Hier werden Hunde aufgenommen, die schon mal jemanden oder ein anderes Tier verletzt haben.*

Модальные глаголы привлекают внимание к наиболее важной информации в тексте, отражают отношение героев репортажа к происходящему. Помимо выражения возможности, желательности или волеизъявления, они могут служить для обозначения различных оттенков предположений и сомнений [3]. Например, *Woher wusstet ihr jetzt, dass wir hierher mussten?*

При обращении к аудитории репортер часто использует Imperativ в форме второго лица мн. числа, побуждая зрителя подписаться на канал, оставить комментарий или посмотреть еще одно видео. Например, *Schreibt jetzt mal in die Kommentare, ob ihr schon mal den Notruf angerufen habt!*

Спецификой видеорепортажей funk является их субъективность. Автор выступает участником, а не свидетелем событий, что придает материалу большую эмоциональность и повышает интерес интернет-пользователей. Эта отличительная черта форматов follow me.reports и Y-Kollektiv проявляется в лексике и грамматике, которые отражают личный опыт и мнение репортера.

1. Weitesten Nutzerkreis (Nutzung mindestens selten) ausgewählter Medien in Deutschland in den Jahren 2014 bis 2023. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/614237/umfrage/weitester-nutzerkreis-ausgewaehlter-medien-in-deutschland/> (дата обращения: 13.01.2024).
2. Funk Bericht 2022. URL: <https://presse.funk.net/pressemeldung/funk-bericht-2022/> (дата обращения: 18.01.2024).
3. Schmitt R., Dreyer H. Lehr — und Übungsbuch der deutschen Grammatik. Deutschland, 2011. 359 s.

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. С. И. Филиппов

УДК 811.11-111

Прагматика улыбки: коммуникативная тактика выражения радости (на материале английского языка)

А. А. Сарыг-оол

Тувинский государственный университет, Кызыл

Описание языковых средств выражения улыбки в английском языке на прагматическом уровне предполагает выявление коммуникативных тактик выражения радости, счастья, реализуемых улыбкой для эмоционального воздействия, изменения психоэмоционального фона у собеседника.

В любой коммуникативной ситуации вербальным и невербальным способами реализуется прагматическая цель (интенция говорящего, обусловленная его внутренним состоянием и отношением к партнеру), достижение которой требует корректного выбора и оценки коммуникативных стратегий и тактик. Стратегия как центрально-теоретическое понятие в любой прагматической модели есть планомерный коммуникативный ход, совокупность речевых и неречевых действий, направленных на решение прагматической и коммуникативной задачи говорящего, а речевая/коммуникативная тактика есть одно или несколько речевых и неречевых действий, реализующих определенную стратегию [1, 2].

Прагматическая ситуация улыбки с коммуникативным намерением выражения радости, счастья наблюдается в построении межличностных отношений через манифестацию позитивно-оценочных когнитивных признаков [3] и представлена символической импликацией: *Если я улыбаюсь, значит я действительно рад(-а) тебя приветствовать, встретиться, видеть* → *выражение радости, счастья*.

Акциональная символизация улыбки подобно вербальным знакам обладает полисемией. Смысл символа можно распознать через анализ прагматической ситуации улыбки (анализ стратегии, вербальных и невербальных тактик, речевых актов и языковых единиц). Каждый участник коммуникации, руководствуясь прагматической целью, во избежание коммуникативных неудач использует наиболее успешные языковые средства, реализуемые говорящим в ходе беседы в тесной взаимосвязи с невербальными актами (использование просодики, мимики, жестов) [4].

Рассмотрим прагматическую ситуацию улыбки, в которой описывается коммуникативная тактика радости, счастья. *Ben stretched his hands out and took both of hers in his. "Did I tell you you look beautiful tonight?" he asked. "Not yet," she said, smiling slyly. He smiled in return. "In that case, you look beautiful". Then he reached into his pocket. Her heart seemed to stop beating. This was it. It was really happening* [5].

В данной прагматической ситуации улыбка реализует выражение счастья, радости, что в составе с языковыми тактиками в целом репрезентирует эмоционально воздействующую стратегию. Говорящий посредством речевого акта экспрессива (*Did I tell you you look beautiful tonight?*), в котором использует тактику восхищения и экспликации

своего внутреннего эмоционального состояния радости, счастья, воздействует на эмоциональное состояние слушающего. Референтная ситуация радости имеет языковую актуализацию в коммуникативном поведении говорящего: *stretched his hands out; took both of hers in his; you look beautiful; smiled in return.*

Улыбка слушающего как ответная реакция определена пропозицией, выраженной через актуализацию концепта SMILE, объективированного посредством лексики *smiling* в предложении “*Not yet,*” *she said, smiling slyly,* и посредством модальной оценки в предикативной группе *Her heart seemed to stop beating,* акцентируя при этом значимость невербального поведения в создавшейся прагматической ситуации. Перлокутивный эффект на адресата речи, реализованный улыбкой в тактике выражения счастья, состоит в благоприятном изменении эмоционального фона адресата. Модально-оценочное значение улыбки в данной ситуации усиливает признак «хорошо» в экспрессивном акте, что определяет положительный характер эмоций, чувств, состояния — радости, счастья, влюбленности, оказывая эмоционально-положительное воздействие на говорящего.

Представленные языковые средства выражения улыбки в английском языке позволяют утверждать, что понимание улыбки нельзя сузить до простого физиологического явления, улыбка имеет неоднородное свойство, которое в ментальных процессах находится в неразрывной связи с носителем улыбки (говорящим/воспринимающим) и речевой ситуацией в определенный момент.

1. Макаров М. Л. Основы теории дискурса: моногр. М.: Гнозис, 2003.
2. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2011.
3. Чыпсымаа О. О. Особенности соотношения эмоциональной и рациональной оценок в структуре концепта *Lächeln* // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. 2010. № 1. С. 210–215.
4. Чыпсымаа О. О. Языковое описание улыбки как коммуникативной тактики самопрезентации // Вестн. Сев.-Вост. федер. ун-та им. М. К. Аммосова. 2015. № 1. С. 124–131.
5. Sophie Love. For Now and Forever. URL: <https://sophieloveauthor.com/> (дата обращения: 11.01.2024)

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. О. О. Чыпсымаа

УДК 81'23:81'27:811.133.1

Языковая репрезентация эмоций «радость» и «гнев» в речи носителей французского языка Камеруна, Мали и Буркина-Фасо

А. С. Улыбина

Новосибирский государственный университет

Нами была изучена национально-культурная специфика базовых эмоций радости и гнева в некоторых африканских странах. Появление науки эмотиологии в конце XX в. вызвало интерес у лингвистов, и уже в начале XXI в. появилось большое количество исследований в данном направлении [1]. Радость — положительная эмоция, легко распознаваемая и вербализируема в речи, представляющая собой оценочную категорию [2]. В свою очередь, гнев — отрицательная эмоция. Гнев — негативное чувство возмущения и раздражения, которое быстро проходит [3].

Цель данного исследования — проверить, в какой мере варианты французского языка, практикуемого в различных странах Африки, отличаются друг от друга, в частности в области эмотивной лексики.

Для анализа были выбраны три страны Африки — Камерун, Мали, Буркина-Фасо. Такой выбор обусловлен результатами проведенного нами психолингвистического эксперимента, в котором приняли участие 200 респондентов из разных стран Африки. Большинство ответов было получено из указанных стран: Камерун — 100 респондентов (50 %), Мали — 27 респондентов (13,5 %), Буркина-Фасо — 23 респондента (11,5 %). В Камеруне и Мали французский — государственный язык. В Мали — рабочий (решение о новом статусе французского языка вступило в силу с 22 июня 2023 г.).

Эксперимент состоял из двух частей. Первая часть содержала вопросы о респонденте и месте французского языка в его жизни. Во второй части респонденты должны были предложить свою версию реплики персонажа из комикса (вместо авторской, которая была скрыта от них).

Структура опроса выглядела следующим образом.

1. Указание имени/псевдонима, возраста респондента.
2. Страна рождения.
3. Родной язык.
4. Роль французского языка в жизни респондента.
5. Написание реплик для 14 картин из комикса *Akissi*, с которых оригинальный текст был убран.

Комикс *Akissi* был издан в 2018 г., его автор Маргарита Абуэ создала 8 томов. Этот комикс показывает жизнь в современном африканском городе глазами маленькой девочки *Akissi*, эмоции которого можно четко определить. Было отобрано 14 картин из комикса — эмоции «радость» (3 картины), «гнев» (5 картин), «страх» (5 картин). Одна картина присутствовала для отвлечения внимания респондента.

На первой картине изображена Akissi с питомцем. Анализ этой картины показал, что в Мали часто используются реакции с императивом (15 %). Например, *Viens dans mes bras* и *Viens là, toi*. Реакции с глаголом être + adj часто встречались в Буркина-Фасо (30 %): *Je suis là mon doudou*; *Je suis très fière de toi*. Междометия были выявлены чаще в Мали (37 %): *Youpiii, Oh*.

На второй картине изображена улыбающаяся Akissi с рыбой. Анализ картины помог выявить, что реакции со словом *merci* чаще встречаются в Камеруне (37 %). Например, *Merci seigneur pour ce repas*. Однако реакции со словом *poisson* чаще встречаются в Мали (52 %) — *Regarde papi, j'ai attrapé un poisson!* На третьей картине героиня комикса с улыбкой входит в распахнутую дверь. Анализ помог выявить, что реакции со словами *salut* и *bonjour* преобладают в Буркина-Фасо, например *Salut Virginie*.

В итоге анализ первых трех картин показал следующее. Картина 1 — в речи респондентов преимущественно встречаются реакции с императивом, реакции с глаголом être + adj и междометия. Картина 2 — речь богата реакциями, содержащими слова *merci* и *poisson*. Картина 3 — часто встречаются реакции в настоящем времени и с императивом, а также реакции со словами *bonjour* и *salut*. В дальнейшем мы планируем рассматривать языковую репрезентацию эмоций «гнев» и «страх».

1. Ионова С. В. Лингвистика эмоций — наука будущего // Известия ВГПУ. 2019. № 1 (134).
2. Абросимова Л. С., Ключко Н. Г. Языковая репрезентация эмоции «радость» в русской и английской современной прозе // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3.
3. Сердюкова Н. С. Концепт «гнев/ярость» в английской и русской фразеологии // Актуальные проблемы педагогики, психологии и переводоведения: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 19–20 мая 2022 г. СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2022. С. 231–238.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. М. Дебрэнн

УДК 81.255

Вербальные составляющие киноафиши как единицы межкультурной коммуникации

Хэ Цзинюй

Новосибирский государственный университет

Киноафиша рассматривается как единица межкультурной коммуникации, если фильм является иноязычным и принадлежит другому лингвокультурному сообществу. Вербальные составляющие киноафиши представляют собой заголовочный текст, реализующий авторский замысел и обладающий цельностью и связностью. Заголовочный текст обеспечивает связи текста, то есть связь составляющих текста друг с другом, и связь между автором и реципиентом [1].

В киноафише при принадлежности представителей к разным лингвокультурным сообществам смыслы, представления и интенцию автора необходимо передавать с помощью промежуточного звена — переводчика, который декодирует и адаптирует их в соответствии с языковыми и культурными знаниями реципиента. В процессе передачи переводчик прежде всего является реципиентом, что может привести к изменению смыслового центра, однако перевод обычно соответствует содержанию фильма. Функция киноафиши — создать мотивацию к просмотру фильма, а значит — подчеркнуть его наиболее привлекательную сторону. Читая афишу, зритель из иного лингвокультурного сообщества получает информацию о малой части содержания, декодирует ее и в результате решает, смотреть или не смотреть фильм. Если потенциальный зритель, принадлежащий к иной лингвокультуре, решил смотреть фильм, это значит, смыслы, представления и интенция автора киноафиши (а в идеале и автора фильма) переданы верно, таким образом, осуществлен акт межкультурной коммуникации.

При переводе названий фильмов российские переводчики наиболее часто используют четыре стратегии: транслитерация и транскрипция, прямой перевод, трансформация и комбинации разных типов (например, транскрипция и прямой перевод, транскрипция и трансформация).

Из 162 рассмотренных нами названий фильмов с подзаголовками наиболее распространенной стратегией перевода является прямой перевод (36 %), который используется, когда представители разных лингвокультурных сообществ обладают общими фоновыми знаниями. Благодаря укреплению связей между представителями разных лингвокультурных сообществ и заимствованию из английского языка в русский, а также наличию общего фонда имен собственных, транслитерация и транскрипция составляет 20 %. Еще одной, достаточно часто используемой стратегией (24 %) является трансформация, переводчик помогает русскоязычному зрителю более эффективно ознакомиться с содержанием и жанром фильма посредством данной стратегии. Используются также комбинации разных типов (например, транскрипция и частичная транс-

формация, транскрипция и прямой перевод, транскрипция и полная трансформация или замена) (19,8 %), для того чтобы переведенный текст был максимально приближен к оригиналу.

1. Александрова О.И. Оригинальные и переводные названия кинофильмов как особые функциональные единицы // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 4. С. 1191–1199.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. А.Л. Соломоновская

ЛЕКСИКОЛОГИЯ, КОГНИТИВИСТИКА

УДК 811.19

Соматические фразеологизмы в русском и армянском языках: сопоставительный аспект

М. М. Арустамян

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград

Фразеологизмы способствуют выявлению национальных и культурных особенностей народа и языка. Т. Ф. Кузенная пишет: «Фразеологические единицы традиционно считаются хранилищем важнейших культурных знаний конкретного народа, их изучение позволяет углубить и расширить знания о человеке и обнаружить особенности национального мировидения, отраженные в языке» [1, с. 15].

В языкознании сложилась тенденция повышенного интереса к изучению фразеологии в лингвокультурологическом аспекте. Наличие многочисленных аналогов связано с общими закономерностями, которые приводят к появлению родственных фразеологизмов. Важную роль играет национальный фактор, который зачастую оказывается причиной несовпадения значений соматических фразеологизмов у носителей разных языков.

При сопоставительном анализе русские и армянские фразеологизмы были распределены по соматическим гнездам.

Первое гнездо составляют фразеологизмы с компонентом **глаз** — **աչք [achk]**. Например, *есть глазами* — *աչքերով ուտել [achkerov utel]*, *вырастать в глазах* — *աչքին բարձրանալ [achkin bardzranal]*, *с глаз долой* — *աչքից հեռու [achkits herru]*, *не верить глазам* — *աչքերին չհավատալ [achkerin chhavata]*, *перед глазами* — *աչքերի առաջ [achkeri arraj]*. Фразеологизмы *во все глаза* и *с глазу на глаз* не имеют точных эквивалентов, им соответствуют *աչքերը չորս արտս [achkery chors arats]* ‘четыре глаза сделаны’ и *երեսն առ երես [yeres arr yeres]* ‘лицом к лицу’ соответственно.

Вторая группа состоит из фразеологизмов с компонентом **голова** — **գլուխ [glukh]**. Например, *хвататься за голову* — *գլուխը բռնել [glukhy brnel]*, *отвечать головой* — *գլխով պատասխանել [glkhov pataskhan tal]*, *не выходить из головы* — *գլխից դուրս չգալ [glkhits durs chgal]*. Фразеологизм *как снег на голову* имеет эквивалент без соматизма *շատ անսպասելի ձևով [shat anspaseli dzevov]* ‘очень неожиданным образом’, как и фразеологизм *валить с больной головы на здоровую*, которому соответствует *մեղքը ուրիշի վրա գցել [meghky urishi vra gtsel]*.

Третье гнездо — фразеологизмы с компонентом **нога** — **ոտք [votk]**. Например, *едва держаться на ногах* — *հազիվ ոտքի վրա կանգնել [haziv votki vra kangnel]*, *ноги не будут* — *ոտք չի դնի [votk chi dni]*, *встать с левой ноги* — *ձախ ոտքից վեր կենալ [dzakh votkits ver kenal]*. Фразеологизм *гулять в ногу со временем* не имеет в своем составе компонента **ոտք [votk]**, но подразумевает движения, которые выполняются ногами, и соответствует фразеологизму *идти в ногу*.

Четвертая группа состоит из соматических фразеологизмов с компонентом **язык** — լեզու [lezu]. Например, *проглотить язык* — լեզուն կուլ տալ [lezun kul tal], *злой язык* — չար լեզու [char lezu], *дать волю языку* — լեզվին ազատություն տալ [lezvin azatutyun tal] ‘дать свободу языку’, *длинный язык* — երկար լեզու [yerkar lezu], *найти общий язык* — ընդհանուր լեզու գտնել [yndhanur lezu gtnel], *язык не поворачивается* — լեզուն չի պտտվում [lezun chi pttvum]. Однако *типун на язык* соответствует լեզուն պիպիսված [lezun papandzvi] ‘язык замолчал’, *язык развязался* — լեզուն բացվեց [lezun batsvets] ‘язык открылся’.

Пятое гнездо — фразеологизмы с компонентом **сердце** — սիրտ [sirt]. Например, *сердце болит* — սիրտը ցավում է [sirty tsavum e], *разбить сердце* — սիրտը կտրել [sirty kotrel], *сердце щемит* — սիրտը ճնշվել [sirtyt chmlvel], *сердце ноет* — սիրտը կտոր-կտոր լինել [sirty ktor-ktor line] ‘сердце разбито на кусочки’, *сердце сжалось* — սիրտը կուչ է եկել [sirty kuch e yekel] ‘сердце повисло’, *сердце разрывается* — սիրտը ցւայթում է [sirty raytum e], *сердце замирает* — սիրտը կանգ է առնում [sirty kang e arnum] ‘сердце останавливается’.

Сопоставительный анализ русских и армянских соматических фразеологизмов показал, что фразеология двух языков имеет много сходств. Большинство устойчивых сочетаний имеют точные эквиваленты, что позволяет утверждать об общих процессах, происходящих в рассматриваемых языках. При сопоставительном исследовании русских и армянских фразеологизмов очень важно обращение к лингвокультурологическому фактору. Фразеологизмы — это инструмент передачи культурной информации от поколения к поколению. В связи с этим их изучение помогает лучше понять традиции, обычаи, мировосприятие того или иного народа.

1. Кузенная Т. Ф., Лебедева В. Д. Проявление национальной идентичности во фразеологизмах русского языка: «свои» vs «чужие» // TerraLinguistica. 2023. Т. 14, № 2. С. 15–22.

Научный руководитель — канд. пед. наук, доц. Т. Ф. Кузенная

УДК 81'42:811.111+003

**Лексические особенности идиостиля писателя
в адаптации художественного произведения:
полиmodalный и стилистический аспекты**

Е. А. Гаврилова

Новосибирский государственный университет

Литературное произведение представляет собой письменный текст, в то время как фильм — это прежде всего средство массовой коммуникации. Главное различие заключается в разной адресованности. При экранизации произведения меняется коммуникативная направленность текста.

Полиmodalный аспект играет ключевую роль при анализе киноадаптации, так как он затрагивает взаимодействие различных модусов, благодаря которому происходит перекодировка смысла оригинального произведения. Из этого следует, что межсемиотическая адаптация напрямую связана с вопросами перевода, так как представляет собой перенос знаков одной семиотической системы в другую. По этой причине наибольший интерес вызывает проблема сохранения идиостиля автора в адаптации произведения.

Актуальность данного исследования определяется тем, что в нем предпринимается попытка лингвистического и полиmodalного анализа литературного произведения и его экранизации.

Целью данной работы является выявление модусов и кинематографических кодов, при помощи которых лексические особенности идиостиля писателя сохраняются и/или трансформируются в процессе межсемиотической адаптации художественного произведения.

Материалом исследования послужил текст романа Харпер Ли «Убить пересмешника», а также одноименная экранизация 1962 г. режиссера Роберта Маллигана. **Основными методами** исследования являются методы лингвостилистического, полиmodalного и сопоставительного анализа, а также метод сплошной выборки.

Одним из центральных понятий нашей работы является «идиостиль». Согласно М. П. Котюровой, идиостиль (идиолект) — это «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, ученого, публициста, а также отдельных носителей данного языка» [1]. Эти особенности проявляются на всех уровнях языковой системы.

Одной из наиболее характерных особенностей стиля Харпер Ли является использование юридических терминов. В ходе сплошной выборки в произведении Харпер Ли было найдено 77 случаев употребления юридической лексики. Из них в киноадаптацию были перенесены 13 случаев.

Адвокат Аттикус Финч является центральным персонажем произведения. Он часто обсуждает работу, находясь в компании своих детей. Аттикус старается отвечать на их вопросы и объяснять значения терминов так, чтобы они поняли, а также всячески под-

держивает любознательность Джима и Скаут. Дети понимают многие сложные термины лишь в общих чертах в силу своего возраста, что приводит к созданию комического эффекта. Например, мальчик Джим считает себя взрослым и пытается показать это своей младшей сестре, используя термины, смысла которых еще не до конца понимает: *Oh, Scout, it's like reorganizing the tax systems of the counties and things. That kind of thing's pretty dry to most men* [2].

В ходе нашего исследования было установлено, что чаще всего юридическая лексика в фильме используется для создания комического эффекта: было выявлено 13 употреблений; номинативная функция в 9 случаях употребления (69,3 %); функция создания комического эффекта в 3 случаях (23 %); в 1 случае из 13 выполняется эмотивная функция (7,7 %).

Также мы выяснили, что адаптация рассмотренных нами примеров производилась посредством нескольких каналов восприятия: аудиального, визуального, а также с помощью кинематографических кодов. При этом модусами и кинематографическими кодами, чаще всего взаимодействующими с исследуемыми единицами в рассмотренных нами эпизодах, были: интонация, поза и план — по 5 случаев (13,2 %) каждый. Такие модусы, как проксемика, взгляд и мимика, взаимодействовали с исследуемыми единицами в 4 случаях (10,5 %) каждый; громкость и паузы — в 3 случаях (7,9 %) каждый, при этом длина пауз может варьироваться от 0,6 до 9 с; темп — в 2 случаях (5,3 %); музыка, шумы и композиция — в 1 случае (2,6 %) каждый.

Таким образом, результаты исследования приемов адаптирования на примере романа Харпер Ли указывают на то, что в процессе адаптирования язык упрощается и приближается к разговорному, что объясняется направленностью киноадаптации на более широкую аудиторию. Киноадаптация, несмотря на упрощение, сохраняет функции используемой юридической лексики, однако частотность употреблений данных функций отличается от оригинального произведения, что, в свою очередь, лишает адресата возможности прочувствовать индивидуальный стиль Харпер Ли в полном объеме.

1. Котюрова М. П. Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд. М.: Наука, 2003. С. 95.
2. Lee H. To Kill A Mockingbird. N. Y.: McIntosh and Otis, Inc., 1998. P. 118.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. В. Шилова

УДК 81'42

Полимодалные особенности репрезентации нарратологической функции «борьба» в кинотексте

В. А. Гилева

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена исследованию репрезентации нарратологической функции «борьба» в кинотексте.

Актуальность работы обусловлена увеличивающимся количеством различных способов выражения нарратологической функции борьбы в кинотексте, которая реализуется через внутренние и внешние конфликты. Кроме этого, в рамках активно развивающейся теории полимодалного анализа стоит отметить необходимость исследования связи между вербальными и невербальными способами выражения внутренней и внешней борьбы.

Цель работы заключается в выявлении вербальных и невербальных особенностей репрезентации сцен в кинотексте, маркирующих противостояние, на основе данных, полученных из современных фильмов.

Нарратологическая функция — это «поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия» [1].

В.Я. Пропп выделяет тридцать одну нарратологическую функцию персонажей в волшебной сказке [1]. Эта классификация может быть применена и к современным фильмам, так как она отражает типичную структуру произведения с завязкой, развитием событий, кульминацией и развязкой.

В данной работе будет подробно рассмотрена функция борьбы, которая в классификации В.Я. Проппа занимает шестнадцатое место: «Герой и антагонист вступают в непосредственную борьбу» [1].

«Кинодискурс — сложное явление, включающее в себя связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами — аудиовизуальным рядом и другими значимыми для смысловой завершенности фильма невербальными факторами» [2].

Одним из методов исследования кинотекста является полимодалный анализ. Он позволяет рассмотреть то, как проявляется борьба персонажей на разных вербальных и невербальных уровнях. Он включает в себя анализ различных модусов: модусов речи, проксемики, позы, жестов, движений головы, взгляда, музыки, печатных материалов и обстановки во время разговора [3].

Проанализировав эмпирический материал (3 сцены из фильма «Маленькие женщины», Грета Гервиг, 2019), мы пришли к следующим выводам.

1. Используя разные интонации, скорость речи и громкость голоса, актеры выражают эмоции персонажей и их внутренние переживания. Чем громче голос, тем сильнее герой выражает свои эмоции, чем быстрее речь, тем более напряженная ситуация.

2. Наиболее часто персонажи произносят фразы с ядерным тоном High Fall. Этот тон позволяет выразить сильные эмоции, в сценах конфликта они могут быть как позитивные (облегчение, радость, приятное удивление), так и негативные (злость, обида, раздражение). Негативные эмоции зачастую преобладают.

3. С помощью интонации также выделяются слова, которые обычно не являются ударными (*is, I, you*). Таким образом акцент смещается на эти слова, что позволяет выразить определенную мысль. Это также связано с эмоциональностью речи во время конфликта, в силу которой любое слово интонационной группы, в том числе и относящееся к вспомогательным частям речи, может стать ударным.

4. С лингвистической точки зрения на конфликт указывают слова с негативной коннотацией и семантикой деструкции, каузативные глаголы и повелительное наклонение, ряды отрицательных конструкций.

5. В кинотексте зачастую присутствует ссылка на прошлое, что раскрывает глубину конфликта и показывает, что он начался гораздо раньше непосредственной ссоры — своеобразной кульминации конфликта.

6. С точки зрения проксемики на конфликт указывают резкие и частые изменения дистанции между персонажами с социальной до интимной и наоборот. Если кульминацией конфликта является драка, то большинство персонажей, включая второстепенных, оказываются в непосредственной близости друг от друга.

7. Поза персонажей может отражать их намерения и служить способом привлечения внимания. Кроме того, в моменты сильного эмоционального напряжения поза, как и жесты, становится произвольной, таким образом показывая истинное состояние персонажа.

8. Для создания атмосферы конфликта некоторые модусы могут быть намеренно опущены. Например, музыка во время конфликта между Джо и Эми отсутствует, что придает сцене реалистичности.

1. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 144 с.

2. Зарецкая А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 22 с.

3. Norris S. Analyzing Multimodal Interaction: A Methodological Framework. New York and London Routledge, 2004. 177 p.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. В. Шилова

УДК 811.111'37

Специфика аббревиатур и сокращений в английских научно-технических текстах

А. С. Головин

Новосибирский государственный университет

В современном мире в связи с научно-техническим прогрессом заметно расширяется использование текстов научно-технического стиля, в которых появляется большое количество языковых средств, способствующих решению их основных коммуникативных задач. Такими средствами являются аббревиатуры и сокращения.

Целью настоящего исследования является комплексный лингвистический анализ аббревиатур и сокращений на материале английских научно-технических текстов, включающий выявление тематической специфики исследуемых единиц, изучение структурных, графических и семантических характеристик, а также особенностей их функционирования.

Для достижения поставленной цели использовался метод комплексного лингвистического анализа, включающий семантический, структурный и функциональный анализ, в сочетании с методами систематизации, сравнения и обобщения.

Материалом исследования послужили монографии, написанные в научно-техническом стиле: Shenzhen Mindray Bio-Medical Electronics Co., Ltd — Digital Ultrasonic Diagnostic Imaging System: Operator's Manual и Haas Automation Inc. — Mill Operator's Manual.

В ходе изучения выделенные единицы были распределены по тематическим и структурным группам с последующим анализом их функционирования в научно-технических текстах. Общее количество — 179 единиц: 130 аббревиатур и 49 сокращений.

После ознакомления с соответствующей литературой (А. М. Пешковский, И. В. Арнольд, J. Culler, R. Ritter и др.) мы разделили аббревиатуры на инициализмы, акронимы и символы, а сокращения — на графические сокращения и усечения. Среди аббревиатур в нашем материале чаще всего встречались технические термины (78 ед.): *HSM* — *high-speed machining*, *USB* — *Universal Serial Bus*. Самой распространенной структурной группой у аббревиатур оказались инициализмы (114 ед.): *IEC* — *International Electrotechnical Commission*, *DVD* — *Digital Video Disc*. Среди тематических групп сокращений обнаруживались: единицы измерения (17 ед.) и технические сокращения (19 ед.): *kHz* — *kilohertz*, *EQ* — *equal*. В структурном плане применительно к сокращениям преобладали усечения (44 ед.): *MEM* — *memory*, *hPa* — *hectopascal*.

Важнейшей функцией аббревиатур и сокращений является функция компрессии — текст становится более кратким и емким. Кроме того, выделяются номинативная, информативная, дейктическая и экспрессивная функции, однако последняя практически не встречается в анализируемых нами научных текстах [1]. Номинативная функция заключается в том, что аббревиатуры и сокращения называют предмет,

понятие или явление. Информативная функция реализуется в способности аббревиатур и сокращений актуализировать передачу какой-либо информации [2], а дейктическая свидетельствует о том, что аббревиатуры и сокращения являются «маркером категории сложности» [3].

Таким образом, в результате анализа данных единиц были сделаны следующие выводы. В изученном нами материале в большом количестве присутствуют аббревиатуры, обозначающие технические термины, которые выступают одним из основных маркеров научно-технического текста. Употребление остальных тематических групп аббревиатур оказалось нерегулярным, так как они использовались для решения частных коммуникативных задач (к примеру, они вводились для названия стран, учреждений и т. д.), тогда как технические аббревиатуры обозначали понятия и явления, которые относились к базовым и необходимым для научно-технических текстов. Единицы измерения и технические сокращения также встречались в наших материалах. Однако они были не такими разнообразными, как аббревиатуры, так как одно и то же сокращение нередко использовалось в тексте значительное количество раз (к примеру, *etc.* — 28 раз). В целом проанализированные нами лексические средства свидетельствуют об их особой значимости для научно-технической сферы, поскольку аббревиатуры и сокращения существенно уменьшают текстовый объем, делая его более кратким и емким.

1. Липатов А. Т. Синтонимия и аббревиация // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11–13 дек. 2001 г.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. Т. 1. С. 162–165.
2. Тибилова М. И. Аббревиатуры-инновации: системно-описательный и лингвопрагматический аспект: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Астрахань, 2011. 21 с.
3. Могилевский Р. И. Очерки аббревиации славянских языков. М., 1983. 168 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. В. Тарабунова

УДК 81'37

Фразеологические параллели в английском, русском и тувинском языках как способ познания языковой картины мира

Б.М. Кеңденова

Тувинский государственный университет, Кызыл

Работа представляет собой исследование языковой картины мира, национально-своеобразной специфики народа, актуализированной во фразеологии. Данное исследование выполнено в сопоставительном аспекте, что в последнее время вызывает большой интерес исследователей в связи с возможностью фразеологических единиц (ФЕ) эксплицировать не только способы «объективации» языковой картины мира, но оценочные и эмотивные отношения к обозначаемому [1]. Выявление в составе ФЕ когнитивных признаков «эмоционального и рационального отношения» отражает два полярных свойства оценивания реальности [2].

Фиксация границы между человеком познающим и миром познания определяется посредством тела, его частей, органов как способа познания. Тело переводится на греческий язык как «сома» и поэтому ФЕ, имеющие в составе наименование органов и частей тела человека, называются соматическими.

Цель работы заключается в сопоставительном анализе соматических ФЕ английского, русского и тувинского языков с целью обнаружения общих и индивидуальных признаков в языковой картине мира исследуемых культур.

Соматические ФЕ часто связаны с характеристикой человека и его поведения. Мы остановимся лишь на некоторых семантических особенностях данного класса ФЕ.

Функционально-семантическая группа ФЕ на тему «Еда» представляет собой сложное ментальное образование, в котором могут быть выделены частично совпадающие и пересекающиеся признаки в русской, английской и тувинской лингвокультурах. Признак «вкус» передается следующими ФЕ: *пальчики оближешь, во рту тает* (о чем-то вкусном, очень желаемом), *хырын ээзи* (человек, любящий вкусно и сытно поесть), *дыл одура ызырын алгы дег* (вкусно приготовленная еда), *to have a sweet tooth* (быть сладкоежкой), в которых объективированы такие соматические единицы, как *пальчики, рот, хырын* (живот), *дыл* (язык), *tooth* (зуб). Признак «голод» объективирован такими ФЕ: *костлявая рука голода* (о массовом голоде), *подводит живот, положить зубы на полку* (страдать от голода), *на пустой желудок* (голодный желудок), *слюнки текут* (сильное желание съесть что-л.), *чараазын сыыртынар* (сильно хотеть есть при виде еды), *to stay somebody's stomach for a bit* (утолить голод), *a hungry belly has no ears* (человек, испытывающий голод).

Функционально-семантическая группа ФЕ, актуализирующая признак «отрицательное поведение / характеристика человека», объединяет ФЕ с отрицательным субъективно-оценочным компонентом, вызывающим осуждение и негативную оценку определенных черт характера человека (трусость, бесчувственность, жестокость и др.).

Например, *сердце закипает* (переполняет чувство гнева), *потерять голову, дылы агарын каар* (быть шокированным от чувства досады, трусости, неловкости), *дылы чидиг* (проявлять бестактность, грубость), *аксында чуректиг, бош чуректиг* (трусость), *lily liver* (струсить), *to get blood out of something* (проявить жесткость), *to be as hard as nails* (не иметь сострадания или сопереживания к другим).

Функционально-семантическая группа с признаком «страх, испуг», описывает волнение, испуг человека: *сердце/душа ушло(-а) в пятки* (сильный испуг), *сердце упало* (внезапное ощущение тревоги), *ноги задрожали* (дрожать от страха), *чурээ чарлы бээр чазар* (перепугаться до смерти), *чурээ аксынга кээр* (испугавшийся человек), *to have heart in boots* (сильно испугаться), *to bring heart into your mouth* (перепугать кого-л. до смерти), *to jump out of the skin* (испугаться чего-л.), *to get cold feet* (испугаться). Испуг, страх в русской лингвокультуре передается такими частями тела и органами, как *пятка, сердце, ноги*; в тувинской передается органом *чурээ* (сердце); английской — *heart* (сердце), *mouth* (рот), *skin* (кожа), *feet* (ступни, ноги).

Анализ представленной классификации соматических ФЕ показывает актуализацию разных семантических признаков соматических ФЕ с точки зрения лексического значения, грамматической структуры и ее идеографического анализа. Представленный материал позволяет глубже проникнуть в языковую картину русскоязычного, англоязычного и тувиноязычного сообществ. Национальная специфика фразеологии проявляется и может быть описана как совокупность форм и аспектов проявления национальной специфики семантики. Основными аспектами проявления национальной специфики семантики выступают денотативный, коннотативный и функциональный.

1. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
2. Чыпсымаа О. О. Особенности соотношения эмоциональной и рациональной оценок в структуре концепта LÄCHELN // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. 2010. № 1. С. 210–215.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. О. О. Чыпсымаа

УДК 81'24:81'27

**Оценка влияния афроамериканского социолекта
английского языка на испанский и русский языки
(на материале текстов песен)**

А. Ю. Куницкая

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена изучению влияния заимствований из афроамериканского социолекта английского языка в русском и испанском языках на материале текстов песен современных рэп-исполнителей.

В эпоху глобализации английский язык стал универсальным средством общения между людьми разных стран и культур, а заимствования из английского отражаются не только в речи носителей, но и в музыкальных произведениях. Потому актуальность темы обусловлена динамичностью языковых контактов и необходимостью изучения их последствий в реальном времени. Процесс заимствования англицизмов из афроамериканского социолекта ярко проявляется в современных песнях молодых исполнителей, которые выступают в жанре рэп, вдохновляются англоязычной музыкой и используют более краткие и емкие английские лексемы вместо длинных описательных оборотов, в том числе для поддержания ритма и рифмы.

Одно из ключевых понятий данной работы — African American Vernacular English (AAVE), который, согласно О. А. Леонтович, является социолектом, ведь это «вариант языкового употребления, используемый определенной социальной группой» [1]. В нашей работе мы используем этот термин или его русскоязычный аналог — афроамериканский социолект английского языка.

Основываясь на определениях исследователей, например В. В. Жапова, Е. В. Шустровой и Т. Б. Заграевской, под AAVE мы понимаем «социально-культурно-этническое явление» [2], которое представляет собой «социально-коммуникативную систему, обладающую внутренней целостностью и градацией, проявляющую известную социально-классовую, ситуативно-стилистическую и региональную вариативность, что определяется возрастом, полом и образом жизни его носителей» [3].

Афроамериканский социолект английского языка обладает яркими признаками выражения социальной идентичности и широко используется на территории США определенными социальными группами. Его носители намеренно «кодируют» свою речь, чтобы подчеркнуть свою групповую принадлежность. Историческими причинами возникновения и развития AAVE стали сегрегация и быстрый рост афроамериканского населения в «черных этнических гетто больших городов» [2].

AAVE отличается от Standard English и на уровне лексики, и грамматики, и фонетики, поскольку он происходит из «черного» фольклора, а базой для лексики является «западноафриканский языковой фон» [2]. AAVE обладает уникальными чертами: особой устной традицией, метафорикой, древним механизмом кодирования речи — *signifyin'*,

главная цель которого заключается в передаче скрытого смысла и который используется как в музыке, так и в проповедях [4].

Материалом исследования послужили тексты 200 песен, из которых было отобрано 209 уникальных лексических единиц. Современные лексемы из афроамериканского социолекта английского языка были проанализированы и классифицированы по тематическим группам и моделям. Нам удалось выделить новые тематические группы, помимо тех, что уже были описаны лингвистами: «самоопределение», «отношение к женщине» и «рэп-музыка». Среди моделей преобразований для русского языка было выделено 6 моделей, согласно классификации А. И. Дьякова, самой продуктивной из них является модель с сохранением графической формы языка-источника, т. е. транспланты или неассимилированные англицизмы (79 из 153 англицизмов). В испаноязычных текстах также больше всего используются неассимилированные англицизмы (41 из 56 англицизмов).

Среди причин заимствования в обоих языках можно выделить следующие: языковая мода, система свой — чужой, отсутствие эквивалента в языке-реципиенте и создание определенного стилистического эффекта. В результате сравнительного анализа мы пришли к выводу, что русский язык более подвержен влиянию английского по сравнению с испанским языком, но при этом русский быстрее ассимилирует заимствования из афроамериканского социолекта.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке курсов по вариантологии английского языка, лексикологии, теории и практике перевода, а также при составлении глоссариев молодежного сленга.

1. Леонтович О. А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию: учеб. пособие. Волгоград: Перемена, 2003.
2. Жапов В. В. Лексико-семантический состав и особенности функционирования Black English на современном этапе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
3. Заграевская Т. Б. Генезис афроамериканских этноформ английского языка: оригинальные и заимствованные идеи в отечественной лингвистике // Вестн. Черепов. гос. ун-та. 2012. Т. 2, № 3 (41). С. 104–108.
4. Шустрова Е. В. Истоки языковой игры в афроамериканской устной традиции // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург, 2005. Вып. 3. С. 101–109.

Научный руководитель — канд. филол. наук Н. С. Мулляджанова

УДК 81'26:81'33

Национально-маркированная терминология американской правовой системы (на материале сериала *Suits*)

Е. М. Мишина

Новосибирский государственный университет

Каждое государство имеет свою правовую систему, направленную на защиту и охрану интересов граждан. Американская правовая система выступает образцом для многих стран. Безусловно, как и любая сфера знаний и профессиональной деятельности, американская правовая система использует собственную терминологию, в которой можно встретить как интернациональные термины, так и узкоспециальные термины, называющие национально-специфические реалии права в США. Под терминологией мы, вслед за А. А. Реформатским, понимаем «совокупность терминов, данной отрасли производства, деятельности, знания, образующую особый сектор лексики, наиболее доступный сознательному регулированию и упорядочению» [1, с. 116].

Актуальность данного исследования связана с тем, что национально-маркированная лексика может быть непонятна носителям других языков и культур, а терминологические слова-реалии представляют еще большую проблему, поскольку они связаны не только с бытовой сферой, но и с устройством сложной области знаний.

Цель исследования заключается в изучении национально-маркированных американских юридических терминов и составлении соответствующего глоссария. Материалом исследования послужил первый сезон американского драматического телесериала *Suits*, рассказывающего о работе юристов в США. Было проанализировано двенадцать серий, на основе которых был составлен корпус юридических терминов. Данные единицы были объединены в следующие тематические группы: названия американских организаций, акты и документы, должности и правонарушения.

Проектирование структуры и содержания глоссария включало в себя следующие этапы:

- 1) отбор лексических единиц и их классификация;
- 2) выбор принципа организации глоссария.

Основная задача заключалась в поиске национально-маркированных терминов с учетом их этимологии. Американское право взяло множество терминов из англосаксонского и римского права, потому требовался тщательный анализ происхождения каждого выделенного термина. Некоторые термины, например названия организаций (SEC, the Sixth Circuit, e.P.A.) или названия актов (Sarbanes-Oxley Act, NDAA), не представляют сложности в этом отношении, однако встречались и другие термины, которые на первый взгляд не являлись исконно-американскими, например *district attorney* — термин, означающий *prosecutor in the state or municipal court system* 'прокурор в судебной системе штата или города' [2, с. 126]. Термин впервые появился в американском праве, после чего был заимствован в терминосистемы других языков. При этом, не зная историю

термина *patent*, можно подумать, что это также специфический термин американского права, но первые упоминания *patent* встречаются еще в Древней Греции, а регулярное использование термина началось с 1474 г. в Венецианской Республике [3, с. 96]. Хотя данный термин является важным для американской правовой системы, в глоссарий он не был включен. Также встречались термины, аналоги которых существуют в других правовых системах, например *Social Security number*, но так как термин отражает реалию, важную для любого гражданина и резидента США, термин был добавлен в список слов глоссария.

На следующем этапе была определена структура одноязычного толкового глоссария. Было принято решение разделить содержание глоссария на две группы: предметные термины и названия организаций. Все термины были отсортированы в алфавитном порядке.

Данная работа обладает практической значимостью, поскольку результаты исследования могут быть полезны не только для юристов, но и для переводчиков юридических текстов, так как глоссарий составлен с целью помочь в понимании специфических терминов американского права.

1. Реформатский А. А. Введение в языковедение: учеб. для вузов / под ред. В. А. Виноградова. 5-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2004. 536 с.
2. Webster's new world law dictionary / ed. by S. E. Wild. Hoboken: Wiley Publishing, Inc., 2006. 320 p.
3. Афанасьев Д. В. Основные положения современного патентного права: предпосылки формирования и развития. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-polozheniya-sovremennogo-patentnogo-prava-predposylki-formirovaniya-i-razvitiya> (дата обращения: 29.01.2024).

Научный руководитель — канд. филол. наук Н. С. Мулляджанова

УДК 81'42

Особенности аудиального конструирования реальности как черты индивидуального стиля автора

А. Н. Назарова

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена исследованию художественных средств, используемых авторами для влияния на аудиальную репрезентативную систему читателя. Актуальность обусловлена проблемой полного понимания адресатом задумки автора. Углубленное ее изучение позволяет нам разобраться в том, как преобладание у адресанта одной репрезентативной системы сказывается на возможности или невозможности читателя целиком погрузиться в идеи писателя.

Цель работы — определить роль средств аудиальной модальности в конструировании художественной реальности в романе Джаннетт Уоллс «Замок из стекла». Их исследование раскроет отличительные качества мышления аудиалов и покажет особенности употребления этих средств в литературе как черты идиолекта писателя.

В данной работе мы начали изучение темы только с точки зрения аудиальной репрезентативной системы, она же выступает в качестве объекта исследования. В дальнейшем планируется изучение и других систем — визуальной, кинестетической и дигитальной — на базе того же произведения. Перед началом исследования была выдвинута гипотеза о том, что в мемуарах Джаннетт Уоллс будут превалировать средства визуальной или кинестетической модальностей, а аудиальная будет проявлена в меньшей степени.

Под аудиальной репрезентативной системой понимается система, которой обладают люди с преобладающим слуховым каналом восприятия. Сам же термин *репрезентативная система* был разработан психологами для определения способа переработки информации. Хорошо развитый аудиальный канал позволяет человеку лучше запоминать информацию на слух, а также побуждает его использовать слова, характеризующие или называющие звук. Это объясняет причину неодинакового усвоения одних и тех же слов разными людьми [1].

Анализ эмпирического материала дал следующие результаты.

1. На данный момент выявлено, что в первых двух частях книги Джаннетт Уоллс использовала 88 языковых единиц, способствующих пониманию текста через аудиальную систему. Среди них насчитывается 60 глаголов, 18 существительных и 10 прилагательных.

2. Частое употребление глаголов дает понять, что в речи Джаннетт Уоллс они являются превалирующим и, вероятно, наиболее простым способом, помогающим «услышать» написанное. Хорошими примерами можно назвать следующие выражения: *I screamed; call out my name; she sounded; as always; cheerful and casual*. Здесь автор употребляет глаголы со значением ‘издавать звук’, которые очевидно побуждают нас «услышать» написанное. Более того, такие глаголы, как *scream*, сами собой уже харак-

теризуют этот звук, давая понять, что действие героя сопровождается испугом, страхом и осуществляется на повышенных тонах. Самыми распространенными являются *say, tell, ask*. Они составляют 50 % от всех глаголов и безусловно имеют отношение к аудиальной системе, однако назвать их особенностью идиолекта писательницы нельзя, так как они считаются нейтральными словами и популярны среди всех англоязычных писателей.

3. Существительные, обозначающие звук или его отсутствие, не менее ярко рисуют и поддерживают необходимый тон, задуманный автором, а также погружают читателя в соответствующую атмосферу. Они являются вторыми по частотности использования в речи Джаннетт Уоллс. Нередко с их помощью писательнице удается наиболее точно передать характеристику звука, непосредственно называя его. Например, *I put some **Vivaldi** on, hoping the music would settle me down*. Говоря *Вивальди*, автор имеет в виду музыку, созданную им. Благодаря метонимии мы наблюдаем необычный вариант передачи звука на письме.

4. Аудиальные прилагательные — еще один неотъемлемый элемент речи автора. Они помогают создавать желаемое настроение происходящих событий, ярче описывать чувства и эмоции, которые испытывает персонаж, слыша или производя звук, что распознается аудиалами наиболее тонко. Благодаря им в памяти пробуждаются нужные образы, соответствующие обозначенному звуку: ***crunching sound; cheeping voices***. Так, например, ономотопея *crunching* ‘хрустящий’ не просто фонетически подражает звуку, но и создает образы объектов, которые в нашем понимании могут его издавать: ветки, бумага, лед.

5. Наша гипотеза подтвердилась в том, что аудиальная репрезентативная система для Джаннетт Уоллс не является ведущей и не формирует основу ее идиолекта. Из 2756 слов прямое воздействие на слуховой канал читателя оказывают 88, это чуть больше 3 % от всего проанализированного материала. Однако употребление этих слов все же позитивно действует на людей, в большей степени, с преобладающей аудиальной модальностью, делая историю для них более увлекательной. Данное исследование сформировало четкое представление о том, какими могут быть аудиальные средства и как разнообразно они сказываются на восприятии текстов.

1. Афанасьева Т. С., Гришакина Н. И. Репрезентативные системы в обучении // Вестник института экономики и управления НОВГУ. 2018. № 3 (28). С. 21–27.

Научный руководитель — канд. филол. наук В. В. Шилова

УДК 81'42

**Эмотивная лексика в кинотексте: полимодальный аспект
(на материале англоязычного художественного фильма
The Fault in Our Stars и испаноязычного
художественного фильма Nuestros amantes)**

Д. М. Сухушина

Новосибирский государственный университет

Долгое время изучением эмоций занималась только психология, которая рассматривала эмоциональное состояние как психологическую категорию, показывающую отношение человека к объекту действительности. Однако постепенно все больше и больше лингвистов стало обращать внимание на эмотивность — способность языковых единиц отражать эмоциональные переживания говорящего, которая легла в основу новой дисциплины — лингвистики эмоций.

Эмотивы, с одной стороны, являются экспрессивными, так как могут оказывать воздействие на реципиента, с другой стороны, в их состав входит оценочный компонент, потому что говорящий выражает свое субъективное мнение. Такие лексические единицы входят в состав эмотивной лексики и могут принадлежать к разным частям речи: глаголам, существительным, прилагательным, наречиям, словам категории состояния и междометиям. Они способны отражать эмоциональное состояние, его становление и воздействие на него, отношение к определенному явлению, внешнее выражение эмоций, а также передавать эмоциональную характеристику или качество [1].

Кинотекст — полимодальный феномен, который состоит из лингвистических и нелингвистических знаков. Среди последних выделяются аудиальные (речь героев, музыкальное сопровождение) и визуальные (поза, жесты) модусы. Отдельного внимания заслуживают кинематографические коды (план, композиция), которые помогают создать целостную картину происходящего.

Целью нашей работы является определение роли эмотивной лексики в полимодальном дискурсе посредством исследования взаимосвязи между вербальными и невербальными знаками.

Мы обнаружили, что видеоряд усиливает значение передаваемой эмотивной единицы. Большую роль играет интонация, с которой произносится фраза, а также мимика и взгляд, сопровождающие высказывание.

Например, в фильме *The Fault in Our Stars* (2014 г.) Хейзел говорит следующее: *I believe we have a choice in this world about how to tell sad stories* [00:00:36]. Лексическая единица *sad* — эмотивное прилагательное, выражающее эмоциональное воздействие, то есть истории способны сделать человека грустным. В качестве ядерного тона используется *Low Fall*, что указывает на завершенность высказывания и на спокойствие главной героини. Эффект от произнесенной фразы усиливается с помощью глубокого

взгляда, который устремлен прямо на зрителя и заставляет его задуматься о смысле сказанного. Таким образом, между реципиентом и Хейзел устанавливается контакт.

В качестве другого примера мы взяли фразу из того же фильма: *I'm not depressed* [00:01:28]. Выделенная лексическая единица относится к эмотивным прилагательным и отражает эмоциональное состояние Хейзел. Высказывание произносится с использованием шкалы *Rising Head* и тона *High Fall*, что обусловлено недовольством главной героини. На ее лице мы видим немой протест: поднятые брови, напряженная челюсть и широко открытые глаза, которыми она смотрит на доктора и свою мать. Она пытается заставить их прекратить неприятный разговор о депрессии.

Эмотивная лексика включает в себя не только названия эмоций, но и слова с эмотивным компонентом. Например, при обращении к дочери мать главной героини использует следующую фразу: *Hey, sweet pea* [00:04:40]. Мы определили выделенную единицу как существительное с атрибутивным модификатором, отражающее отношение матери к Хейзел. Использование именно этого растения, с одной стороны, обусловлено его красотой, с другой стороны, тем, что оно является символом невинности, любви и чистого сердца. Выражение произносится с использованием тона *Low Rise*, так как мать желает продолжить разговор с любимой дочерью. Ее взгляд и мимика показывают, что она очень рада видеть Хейзел: она смотрит прямо на нее и искренне улыбается.

Таким образом, в процессе исследования мы пришли к выводу, что в полимодальном дискурсе значение эмотивов раскрывается в результате взаимодействия вербальных и невербальных знаков. Ключевую роль в кадрах с эмотивными лексическими единицами играют модусы, связанные с мимикой, поза, жесты, а также кинематографический план. Использование преимущественно крупного плана позволяет зрителю рассмотреть невербальные знаки и почувствовать эмоцию через экран.

1. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. В. Шилова

УДК 81'2

Лингвокультурологические особенности фразеологической единицы чэньюй с компонентом «легкие» (肺)

М. М. Худаев

Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова, Якутск

Фразеологизмы являются важной частью не только языка, но и культуры. Ведь во фразеологических единицах выделяются разнообразные черты культуры любого народа, от особенностей мышления и языковой картины мира до особенностей исторического развития и сформировавшейся впоследствии народной мудрости. Фразеологизмы также содержат в себе большую часть культурных кодов — некой совокупности представлений и ассоциаций отдельного народа, связанных с отдельными аспектами действительности. Соматический (телесный) код среди всех кодов является одним из самых больших и распространенных во всех культурах мира [1]. Особенно он важен в китайской лингвокультуре. Соматические фразеологизмы употребляются в речи китайцев повсеместно, как в разговорной речи, так и в письменной. Поэтому данное исследование будет полезным для установления более успешной межкультурной коммуникации между Россией и Китаем. В соматический код входят не только наименования частей тела и внутренних органов, но и любые действия, связанные с ними (протянуть руку помощи, подставить плечо и т. д.).

Чэньюй — устойчивое словосочетание или предложение, построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное и неделимое, с обобщенным, метафоричным переносным значением [2]. Согласно известному лингвисту Ма Гофаню, в китайском языке есть 5 основных видов фразеологизмов. Однако мы рассматриваем именно чэньюй, так как данная единица наиболее часто применяется в речи, а также несет в себе огромную культурологическую значимость [3].

Для проведения исследования мы отобрали 25 чэньюй с компонентом «легкие» (все чэньюй были отобраны из официального электронного китайско-русского словаря БКРС). После мы провели анализ семантики с целью классификации чэньюй по значению. Однако можно сделать вывод о том, что среди всех чэньюй с данным компонентом можно выделить лишь одну группу — «описание характера человека» (6). В этой группе смыслы связаны с описанием особенностей характера человека. Причем большинство чэньюй данной группы описывают такие черты характера, как жестокость, бесчеловечность, подлость. Например, 驴心狗肺 *lǘxīn gǒufèi* значит 'жестокый и беспринципный, подлый и низкий'. Можно также выделить, что такие смыслы создаются при помощи метафорического сравнения человеческих органов (обычно это легкие и сердце) с органами животных, как в примере выше (驴 букв. 'осел', 狗 букв. 'собака', т. е. ослиное сердце и собачьи легкие). Соответственно, такие сравнения обладают негативной коннотацией.

Помимо уже указанных животных, сравнения ведутся с органами крыс и волков: 鼠心狼肺 *shǔxīn lángfèi* — крысиное сердце и собачьи легкие. Еще в данной группе могут встречаться смыслы, связанные с такой чертой характера, как легкомысленность, например 没心没肺 *méi xīn méi fèi* ‘легкомысленный, несерьезный, небрежный, бесхитростный; ни ума, ни фантазии’. Такие смыслы создаются при помощи указания того, что органы (легкие и сердце) отсутствуют или имеют малые размеры (в прошлом примере 没 переводится как ‘не иметь, отсутствовать’). Рассматривая эту группу, можно заметить, что все чэньюй, описывающие характер человека, имеют в своем лексическом составе не только наименование легких, но и сердца. Вследствие этого можно сделать вывод, что сердце и легкие в китайской лингвокультуре в комбинации ассоциируются с особенностями характера, психологии человека. Легкие также комбинируются с другими внутренними органами человека, например печенью: 如见肺肝 *rú jiàn fèi gān* ‘видно насквозь, видеть легкие и печень человека’.

Таким образом, большая часть чэньюй с компонентом «легкие» (肺) не поддаются какой-либо очевидной семантической классификации. Однако можно сформировать одну небольшую группу чэньюй, которые описывают особенности характера человека. В основном смыслы этой группы сконцентрированы на такой характеристике, как «жестокий, бесчеловечный». Можно отметить, что такие описания создаются в чэньюй при помощи сравнения органов (легких и сердца) человека с органами животных (в основном крыс и волков).

1. Мержоева З. А., Нальгиева Х. И. Соматический код — один из основных кодов лингвокультуры // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 3–7 (71). С. 141–145.
2. Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка: учеб. М., 2007.
3. Разина А. С. Происхождение чэньюй: взаимодействие культур в межъязыковой коммуникации // Молодой ученый. 2018. № 36 (222). С. 130–132.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. А. А. Васильева

УДК 81'37

Отражение концептосферы британской лингвокультуры в произведениях Рейчел Джойс

В. Ю. Червинская

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена исследованию языковых средств выражения базовых концептов британской лингвокультуры в прозе Рейчел Джойс.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что мировоззрение и жизненный опыт автора в значительной степени влияют на способы репрезентации концептов, составляющих концептосферу определенной культуры, в художественных произведениях, а также на содержание и основные характеристики этих концептов. При этом исследование концептосферы британской лингвокультуры в современной английской литературе проводится фрагментарно. Именно поэтому представляется актуальным проанализировать, как репрезентуются концепты у современных английских авторов, например у Рейчел Джойс.

Целью данной работы является выявление языковых средств, выражающих базовые концепты британской лингвокультуры в прозаических текстах Рейчел Джойс.

Ключевым понятием нашей работы является понятие концептосферы. На современном этапе развития лингвистической науки под концептосферой ученые понимают мыслительную сферу, состоящую из концептов, существующих в виде мыслительных картинок, схем, понятий, фреймов, сценариев, гештальтов (более или менее сложных комплексных образов внешнего мира), абстрактных сущностей, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира [1].

После анализа информации, связанной с концептами британской культуры, в работах К. Фокс [2], Г. Хофстеде [3] и М. В. Цветковой [4] нами были отобраны для последующего анализа такие базовые концепты британской лингвокультуры, как *home, freedom, privacy, common sense, gentleman, fair play, stiff upper lip, sense of humour и eeyorishness*.

Для анализа лексических средств выражения базовых концептов британской лингвокультуры мы выбрали метод лексико-семантических полей, характерный для анализа концептов с точки зрения лингвокогнитивистики. Выбор данного метода обусловлен ориентацией лингвокогнитивистики на исследование роли языка в концептуализации и категоризации мира, что во многом соотносится с темой нашей работы. Указанный метод представляет собой поиск словарных дефиниций лексических единиц, используемых для обозначения исследуемых нами концептов, и выделение в тексте соответствующих лексических единиц с последующим вычленением ядра и периферии.

Материалом исследования послужили романы британской писательницы Р. Джойс *The Unlikely Pilgrimage of Harold Fry* (2012), *The Music Shop* (2017), *Maureen Fry and the Angel of the North* (2022), а также рассказы из вышедшего в 2015 г. сборника *A Snow Garden and Other Stories*.

На данный момент уже были проанализированы средства выражения концепта *common sense* в сборнике рассказов *A Snow Garden and Other Stories*. При проведении анализа лексико-семантического поля концепта *common sense* в этих рассказах мы обратились к словарю, где лексеме *common sense* дается следующее определение: *the basic level of practical knowledge and judgment that we all need to help us live in a reasonable and safe way* [5]. Исходя из представленного определения, можно предложить следующую семную структуру значения лексемы: *practical knowledge* (сема 1), *judgment* (сема 2), *help us live* (сема 3), *in a reasonable and safe way* (сема 4).

Предварительный анализ позволил сделать следующие выводы.

1. Данное лексико-семантическое поле, состоящее из 44 лексических единиц, часто представлено устойчивыми выражениями, нередко содержащими лексемы *fact* и *sense* (*All she knew was that nothing **made sense**; And that's a **fact**; There was nothing for it but to be practical. Use his **common sense**; Our meeting was, **in fact**, a very ordinary accident; It **made no sense**, and yet he had seen it*).

2. С точки зрения употребления частей речи анализируемое лексико-семантическое поле представлено существительными, наречиями и прилагательными (*She realized with a terrible, blank and absolute **clarity** that it was over; It was far bigger than Alan had expected and **clearly** also heavier; Is it **normally** like this?; You could call it luck, intuition, the gods, magic, or you could be very **practical** if you wished and call it mashed-up paper*).

Данные выводы могут быть дополнены или изменены после проведения полного анализа исследуемого материала.

1. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
2. Fox K. Watching the English // Hodder and Stoughton. 2004. 157 p.
3. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations Software of the Mind // McGraw Hill. 2010. 576 p.
4. Цветкова М. Ю. Межкультурная коммуникация: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. Н. Новгород: НГЛУ, 2001. 320 с.
5. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 18.02.2023).

Научный руководитель — канд. пед. наук А. А. Кушнарера

УДК 81'37

Использование прецедентных феноменов в англо- и русскоязычной рекламе 1990-х гг. (на материале американских и российских рекламных телевизионных роликов)

А. А. Шукман

Новосибирский государственный университет

1990-е гг. в США и России характеризуются как новая эра бизнеса и коммуникации. В то время особую роль в экономическом развитии стран сыграла реклама. Будучи средством воздействия на массовую аудиторию, она апеллирует к важным культурным смыслам и по сей день выступает главным инструментом привлечения потребителя. Поэтому актуально изучение прецедентных феноменов в рекламе 1990-х гг.

Для проведения исследования были рассмотрены понятия интертекстуальности и интертекста. Интертекстуальность — включение в текст других текстов или их фрагментов в виде цитат и аллюзий. Продуктом интертекстуальности является интертекст — объективно существующая информационная реальность, явление языка в его креативной функции, обеспечивающей способность языка не только передавать готовые сообщения, но и создавать новые.

Категория интертекстуальности тесно взаимодействует с категорией прецедентности. Прецедентность — любая характеризующаяся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определенной культурной группы. Объект данного исследования, прецедентные феномены (ПФ), представляют собой ядерные элементы когнитивной базы любого лингвокультурного сообщества, единицы и значения, хорошо известные его среднестатистическому представителю. Согласно классификации И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова и Д. В. Багаевой, на основе объема передаваемой информации прецедентные феномены делятся на прецедентный текст (ПТ), прецедентное имя (ПИ), прецедентное высказывание (ПВ) и прецедентную ситуацию (ПС).

Исследованию особенностей употребления ПФ в рекламе посвящены исследования таких ученых, как Л. П. Амири, Т. А. Бычкова, Н. Г. Вартанова, И. В. Высоцкая, В. В. Зирка, С. В. Ильясова и др. Данные ученые исследовали ПФ в названиях общественных заведений, рекламных текстах газет и журналов, телерекламе, вывесках, баннерной социальной рекламе и интернет-рекламе. Авторы приходят к выводу, что ПФ в рекламе используются, чтобы привлечь внимание адресата и обратить внимание на качества товара.

Были исследованы особенности употребления ПФ в американской и российской рекламе. В результате исследования ПФ были выделены такие виды, как вербальные, в которые входят ПВ (64 % от общего кол-ва употреблений в американской рекламе и 68 % — в российской) и ПИ (9 и 11 %); и вербализуемые, к которым относятся ПС (11 и 7 %) и ПТ (16 и 14 %). Некоторые российские рекламные ролики содержат более одного вида ПФ, в американских подобное наблюдается только однократно.

Для исследования была использована классификация источников прецедентности в рекламе, предложенная Л.П. Амири и С.В. Ильясовой. В результате исследования в американской и российской рекламе были выявлены следующие источники: поэзия и художественная литература, библейские тексты, мифология и фольклор (*And grandma, what big teeth you have! — Well, my dear, all the better to eat you with!*), фразеологизмы (*the party animals in new Tiny Toon Adventures Fruit Snacks!*), пословицы и поговорки (*Хлеб — он всему голова*), речевые штампы, афоризмы и крылатые выражения, художественные фильмы и мультфильмы (*Hasta la vista, baby! The Terminator is back*), фоновые знания из области культуры, науки и истории (*В 1861 году в Лондоне было открыто первое в мире метро, а в России отменено крепостное право*).

Как в американской, так и в российской рекламе текстовый фрагмент используется без структурного изменения в новом контексте: *Just what the Doctor ordered* (реклама напитка Dr. Pepper); *Комар носа не подточит* (реклама спрея от комаров); или трансформируется частично заменой одного или нескольких слов: *Italians don't live by pasta alone*; *С глаз долой — прочь с лица*. В американской рекламе такая замена может происходить в сочетании с фонетической игрой (*Just wait we'll get our "Hanes" on you*), в российской фрагмент может быть трансформированным полностью (*Игра или дело — ешь Mars смело*).

Как в американских, так и в российских рекламных роликах 1990-х гг. ПФ вводятся в рекламный текст вербально или видео-вербально. В американской рекламе были выявлены такие виды интеграции видео-вербальных компонентов медиатекста, как ассоциация, дополнение, иллюстрация и коннотация; в российской — ассоциация, иллюстрация и контраст.

В американской и российской рекламе 1990-х гг. прецедентные феномены используются для актуализации культурных смыслов и привлечения внимания потребителя. Наиболее часто встречающийся вид прецедентного феномена и в американских, и в российских рекламных роликах — прецедентное высказывание. Источниками прецедентности в рекламе могут быть поэзия, литература, фразеологизмы, паремия, фильмы, фольклор и общие знания о культуре, науке и истории.

Научный руководитель — канд. филол. наук Н. А. Тюленёва

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Председатель секции — д-р филос. наук, проф. *О. А. Донских*

Ответственный секретарь секции — *Т. В. Скрыпник*

Экспертный совет секции

д-р филос. наук, проф. *О. А. Донских*
д-р филол. наук, проф. *И. В. Силантьев*
д-р филол. наук, проф. *Л. Н. Синякова*
д-р филол. наук, доц. *О. Д. Журавель*
д-р филол. наук, доц. *Д. В. Долгушин*
канд. филол. наук, доц. *А. Ю. Бородихин*
канд. филол. наук, доц. *В. А. Мельничук*
канд. филол. наук *И. А. Шилова*

LITERATURE STUDIES

Section Head — Dr Philos. Sci., Prof. *O. A. Donskikh*

Section Responsible Secretary — *T. V. Skrypnik*

Section scientific committee

Dr Philos. Sci., Prof. *O. A. Donskikh*
Dr Philol. Sci., Prof. *I. V. Silantiev*
Dr Philol. Sci., Prof. *L. N. Sinyakova*
Dr Philol. Sci., Assoc. Prof. *O. D. Zhuravel*
Dr Philol. Sci., Assoc. Prof. *D. V. Dolgushin*
Cand. Philol. Sci., Assoc. Prof. *A. Yu. Borodikhin*
Cand. Philol. Sci., Assoc. Prof. *V. A. Melnichyk*
Cand. Philol. Sci. *I. A. Shilova*

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XI–XVIII ВВ.

УДК 821.161.1

Старообрядческий сборник выписок из Пролога второй половины XVIII в.: структура, источники, жанр

Г. В. Белоусов

Новосибирский государственный университет

Объектом нашего исследования стал старообрядческий сборник выписок из Пролога, хранящийся в Государственном архиве Тобольска (ГАТОТ № 24). Он интересен тем, что представляет собой пример трансформации Пролога в поздней рукописной традиции. Пролог — произведение древнерусской литературы устойчивого жанрового состава, но при этом с вариативностью любых компонентов структуры. Вопрос о соотношении динамического и устойчивого характера в Прологе до сих пор остается актуальным [1]. Изучаемый нами сборник составлен преимущественно из проложных слов и поучений, но в нем также присутствуют фрагменты из Кирилловой книги, Толкового Евангелия и других источников, что свидетельствует о более свободном характере наполнения сборника в поздней рукописной традиции.

Проанализировав почерки, мы пришли к выводу, что над сборником работало два составителя: первый и по хронологии, и по объему работы выполнил основной текст сборника скорописным почерком последней трети XVIII в., второй заполнял пустые листы сборника выписками из Пролога скорописным почерком конца XVIII — начала XIX в. Ряд факторов указывает на то, что изначально был написан текст сборника первым составителем и только потом второй составитель занялся оформлением и созданием непосредственно кодекса: обрез сборника выполнен уже после того, как написан основной объем текста сборника первым писцом, — в некоторых местах часть текста утеряна вместе с бумагой, однако авторская фолиация везде указана с учетом обрезанного края, к тому же почерк, которым проставлены номера листов, идентичен почерку дополняющих основной текст сборника выписок на пустых листах.

Время работы первого писца напрямую соотносится с датировкой рукописи. Она датируется 1770–1780 гг. по водяным знакам, среди которых: литеры ГГІС [сложный вензель] // ІФК [сложный вензель] (Клепиков, № 163 — 1776 г.) [2]; Участкина, № 332 — 1770 г. [3]; Есипова, 2005, № 215 [4]); литеры ВФ (в волнистой рамке) // СТ (в волнистой рамке) (Клепиков, № 151 — 1765–1776 гг.; Участкина, № 482 — 1779 г.; Есипова, № 130).

Наше исследование показало, что первый составитель, скорее всего, пользовался первым печатным изданием Пролога 1641 г. за сентябрьскую половину, о чем свидетельствуют выписанные им «Память Павла Фивейскаго» (30 октября) и «Святых мученик Тимофея и Мавры жены его» (9 ноября), отсутствующие во втором издании Пролога 1642 г. Представляется, что основным источником выписок как для первого, так

и для второго писца стал второй печатный Пролог 1642–1643 гг. Второй писец оставлял указания на листы, с которых были списаны проложные статьи, например, «Слово святого Афанасия о иконе...» (11 октября) приводится с указанием на лист 189; «Слово от Лимониса, сказание о чудеси о детех, служивших на камне...» (4 января) — на лист 628, что соответствует именно изданию 1642 г.

Календарная структура сборника нарушается (например, среди сентябрьских статей читаются две декабрьские), однако сохраняется годовая структура: сборник начинается проложными выписками сентябрьского полугодия и заканчивается выписками весеннего и летнего периодов. Большую часть текстов составляют слова и поучения, житийных текстов встречается гораздо меньше. Представляется, что такое внимание составителя к учительным текстам обусловлено востребованностью текстов четьего характера в поздней рукописной традиции бытования этого сборника. Исследование данного сборника помогает понять внутреннюю логику составления подобных старообрядческих сборников и проследить изменение структуры и концепции Пролога в поздних списках.

1. Шилова И. А. Динамические процессы в литературной истории древнерусского Пролога: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013.
2. Клепиков С. А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства. М.: Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1959.
3. Uchastkina Z. V. A history of russian hand paper-mills and their watermarks Hilversum. 1962.
4. Есипова В. А. Филиграни на бумаге сибирских документов XVII–XVIII вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005.

Научный руководитель — канд. филол. наук И. А. Шилова

УДК 398(=511.142)

**Образ Ими-Хиты в сборнике «Хантыйские сказки
в собрании Вольфганга Штейница»**

Е. Р. Габзалилова

Новосибирский государственный университет

Исследование посвящено шести текстам хантыйского фольклора из сборника известного финно-угроведа Вольфганга Штейница [1]. Эти произведения были записаны им и его студентами-хантами из Института народов Севера в 1934–1937 гг. Главным персонажем этих текстов является национальный герой — дух [2, с. 18–19] Ими-Хиты.

В анализируемых текстах главный герой называется Ими-Хиты, то есть ‘тетин племянник’ (хант.). Второе имя этого героя — Альвали, этимология которого до конца неизвестна. Герой чаще всего живет с бабушкой или тетей, отсюда и его имена: Эк-ва-пырись ‘женщины сынок’ у манси [2, с. 18–46], Ими-Хиты ‘бабушкин внук; тетин племянник’ у западных хантов. Эти имена указывают на безотцовство героя.

В мифологических, героических и бытовых текстах Ими-Хиты имеет много имен: Нум-сорни ‘Верхний-золотой’, Сорни-орт ‘Золотой князь’, Кон-ики ‘Господин-старик’, Кантых-кан ‘Хантыйский князь’, Торум-пах ‘Торума сын’, у манси это Сорни-отыр ‘Золотой богатырь’, Лунт-отыр ‘Гусь-богатырь’, Лусн-хум ‘Всадник’ и др. Согласно большинству мифологических текстов, Ими-Хиты является младшим сыном верховного бога Нум-Торум, поэтому в именах фигурируют понятия «бог», «дух», «богатырь», «всадник», а на обрядовых предметах Ими-Хиты изображается в виде всадника на коне. Примечательно, что в текстах из сборника Штейница мы наблюдаем несколько перевоплощений Ими-Хиты в золотого гуся, золотую березу и золотого жеребенка, которые коррелируют с перечисленными выше именами героя. Ими-Хиты осуществляет посредничество между небом и землей, на что указывает одно из имен — Купец Нижнего Света, Купец Верхнего Света. Ему приписывается сотворение самой земли, создание человека, его обучение, создание огня и т. д. Ими-Хиты в конце произведений становится культурным героем, родовым духом, почитаемым народом обских угров, со своим святилищем и жертвоприношениями [2, с. 18–46].

В сказаниях об Ими-Хиты выделяются положительные персонажи (главный герой, его тетя/бабушка, старик и старуха тундрового холма, называющие Ими-Хиты своим внуком) и отрицательные герои, среди которых три змея, с которыми сражается Ими-Хиты; Царь-Без-Сердца, Кир-Нюлэп-Ими (низшее сверхъестественное существо); Менк-Ики, или Менкв (мифическое лесное существо, великан-людоед).

Исходя из поступков главного героя, мы можем охарактеризовать его как смелого (бой с тремя змеями), упорного (уничтожает целый город), хитрого (пытается обмануть бабушку и Кир-Нюлэп-Ими) и целеустремленного (несколько раз предпринимает попытку поймать дядю в мешок) героя. Речевая характеристика свидетельствует о склонности героя к иронии («Не хвастайся так! Может быть, кровавый кусочек мяса

застрянет у тебя в горле!»), о его любопытстве («Какой человек родился навечно? Если смерть, то смерть, пойду туда, что там?»), своенравии (старик: «Внучек, это ты проделываешь такие штуки!»), Ими-Хиты отвечает: «Я такой»), упрямстве (на недовольство бабушки его поступками Ими-Хиты отвечает: «Это мое дело!»). Объединяя в себе высокое происхождение и черты «трикстера», «проказника», Ими-Хиты в исследованных текстах сборника В. Штейница предстает многогранным оригинальным героем. Цикл сюжетов отличается сплавом героического, сказочного и бытового нарративов и отражает мифологически-религиозное представление хантов об окружающем мире.

1. Хантыйские сказки в собрании Вольфганга Штейница / пер. с нем. Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 228 с.
2. Лукина Н. В. Примечание // Мифы, предания, сказки хантов и манси. Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 5–59.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. А. Мельничук

УДК 821

**«Друг честных людей, или Стародум»
Д. И. Фонвизина: освещение проблем воспитания
и нравственности в эпоху Просвещения**

М. А. Долгова

Новосибирский государственный университет

В последнее время возрос интерес к творчеству Д. И. Фонвизина: об этом авторе написано много современных исследований, но большинство из них о самых известных его комедиях «Недоросль» и «Бригадир». За долгое время создано большое количество работ, посвященных биографии и драматургии писателя, но о его журналистской деятельности сказано не так много, недостаточно исследована проблематика и специфика журнала Д. И. Фонвизина «Друг честных людей, или Стародум».

Журнал «Друг честных людей, или Стародум» был подготовлен к печати в 1788 г., но так и не вышел из-за запрета Екатерины II. Только в 1830 г. П. П. Бекетов издал первое полное собрание сочинений Д. И. Фонвизина [1], и читатели смогли наконец познакомиться с журналом. Часть произведений, входящих в него, имеет политическую направленность, а другая часть посвящена вопросам воспитания и нравственности. Журнал написан в эпистолярной форме. В письмах Д. И. Фонвизин раскрывает дальнейшую судьбу героев комедии «Недоросль», а также вводит новых героев.

В докладе речь пойдет о девяти письмах, в которых затрагивается проблема воспитания и нравственности: «Письмо к Стародуму от племянницы его Софьи», «Ответ Стародума Софье», «Действие четвертое» (расширенная сцена из комедии «Недоросль»), «Письмо к Стародуму от Дедиловского помещика Дурыкина», «Письмо университетского профессора к Стародуму», «Письмо Дурыкина к Стародуму», «Письмо от Стародума» (о разговоре молодых писателей), «Разговор у княгини Халдиной», «Наставление дяди своему племяннику».

Методологической основой нашего исследования стала работа Г. П. Макогоненко «Денис Фонвизин: творческий путь», а также его подход к изучению творчества писателя [2]. Тексты писем рассматриваются в историко-культурном контексте эпохи. Анализируются характеристики героев, их образы сравниваются с комедией «Недоросль». Так, Фонвизин называет Милона честным человеком, однако в тексте журнала говорится, что он изменяет своей жене Софье. Мы показываем динамику образа Милона по сравнению с комедией и выясняем, что в эпоху Просвещения значение этого выражения было иным.

Журнал дополняет представление о нравственности в эпоху Просвещения и расширяет ее понимание Д. И. Фонвизиним. С момента первой постановки комедии «Недоросль» в 1782 г. прошло шесть лет, и за это время взгляд автора на героев изменился. При анализе писем журнала выяснилось, что писатель формулирует критерии нрав-

ственности, основываясь на различии социальных ролей мужчин и женщин, а также по-разному смотрит на их воспитание.

1. Полное собрание сочинений Д. И. Фонвизина: Ч. 1–4. М.: Типография Семена Селивановского, 1830.
2. Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин: Творческий путь. М.; Л.: Гослитиздат, 1961.

Научный руководитель — Е. А. Турук

УДК 821.161.1

Неизвестный вариант издания Псалтири Почаевской типографии 80-х гг. XVIII в.

М. Е. Дьяченко

Новосибирский государственный университет

Историю и репертуар старообрядческих изданий, вышедших в Почаеве, изучали многие исследователи: А. П. Запаско и Я. Д. Исаевич [1], А. В. Вознесенский [2], И. В. Починская [3], П. И. Мангилев [4], Е. А. Емельянова [5] и др.

Почаевская типография Униатского монастыря признается исследователями третьей униатской книгопечатней после типографий в Вильно и Супрасле. За время изучения ее изданий был пересмотрен вопрос о начале деятельности типографии: А. С. Зернова на основе выходных сведений датировала начало ее деятельности 1770-ми гг. Затем было установлено более позднее время появления изданий, имеющих «ложные» выходные данные. И. В. Починская сообщает, что типография стала выполнять заказы старообрядцев с 1781 г. [3, с. 47], А. В. Вознесенский указывает на 1782 г. как год окончания печатания наиболее ранних изданий [2, с. 8].

Постепенно появляются новые сведения и о количестве изданных книг. По данным каталога А. В. Вознесенского, в Почаевской типографии с 1782 по 1794 г. было выпущено не менее 30 изданий. Большая часть из них — служебные книги: Псалтирь (9 изд.), Канонник (10 изд.), Часовник (4 изд.) и др. Но печатались и четъи книги: Цветник аввы Дорофея (3 изд.) и Собрание краткой науки о артикулах веры Петра Могилы (5 изд.) [4]. Емельянова выделяет еще издание четъего типа, не описанное Вознесенским, — Цветник (типография Успенского монастыря, после 1801; Емельянова, № 109 [5]).

В собрании бийского Музея истории Алтайской духовной миссии хранится Псалтирь 80-х гг. XVIII в. Экземпляр неполный, содержит 243 листа, утрачено начало и конец книги. По особенностям орнамента и фолиации она близка к изданию 1784 г. с выходными сведениями «в типографии Почаевской Е. К. В. 7292 года», описанному Вознесенским (№ 320) и Починской (№ 63), однако имеет ряд уникальных отличий.

Особенности бийского экземпляра делятся на следующие группы. Особенности в фолиации выражаются в заглавном или строчном написании литеры «с» в обозначении листов с 200-го по 384-й. К примеру, листы с 200-го по 224-й нумеруются с использованием заглавной «с», а 225-й — прописной.

Выявленные особенности в орнаменте касаются только сохранившейся части листов книжного блока. В издании обнаруживается 17 заставок с 4 досок, одна из которых совпадает с иллюстрацией из каталога (Починская, № 245 — л. 99 об., 115), однако остальные либо имеют некоторые отличия, либо вовсе не были нами обнаружены в известных справочниках. Например, на л. 127 об., 238 об., 316 об. находится заставка, близкая к иллюстрации из каталога Починской (№ 249), но имеющая небольшие, но существенные отличия, касающиеся внутренних узоров в заставке. Другая особенность заключается

в двойном написании колонтитула «псалом // в субботу великую»: на л. 139–141 слово «суббота» пишется через букву «о», а на л. 142–149 — через омегу («ω»).

Вознесенский, описывая Почаевское издание Псалтири с выходными сведениями «1784», отмечал, что оно напечатано на бумаге 1789–1790 гг. В бийском экземпляре использована бумага двух сортов: основная часть листов книжного блока изготовлена на угличской бумажной фабрике Максима Григорьевича Переяславцева и имеет филигрань — литеры УБФ // СМГП, Pro Patria (Клепиков, № 859, 1786 г. [6]). Лишь одна тетрадь (ААА) напечатана на голубой бумаге и имеет другую филигрань — литеры А/Г Pro Patria, белая дата «1789» (Клепиков, № 17 [6]).

Экземпляр Бийского музея имеет уникальные особенности в фолиации и орнаментике. Наше исследование показывает, что издание, опубликованное в Почаевской типографии в конце 1780-х гг. и содержащее в выходных сведениях дату выхода «7292 [1784]» год, имело как минимум два варианта.

1. Запаско А. П., Исаевич Я. Д. Памятники книжного искусства. Каталог старопечатных книг, изданных на Украине. Кн. 2, ч. 2 (1765–1800). Львов: Вища школа. Изд-во при Львов. ун-те, 1984.
2. Кириллические издания старообрядческих типографий конца XVIII — начала XIX века: каталог / сост. А. В. Вознесенский. Ленинград, 1991.
3. Починская И. В. Старообрядческое книгопечатание XVIII — первой четверти XIX в. Екатеринбург, 1994.
4. Вознесенский А. В., Мангилев П. И., Починская И. В. Книгоиздательская деятельность старообрядцев (1701–1918). Материалы к словарю. Екатеринбург, 1996.
5. Емельянова Е. А. Старообрядческие издания кирилловского шрифта конца XVIII — начала XIX века. М., 2010.
6. Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. М., 1959.

Научный руководитель — канд. филол. наук И. А. Шилова

УДК 821.161.1

Гендерные аспекты обличения повседневных грехов в проповеди XVII в.

А. Д. Калинина

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Предыдущие исследования структуры греховного пространства в мировоззрении автора рукописного сборника проповедей последней четверти XVII в. «Статир» [1] и ее отражения на страницах проповедей дают представление о сложной субординации грехов в сознании проповедника. Главным грехом и причиной всех других провозглашается духовная лень — нежелание постоянного труда в духовной сфере для глубокого понимания божественной премудрости. Неразрывная связь телесной и духовной природы человека проявляет грех души через телесные пороки и пороки поведения: пьянство, лень, блуд, украшательство, кощунство, жадность, гневливость и т. д.

Основная часть проповедей против грехов в «Статире» не имеет гендерного разделения и обращена ко всей пастве. Акцент на грехах, совершаемых женщинами, делается в некоторых «общих» проповедях против пьянства, поскольку в женском пьянстве автор видит специфические проявления греха и на духовном, и на социальном уровне. Однако ряд проповедей обращен с обличением именно к женщинам, что указывается в заглавиях: «На любоу́тварьныя жены, яко *от(ъ)* всех посмѣянны», «О еже како молитися и на бесчїнующія в ц(е)ркви, и на украшающія жены», «Коликъ смѣхъ, иже почитаются злата ради, и на украшающїися жены и д(е)вы». Эти проповеди обличают порок украшательства и связанное с ним тщеславие. Сама идея носить красивые одежды и украшения в проповедях не критикуется, поскольку даже Домострой предписывал на праздники и в церковь надевать «лучшее платье» [2]. И. Забелин приводит свидетельства иностранцев о русских женщинах, использовавших румяна и сурьму [3]. Главной проблемой повседневного женского занятия становится смещение фокуса с заботы о своей душе и будущем спасении на заботу о внешности.

В образной системе Слов на тему женского украшательства проявляется всеохватывающая идея о связи земного и небесного топоса, поскольку такая постоянная составляющая обличения, как антитеза, в действиях грешницы и праведницы реализуется как противопоставление внешности и бытовых действий украшающей себя женщины ритуальным, сакрализованным действиям праведницы. Центральными становятся, наряду с Богородицей, традиционные образы жен-мироносиц и мучениц, к которым проповедник обращается неоднократно.

В обличении поведения украшающейся женщины, кроме пренебрежения заботой о спасении собственной души, автор отмечает и опасность для душ других прихожан, описывая, как грешница ловит на себе завистливые взгляды во время службы. Особенно автор беспокоится за юношей: «О жéно безумная, рцы ми, вопросившумя тя, кая ти полза *от(ъ)* украшения, или кое приобрѣтение, еже многихъ на ся очи привла-

чишь? Но токмо симъ зрѣниемъ уловляешь души неутвержѣнныхъ юношъ и с(ер)дце ихъ на любодѣяние подвизаешь и допускаешь ихъ мыслию любодѣйствовати с тобою. И симъ, яко змий василискъ, убиваешь Д(у)шу ихъ» [4]. Проповедник настаивает, что грехом в украшателстве является не только тщеславное желание привлечь к себе внимание, но и провоцирование желанія преступной связи и покушение на нравственную чистоту молодого поколения.

Проповеди против украшателства изобилуют перечислением косметических средств и описывают женщину от одежды до жестов. Концепт красоты тела и красоты души становится тут воплощением метафоры о грехе души, видимом в телесном облике — и рукотворная красота ничем не отличается от уродства, связанного с внутренним грехом. Сопоставление бытового и сакрального поведения женщины, проблематизация украшателства через вызывание красотой одежд «мирских» и даже грешных помыслов во время службы показывает причину обращения женской половины паствы к своему земному облику — нежелание искренне углубляться в веру и размышлять над истинными идеями христианства, что и проявляется в небрежении к своей душе и душам окружающих. Это и есть духовная лень, которую автор понимает вершиной своей иерархии грехов, выстраиваемой в «Статире». Порок украшателства вплетается в эту иерархию, будучи следствием недостаточного духовного труда, и показывается в проповеди как корень других грехов — зависти, блуда. Так же как и в «общих» проповедях, в проповедях на украшателство звучит мотив нарушения целостности земного и небесного в человеке, а желание украсить тело, а не душу рассматривается как покушение на созданный Богом человеческий облик.

1. Соболева Л. С. Сборник проповедей XVII века «Статир»: сакральные образы и автор. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. 314 с.
2. Домострой. По рукописям Императорской публичной библиотеки / В. Яковлев. Санкт-Петербург: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1867.
3. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 567.
4. Сборник слов и поучений «Статир» // Отдел рукописей РГБ. Собр. Румянцева. Ф. 256, № 411. 815 л.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Л. С. Соболева

УДК 821.161

Тема благословенной и оскверненной пищи в текстах молитв на благословение колива (в рукописной традиции XIII–XVII вв.)

Ф. П. Кизюн

Новосибирская православная духовная семинария

Тексты молитв на благословение колива уже становились объектом исследования. А. А. Дмитриевский выделил пять греческих молитвословий на освящение кутьи [1], еще одну молитву выявил М. Арранц [2], А. В. Петровский определил их назначение — освящение колива в честь церковных праздников или для поминовения усопших [3]. Иеромонахи Иларий и Арсений указали на молитвословие, которое, по их мнению, является оригинальным русским (непереводным) [4].

Особый исследовательский интерес представляют особенности композиции, идейного содержания и поэтико-риторической системы славяно-русских текстов молитв на благословение колива [5, 6]. Внимательного изучения требуют темы, затронутые в данных молитвах. Одна из них — тема благословенной и оскверненной пищи.

В анамнезисе праздничного молитвословия данная тематика раскрывается через упоминание ветхозаветной истории Даниила и трех отроков, которые предпочли яствам, предложенным царем-язычником, постную пищу, насытившись ею. В анамнезисе вседневной молитвы тема благословенной пищи раскрывается через упоминание евангельского чуда Иисуса Христа с пятью хлебами, благословив которые, Господь насытил пять тысяч человек [7].

В русском молитвословии этот же эпизод упоминается наравне с ветхозаветными жертвами, принятыми Богом. Ветхозаветные патриархи, упоминаемые в молитве, приносили в жертву животных, считавшихся у иудеев чистыми (не скверными), и Господь принял их приношения [8]. В русской молитве эта тема раскрывается через обширный перечень святых, частично заимствованный из особого чина Проскомидии. Кроме русского молитвословия, столь объемный перечень святых содержится в чине Литии. Данный композиционный параллелизм также отсылает к рассматриваемой теме.

Заупокойная молитва не имеет прямого указания на тему благословенной и оскверненной пищи, однако связана с ней контекстуально через отсылку к притче о «Богаче и Лазаре» [7]. В евангельском тексте повествуется о безымянном богаче, который роскошно пировал, и о бедняке Лазаре, который питался крошками с его стола. Лазарь попал в обитель праведников, а богач оказался в аду. В данной притче изобильные яства предстают скверными, так как за них богач терпит мучения после смерти, а скудное пропитание благословленным.

Тема благословенной и оскверненной пищи раскрывается не только в молитвах, но и в их литургическом окружении. Так, в Евангелиях апракосах в первую субботу Великого поста (в этот день освящается коливо) приводится зачало «Суббота ради человека бысть, а не человек ради субботы» (Мк. 2:27). В этом отрывке рассматриваемая тема

раскрывается в споре Христа с фарисеями, которые обвинили Его учеников, срывающих и вкушающих зерна, в нарушении субботы [9].

Тема благословенной и оскверненной пищи пронизывает все молитвы на освящение колива и раскрывается в них через библейские реминисценции. Сюжеты Священного Писания, упоминаемые в праздничном, всedневном и заупокойном молитвословиях, являются нарративным (повествовательным) «субстратом» рассматриваемых текстов, в то время как в основу русской молитвы на благословение колива положена переработка богослужебного текста — особого чина Проскомидии. Праздничная и заупокойная молитвы как церковно-поэтические тексты, обогащенные элементами библейской поэтики и сюжетики, сохранили свою актуальность и в современной богослужебной практике.

1. Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока. Т. 2: Euchologia. Киев, 1901.
2. Арранц М. Избранные сочинения по литургике. Т. 3. Евхологий Константинополя в начале XI века и Песенное последование по требнику митрополита Киприана. М., 2003. С. 316.
3. Петровский А. В. Коливо // Православная богословская энциклопедия, или Богословский энциклопедический словарь. Т. 12. СПб., 1911. Ст. 284–288.
4. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой Лавры / иер. Иларий, иер. Арсений. М., 1878.
5. Ермоленко С. М., Кизюн Ф. П. Молитвы на благословение колива в русских православных служебниках и требниках: от средневекового текстуального многообразия к современной унификации // Источниковедение литературы и языка: Междунар. науч. конф., посвященная памяти Е. И. Дергачевой-Скоп. Новосибирск, 2023. С. 33–35.
6. Кизюн Ф. П. Тексты молитв на благословение колива в кириллических печатных служебниках и требниках XV–XVII вв.: композиция, идейное содержание, поэтико-риторические особенности // Мат. 61-й МНСК. Новосибирск, 2023. С. 129–130.
7. ОР ГИМ. Синод. 900. 1°. Требник. XIV в., л. 116–117 об.
8. ОР РГБ, Ф. 304/1, Троицк. 805, Сборник, XVII в., л. 80–82.
9. ОР РГБ. Ф. 178. Муз. 1666. 4°. Архангельское евангелие. 1092 г. л. 77.

Научный руководитель — С. М. Ермоленко

УДК 398

Образ помощника в волшебных сказках сборника «Фольклор Русского Устья»

С. В. Крапоулова

Новосибирский государственный университет

В работе рассматриваются образы помощников в волшебных сказках из сборника «Фольклор Русского Устья» [1], содержащего уникальные записи, производившиеся от жителей Русского Устья на протяжении 100 лет в конце XIX — начале XX в. участниками ряда экспедиций [2]. Из 55 волшебных сказок помощники есть в 40. Помощниками выступают люди, животные, антропоморфные существа. Чаще остальных встречаются помощники-старики и помощники-старухи.

Помощник-старик выполняет следующие функции (термин В. Я. Проппа): ликвидирует беду или недостачу, спасает героя от преследования, преображает его [3, с. 88]. Пример ликвидации беды или недостачи находим в сказке «Сарь со сарицдой», в которой помощник-старик помогает царевне вернуть зрение, спасения героя от преследования — в сказке «Челбунчут». В сказке «Подсолнешна красота» герой превращен помощником-стариком в собачку и это дает ему возможность находиться рядом с царевной, в которую он влюблен. Распространенным видом помощи для рассматриваемого типа помощника является дарение. В качестве подарка герой получает коня и саблю («Подсолнешна красота»), кота и собаку («Коток да кобелек»), коня и колотушечку («Старичково парень»), посох, три прута и топор («Крест-цепочка»), табакерку («Собачка»). Таким образом, помощники-старики охватывают не только «круг действий», но и «круг действий дарителей» [3, с. 89]. Помощница-старуха в волшебных сказках сборника «Фольклор Русского Устья» помогает герою прежде всего советом. Следуя указаниям, Иван-царевич получает невесту («Дума премудрая»); королевский сын возвращает похищенную антагонистом жену («Король с сыном»); парень-собака находит дорогу к городу («Собачка»). В сказках исследуемого сборника помощница-старуха, как и помощник-старик, охватывает круг действий дарителя.

Исследование показало, что функции помощника-старика и помощницы-старухи в волшебных сказках из сборника «Фольклор Русского Устья» намного разнообразнее, чем функции тех же помощников из сборника Афанасьева [4]. Это может объясняться тем, что большинство сказок первого сборника представляют собой контаминации сюжетов.

Сказки Русского Устья испытывали влияние эвенских, якутских и юкагирских сказок. На это указывают заимствованные образы: шаманский конь («Старичково парень»), однорукие-одноногие людоеды («Колобок») и имя Челбунчут («Челбунчут»). Утрата сюжета «молодильные яблоки» в сказке «Собачка», появление уникальной сказки «Крест-цепочка» связаны с влиянием репертуара переселенцев с севера, заселивших районы рек Индигирки и Колымы, где были записаны сказки сборника «Фольклор

Русского Устья» [1, с. 19, 21]. Местный колорит в сказочном повествовании создается за счет упоминания юрт, шатров и изб («Фиофисного ясного сокола перышко», «Насташша Замориявна», «Дума Премудрая», «Коток да кобелек», «Колобок»), деталей охотничьего промысла («Собачка», «Старичково парень»), морской торговли, кораблей («Подсолнешна красота», «Сарь со сарицой»).

1. Фольклор Русского Устья: сборник / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушк. дом), Сиб. отд-ние, Якут. фил., Ин-т яз., лит. и истории; подгот. С. Н. Азбелев и др. Л.: Наука, 1986.
2. Азбелев С. Н., Мещерский Н. А. Предисловие // Фольклор Русского Устья. Л.: Наука, 1986. С. 5–8.
3. Пропп В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928.
4. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков; отв. ред. Э. В. Померанцева, К. В. Чистов. М.: Наука, 1984–1985.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. В. А. Мельничук

УДК 821.161.1-93

**Роль ключевого понятия «судьба» в раскрытии
глубинных характеристик внутреннего мира
повествователя «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина**

О. Н. Краснова

Алтайский государственный университет, Барнаул

Глубинные художественно-психологические характеристики образа повествователя (убеждения, установки, мотивы) исследуются через ведущие к ним имплицитные текстовые связи и знаки текста. Их выявление ведется через изучение функционирования ключевого элемента в структурно-семантически выделенных текстовых позициях, эстетически отражающих состояние повествователя «чувствительность».

Ключевое понятие «судьба», выполняющее структуро- и смыслообразующую роль [1], принадлежит речи повествователя и употребляется в тексте два раза: в начале истории Лизы и после ее окончания, образуя «кольцо», связанное с рефлексией. Предваряется размышлением повествователя о прошлом «*истории* нашего отечества... когда свирепые татары и литовцы огнем и мечом опустошали окрестности российской столицы» [2]. В данном контексте значения слов «история» ‘совокупность фактов и событий, относящихся к прошлой жизни; прошлое, сохраняющееся в памяти людей’ [3] и «судьба» ‘история существования, развития чего-н.’ [3] максимально сближены, но в отношении существования героини также имеется оттенок ‘участь, доля, жизненный путь’ [3]: «воспоминание о плачевной *судьбе* Лизы, бедной Лизы» [2].

Слово «судьба», соединяя «исторический» и «чувствительный» блоки, в свою очередь, сообщает первому оттенки «чувствительности», эстетически резонируя с фрагментом «*несчастливая* Москва, как *беззащитная* вдовица, от одного бога ожидала помощи в *лютых* своих *бедствиях*», сформированным лексикой с семантикой экспрессивного реагирования на факторы внешнего деструктивного воздействия.

Введенное повествователем сравнение Москвы с вдовицей открывает возможности ассоциирования с судьбами библейских вдовиц, которые читателю эпохи Карамзина, несомненно, были хорошо известны; в первую очередь это не потерявшая доброту после смерти мужа и сыновей смиренная Ноэминь [4]. Одной из таких вдовиц, как символ беспомощности, возвания к богу [5] и «доброму сердцу» других людей, предстает мать Лизы.

Итак, через раскрытие семантической емкости слова «судьба» читательское восприятие оказывается готовым к введению в блок «чувствительности» повествователя, обозначающего душевно близкие, вызывающие эмоциональный отклик судьбы героев, соединенных с судьбами России.

Второй раз слово «судьба» появляется в тексте после гибели героини, образуя имплицитную связь с судьбой матери, фактически тоже погибшей, и актуализируя связь «предопределение», соотносящуюся с восприятием местных жителей: к значению сло-

ва «судьба» добавляется оттенок 'складывающийся независимо от воли человека ход событий, стечение обстоятельств' (по суеверным представлениям — сила, предопределяющая все, что происходит в жизни) [3].

О печальном «предопределении» судьбы человека в обстоятельствах «он барин, а между крестьянами...» [2] догадываются Лиза с матерью после визита Эраста.

Завершает текстовую связь повествователь, оценивающий с точки зрения «чувствительности» то, что лишь от решений и поступков Эраста зависело, будет ли для Лизы «предопределение» печальным или нет.

Поэтому итог судьбы Эраста, который «был до конца жизни [3] своей несчастлив», прочитывается как ее определение не самим героем, а повествователем, причем оценочные коннотации «несчастлив» составляют текстовую связь со словом «счастлив» из фантазии Эраста о «чистых радостях»: «не употреблю во зло любви ее и буду всегда счастлив!» [2].

Таким образом, ключевое понятие «судьба» в соотношении со значениями слов «история», «жизнь» входит в систему текстовых связей («вдовицы», «предопределение», «история»), раскрывающих глубинные характеристики внутреннего мира повествователя через образы героев как проявления «чувствительности».

Ключевое понятие, соединяя текстовые блоки, обуславливает их эстетическое взаимовлияние, сопровождающееся семантическим сближением, наложением значений, возникновением новых оттенков значений, раскрывающих мировоззрение повествователя, его отношение к реалиям жизни и героям.

Чувству читательской сопричастности способствует создание коммуникативных ситуаций раскрытия семантической емкости слова «судьба», «диалога» повествователя и Эраста о «предопределении», о счастье.

1. Фоменко И. В. Введение в практическую поэтику. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. 176 с.
2. Карамзин Н. М. Собр. соч. в 2 т. Т. 1. Л.: Худ. литература, 1984. 672 с.
3. Словарь русского языка. АН СССР. В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1986–1988.
4. Библия. М.: Библиоцентр, 2000. 1150 с.
5. Новый Завет. М.: Междунар. издат. центр правосл. лит-ры, 1994. 550 с.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. М. П. Гребнева

УДК 801.7

«Святые из гробницы»: распространение литературного феномена в Северной Руси

Г. К. Максимовский

Новосибирский государственный университет

Начиная с XVI в. в Северной Руси начинают появляться произведения, посвященные святым без биографии. В современной научной литературе за ними закрепилось два синонимичных термина: «святые из гробницы» и «святые без житий». Первый, введенный Е. К. Ромодановской [1], обращает внимание на сюжетную сторону таких произведений: нахождение могилы неизвестного покойника, являющегося в видениях и называющегося себя святым, становится отправной точкой для последующих событий. Второй термин, введенный С. А. Штырковым [2], указывает на отсутствие в них типичной для агиографического произведения собственно *житийной* части, в которой повествовалось бы о биографии святого: реальной или вымышленной. Вместо описания праведной жизни угодника повествование фокусируется на обстоятельствах нахождения его могилы и перенесения мощей в часовню, церковь или монастырь. Главным основанием для признания неизвестного покойника святым становится нетленность его мощей, а также способность творить чудеса. Даже в тех случаях, когда неизвестного покойника начинали ассоциировать с какой-либо исторической или легендарной личностью, эта «найденная» биография не влияла существенно на сюжет произведения.

Наиболее популярные теории происхождения такого рода культов святых указывают на их связь с народными верованиями, в том числе дохристианскими или относящимися к народному христианству. С. А. Штырков, в частности, предполагает связь между «святыми из гробницы» и «забудущими родителями» — в представлении жителей Новгородской области *чужими*, но не *вредоносными* покойниками, с которыми местной общине необходимо сохранять хорошие отношения. Ив Левин рассматривает этот феномен в контексте отношения жителей Руси к покойникам и мертвым телам, которым, по ее мнению, приписывались целительные силы [3]. А. А. Панченко исследует то, как бродячие сюжеты, накладываясь на нахождение неизвестного тела, превращаются в легенды о безымянных святых; указывает на параллели в карельской народной религиозной культуре [4].

На сегодняшний день известно о существовании в XVI–XIX вв. около 15 культов «святых из гробниц». Центры этих культов чаще всего располагались на территории современной Архангельской области, реже — в Карелии, Новгородской, Вологодской и Тверской областях, в Западной Сибири. Почитатели некоторых «святых из гробниц» приезжали иногда из достаточно удаленных мест: сбор церковной комиссией свидетельств о чудесах Иоанна и Лонгина Яренгских в 1625 г. показал, что этим святым поклонялись даже в поселениях в 140–150 км от Яренгского погоста, где покоились их мощи. Места поклонения «святым из гробниц» часто были расположены в относи-

тельной близости друг от друга: например, всего в 25 км от Яренги расположен Пертоминский монастырь — центр почитания Вассиана и Ионы Пертоминских, еще одних «святых из гробницы», которых позднейшее предание связывает с яренгскими чудотворцами. На основании территориальной близости связываются также культы пинежских «святых из гробницы» Артемия Веркольского и Параскевы Пиринемской: эти святые иногда называются братом и сестрой в местных легендах [5].

Сказания о «святых из гробницы» часто включают в себя документальные сведения о свидетелях чудес — их полное имя и место жительства, иногда с указанием расстояния до места поклонения. На основании этого можно установить, откуда происходили почитатели святого, и определить приблизительный ареал его почитания. Также в этих сказаниях обычно содержатся точные даты происхождения чудес. Исследование географии и хронологии такого культурно-религиозного и литературного феномена, как «святые из гробницы», позволит точнее понимать особенности его возникновения и распространения.

1. Ромодановская Е. К. «Святой из гробницы»: о некоторых особенностях сибирской и севернорусской агиографии // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. Т. 1. С. 143–159.
2. Штырков С. А. «Святые без житий» и забудущие родители: церковная канонизация и народная традиция // Концепт чуда в славянской и еврейской традиции / отв. ред. О. В. Белова. М., 2001. С. 130–155.
3. Левин Ив. От тела к культу // Двоеверие и народная религия в истории России / пер. с англ. А. Л. Топоркова и З. Н. Исидоровой. М.: Индрик, 2004. С. 162–190.
4. Панченко А. А. Иван и Яков — необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 448 с.
5. Сказания XVII века о святынях, святых и подвижниках Русского Севера: Пинега и Мезень. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. 448 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. А. Ю. Бородихин

УДК 821.161.1

Издание французской литературы в русских переводах XVIII в.: типографии, имена, тенденции

Д. Е. Фомина

Новосибирский государственный университет

XVIII в. для России был важным периодом в развитии издания французской литературы в русских переводах. Французская литература занимала лидирующие позиции на книжном рынке вплоть до XIX в. во всей Европе. Благодаря культурно-политическим связям России и Франции XVIII в. стал периодом интенсивного проникновения французской культуры в светскую жизнь, бытовую культуру, образование, искусство и язык российского общества. В это период возрастает значимость типографий, которые распространяли и популяризировали французские произведения благодаря работе издателей и переводчиков.

Переводная литература составляет значительную часть репертуара чтения в обществе России XVIII в. Исследование массового чтения позволяет установить культурные, исторические и политические особенности той или иной страны в определенную эпоху. Ее анализ дает сведения о литературных тенденциях, авторах, типографиях, а также об изменениях в обществе и культуре. В течение длительного времени развития истории чтения оно стало таким же значимым процессом, как и письмо.

В работе мы опирались на основные исследовательские труды Т. Ю. Загрязкиной [1] и Т. А. Шанской [2] о культурно-исторических отношениях между Францией и Россией; зарубежный труд А. Мангеля [3] об изучении истории чтения, а также отечественные труды по этой теме (О. И. Ларионов [4], Л. А. Черная [5]); работу Ю. К. Воробьева, А. Н. Злобина [6] о переводческой деятельности в России.

Исследование круга чтения может быть проведено с помощью изучения тематических сводных каталогов. Материалом нашего исследования является Сводный каталог книг гражданской печати XVIII века [7]. Он содержит список книг, переведенных с различных языков на русский, и документально-актовые издания России XVIII в. Создание этого каталога имеет целью образование научной библиографии всех изданий, появившихся в этот период в России.

Из общего количества материала, представленного в первом томе Сводного каталога (2397 единиц), выявлено 362 единицы, которые являются переводными французскими текстами. Мы объединили эти единицы в отдельную картотеку, указав все возможные имеющиеся данные о них: время создания, автора, название, имя переводчика, типографическую компанию, тираж и дополнительную информацию. Работа состояла в исследовании Сводного каталога методом сплошной выборки: не было установлено дополнительных критериев для отбора единиц, (например, отнесенность к тому или иному жанру, превалирование какого-либо автора, больший тираж и т. д.) Таким образом, в нашей работе учтены все тексты, переведенные с французского

языка, что позволило провести более объективный анализ круга чтения российского общества XVIII в.

В ходе исследования было установлено, что помимо популярных авторов, таких как Ж.-Ж. Руссо, Ш. де Лакло, А. Ф. Прево, Вольтер, Ш. Л. Монтескье, в России XVIII в. переводили произведения менее известных писателей: У. Бёрдона, П. Бертолона, Э. Бертрана, Ж. Ф. Вегелина, К. Е. Дёрриен, Ф. А. Доппе, Э. Инчболд и др. Из типографий, публиковавших французские переводы, помимо известных (Императорская академия наук, типография Московского университета, типография Сухопутного шляхетского корпуса), нами были отмечены типография Богдановича; печать у Шнора, у Н. Новикова, у Ридигера и Клаудия, у В. Огорокова; типография при Театре у Хр. Клаудия; Вольная типография Нилова; типография Брейкопфа; типография Селивановского и товарища; печать у Вильковского и др. Исследование издания французских переводных текстов показало высокий уровень переводческой деятельности, широкий тематический спектр произведений, на основании которых оказалось возможным сделать выводы о репертуаре чтения российского общества XVIII в.

1. Загряжская Т. Ю. Русско-французские культурные связи // Франция и Россия: культурные контакты. М., 2008.
2. Шанская Т. А. Восприятие французской культуры русским дворянством (первая четверть XIX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2001.
3. Мангуэль А. История чтения. Екатеринбург, 2008.
4. Ларионов О. И. Чтение и читатели в России долгого XVIII века // Новое литературное обозрение: теория и история литературы, критика и библиография. 2022. № 174. С. 347–352.
5. Черная Л. А. Книга в русской культуре «переходного периода» от Средневековья к Новому времени // Книга в пространстве культуры. 2000. С. 32.
6. Воробьев Ю. К., Злобин А. Н. Перевод в контексте русской культуры XVIII в. 2004. Вып. 1.
7. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800: в 5 т. М., 1962. Т. 1.

Научный руководитель — Е. А. Турук

УДК 821.161.1

Лицевые списки «Сказания о двенадцати снах царя Шахаиши»

Е. А. Юдина

Новосибирский государственный университет

Переводной апокрифический памятник «Сказание о 12 снах царя Шахаиши» (далее — «Сказание») имеет довольно долгую историю бытования в древнерусской литературной традиции: верхней и нижней хронологическими границами выявленных русских и юго-славянских рукописей, содержащих «Сказание» в составе, стоит считать XV–XX вв.

Распространение в старообрядческой среде этого древнего текста, происхождение которого по-прежнему вызывает споры среди исследователей, обусловлено прежде всего его эсхатологическим характером. В основе его сюжета лежит диалог между неким восточным царем, рассказывающем о своих страшных снах, и мудрым философом, дающему царю не менее страшные толкования-пророчества: образы из снов предвещали беды для человечества в далеком будущем, его неминуемое моральное разложение, которое приведет к концу всего мира. Образы во снах царя послужили основой для миниатюр в лицевых списках «Сказания».

В рукописи РНБ ОЛДП Q. 691/1, датируемой XIX в., сны и иллюстрации к ним представлены друг за другом, и уже после следуют пророчества философа к каждому сну — таким образом, переписчик нарушает эратематический принцип композиции «Сказания». Также отсутствует и вступление, содержащее сведения о времени, месте и именах царя и философа. Текст и иллюстрации помещены в рамку в две линии, изображения выполнены простым карандашом и не были закрашены, в то время как текст был переписан полностью с использованием киновари. Перед толкованиями философа помещен набросок миниатюры со встречей царя и философа. Текстологически список близок к 2-й редакции 2-й группы «Сказания», поэтому корректнее было бы назвать рукопись «Сказание о двенадцати снах царя Мамера» [1].

Три лицевых списка относятся к 2-й редакции 4-й группы — новой разновидности текста «Сказания», выявленной нами ранее. Рукопись ГИМ Щук. 920 выполнена на 23 листах и датируется XIX в. На каждой миниатюре ко снам изображается и сам царь Мамер, в некоторых случаях указывающий читателю на образ, приснившийся ему, в некоторых — жестами изображающий испуг.

Два лицевых списка хранятся в Башкирском собрании ЛАИ УрФУ. Рукопись ХХ.54р/4928 (80-е гг. XIX в.) не была завершена и подразумевалась как точная копия готовой рукописи ХХ.29р/4643 (сер. XIX в.) — книжнику лишь удалось оставить набросок простым карандашом иллюстрации к первому сну о золотом столпе и белом голубе. Однако текст был полностью переписан с сохранением всех особенностей орфографии; оставлены пустые листы для иллюстраций к последующим снам. Рукопись же ХХ.29р/4643 — сер. XIX в. содержит 12 красочных иллюстраций, демонстрирую-

щих 11 образов из снов царя: две иллюстрации отнесены к шестому сну о страшных зверях, нет изображения к последнему сну о *«страхе великом, како быти скончанию всему миру»*.

Выявленные на первом этапе лицевые списки не входят в состав каких-либо сборников, а выполнены в виде отдельных рукописей. В докладе представлен итоговый обзор всех лицевых списков «Сказания о двенадцати снах царя Шахаиши».

1. Веселовский А. Н., Слово о двенадцати снах Шахаиши: по ркп. XV в. Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 20, № 2, 1879. С. 4–10.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. А. Ю. Бородихин

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX В.

УДК 821.161.1, 821.131.1

Габриэле д'Аннунцио в контексте русской словесности конца XIX – начала XX в.

К. Боттески

Томский государственный университет

Рассмотрение первоначального знакомства, а затем распространения и широкой рецепции творчества Габриэле д'Аннунцио (1863–1938) в России в конце XIX — начале XX в. является уже достаточно изученной в компаративистике проблемой. Однако культурные и литературные аспекты этого процесса до настоящего времени вызывают много вопросов. Исходным пунктом нашего исследования является двойственность феномена русской рецепции д'Аннунцио: с одной стороны, он связан с творчеством некоторых наиболее значительных фигур русского *модернизма* начала XX в. [1, с. 23], а с другой — ставит проблему русской рецепции: массовое распространение его произведений среди широкой публики в дешевых изданиях, а также публикации переводов некоторых его текстов в периодической печати. Именно на этом последнем направлении массовой судьбы творчества итальянского поэта, драматурга и прозаика строится основная часть предлагаемого доклада — комментарий к переводческой рецепции произведений д'Аннунцио в русской периодике (в частности, региональной) [2–4] 1890–1910-х гг.

Это был период, когда интерес к Италии и ее литературе в русском культурном пространстве усиливался, отражая тенденции национального литературного процесса того времени, в частности к описанию «правдивого», «реального». В докладе приводятся результаты количественного анализа и показывается, как переводческий и издательский выбор часто падал на тексты д'Аннунцио, относящиеся к корпусу его новеллистики, характеризующиеся чистым языковым и тематическим экспериментированием и нередко отмеченные манерным, эскизным «веризмом», который продиктован склонностью д'Аннунцио следовать моде того времени [5, с. 156].

1. De Michelis C. G. D'Annunzio nella cultura russa // D'Annunzio nelle culture dei paesi slavi. Venezia: Marsilio Editori, 1979. P. 13–39.
2. Корпус публикаций газеты «Кавказ» (1846–1918). Неопубликованная база данных, созданная кафедрой романо-германской и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета.
3. Мертвый городъ. Джіоконда. Слава // Трагедіи Габріэле д'Аннунціо / пер. с итал. Ю. Балтрушайтиса. М., 1900.
4. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020621571. Научная библиография «Переводная литература в дореволюционной периодике регионов

Российской империи»: заявка № 2020621410 от 18.08.2020: дата государственной регистрации в Реестре баз данных 28.08.2020 / Н. Е. Никонова, Ю. С. Серягина, Е. В. Масяйкина, И. В. Морозова; Том. гос. ун-т.

5. Bani L. Da Terra vergine alle Novelle della Pescara. Sviluppi tematici nel primo D'Annunzio. URL: <https://www.academia.edu/26457148/> (дата обращения: 15.09.2023).

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. О. Б. Лебедева

УДК 821.161.1+821.581

**«Китайские повести» О. И. Сенковского:
имагологический аспект**

Ван Шаофань

Новосибирский государственный университет

О. И. Сенковский является не только знаменитым журналистом и прозаиком, но и одним из самых выдающихся российских востоковедов первой половины XIX в. Основываясь на знании и исследовании китайской культуры, Сенковский написал две повести на «китайскую» тему: «Совершеннейшая из всех женщин» и «Чин Чун». Цель доклада — проанализировать эти тексты в имагологическом аспекте, т. е. выявить, какой предстает в них чужая для русского китайская цивилизация.

«Совершеннейшая из всех женщин» является вольным переводом китайского романа «Хао цю чжуань» — классического произведения китайской литературы, получившего европейскую известность. Сенковский не просто перевел, а творчески переработал его. Он перенес действие в современный ему Китай [1] и сделал основной акцент не на любовной истории, а на изображении косности чиновничьей бюрократии, некомпетентности и коррупции государственного аппарата.

Что касается «Чинь-Чунь», то хотя автор и называет ее переводом с китайского, это не так: она представляет собой его авторское произведение. Темой повести «Чинь-Чунь» является авторская слава. В ней беллетрист упоминает много китайских реалий, чтобы заставить читателя поверить, что эта история основана на действительных событиях.

Рассмотрим образную систему той и другой повести, обращая внимание на образы, имеющие имагологическое значение. Их можно разделить на три типа: предметно-бытовые, социальные и персонажные.

1. К числу предметно-бытовых можно отнести:

– курение опиума (в конце династии Цин опиум был завезен в Китай и принес ему неизгладимые бедствия, опиум курили все — от чиновников до простых людей): *...по обыкновению, выкурить наедине утреннюю трубочку легкаго опиума, для освежения головы...; Ухо было уже в веселом расположении духа от волшебнаго действия опиума;*

– длинные ногти (в Китае они были показателем социального статуса: чем выше статус, тем длиннее ногти): *Чинь-чунь написал Оду въ честь ногтей прелестной Цинь-цин-цунь, которые были необыкновенно красивы и великолѣпны, имѣя три вершка съ четвертью длины;*

– бинтование ноги (в соответствии с китайскими представлениями о красоте от женщин требовалось демонстрировать свою миниатюрность и мягкость, поэтому в возрасте 5–6 лет все девушки вынуждены были бинтовать ступни, чтобы они не могли больше расти): *Этой ножки, которую можно было обуть въ грецкій орѣхъ.*

2. Социальные образы:

– коррупция чиновников: *Осызание взятки производит чудное действие в Китайце; надзиратель тотчас смягчится и, вместо преследования, станет покровительствовать тебе;*

– низкопоклонство перед сильными мира сего. В повести «Совершеннейшая из всех женщин» отношение второстепенных персонажей к Ти-гун (главный герой) меняется с презрения на уважение, когда они узнают, что его отец является важным чиновником;

– зависть. Описывая литературное сообщество Китая, Сенковский рассказывает, что родственники, коллеги и друзья хвалили Чин-Чун, когда он не мог похвастаться большими успехами, и начали принижать, высмеивать и очернять его, лишь только он достиг авторской славы.

3. Персонажные образы. Действующие лица в повестях Сенковского типизированы, формирование их характеров во многом связано с общественными нравами и глубоко укоренившимися традиционными китайскими верованиями:

– персонажи повести «Совершеннейшая из всех женщин». Ти-гун представляет собой сведущего и храброго человека, который бросает вызов сильным мира сего и отстаивает справедливость. Шуй-господин (отец Ти-гун) желал бы жить со всеми в мире и дружбе, никого не раздражать. Шуй-госпожа (мать Ти-гун) — типичная для древних китайцев женщина, повинующаяся своему мужу. Бинсинь (главная героиня) является красивой доброй и умной девушкой, наизусть знает все церемонии;

– персонажи повести «Чин-Чун, или Авторская слава». Чин-Чун — юноша, всеми силами стремящийся к авторской славе, хотя его любимая изменила его и близкие относятся к нему с пренебрежением. Он все равно ведет себя церемонно и прилично, как природный мандарин. Дядя Чин-Чуна — философ и мандарин, фальшивый и неискренний, не позволяющий младшим родственникам получать больше славы, чем он. Коллеги и друзья Чин-Чуна тоже завидуют ему.

Можно сделать вывод о том, что предметно-бытовые образы используются Сенковским для экзотизации повествования и отражают самые необычные для европейцев реалии китайского быта. Социальные образы используются им не столько для описания Китая, сколько для сатирического изображения российской чиновничьей и литературной среды. Второстепенные персонажи в повести «Чин-Чун» нагружены сатирической функцией, а в повести «Совершеннейшая из всех женщин» представляют идеальные типы поведения, сложившиеся в китайской культуре.

1. Рифтин Б.Л. Русские переводы китайской литературы в XVIII — 1-й половине XIX в. // Восток в русской литературе XVIII — начала XX в. М., 2004. С. 28.

Научный руководитель — д-р филол. наук Д. В. Долгушин

УДК 82-32

Поэтика телесности в ранних рассказах Ф. Сологуба (1894–1904)

Н. А. Ермакова

Новосибирский государственный университет

Концепт *тело* является доминирующим в прозе Федора Сологуба, а описание деталей телесных черт человека — главным средством раскрытия внутреннего мира персонажей и их категоризации (отнесение к «положительным» или «отрицательным»). Из произведения в произведение автор наделяет своих героев повторяющимися внешними признаками, значения которых всегда символичны. Эта особенность образа человека в поэтике писателя прослеживается с первых произведений.

Протагонистами рассказов Ф. Сологуба (в частности, «Свет и тени», «Червяк», «Улыбка», «Баранчик», «Земле земное», «Жало смерти», «Утешение» и др.) становятся *дети*, а доминантой их образов — *глаза*: они всегда очень выразительные, *большие* и *широкие, темные*, странные, иногда даже дикие («Одна страничка вдруг заинтересовала мальчика и заставила его широкие глаза раскрыться еще шире»; «Из-за шкапа глядели на него, не отрываясь, черные, широкие глаза и неподвижно смуглело побледневшее лицо») [1, с. 361; 392]. Такие глаза становятся главным признаком связи ребенка с неземным миром, его проводником к потустороннему («Глаза-то у тебя смотрят, куда не надо, видят что негоже») и в конце концов — к *смерти* [1, с. 466]. Глаза любознательного ребенка влечет к новому и неизведанному, их печалит видимый окружающий мир, они хотят узреть тайну или хотя бы просто скрыться от бессмысленной действительности, что возможно, по Сологубу, только в случае прекращения земного существования.

По смерти-избавительнице тоскует и детское *сердце* — телесный орган чувств, отзывающийся болезненными ощущениями на внутренний конфликт персонажа («Сердце уже опять замирало тихонько от того же темного, тайного предчувствия»; «знакомой тоской защемило ее сердце»; «грустным недоумением томилось его сердце») [1, с. 396; 399; 542]. От чувственных мечтаний оно холодеет и тяжелеет, пламенеет и горит, не давая покоя маленьким людям. Все это неразрывно связывается с мучительной *болью*, мгновенно из душевной превращающейся в телесную, и *дрожью*, овладевающей телом, после чего дети умирают.

В некоторых рассказах (напр., «Баранчик», «Утешение») дети гибнут при кровотечении, которое изображается очень зримо и осязаемо: «Кровь, — широкая, красная, — хлынула на его белую рубашонку и на Анискины руки. Кровь была теплая да липкая, Сенька затих»; «Хрустнул ее череп, и кровь тонкой струйкой медленно поползла в серый сор» [1, с. 489; 519]. *Кровь* насыщает сцену смерти символами: невинный ребенок словно приносится в жертву абсурдным миром, как когда-то произошло с Христом.

Печать смерти, лежащая на сологубовских героях, считывается и с *бледного* тона их кожи и худощавого сложения — это постоянные характеристики детей, которым в финале рассказов суждено погибнуть. В то же время их лицам свойствен *румянец*, но и он

лишь признак либо болезненности и предвестник кончины («Исхудалые щеки ее рдели пышным неподвижным румянцем»), либо стыда от мечтаний о запредельном, после чего также следует смерть [1, с. 406].

Даже *улыбка* героев выглядит страшно, так как выражает отнюдь не радость, а смущение, напрасный стыд, глубокое страдание и, наконец, печать смерти («Саша улыбался, но ему стало стыдно и неловко, что он признан благонарным»; «Жестокая улыбка искажала ее рот, — он от страшной худобы лица перестал плотно закрываться») [1, с. 406; 462]. Апогей этого противоречия — странной неразрывной связи улыбки и смерти — представлен в рассказе «Улыбка» (1897). С детства улыбающийся от робости, своего унижительного положения и осознания безысходности Гриша Игумнов («Лицо у него было робкое, худенькое, и грудь такая впалая, и ручонки такие тощие. <...> А все-таки он улыбался, — но и улыбка его казалась жалкой») во взрослом возрасте, «содрогаясь от холодного ужаса», совершает самоубийство с той же улыбкой на лице [1, с. 427; 437]. Жуткий оксюморон становится константой художественного мира ранних рассказов Ф. Сологуба.

Таким образом, в названных рассказах бледная кожа с болезненным румянцем на щеках, темные большие глаза, беспокойное сердце и странная улыбка составляют телесный портрет ребенка, обреченного на гибель. Писатель создает семиотически насыщенный образ тела, который потенцирует смерть, а мертвый ребенок является символом жертвы абсурдного и больного мира.

1. Сологуб Ф. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. Тяжелые сны. Роман. Рассказы / сост., примеч. Т. Ф. Прокопова; вступ. статья С. Л. Соложенкиной. М.: НПК «Интелвак», 2000. 664 с.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Л. Н. Синякова

УДК 82-32

Метатипы Гамлета и Дон Кихота в поэтике ранних повестей И. С. Тургенева

Д. В. Козлова

Новосибирский государственный университет

«Тип — персонаж особого рода: представляющий собой готовую и объективированную автором “сверхиндивидуальную” (Г. фон Вильперт) внешнюю форму человека (внутреннее содержание не раскрывается: либо отсутствует, либо этой формой заслонено), прочно связанную с его предметным окружением (социальной средой, бытом) и включающую в себя непроизвольно заимствованный или усвоенный устойчивый принцип поведения» [1].

В 1860 г. И. С. Тургенев написал статью «Гамлет и Дон Кихот», первоначально прозвучавшую в жанровой форме речи на публичном чтении в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым (10 января 1860 г.). Речь, несмотря на ее хронологическое отнесение к раннему творчеству писателя, явилась творческой программой всей его литературной деятельности и продемонстрировала один из примеров самоописания авторской художественной парадигмы.

Л. М. Лотман указывала, что в статье «Гамлет и Дон Кихот» Тургенев «открыл для русской литературы и жизни значение сверхтипов... дал многим литераторам отправной пункт, толчок для начала работы над оригинальной интерпретацией типов» [2]. Художественная мысль И. С. Тургенева, выстраивавшая метатипическую оппозицию Гамлет — Дон Кихот, вбирала в свою орбиту не только сверхтипические образы шекспировского и сервантесовского героев: гетевский «Фауст» оказался не просто влиянием, а настоящим архетипическим переживанием, определившим вектор литературного самосознания писателя. И. С. Тургенев видел в «Фаусте» «исход эгоистической рефлексии, который выражался в замысловатом образе Мефистофеля, — это и стало ключевым качеством натуры Гамлета в восприятии И. С. Тургенева» [3]. Сохраняя полярность структуры парных метатипов, писатель преобразил облик Фауста и Мефистофеля в семиотически новые вариации Гамлета и Дон Кихота.

Главный герой повести «Андрей Колосов» (1844) демонстрирует типологическую близость характеру Гамлета. Андрей Колосов — «необыкновенный человек» (И. С. Тургенев), романтик меланхолического склада (что роднит его с аналитическими характерами), обладающий склонностью к глубокому осмыслению жизни. Своим поведением он способен завораживать окружающих, пробуждать в них сильные чувства, однако занять лидирующую позицию в этой многолюдной массе и предводительствовать — ему не под силу. Его стихия — очаровывать, покорять своим неотразимым обаянием. Подобной модели поведения Андрей Колосов придерживается и в романтических взаимоотношениях. Герой оказывается уязвим, испытываемые чувства его пугают, поэтому наилучшим выбором оказывается бегство.

Похожая сюжетная линия прослеживается в повести «Дневник лишнего человека» (1850). Поводом для душевных терзаний героя становится любовный конфликт. Характер «аналитического человека» оказывается неспособным к искреннему чувству из-за его сосредоточенности на личном «я». Чулкатурин оказывается в плену уязвленной гордости. Он умело разгадывает эмоции, оставленные соперником в сердце возлюбленной. Тем не менее Чулкатурин беспокоится лишь о собственных отвергнутых порывах, поэтому герой не отступает, а продолжает соперничество уже не за любовь, а за утраченное достоинство.

В повести «Бретёр» (1846) сюжетная ситуация дуэли «подсвечена» антагонизмом метатипов Гамлета и Дон Кихота. На первый взгляд сильная личность Лучкова оказывается всего лишь маской, скрывающей грубость и поверхностность его внутреннего мира. Тогда как за кажущейся слабостью характера Кистера обнаруживается глубина, кротость и донкихотская самоотверженность. В метатипе Гамлета доминирующим оказывается интеллект, в то время как Дон Кихот тяготеет к воле. В этом расколе И. С. Тургенев улавливает трагический аспект человеческой жизни: «Для дела нужна воля, для дела нужна мысль, но мысль и воля разъединились и с каждым днем разъединяются более...»

Таким образом, изучение метатипов в повестях И. С. Тургенева позволяет расширить научное представление о характерологии писателя.

1. Поэтика: слов, актуал. терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
2. Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века: (Истоки и эстетическое своеобразие). Л., 1974. С. 96.
3. Созина Е. К. Архетипические основания поэтической мифологии И. С. Тургенева: (На материале творчества 1830–1860-х годов) // Архетипические структуры художественного сознания. Екатеринбург, УГТУ-УПИ им. Б. Н. Ельцина, 1999. С. 60–98.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Л. Н. Снякова

УДК 821.161.1

Жанровый диалог в романе Ф. М. Достоевского «Подросток»: авантюрный роман и житие

К. Д. Козырева

Новосибирский государственный университет

Полижанровая организация романной поэтики отмечена в качестве конструктивного принципа романов Ф. М. Достоевского: «Синтетичная жанровая форма каждого романа Достоевского предполагает смешение любых художественных и нехудожественных жанров всех литературных родов» [1]. Так, в романе «Подросток» (1875) обнаруживаются черты романа воспитания, авантюрного романа, жития, а также притчи. Рассмотрим функционирование авантюрного романа и притчи в составе жанровой структуры данного романа.

Главный герой «Подростка» начинает свой путь наивным юношей и заканчивает его, уже будучи более зрелым молодым человеком: «...я вдруг почувствовал, что перевоспитал себя самого, именно процессом припоминания и записывания» [2]. Знакомясь с окружающим миром, он попадает в ситуации испытания, которые сравнимы со значением инициации, получает жизненный опыт и в конце концов обретает нравственные ориентиры и место во «взрослом» социальном мире. События и романа и внутренний мир главного героя, в силу незавершенного процесса становления его личности, могут быть интерпретированы в нескольких жанровых прочтениях.

Главный герой авантюрного романа сталкивается с препятствиями, преодолевает их и в конце концов добивается своих (часто неблагоприятных) целей. Однако, в отличие от героя романа воспитания, герой авантюрного романа является уже сформированной личностью, и трудности не меняют его характера. Авантюрное ядро романа «Подросток» определяется фактом наличия двух неких компрометирующих писем, которые касаются наследства старого князя Сокольского. Аркадий Долгорукий находится в центре авантюрных событий — шантаж письмом в отношении Ахмаковой и связанные с этим происшествия соответствуют парадигме авантюрного жанра. Стоит также отметить, что иногда в авантюрном романе сюжет основан не столько на идее испытания, сколько на «идее метаморфозы: смерти-воскресения и возрождения в новом и лучшем облике» [3]. Положительные изменения в своем душевном состоянии Аркадий отметил после встречи с Макаром Долгоруким: «...это почти нельзя было вынести без слез, и не от умиления, а от какого-то странного восторга...» [2]. Своими пересказами житий святых, рассуждениями старец обратил внимание юноши на необходимость духовного совершенствования и вложил в него идею о благообразии.

В сюжете жизнеописания Макара Ивановича Долгорукого реализуются некоторые черты, присущие агиографическому жанру. Так, персонаж является носителем ключевых для романа «Подросток» мотивов странничества, проповедничества, юродства и т. д., присущих образам святым, чья жизнь и духовный путь находятся в центре жи-

тийного повествования. Он отправляется в странствие по русской земле, по православным святыням и пустыням.

Именно Макар Иванович рассказывает притчу о купце Скотобойникове. Этот фрагмент, «в структуре романа представленный в виде вставной новеллы, которая имеет житийное звучание» [4], играет важную роль в понимании образа Макара Долгорукого. Поскольку основной сюжет романа, подобно многим сюжетам русской классической литературы, восходит к притче о блудном сыне, то житие становится жанровым выражением этой концепции.

Заметим также, что притча о блудном сыне предполагает отнесение к «заблудшим» душам одного из центральных персонажей — Андрея Петровича Версилова, что выражается посредством связи его образа с мотивом странничества. Версилов время от времени оставляет свою семью ради скитаний за границей, мечется от одной женщины к другой, но в конце романа он окончательно возвращается в семью и остается верным Софье Андреевне. Можно также говорить о том, что вместе с этим Андрей Петрович отвернулся от своих западных идей, отринул «темную» часть своего раздвоенного сознания и вернулся к детской искренности и простодушной вере в Бога: «...все, что было в нем идеального, еще сильнее выступило вперед» [2].

Взаимодействие названных жанров в жанровой структуре романа «Подросток» может быть истолковано как парадоксальное соединение «низости» и «святости» в изображенной реальности, что, в свою очередь, доказывает, что «фантастический реализм» Ф. М. Достоевского формировал усложненные жанровые формы.

1. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 209 с.
2. Достоевский Ф. М. Подросток. СПб., 2021. 480 с.
3. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной, Intrado, 2008. 358 с.
4. Попова Н. Н. Евангельские мотивы в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» (в аспекте динамической поэтики) // Вестн. Алт. гос. пед. акад. 2012. № 10. С. 57–60.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Л. Н. Синякова

УДК 82-32

**«Таинственные повести» И. С. Тургенева:
между позитивизмом и мистицизмом**

К. А. Лисева

Новосибирский государственный университет

Вторая половина XIX в. в истории России ознаменовалась развитием отечественной науки и философской мысли. Именно в середине — последней трети века (1860–1880-е гг.) И. С. Тургенев создает ряд повестей и рассказов, в которых сверхъестественное явление либо формирует сюжетное действие, либо становится его катализатором. В отечественном литературоведении цикл выделяется в особую группу произведений под заголовком «таинственные повести» [1, 2]. Тип художественности произведений этого цикла трактуется неоднозначно: в романтической художественности фантастические сюжеты построены на допущении проникновения мистического в реальность, позитивизм и его литературные производные интерпретируют их как научные феномены или психические расстройства.

Открывающий ряд «таинственных повестей» рассказ «Призраки» (1864) выявляет особенности организации художественного пространства, характеризующие позитивистское мировоззрение. Личный опыт героя-рассказчика связан с концепцией перемещения в пространстве, в результате которого происходит познание героем мира. Природные образы-символы открыты и безграничны. Монументальности природы противопоставлен мелкий человек, в том числе и в аспекте времени. Бесконечностью пространства подчеркивается незнание человека о мире, ограниченность его суждений. Символический образ смерти в эпилоге подразумевает философский пессимизм и отражает агностицизм автора.

В нескольких рассказах 1860–1870-х гг. человек изображен в состоянии гипноза или транса. Тургенев использует подчеркнуто физиологичное описание этих явлений, художественно изображая научную сторону происходящего. В рассказе «История лейтенанта Ергунова» (1868) писатель исследует галлюцинации человека, находящегося под воздействием наркотических веществ, его ощущения и последующее погружение в сон. Подобное натуралистическое описание транса не характерно для фантастического содержания. Близкий к научному отчет о состоянии человека во время гипноза воспроизводит Тургенев в рассказе «Странная история» (1869). С физиологической точностью автор описывает ощущения героя-рассказчика и действия юродивого, который погружает героя в транс. В рассказе «Песнь торжествующей любви» (1881) описание сначала мертвого Муция, затем его мистического «оживления» и действий малайца прописаны с телесными подробностями.

Главные герои «таинственных повестей» обладают научной картиной мира. В большинстве случаев они пытаются рационализировать происходящее. Так, в рассказе «Странная история» герой-рассказчик изначально не верит в мистические явления

и убежден, что его собираются «одурачить». После «сеанса» у юродивого Василия он размышляет о феномене магнетизма и приходит к логичному, по его мнению, выводу, соответствующему последним научным открытиям. В рассказе «История лейтенанта Ергунова» главный герой объясняет свое затуманенное состояние действием «курева».

Герои-позитивисты всегда руководствуются разумом. Так, в рассказе «Странная история» герой-рассказчик не может понять, почему дочь губернатора Софи последовала за юродивым Василием, променяв богатую жизнь на служение «божьему человеку». Он считает поступок девушки нерациональным, так как с точки зрения «разума» следовать за юродивым не только странно, но и ложно. Пример другого иррационального поведения, с точки зрения героя-рассказчика, представлен в рассказе «Стук... Стук... Стук!» (1871). Теглев уверен в фатальности происходящих событий, верит в судьбу вопреки логике и разуму. Герой сравнивает себя с Наполеоном и убежден в своем высшем предназначении. Подобное фанатичное, слепое верование в собственную значимость высмеивается автором в ироничной развязке. В повести «Клара Милич (После смерти)» (1883) Яков Аратов занимается опытами и изучает фотографию. Герой влюбляется в Клару вопреки разуму — после ее смерти.

В рассказе «Сон» (1877) герой-рассказчик объясняет свой характер и поведение наследственностью: до семнадцати лет он задается вопросом, почему в нем возникают порывы злых чувств, и только познакомившись с отцом и узнав историю своей матери, он узнает, что «дурная» наследственность — истинная причина его состояний. Также в произведении представлено описание трупа с физиологическими подробностями, телесными деталями, характерными для натурализма: «тусклые зрачки», «потемневшие белки», «впалые щеки» [3].

Таким образом, мистическое, с одной стороны, и позитивистское — с другой — содержание «таинственных повестей» И. С. Тургенева во многом определяет художественное своеобразие этого цикла.

1. Пумпянский Л. В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000.
2. Муратов А. Б. Тургенев-новеллист. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985.
3. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1982. Т. 9. С. 116–117.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Л. Н. Синякова

УДК 82.09

Неизвестный список стихотворной повести Н. М. Языкова «Липы»

Е. С. Почеревина

Новосибирский государственный университет

К середине 1820-х гг. Н. М. Языков состоялся как автор лирических стихотворений, однако в это время он под впечатлением знакомства с поэмами Байрона и Пушкина, как и другие поэты пушкинского круга, увлекается «замыслами эпическими» [1, с. 36]. Стремление попробовать свои силы в новых для него эпических жанрах отразилось в работе Н. М. Языкова над поэмой о Бояне (1824), над ливонскими поэмами «Ала» и «Меченосец Аран» (1825). Все эти замыслы остались незавершенными. Как полагает К. К. Бухмейер, «это объясняется явным преобладанием... лирического дарования над эпическим» у молодого Н. М. Языкова и его ошибочным выбором «неплодотворного пути» подражания Пушкину [1, с. 40].

В 1830-х гг. поэту удается закончить ряд эпических произведений — «Сказка о пастухе и диком ведре» (1835), «Жар-Птица» (между 1836 и 1838), но по-настоящему полно повествовательные жанры Н. М. Языков освоил только в 1840-х гг., написав *быль* «Сержант Сурин» и стихотворную повесть «Липы» [1, с. 44; 46–47].

Сатирическое произведение «Липы» высмеивает полицейский произвол эпохи Николая I, пренебрежение блюстителей порядка личностью человека и стремление получить милость тех, кто стоит выше в государственной иерархии. При жизни Н. М. Языкова повесть не была опубликована, увидев свет только в литературном сборнике «Утро» (1859).

В личном архиве Н. А. и Т. И. Беэров находится список повести «Липы», ранее не попадавший в поле зрения исследователей. Мы охарактеризуем этот список в археографическом и текстологическом отношении и сопоставим его с текстом повести «Липы», изданным К. К. Бухмейером в 1964 г. в большой серии Библиотеки поэта по печатному тексту 1859 г., сверенному со списком, хранящимся в Пушкинском доме [1, с. 677].

Выделим особенности списка. Текст записан в тетради, сшитой из шести листов, согнутых пополам. Пагинация и фолиация отсутствуют. Бумага желтоватая, плотная. В правом верхнем углу каждого листа имеется неразборчивый штампель. Текст написан орешковыми чернилами. В тексте нет помарок и клякс, отсутствуют орфографические ошибки. Почерк разборчивый, каллиграфический [2, с. 39–40].

На первой странице — название (с подзаголовком «повесть») и эпиграф. На следующих страницах, начиная с третьей, помещен текст, разбитый на три главки. Первая главка занимает место с 3-й по 7-ю страницы, вторая главка — с 7-й по 12-ю, третья главка — с 19-й по 23-ю. Если в издании 1964 г. главки обозначены арабскими цифрами, то в списке они названы: «Глава 1^я», «Глава 2^я», «Глава 3^я». В конце текста — дата: «Апреля 9 дня 1846».

Сравнивая список из архива Беэров и издание 1964 г., мы обнаружили, что текстологических различий практически нет. Вот основные: «... всю работу поверну // Как

можно к спеху...» в списке; «... мигом поверну // Работу к спеху...» в издании 1964 г. Различаются фамилии двух героев: в издании 1964 г. — (Петр Федорович) Годейн и (Иван Андреевич) Штейн; в списке — (Петр Федорович) Мосталь и (Иван Андреевич) Шваль.

Указанный стих издания 1964 г. написан лаконичнее, соблюден размер пятистопного ямба, впрочем, как и в стихе списка. Видимо, автор позже редактировал свой текст. В стихах, где обнаружились разные фамилии, также соблюден пятистопный ямб («...И мужа Петра Федоровича Мосталь. // Штаб-лекарь, вот Иван Андреевич Шваль...» — список, «И мужа ее Петра Федорыча Годейна, // Штаб-лекарь; вот Иван Андреич Штейн...» — издание 1964 г.). На основании этих расхождений мы полагаем, что текст рукописи отражает более ранние варианты, чем те, которые читаются в издании 1964 г.

1. Бухмейер К. К. Н. М. Языков // Н. М. Языков. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1964. С. 5–51.
2. Рейсер С. А. Русская палеография нового времени. М: Высшая Школа, 1982. 136 с.

Научный руководитель — д-р филол. наук Д. В. Долгушин

УДК 82-32

Топосы дом – антидом в поздней прозе А. П. Чехова

Д. А. Серебренникова

Новосибирский государственный университет

Понятие *топос* имеет две трактовки. Риторическое понимание термина подразумевает «общие места», а также «общие проблемы и сюжеты, характерные для национальной литературы» [1]. Такое понимание близко терминологическим границам художественного/речевого приема; также проблемного или сюжетного корпуса литературы. Другое значение термина связано со структурой художественного пространства: топосу «отводится роль обозначения „языка пространственных отношений“, пронизывающих художественный текст, т. е. „места“ разворачивания смыслов...» [1]. Одними из значимых для поздней прозы А. П. Чехова топосов становятся *топосы дома* и *антидома*.

Топос дома зачастую рассматривается с точки зрения замкнутого пространства, в рамках идиллического хронотопа. В творчестве А. П. Чехова топика дома претерпевает деидеализацию, разрушая идиллические модус и хронотоп. Утрата гармонии и цельности, «органической сопричастности бытию как целому» [2] связана в первую очередь с мироощущением дворянства, утратившего историческую привязку к земле — дворяне в конце века являются уже бывшими землевладельцами.

Так, в рассказе «Дом с мезонином» (1896) герой-рассказчик привносит раскол в дом Волчаниновых, вступая в спор с Лидией по поводу справедливого общественного устройства. Также в произведении нарушается необходимая для *топики дома* замкнутость пространства. Главный герой, встретив на своем пути «незнакомую усадьбу», «легко перелез через изгородь и пошел по этой аллее...» [3]. В то же время Лида часто стремится отдалиться от дома, отсутствует в нем, погрузившись в кипучую либерально-народническую деятельность: «...Лида только что вернулась откуда-то...», «...говорила Лида матери, вернувшись откуда-то...» [3].

Кроме того, в некоторых произведениях позднего Чехова стоит отметить изменение восприятия дома ведущим персонажем с идиллического на противоположное, изображение «ложного» дома. В рассказе «Учитель словесности» (1889) Никитин в начале сюжетного действия грезит о жизни с Манюсей и, под влиянием этого, восхищается домом Шелестовых, его убранством, окружением. Однако постепенно герой понимает, что окружающая его действительность давит, сковывает, ограничивает, лишает возможности исследовать другой мир: «Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!» [4]. Топос *антидом* формирует в сознании героя ощущение духовной несвободы и безысходности.

Ядром топоса *антидом*, получившего распространение в русской литературе конца XIX — начала XX в., становится значение распада «дворянского гнезда», призванного хранить семейные и культурные традиции. В результате бурного развития промышленности происходит падение ценности дома как родового пристанища. Персонажи Чехова

не привязаны к такому дому и мечтают покинуть его. В рассказе «Случай из практики» (1898) богатая наследница Лиза испытывает необъяснимый недуг, вызванный душевными терзаниями по поводу «власти капитала». Проживая в окружении принадлежавших ей фабричных зданий, героиня воспринимает дом как продолжение фабрики — место ей чуждое: «Меня тут все беспокоит» [5].

Героиня повести «Бабье царство» (1894) Анна Акимовна, которой управление заводом досталось в наследство от отца, ощущает себя лишней, не подходящей для своей роли: «Ей бы рабочей быть, а не хозяйкой!» [6]. В собственном доме она не чувствует спокойствия, гармонии, так как вынуждена заниматься нелюбимым делом, которое уводит от ее подлинного предназначения — быть просто человеком. Сама же фабрика, располагавшаяся рядом, производила на нее «впечатление ада» [6], что подчеркивает негативную семантику топоса.

Таким образом, топосы *дом* и *антидом* в поэтике поздней прозы А. П. Чехова становятся сюжетно-смысловыми катализаторами основного конфликта и являются важнейшими факторами формирования художественной целостности проанализированных произведений.

1. Прокофьева В. Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестн. ОГУ. 2008.
2. Хализиев В. Е. Теория литературы: учеб. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2004.
3. Чехов А. П. Дом с мезонином // Повести и рассказы / сост., автор вступ. ст. и примеч. А. М. Турков. М.: Сов. Россия, 1983.
4. Чехов А. П. Учитель словесности // Повести и рассказы / сост., автор вступ. ст. и примеч. А. М. Турков. М.: Сов. Россия, 1983.
5. Чехов А. П. Случай из практики // Повести и рассказы / сост., автор вступ. ст. и примеч. А. М. Турков. М.: Сов. Россия, 1983.
6. Чехов А. П. Бабье царство // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/book/chehov_anton/babe_tsarstvo.html (дата обращения: 13.02.2024).

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Л. Н. Синякова

УДК 82.09

**Мотив игры в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад»
и в повести В. А. Соллогуба «Большой свет»**

А. А. Черкасова

Новосибирский государственный университет

В XVIII–XIX вв. азартные игры становятся своеобразной моделью жизни. Они устроены так, что игрок должен принимать решение, опираясь не на факты и знания, а на удачу, поэтому он играет не с другим человеком, а именно со Случаем. «Азартная игра — модель борьбы человека с Неизвестными Факторами», — замечает Ю. М. Лотман [1, с. 141]. С петровской эпохи начались активные рассуждения о роли случая, фатума в жизни человека, законы которых являются теми самыми Неизвестными Факторами. Игра, как и жизнь, — это борьба со случаем.

Мотивы игры и судьбы сближаются в литературной традиции. Рассмотрим, каким образом это происходит в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад» и в повести В. А. Соллогуба «Большой свет».

У Лермонтова четко прослеживается параллелизм: игра — жизнь. Надежды и иллюзии тех, кто только начинает жизнь, такие же, как и у тех, кто только садится за карточный стол. Фортуна, которая позволяет выиграть одним и проиграть другим, — та же, что возносит одних и подавляет других.

Игра, представленная в «Маскараде», является именно шулерской, на что много раз намекает Арбенин в своем монологе. Участие в игре — намеренное отступление от законов, испытание удачи в обмане, а вступление в общество игроков — своеобразное падение.

В драме образ игры демонизируется. По словам Ю. В. Манна, «игра — нижний этаж, преисподняя маскарада» [2, с. 293]. На inferнальный характер игры указывает и сам Арбенин, отвечая на вопрос Звездича, человек он или демон: «Я — игрок!» [2, с. 299]. Такой ответ означает, что он даже хуже демона, граница между добром и злом размывается.

Игра и маскарад одновременно противопоставляются и сближаются. С одной стороны, можно сказать, что Звездич представляет собой светскую условность — маскарад, Арбенин же ее нарушение — игру. С другой стороны, оба образа связаны непосредственно со Случаем, с судьбой. Кроме того, благодаря анонимности маскарад становится игровым пространством.

В отличие от Лермонтова, у Соллогуба мотив игры проявляется вне связи с маскарадом. Карточная игра упоминается бабушкой Леонина как вещь, которую следует избегать даже больше, чем плохих людей. Еще несколько раз игра упомянута как времяпрепровождение аристократии, как неотъемлемая часть любого бала или маскарада: карточный стол стоит даже в вовсе небогатых домах, как дом Армидиных. Наибольшее внимание этому мотиву уделено в истории Щетинина.

Однажды на маленькой даче по соседству с графиней Воротынской князь играет всю ночь в карты. По пути домой он наслаждается прекрасной картиной летнего утра. И вдруг ему становится совестно за ночь, проведенную в компании разгоряченных лиц, которые с жадностью записывали каждый его проигрыш. Таким сравнением с пасторальной картиной Соллогуб подчеркивает низкий характер игры.

Ощущение низменности игры усиливается с появлением в поле зрения Щетинина прекрасной бегающей девочки. Его настолько впечатлило это зрелище, что «душа стала светлее и как будто расширилась» и «повисла слеза на его реснице». Автор называет этот момент «светлой точкой».

Впоследствии не свет и не игра становятся смыслом его жизни, отдушиной души, а именно отрадные воспоминания о том чудном утре. Образы игры и великолепного «полуземного» создания явно противопоставляются в повести.

Таким образом, мотив игры в анализируемых текстах реализуется посредством сопоставления с жизнью и с маскарадом. У Лермонтова он сближается с мотивами случая, судьбы и inferнально окрашивается. У Соллогуба тоже присутствует отрицательная интерпретация этого мотива, но без соотношения с темой судьбы. Сюжетная конфигурация повести «Большой свет» определяется противопоставлением карточной игре идиллических образов природы и ребенка.

1. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 399 с.
2. Манн Ю. В. Динамика русского романтизма. М.: Аспект Пресс, 1995. 384 с.

Научный руководитель — д-р филол. наук Д. В. Долгушин

УДК 82.091

**Особенности интертекстуальных связей в повести
Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда»**

Д.Т. Чочиев

Северо-Осетинский государственный университет
им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ

Понятие интертекстуальности в последнее время становится важным предметом литературоведческих исследований и приобретает особую релевантность. Детальное изучение интертекстуальности способно привести к обнаружению смыслов, которые при ином подходе остаются незамеченными.

Интертекстуальный характер произведения, ставшего объектом данного исследования, проявляется уже в его названии, представляющем собой реминисценцию и отсылающем к трагедии Уильяма Шекспира «Макбет». Писатель таким образом дает читателю возможность получить определенное представление о главной героине и выражает собственное отношение к ней. Заглавие одновременно указывает на место действия, характеризует персонажа и вызывает у читателя конкретные сюжетные ожидания, активизируя его эрудицию и память.

Более чем три столетия отделяют шекспировскую трагедию от повести Николая Семеновича Лескова, различны сюжеты, время и место разворачивающихся событий, а также жанры произведений. Сходства между этими произведениями наблюдаются в сюжетных структурах, параллелизме характеров, мотивной организации и др.

Так, в трагедии Шекспира главный герой Макбет совершает серию преступлений, в которой каждое последующее превосходит предыдущее стремительностью и жестокостью. Сперва он убивает короля Дункана в надежде завладеть его престолом [1, с. 604–605], затем — двух стражников с целью обвинения их в убийстве, которое сам же совершил [1, с. 613]. После он заказывает убийство своего друга Банко и его сына Флинса [1, с. 623]. Аморальность и злоба Макбета достигли пика, когда он — снова руками наемников — лишил жизни невинных: жену и сына Макдуфа [1, с. 659].

Подобным образом, заключающимся в последовательном увеличении тяжести преступлений, действует и героиня повести Лескова Катерина Измайлова. Первое убийство она совершает с помощью яда, без физического воздействия; жертвой становится ее теща Борис Тимофеич [2, с. 255]. Затем Катерина душист своего мужа Зиновия Борисыча; сперва она ударяет его подсвечником по голове, а потом сдавливает «своими руками Сергеевы руки, лежавшие на мужнином горле» [2, с. 268]. Как и в случае с Макбетом, пиком злодеяний Катерины Измайловой становится убийство невинной жертвы, малолетнего племянника ее мужа Феди Лямина: она «закрыла детское личико страдальца большою пуховою подушкою и сама навалилась на нее своей крепкой, упругой грудью» [2, с. 276].

Стоит отметить, что в обоих произведениях у героев схожая мотивировка преступлений. Макбет и Леди Макбет совершают злодеяния с целью получения и удержания

власти. Катерина Измайлова со своим любовником Сергеем идут на тяжкие преступления, чтобы последний мог получить купеческий статус и они приобрели капитал, который позволил бы им сохранить полюбившееся положение вещей; это подтверждают слова Катерины, адресованные Сергею: «Ну, уж я знаю, как я тебя и купцом сделаю и жить с тобой как следует стану» [2, с. 261].

Среди проявлений интертекстуальности, не относящихся к шекспировскому «Макбету», в повести Лескова встречается цитата из библейской Книги Иова: «Прокляни день твоего рождения и умри» [2, с. 287]. В данном случае автор использует цитирование с целью придания точности и выразительности описанию трагического положения, в котором оказались отбывающие наказание персонажи.

Интертекстуальность произведения Лескова широко представлена в виде цитат и реминисценций, демонстрирующих связь повести с предшествующими текстами, однако основным претекстом является трагедия Уильяма Шекспира «Макбет». Связи с шекспировской пьесой проявляются главным образом на уровне сходства, прослеживающегося в сюжетных структурах, в параллелизме характеров действий персонажей и общих мотивах.

1. Шекспир У. Макбет // Шекспир У. Ромео и Джульетта. Гамлет. Трагедии / пер. с англ. Б. Л. Пастернака. СПб.: Азбука, 2014. 1120 с.
2. Лесков Н. С. Леди Макбет Мценского уезда // Лесков Н. С. Собрание сочинений в XII т. Т. V. М.: Правда, 1989. 511 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. О. С. Кравчук

УДК 82-32

**Герой-врач в мифопоэтической системе
А. П. Чехова 1890-1900-х гг. («Дуэль», «Три сестры»)**

Н. С. Шукст

Тюменский государственный университет

Во многих произведениях А. П. Чехова герои-врачи выполняют значимые сюжетные функции. Чеховеды объясняют это особенностями авторской самоидентификации — влиянием врачебной практики на мировосприятие классика.

В современных работах, отошедших от сугубо реалистической интерпретации чеховского творчества, доказывается, что в мифопоэтическое устройство текстов писателя 1890–1900-х гг. была встроена знаковая система, основанная на неомифологии Ф. В. Ницше. В частности, классик обращается к эстетическим началам (аполлоническому, дионисийскому и сократическому), выделенным немецким философом, и использует их как основу для создания новых типов героя.

Герою, олицетворяющему аполлоническое начало, свойственны «стремление к покою, самоограничение, ощущение мира как сновидения, солнечная (дневная) эмблематика, христианская ориентированность, этическая доминанта», а олицетворяющему дионисийское — «стремление к движению (антипокой), нарушение границ и правил, опьяненность жизнью, лунная (ночная) эмблематика, антихристианская ориентированность, эстетическая доминанта» [1, с. 220]. Сократическое начало строится на чрезмерной рассудочности, желании изучать окружающий мир, стремлении совершенствовать его. Сократическое начало враждебно всему иррациональному, занимая периферийную позицию в противостоянии двух других начал.

Именно сократическое начало Чехов закрепляет за героем-врачом, создавая таким образом авторский врачебный миф. В повести «Дуэль» сократическим героем является Александр Самойленко, военный врач. Показательной оказывается его невмешательство в конфликт между Иваном Лаевским, транслирующим дионисийские тенденции, и Николаем фон Кореном, аполлоническим героем.

Герой-врач в повести выполняет сюжетобразующую функцию: через Самойленко осуществляется коммуникация будущих дуэлянтов. Доктор изо всех сил старается предотвратить поединок, стремясь таким образом сделать мир гармоничнее, что характерно для сократического героя.

Неприятие персонажем дионисийских ценностей выражается в осуждении антигуманных взглядов, так или иначе провозглашаемых дуэлянтами, а также в неприязни к винопитию.

Традиционным для чеховедения является тезис о том, что «идея» произведения звучит в самом тексте: «никто не знает настоящей правды». Эту фразу произносят оба противника, признавая таким образом бессмысленность ненависти друг к другу. За Самойленко, придерживающегося взглядов, которые укладываются в формулировку «идеи»,

закреплена роль выразителя авторской позиции: герой уверенно противостоит любым теориям, направленным против человека.

Чехов обращается к системе Ницше и в своих пьесах. Данный вопрос впервые подвергся осмыслению в статьях и монографии С. А. Комарова [1]. Затем работу в этом направлении продолжила Е. А. Маслова [2].

В драме «Три сестры» сократическое начало закреплено за врачом Иваном Чебутыкиным. Врач из пьесы не походит на своего коллегу из «Дуэли». В отличие от Самойленко, он отказывается от попытки примирить конфликтующих героев, участвует в проведении поединка, объясняя свое безразличие к возможному кровопролитию словами: «Не все ли равно» [3, с. 178].

Уподобившись Сократу, осознавшему свое незнание, герой утверждает: «Ничего я не знаю, никто ничего не знает». Отрекаясь от стремления к познанию и веры в его ценность, Чебутыкин лишается сократических ценностных ориентиров, из чего и следует его бездействие.

Таким образом, за героями-врачами в произведениях А. П. Чехова 1890–1900-х гг. закреплено сократическое начало. Это объясняет в том числе утрату персонажем-врачом функции выражения позиции автора.

1. Комаров С. А. А. Чехов — В. Маяковский: комедиограф в диалоге с русской культурой конца XIX — первой трети XX века. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2002. 248 с.
2. Маслова Е. А. «Дядя Ваня» и «Три сестры»: мифопоэтика постсибирских драм А. П. Чехова // Извне и изнутри Сибири: А. Чехов — А. Вампилов — В. Шукшин: коллективная монография. Ишим: Изд-во ИГПИ им П. П. Ершова, 2014. С. 189–216.
3. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1985. Т. 7. 736 с.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. С. А. Комаров

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX–XXI ВВ.

УДК 821.161.1, 821.521, 82-32

Интертекстуальность в русской и японской антиутопии

Д. Д. Бурсакова

Новосибирский государственный университет

XX в. в литературе по праву считается веком антиутопий. Идею обличать пороки современности, перенося место действия в гротескное государство будущего, развивали такие известные западные писатели, как Джордж Оруэлл, Рэй Брэдбери и Олдос Хаксли.

Однако, в связи с нарастающим интересом общественности к азиатскому направлению в литературе, мы предлагаем взглянуть на феномен антиутопии с восточной точки зрения. В своем исследовании мы акцентируем внимание на произведениях, которые отразили непростой характер современной авторам действительности и заложили фундамент антиутопической и научно-фантастической литературы России и Японии. Работы Унно Дзюдза и Евгения Замятина являются яркими примерами подобных антиутопий.

В своем исследовании мы сосредоточимся на анализе интертекстуальных связей, которые прослеживаются в этих произведениях. Согласно концепции интертекстуальности, каждый текст подвержен влиянию литературных произведений прошлого [1, с. 1].

При анализе литературных произведений и исследовательской литературы мы применяем культурно-исторический, биографический, социально-исторический методы, характерные для литературоведческих исследований.

В ходе нашей научной работы мы, определив, что представляет собой антиутопическая и научно-фантастическая литература, установили отличия обоих жанров, изучили работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные данной теме, и проанализировали основные мотивы избранных произведений японских и русских авторов.

Русский писатель Евгений Замятин в конце 1910-х гг. размышлял о литературе, социальных и политических изменениях, искусстве и будущем, его мысли нашли свое отражение в антиутопии «Мы». Замятин вложил в этот роман плоды экспериментов со стилем и формой, рефлексию на тему социально-политических изменений в стране и мире, опасения перед достижениями научно-технического прогресса. Он совместил архаичные принципы мироустройства и футуристический антураж. В романе присутствуют отсылки к близким Евгению Ивановичу Замятину философским и литературным течениям, например к концепции Освальда Шпенглера о цикличности истории: рассказчик, номер Д-503, сравнивает способ существования человека в тоталитарном государстве с нескончаемой прямой, где люди лишь строительный материал [2, с. 137]. Этой линейности в романе противопоставляется цикличность мира по другую сторону Стены. Идея мифологизации, обращения к античным образам для иллюстрирования пороков настоящего в футуристическом сеттинге уже рассматривалась писателями

до Е. И. Замятина. Так, четвертый сон Веры Павловны из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» может проиллюстрировать данный тезис.

Унно Дзюдза, японский писатель начала XX в., в антиутопической повести «Музыкальная ванна в 18:00», обличая японский милитаризм, погружает читателя в постапокалиптический мир, где подземное государство выживших после глобальных войн японцев захватывает тоталитарный диктатор. Знакомый с западными литературными течениями, Унно Дзюдза, как и Евгений Замятин, по-своему, добавляя национальную специфику, интерпретирует идеи, которые постулировали такие «первопроходцы» НФ, как Герберт Уэллс и Карел Чапек. Так, в его повести жители антиутопического государства Мируки вынуждены столкнуться с враждебно настроенной инопланетной цивилизацией и задуматься над вопросом человечности антропоморфных роботов.

Фантасты последующих поколений, даже не знакомые с творчеством японского писателя, обращались к этим темам в своих произведениях. Например, идея о разрушительной силе высокотехнологических устройств, построенных для контроля человеческой психики, нашла отражение в произведениях «Гадкие лебеди» и «Обитаемый остров» братьев Стругацких. А американский фантаст Филип К. Дик в знаменитом романе «Мечтают ли андроиды об электроовцах» рассуждал о человечности андроидов и неизбежности утверждения превосходства человеческой расы.

На примере творчества данных авторов мы можем проследить интертекстуальность в русской и японской антиутопии. Рассматривая философские концепции или мотивы из произведений прошлого в новом ключе, авторы задумываются о будущем, преподнося читателю современные политические, социальные, и морально-нравственные дилеммы в футуристическом сеттинге.

1. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр.; общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
2. Хатямова М. А. «Мы» Е. И. Замятина как метароман // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2005. С. 135–143.

Научные руководители — канд. филол. наук, доц. Н. В. Кутафьева,
д-р филол. наук, проф. Ю. В. Шатин

УДК 821.161.1, 82-1

**Отражение традиций русской классической поэзии
в творчестве рок-музыкантов
(на примере текстов Александра Башлачёва и Егора Летова)**

Д. В. Кукуев

Новосибирский государственный университет

Такой музыкально-поэтический жанр, как русский рок, — это то явление, которое вобрало в себя множество аспектов, связанных с литературной традицией, совместило ее с лирической и мелодической формами, заимствованными у Запада, и добавило актуальные для своей эпохи новшества. Временем его возникновения можно назвать середину 60-х гг. XX в., но при этом жанр стал наиболее оформленным в вербальном плане во второй половине 70-х гг. [1]. Расцвет же пришелся на 1980, 1990 и 2000-е гг.

Среди рок-поэтов есть значительное число тех, на чье творчество оказали влияние классики русской и зарубежной литературы. Это влияние могло сказываться как на уровне тем, идей и мотивов, так и на уровне интертекста (отсылки, аллюзии, прямые цитаты и т. п.). Отечественные литературоведы, рассматривая своих работах вопрос отражения русской поэтической традиций в рок-музыке России и СССР (в частности, в творчестве Егора Летова и Александра Башлачева), провели большую работу, изучая его.

Обращение к литературным источникам отмечалось в творчестве Александра Башлачева (1960–1988). Как пишет Иванов, в нем прослеживается вдохновение поэзией Александра Вертинского — известного русского поэта и эстрадного артиста первой половины XX в. У них обоих перекликаются мотивы обмана, духовного бессилия и лицемерия (у Вертинского — в стихотворении «Я сегодня смеюсь над собой...», у Башлачева — в песне «Мы льем свое больное семя...»), а также у них наблюдается особое отношение к женским образам (Вертинский — «За кулисами», Башлачев — «Хозяйка») [2].

Помимо того, на что указывает Иванов, мы также можем увидеть, насколько для Башлачева была важна поэзия такого классика, как Александр Сергеевич Пушкин. Так, в песне «Не позволяй душе лениться» можно увидеть сразу несколько отсылок к таким хрестоматийным стихам, как «К Чаадаеву» (*В огне тревог и в дни ненастья / Гори, гори, моя звезда! / Звезда пленительного счастья — / Звезда Героя соцтруда!*), «Зимнее утро» (*Мороз и солнце — день чудесный / Для фрезеровочных работ*) и т. д.

Стоит назвать еще одного исполнителя, чью связь с литературной традицией вполне можно назвать явной — Егора (настоящее имя — Игорь) Летова. Причем, судя по его обширному творчеству, он активно вдохновлялся как отечественными литературными произведениями, так и первоисточниками из других стран. Так, например, название песни (и одноименного альбома) «Невыносимая легкость бытия» (1997) отсылает к роману писателя Милана Кундеры. Еще мы можем, к примеру, обратить внимание на то, как он вдохновился образом «кровавых мальчиков» из «Бориса Годунова» (а точнее, из монолога «Достиг я высшей власти...») Александра Сергеевича Пушки-

на, используя его в одной из своих самых знаковых песен «Русское поле экспериментов» (1989).

Но наибольшее количество сходств в плане творческих решений, как пишет в своей статье Меркушов, можно найти между Летовым и Владимиром Маяковским, так как многие художественные приемы, имеющиеся в ранних песнях группы «Гражданская оборона», сольного творчества Егора и других его проектов того времени, очень схожи с теми, которые можно увидеть в творчестве футуристов начала XX в. [3].

Их двоих объединяет тема протеста и политики. В песне «КГБ-рок» Летов даже частично цитирует «Левый марш» Маяковского, повторяя в самом конце песни ее первую строфу (*Разворачивайтесь в марше / Словесной не место кляuze...*). Правда, если поэт искренне провозглашает эти лозунги во имя дела партии, то он, по сути, наоборот, делает резкий выпад по отношению к этой самой партии, высмеивая ее и давая понять, что она уже давно извратила свои же идеалы [3]. Их также связывает неприязнь к обывателям. Это выражается тем, что и у Летова, и у Маяковского есть стихи-обращения с похожими названиями и почти идентичной тематикой — «Вы» и «Вам!» соответственно [3].

Все вышеперечисленные примеры дают понять, что русская рок-поэзия весьма своеобразна, но она не скрывает того, что достаточно крепко связана с традицией русской классической поэзии. Их связь — это одна из тех вещей, которая делает отечественный рок-текст уникальным. Зная, чем вдохновляются авторы песен, мы знаем, как понимать их произведения.

1. Кормильцев И., Сурова О. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция. Русская рок-поэзия: текст и контекст. 1998. № 1. С. 5–33.
2. Иванов А. С. О влиянии поэзии А. Н. Вертинского на творчество А. Н. Башлачёва: некоторые замечания. Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2013. № 14. С. 82–88.
3. Меркушов С. Ф. Егор Летов: разрыв с традицией через перцепцию Владимира Маяковского. Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 4. С. 69–75.

Научный руководитель — д-р филол. наук О. Д. Журавель

УДК 821.161.1

Художественные функции эпитафия из «Анналов» Квинта Энния к «римской» главе романа А. Петровой «Аппендикс»

М. А. Ларютенко

Томский государственный университет

Текст романа А. Петровой «Аппендикс» (2016) состоит из чередующихся, хотя и с некоторыми нарушениями этого принципа, «детских» и «римских» глав (как их называли критики [1]), разделенных на сюжетном и паратекстуальном уровнях. Эпитафии присутствуют только у «римских» глав и характеризуются многообразием цитируемых фрагментов из различных источников, которые включены в текст в авторском переводе.

Эпитафия осложняет восприятие текста, формируя многозначность аспектов и векторов прочтения произведения. Возникает ситуация авторской игры с претекстами, осознанная трансформация, встраивание и формирование межтекстовых связей, подчиняющихся замыслу автора и модифицирующих семантику основного текста за счет ассоциаций, которые актуализируются в связи с литературным прецедентным феноменом. Более сложным случаем авторского обыгрывания претекста представляется ситуация, когда в эпитафия встраивается не оригинальный фрагмент, а его художественный перевод. Паратекст создает эффект герменевтического круга и обеспечивает нелинейное прочтение каждой «римской» главы.

На уровне паратекстуальной организации открывается динамика смыслов: говорящий от лица романа эпитафия ко всему тексту (*Alex me fecit Mario*), отделивший личное от автора, формирует установку на восприятие смыслов. Через ситуацию переезда в Рим и перипетии освоения нового пространства происходит осознание и переживание себя в новом качестве. Эмиграция уподобляется «переходу», как телесному, так и духовному. Появление «диктата Яилати» и характеристика города в эпитафиях манифестируют безыллюзорное восприятие новой родины. Но с ее обретением появляется надежда отделенного и трансформированного личного на жизнь в Риме, предоставляющую возможность для веры, т. е. для чуда, актуализированного в эпитафия к последней главе — палиндроме *Romasummusamor*.

Цель исследования — выявление специфики авторского перевода и художественных функций латинского эпитафия к одной из «римских» глав романа «Аппендикс», который как интертекст выводится в промежуточное положение между претекстом и текстом, становится средством интерпретации.

Материалом выступает 25-я глава романа «Все святые» и фрагмент из «Анналов» Квинта Энния: «Являюсь я гражданином Рима, я, который был раньше гражданином Рудии. Анналы, Квинт Энний» [2, с. 267]. Он вводит контекст личного осмысления положения человека в пространстве и связей с местом рождения и местом проживания.

Ситуация переезда рассказчицы в другой город соотносится с историей Квинта Энния, родившегося в Рудии, а позже переехавшего в Рим. Рассуждая о «римцах», осо-

бенностях характера жителей, героиня сравнивает с этим городом то место, где она родилась (Ленинград), отмечает их различие и одновременное сходство, что и подкрепляется выбранным автором паратекстом.

Видя на телеэкране в римском электромагазине фрагменты города детства, или «собственные воспоминания», героиня определяет причины своего отъезда: «мой отъезд был как раз влиянием города» [2, с. 273]. Приехав в Рим и «попав в сферу притяжения этого места», она «была вынуждена сделаться его частью, одной из его феодальных точек со своим хозяйством и укладом» [2, с. 273]. Понимание причин переезда и обретения нового места выявляется на контрасте сопоставления двух городов, акцентированного метафорически через изображения на экранах и в воспоминаниях героини.

Перевод показывает сознательную расстановку автором акцентов в смысле оригинальной цитаты: *Nos sumus Romani qui fuimus ante Rudini* ‘Мы — римляне, которые раньше были жителями (гражданами) Рудии’. Личное местоимение *nos* подразумевает вписанность говорящего в коллектив, а перевод «я», смещает акценты и более апеллирует к личной истории автора и ее героя.

Квинт Энний показывает значимость места своего рождения в соответствии с ощущением себя как гражданина Рима. Противопоставление центра мира и периферии открывает специфику видения места рождения и места проживания героини романа: Ленинград воспринимается не как периферия Рима, а как значимый и важный другой мир с культурой и этикой, отличными от римской, но римская культура, наоборот, становится ближе героине.

Таким образом, эпиграф предопределяет ситуацию осмысления человеком намеренного изменения места жительства, встраивающуюся в диалог подобных ситуаций переезда в историко-культурном поле контекстов. Развернутое в многообразных плоскостях сравнение городов показывает неоднозначное видение каждого из них и определяет отношения центра мира (Рима), его уклада с собственным ценностным центром героини — неоднозначный и противоположный родному городу Рим становится ее новым ценностным центром.

1. Снытко С. Разорванная правда // Новое литературное обозрение. 2017. № 3 (145). С. 309–316.
2. Петрова А. Аппендикс. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 832 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. С. Ю. Суханова

УДК 821.161.1

Роль метафор и символов в развитии сюжета «Петровы в gripпе и вокруг него»: анализ через деталь со старой таблеткой

Лу Чэнь

Новосибирский государственный университет

В современной русской литературе роман Алексея Сальникова «Петровы в gripпе и вокруг него» занимает особое место, выделяясь своей уникальной структурой и глубоким использованием символов и метафор, которые играют центральную роль в развитии сюжета и раскрытии характеров персонажей. Целью настоящего доклада является попытка раскрыть, как автор использует такую деталь, как старый аспирин, для раскрытия ключевых тем произведения, включая человеческую уязвимость, борьбу с болезнью и поиск смысла в условиях кризиса.

И. К. Сушила в исследовании «Современный литературный процесс в России» подчеркивает, что современная литературная жизнь не следует линейным закономерностям. Автор указывает на сложность и многоуровневость системы, а также на неоднозначную иерархию ценностей, что является определяющей чертой современного литературного процесса [1]. Произведение «Петровы в gripпе и вокруг него» является ярким примером литературы этого периода, демонстрируя уникальное слияние элементов постмодернизма и метамодернизма.

Уже к моменту выхода романа в журнальном варианте критика обратила внимание на оригинальный строй произведения. Юзефович отмечает: «Все случайные знаки, встреченные Петровыми в их болезненном полубреду, все неприметные символы — от просроченной таблетки аспирина, завалявшейся в кармане штанов, до странной девочки в троллейбусе — внезапно собираются в стройную конструкцию без единой лишней детали» [2].

Роман, разворачивающийся на фоне эпидемии gripпа, представляет собой сложную смесь иронии, сатиры и социальной критики, отражая различные аспекты современного российского общества. В произведении основные темы — любви, жизни, смерти и самоопределения — тесно связаны с мифологическими и метафизическими мотивами, что представляет собой не только расширение тематического плана, но и добавление слоя символизма и глубокого философского содержания.

Образ аспирина, повторяющийся в романе 28 раз, служит не только для создания напряжения, но и выступает как символ: герои постоянно оказываются в транспорте, в дороге, видят одни и те же пространственные маркеры города, так формируется модель странствия героев. Петров берет таблетку у Виктора Михайловича, Петров дает таблетку сыну, Марина разговаривает с матерью о таблетках. Противопоставление и соположение повтора при обращении к одному событию, с каждым разом преобразует и усиливает напряжение, тогда повтор переходит в градацию. Аспирин здесь может быть интерпретирован как лекарство от болезни, как способ облегчения страданий, что

находит отражение в жизни персонажей. Каждое новое упоминание аспирина в разных контекстах усиливает ощущение повседневного дискомфорта и бессилия персонажей перед лицом неизбежных жизненных обстоятельств.

Отношения Марины и Игоря, начавшиеся с интимной близости, так и не смогли переродиться в настоящие чувства. Марина, беременная от Игоря, самостоятельно решает сделать аборт, но все меняется, когда она касается руки Петрова (в детстве): «Аборт, — думала она. — На хер все это, только аборт». Ей казалось, что от ее руки все еще пахнет этим ребенком, но чем сильнее она отмывала руку, тем сильнее становился этот невыносимо тоскливый детский запах» [3]. Неосознанное действие Петрова, который спасает общего ребенка Игоря и Марины, открывая тем самым новую главу в приключениях главного героя, в то же время указывает на символическое значение таблетки аспирина 1979 г. от Виктора Михайловича, брата Марины, которая оказывается спасительной для сына Петрова. Эти элементы, по мнению исследователей, играют важную роль в развитии сюжета и глубине литературного произведения. История любви Марины и Игоря подчеркивает сложность человеческих отношений и влияние неожиданных событий на их развитие. Марина, столкнувшись с беременностью и решившаяся на аборт, встречается с моментом, который полностью меняет ее восприятие ситуации. Контакт с ребенком, описываемый в цитате, вносит в роман метафорическое и метафизическое измерение, иллюстрируя взаимосвязь между физическим и эмоциональным, между реальным и воображаемым.

Таким образом, старая таблетка аспирина в романе служит не просто сюжетной деталью, но символом, подчеркивающим важность символики и метафор в литературе. Этот элемент иллюстрирует, как детали обогащают текст смыслами, связывая его с более широким социокультурным контекстом и подчеркивая роль литературы в исследовании человеческого опыта.

1. Сушилина И. К. Современный литературный процесс в России. Моск. гос. ун-т печати. М.: МГУП, 2001. 128 с.
2. Юзефович Г. Безумие и норма, реальность и бред. Meduza, 9 сентября 2017 г.
3. Сальников А. Б. Петровы в гриппе и вокруг него. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 412.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Ю. В. Шатин

УДК 821.161.1

Особенности нарративной организации современной русской прозы на примере сборников «Конец света, моя любовь» А. Горбуновой, «Сестромам. О тех, кто будет маяться» Е. Некрасовой и романа «Сезон отравленных плодов» В. Богдановой

А. Н. Мальцева

Новосибирский государственный университет

Современный литературный процесс в последнее пятилетие столкнулся с феноменом особенного подчеркивания принадлежности голоса нарратора женщине, что влечет за собой своеобразие нарративного построения текстов, их фокализации и системы мотивов. Наше исследование посвящено изучению текстов писательниц, издававшихся в последние годы в редакции Елены Шубиной, вошедших в длинные и короткие списки одной из значимых премий: «НОС», «Большая книга», «Национальный бестселлер» и др.

В качестве практической основы для анализа выбранных произведений мы руководствуемся трудами В. И. Тюпы [1] и В. Шмида [2]. В. Шмид утверждает, что текст не может быть полностью свободным от субъективного взгляда, т. е. нарратора. Несмотря на наличие в выбранных произведениях как эксплицитно, так и имплицитно выраженных нарраторов, они обладают женским голосом, что становится очевидным благодаря анализу подбора событий и элементов истории, их детализации, языковой презентации и оценке.

Для нашего исследования особенно значимы термины В. И. Тюпы «нарративная стратегия» (НС) и «нарративная картина мира» (НКМ). НС представляет собой намеренное расположение автором нарратора по отношению к персонажам и читателям с целью создания определенного взгляда на текстовую действительность, созданию определенной нарративной цепочки. НС включает в себя нарративную модальность, то есть позицию рассказчика по отношению к истории (что схоже с термином Ж. Женетта «фокализация»), и нарративную интригу, то есть тип событийности, обращенной к рецептивной компетенции адресата. Основой НС является НКМ, имманентно заданный фон для развития событийной линии, определяющий природу событийности в мире наррации.

В ходе анализа было выявлено, что у указанных писательниц наблюдается общая НКМ при использовании разных НС для ее достижения. Она характеризуется предопределением возможностей нарратора и персонажей гендерными рамками мира, которые как нарратор, так и героини стремятся преодолеть, что отражается и в общем зыбком, непрочном мироустройстве.

Таким стремлением выделяется повесть «Сестромам» Е. Некрасовой, в которой главная героиня на протяжении трех этапов «выходит из себя», пытаясь обрести свободу от вины, долга, сопровождающих патриархальное устройство мира. Рассказ «Против закона» из сборника А. Горбуновой построен по подобной НС, которую резюми-

рует описание состояния героини после значимых событий: *Это было бесконечное презрение к законам плотского царства ради того, чтобы обрести истинную свободу от мира.* В романе В. Богдановой главная героиня Женя также осознает невозможность встроиться в рамки окружающего — это подчеркивается, например, через появление «стыда-и-срама» во время особенно напряженных событий ее жизни, что обозначает приближение конца и невозможность освобождения по оценке нарратора: *Когда-нибудь она исчезнет. Когда-нибудь она оступится, и стыд-и-срам ее сожрет.*

Кроме того, НКМ конструируется через НС создания травмирующих событий, которые могут быть раскрыты через систему связанных с ними мотивов: переживания травмы, осмысления травмы, преодоления травмы и т. д., из которых последний является самым продуктивным с точки зрения сюжетогенности. Избрание именно этой НС, включающей особенности, зависящие от индивидуального стиля писательницы, влечет за собой еще одну общую черту НКМ, аффекта, обусловленного травмой, — ужаса. Он выстраивается нарратором через события вторжения потустороннего мира в мир реальный, бытовой, и через события насилия и последующей травмы на уровне реального мира.

В романе В. Богдановой избирается НС связи переживания Женей травмирующей невозможности быть вместе с двоюродным братом и происходящих вокруг терактов, то есть через вторжение ужасного в реальный мир: две значимые событийные линии романа оказываются причиной (чувства героини) и ее следствием («взрывы»). В рассказе «Лакшми» Е. Некрасовой переживание травмы (насилие со стороны мужа) как центрального события-катализатора рассказа приводит к бунту главной героини (у нее появляются дополнительные руки, чтобы дать отпор), в рассказе же А. Горбуновой «Беда» травмирующее событие (насилие со стороны прохожего) приводит героиню к безумию.

Нарративная организация сборников А. Горбуновой (2020), Е. Некрасовой (2019) и романа В. Богдановой (2022) характеризуется общими особенностями НКМ, такими как создание границ, обусловленных патриархальным устройством, и травматичность для героинь.

1. Тюпа В. И. Жанровая природа нарративных стратегий. Филологический класс. УГПУ, 2018.
2. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Научный руководитель — канд. филол. наук Н. О. Ласкина

УДК 82-32

Герой Василия Шукшина в контексте переходной эпохи: от оттепели к застою

М. С. Скрипко

Новосибирский государственный университет

Василий Макарович Шукшин (1929–1974) — советский писатель, режиссер и актер. К литературной деятельности пришел на рубеже 50–60-х гг., стремительно став одним из ведущих творцов эпохи. В. Пьецух назвал Шукшина «последним гением русской литературы» [1]. Исследованием литературного творчества Шукшина занимались И. В. Шестакова, А. И. Куляпин и др.

В произведениях Василия Шукшина отразился кризис периода оттепели, столкновение оттепели и застоя. Изменение шукшинского героя свидетельствует о переменах в обществе.

Шукшин во многом стал предвестником как застоя, так и в какой-то степени перестройки, предчувствовал кризис советского и русского общества, хотя не застал ни развала Советского Союза, ни последующих событий. Застой послужил «спусковым крючком», «взрывателем» советского общества, и его последствия ощутимы и по сей день.

Для понимания эволюции героя Шукшина в новом, ранее не рассматриваемом аспекте необходимо, кроме использования литературоведческих методов, выйти на политический, культурный, социологический контекст.

Недолгий период оттепели связан с развенчанием культа личности, реабилитацией репрессированных, либерализацией общественной жизни. Это время стало глотком свежего воздуха, было наполнено мечтами, надеждами. Страна оправлялась от лихолетья. Произошел творческий расцвет множества авторов («шестидесятников»), колоссальный прорыв в кинематографе, проходили поэтические вечера.

Но не все было так радужно. Оттепель была противоречивым, наполненным переживаниями периодом. Цензура была сильна, а свобода зачастую была мнимой. Возросло моральное беспокойство. Художниками вновь начинает ощущаться «вывихнутость века», отсюда — интерес к образу Гамлета (в кино — Козинцев и Смоктуновский, в театре — Любимов и Высоцкий; Тарковский и Солоницын). Окончательно «заморозили» оттепель в 1968 г. ввод советских войск в Чехословакию и майские протесты в Париже. Наступил застой, а его последствия — дефицит, алкоголизация населения, энтропия. Символом того времени становится поэма В. Ерофеева «Москва — Петушки».

Героями Василия Шукшина чаще всего были «чудики», несущие в себе трагическое под маской комического. Редкие рассказы Шукшина имеют однозначно счастливый конец, и редко можно назвать их комедийными. Шукшин, как и, например, Г. Шпаликов или С. Довлатов, с ранних этапов творчества чувствовал некое беспокойство, тревогу, нечто такое, чего общество еще не ощущало. С этими чувствами связано и постепенное

омрачение поэтики Шукшина (до криминальной, блатной тематики, чернухи и пошлости: «Калина красная», «А поутру они проснулись»).

Яркими примерами эволюции шукшинского героя могут послужить повести «Живет такой парень» (собрана из нескольких ранних рассказов) и «Печки-лавочки». В век синтеза искусств Шукшину важно было отразить именно эти произведения в кинематографе, усилить их. Главные герои этих повестей — простые, сильные, волевые, острые на язык работающие люди, выходцы из одной среды, алтайской деревни, но с разницей в 8 или 10 лет.

Главный герой повести «Живет такой парень» Пашка Колокольников — внешне легкомысленный весельчак и балагур с неиссякаемым оптимизмом. Кажется, что ему все по плечу. Но внутри него — беспокойство. Он ищет Идеал, смысл жизни, любовь. Это герой думающий, герой поколения, жаждущего подвигов, рожденного и выросшего в дни войны, но не познавшего ее.

В герое «Печек-лавочек» Иване Расторгуеве уже нет и следа оптимизма. В нем чувствуются надлом, усталость, озлобленность, тоска по чему-то невыразимому. И локус в «Печках-лавочках» отчасти такой же, как у Ерофеева, поезд, где все ведут полупьяные беседы о жизни. Иван — герой по-прежнему ищущий, но встретившийся с суровой реальностью, меркантильностью, практичностью окружающих людей.

Повесть «Живет такой парень» заканчивается так: «А за окнами больницы — большой ясный день. Большая милая жизнь...» [2, с. 247]. Финалы обеих повестей в каком-то смысле открытые, дающие надежду, но все же вызывающие странную, непрощеную грусть.

Таким образом, если в повести «Живет такой парень» герой находится среди людей, устремлен в будущее, то в «Печках-лавочках» в герое появляются раздражение, язвительность, которые в позднем творчестве Шукшина («Калина красная», «Я пришел дать вам волю») выльются в угрюмое отчуждение, маргинальность, неприятие мира, бунт. Через эволюцию героев Шукшина проявляются зыбкие, некрепкие идеалы оттепели, трезвый взгляд на оттепель в эпоху пьянства.

1. Пьецух В. А. Рассуждения о писателях. URL: <https://modernproblems.org.ru/intellig/199-piecu.html?start=5#content> (дата обращения: 09.02.2024).
2. Шукшин В. М. Калина красная. СПб.: Азбука-Аттикус, 2017. 384 с.

Научный руководитель — д-р филол. наук О. Д. Журавель

УДК 81'42:821.161.1(571.122)

**Проза Е. Д. Айпина второй половины 1980-х гг.:
трансформация повести в роман на уровне хронотопа**

Ю. Н. Степанова

Тюменский государственный университет

Роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари» является результатом авторской переработки повести «Звезда Утренней Зари», и эта жанровая трансформация текста происходит за счет расширения пространственно-временных границ, изображаемых и обозначаемых событий.

Н. Л. Лейдерман пишет, что роман в качестве жанра исследует именно «сцепления» отдельных граней или процессов действительности, потому для него характерна диалектическая многосложность как конструктивный принцип художественного мира. Теоретик отмечает, что художественному миру романа свойственно выстраивание параллельных сюжетных линий, имеющих семантические точки соприкосновения [1].

Тексты хантыйского прозаика характеризуются сочетанием элементов синкретической и традиционалистской фаз развития словесного творчества. Следовательно, роман Айпина имеет специфику и отличается от жанровой структуры романа индивидуально-творческой фазы, обозначенной Н. Л. Лейдерманом. В романе хантыйского мастера слова сюжетные линии выстраиваются не параллельно, они разветвляются. Основная сюжетная линия (поездка Демьяна) расширяется благодаря воспоминаниям героя о судьбах его родственников, образуя сложную сеть сюжетных линий, идущих друг из друга. Некоторые воспоминания встраиваются в другие, образуя «матрешку». Главный герой становится их «скрепой». С. Н. Бройтман, исследуя развитие сюжета в эпоху синкретизма, выявил, что «кумулятивный сюжет строится на „нанизывании“, пространственном сближении-присоединении структурно самостоятельных единиц» [2]. В романе Айпина архаическая кумулятивная схема становится способом связи эпизодов сюжетных линий в данных разветвлениях.

В повести «Звезда Утренней Зари» действие происходит в настоящем времени, в ней отсутствует мысленное движение главного героя в прошлое и будущее. В романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» границы временного пространства расширяются, настоящее переплетается с прошлым и будущим. Воспоминания главного героя связаны со значимыми историческими событиями (падение самодержавия, коллективизация, массовые репрессии, Великая Отечественная война), которые пережили люди его рода, либо со значимыми встречами персонажа (например, встреча с Мариной). События расположены не в хронологическом порядке, они всегда связаны с определенными размышлениями героя или местами, возникающими в его пути. Некоторые воспоминания о прошлом тесно сопряжены с будущим. Сыновья Демьяна связывают три временных пласта. В будущем они, так же как и отец, хранят в памяти истории старожилов, помнят родственников, узнают истории их судеб. Память истории рода,

передача традиций — важная составляющая мировоззрения хантов, и Айпин переводит ее в конструкцию текста.

По сравнению с повестью в романе меняется пространство основной сюжетной линии. Оно разветвляется за счет появления встреч главного героя с родственниками и знакомыми. Например, по дороге в поселок Демьян встречает Седого, с сыновьями заезжает в гости к Галактиону, в школе сыновей навещает Корнеева. Появление этих эпизодов создает стимулы для воспоминаний, а также для размышлений о проблемах народа хантов.

Роман предваряет легенда о Вверх Ушедшем человеке, которая отсутствует в повести. Ее ввод расширяет пространственно-временные границы: появляется мифологическое пространство, существующее в сакральном времени. Е. М. Мелетинский, описывая мифическую эпоху, маркирует начальное сакральное время как особое, не имеющее внутренней протяженности, выходящее за пределы временного потока. Исследователь отмечает, что первобытные люди воссоздавали события мифической эпохи благодаря обрядам и ритуалам. В силу синкретизма мифологического мышления обращение к мифическому прошлому поддерживало порядок в реальном времени [3]. Главный герой романа обладает мифологическим мышлением, поэтому в его сознании между реальным и мифологическим пространствами нет четких границ, они сосуществуют и соприкасаются. Восхождение в рассказе о Вверх Ушедшем Человеке соотносится с финалом романа. Демьян становится Звездой Утренней Зари и переходит в Верхний мир.

Таким образом, трансформация повести в роман происходит благодаря разветвлению пространства основной сюжетной линии, использованию кумулятивного принципа построения частей сюжета для соединения разных временных событий, расширению временного пласта и появлению мифологического пространства, которое дает возможность герою перемещаться не только в горизонтальной, но и в вертикальной плоскости.

1. Лейдерман Н. Л. Теория жанра: исследования и разборы. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. 904 с.
2. Бройтман С. Н. Историческая поэтика: учеб. пособие. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 320 с.
3. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. С. А. Комаров

УДК 82-1

Образ Наполеона Бонапарта в мифопоэтическом отражении М. И. Цветаевой

К. Г. Феоктистова

Новосибирский государственный университет

Одним из самых значимых образов исторических личностей в творчестве Цветаевой является образ Наполеона. Как и другие образы, созданные Цветаевой, он складывался сквозь призму мифопоэтики. Большое влияние на отношение Цветаевой к Наполеону оказали произведения Пушкина. Благодаря его стихотворениям Цветаева впервые «познакомилась» с Наполеоном. У Пушкина этот образ амбивалентен — Наполеон является одновременно и «кумиром», и «злодеем» [1].

Цветаева боготворила Наполеона и создавала свой собственный, мифологизированный, образ этой исторической личности. Для Цветаевой, как и для Пушкина, Наполеон являлся «кумиром» (но не «злодеем»), а также идеалом монарха, своего рода мессией. При этом Цветаеву привлекал не только уже сложившийся в культуре образ Наполеона как выдающегося политика на вершине своей славы, но и образ Наполеона как поверженного, всеми покинутого человека, ставшего пленником на острове Святой Елены. А. И. Цветаева, сестра поэта, вспоминала, что любовь Марины Цветаевой к Наполеону и к «орленку», его сыну, «была раной, из которой сочилась кровь» [2]. Цветаевой была свойственна черта, которую знакомый поэт В. Б. Сосинский назвал «слабостью... к побежденным, к проигравшим игру, к людям, выкинутым из истории на свалку» [3]. Это личностное качество нашло свое отражение в творчестве, стало первостепенным при создании поэтических образов, в частности образов исторических личностей. В эссе «Мой Пушкин» Цветаева писала, что ее отношение к Наполеону-узнику можно назвать «высокой жалостью, жалостью — восторгом и восхищением» [4].

Основу образов в творчестве Цветаевой составляют мифологемы, которые неразрывно связаны друг с другом. Так, доминантами образа Наполеона Бонапарта у Цветаевой являются мифологема жертвы и мифологема сна.

Необходимо отметить, что мифологема жертвы проявляется не только в связи с образом самого Наполеона, но и в связи с образом его сына, Наполеона II (его называли также герцогом Рейхштадтским и «орленком»). Например, в стихотворении «Расставание» из сборника «Вечерний альбом» Цветаева сравнивает «орленка» с Христом: «Твоей Голгофой был Шенбрунн» [5]. Образ сына дополняет образ Наполеона Бонапарта, эти образы составляют бинарную оппозицию «отец — сын», которая является типичной для мифопоэтики Цветаевой. Эта бинарная оппозиция появляется также в связи с образами других монархов и их наследников (например, Людовик XVI и Людовик XVII, Николай II и цесаревич Алексей). С мифологемой жертвы Цветаева связывает не только мотивы страдания, но и мотив одиночества, отверженности. Так, в стихотворении «Бонапартисты» Наполеон оказывается всеми покинутым — и в заточении, и по-

сле смерти. Рядом с Наполеоном, а впоследствии и рядом с его могилой оказывается только плакучая ива, которая является фольклорным символом скорби. Дерево является также символом перерождения, воскресения.

Мифологема сна связывается у Цветаевой с мотивами смерти и перерождения. У Цветаевой *сон* не просто является метафорой смерти, он становится символом ее преодоления, перехода из мира мертвых в мир живых (и обратно). Именно во сне герой, находящийся либо в заточении, из которого невозможно вырваться физически (например, стихотворение «В Шёнбрунне», посвященное герцогу Рейхштадтскому), либо в могиле (например, стихотворение «Бонапартисты»), вырывается из своего плена. В стихотворениях «Воздушный корабль» М. Ю. Лермонтова и «Ночной смотр» В. А. Жуковского, также повлиявших на формирование цветаевского образа Наполеона, умерший император может преодолеть смерть именно ночью. *Сон* для Цветаевой выше, чем окружающая ее действительность, он является для нее той реальностью, в которой нет места злу и несправедливости.

Цветаева стала одним из немногих поэтов, кто увидел в Наполеоне Бонапарте не только кумира и сильную личность, но и страдающего человека. В своих произведениях она пыталась восстановить историческую справедливость посредством мифотворчества, которое, по мнению Цветаевой, является единственной возможностью отобразить или создать истинную реальность.

1. Айзенштейн Е. О. «Земли чудесной посетитель»: Миф Цветаевой о Наполеоне // Нева, 2012. № 8. С. 182.
2. Цветаева А. И. Воспоминания: в 2 т. М.: Бослен, 2008. Т. 1. С. 406.
3. Сосинский В. Б. Воспоминания // Марина Цветаева в воспоминаниях современников. М.: Вагриус, 2006. С. 373.
4. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 5. Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. С. 79.
5. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1. Стихотворения. С. 31.

Научный руководитель — д-р филол. наук О. Д. Журавель

УДК 821.161.1

«Хуррамабад» Андрея Волоса как «роман-пунктир»: форма и содержание

А. Ш. Хонкулов

Новосибирский государственный университет

Андрей Волос определил жанр своей книги «Хуррамабад» как «роман-пунктир». Композиция и сюжетное построение произведения дают объяснение: 14 глав, каждая представляет собой новеллу с новыми героями и событиями. Объединяющим все новеллы является топоним — вымышленный город Хуррамабад, в котором нетрудно отгадать столицу Таджикистана — Душанбе [1, с. 281]. Однако данный жанр не определяется исключительно формой «Хуррамабада»; ключом к пониманию «пунктира» является особое положение героев романа: мы сталкиваемся с людьми особого пространства, мироощущения и отчасти происхождения. Это пространство можно описать в терминах английского исследователя индийского происхождения Хоми Бабы: пространство *культурной гибридности*, существующее на стыке географического, политического и культурно-общественного: «их» и «нас», «своих» и «чужих» [2].

1990-е гг. разделили Советский Союз на 15 независимых государств, и в самом южном из них — Таджикистане — в 1992 г. началась гражданская война [3, с. 442]. В этой пучине событий оказались люди иной национальности: многочисленные русские жители Таджикистана обнаружили себя на распутье; их предки покоятся на кладбищах этой страны, сами они, хоть и русские, не были в России никогда, а если и были, то не считают ее своей родиной. Что делать, когда на родной земле тебя не примут за *своего* никогда, а в России, где, казалось бы, теперь твой новый дом, нет ничего, что можно назвать родным? Именно в таком пространстве неизвестности, пространстве «между» [2], без видимых альтернатив, без причастности к простому «своему» и «чужому» оказались герои Андрея Волоса.

Неопределенность и расплывчатость — свойства всего устройства романа. Мы не знаем точного времени и места действия: во-первых, от главы к главе они меняются, во-вторых, повествователь никогда не дает нам точно знать, в каком промежутке пространства и времени мы находимся сейчас — об этом нам приходится лишь догадываться по мелким деталям быта или обмолвкам в тексте. Так, время действия второй главы — между 1950 и 1955 г.: упоминается радиоприемник Riga-6 (который появился в начале 1950-х гг.), а в конце главы мы видим: «...и десяти лет после войны [имеется в виду Великая Отечественная война 1941–1945 гг.] не прошло». По таким крупным мы вынуждены сами догадываться обстоятельства контекста: в главе «Сангпуштак» маркером времени послужил разговор героев о конфликте в Нагорном Карабахе (то есть время действия — не ранее 1987 г.); в главе «Начальник фонтана» маркер — возмущения одного из персонажей о том, что приедем в Таджикистан армянам начнут раздавать квартиры — а именно эти слухи стали формальным поводом для беспорядков в Душанбе в 1990 г. [4, с. 240].

«Пунктирность» проявляется также в выборе персонажей: каждую главу мы видим новых героев, приехавших в Таджикскую ССР или родившихся уже в самой национальной республике. Некоторые фамилии все-таки повторяются в разных главах, однако неясно, те же это люди или просто однофамильцы, ведь новая глава событийно никак не связана с предыдущими. Жизнь героев Волоса перестала быть прежней после гражданской войны в Таджикистане, а самоидентификация обнаруживает большие лакуны: герои остаются «без возраста и национальности» [3, с. 386]. Им остается покинуть страну, ставшую родной, хотя все здесь кричит об их принадлежности этой земле: предки героев похоронены тут, в Хуррамабаде (см. главу «Хороший камень на могилу отца»); сама природа подсказывает, что в героях что-то сломается, перестанет быть живым — и распадется останками, как Ужик, поселившийся в доме Анны Валентиновны [3, с. 207]; даже полностью мимикрировавшего Сережу Макушина (ставшего Сирочидином) признают своим, хотя ему придется поплатиться за это жизнью [3, с. 189].

Роман-пунктир — это не только намеренно точечное повествование о жизни людей в Таджикистане на рубеже веков, не только форма. Это характеристика жизни людей, характеристика самого времени: размытость границ, неуточненность имен, вынужденная — но напрасная — мимикрия, отторжение и выброшенность за границы географии и бытия. Героям Волоса ничего не остается, кроме жизни вне самих себя: «...а душа хотела остаться и отчаянно билась в чужой и тесной оболочке» [3, с. 402].

1. Тлостанова М. В. Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскультурации. М.: УРСС, 2004. 416 с.
2. Баба Х. Местонахождение культуры // Перекрестки. Журнал исследований восточно-европейского пограничья. 2005. № 3–4. С. 161–191.
3. Волос А. Хуррамабад: роман-пунктир. М.: Зебра Е, 2005. 480 с.
4. Рузикулов Дж., Эгамбердиев У. Исторические предпосылки возникновения новых политических партий и движений в Республике Таджикистан // Ученые записки Худж. гос. ун-та им. акад. Б. Гафурова. Гуманит. науки. № 4. С. 240

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. О. Ласкина

УДК 821.161.1

Смерть и эсхатология в лирике М. И. Цветаевой на примере стихотворения «Еще и еще песни...»

М. А. Чернавин

Новосибирский государственный университет

В русской поэзии XX в. именно творчество Марины Ивановны Цветаевой выделяется повышенным интересом к теме смерти, носящим постоянный, а не спорадический характер. Однако именно 1916 г. для Цветаевой во многом переломный. Так, в своем очерке «Нездешний вечер» сама Цветаева позже напишет: «Начало января 1916 года, начало последнего года старого мира. Разгар войны. Темные силы» [1]. В этих строках ощущается близость катастрофы, предчувствие беды. Этот же темный, мрачный дух чувствуется и в стихотворении «Еще и еще песни...», написанном весной того же года.

В первом четверостишии «крест» выступает как символ космической вертикали: это и ниспосланные свыше страдания и испытания (ср. *нести свой крест*), и надгробный крест, возвышающийся над могилой. «Слагать песни о кресте» в этом контексте сближается с исполнением похоронных плачей и причитаний. В этой оптике и целование перстня предстает перед нами как часть погребального обряда, а воспевание, восхваление — как посмертное.

Вторая строфа представляет собой одно предложение, причем в придаточных описываются каждый раз все более и более невероятные происшествия. Следующая строфа продолжает этот ряд потенциально невозможных событий. Изменяются по сравнению с предыдущим четверостишием характеристики глагольных форм: все глаголы — в изъявительном наклонении. Строго следуя типичному языковому значению этого наклонения — принадлежности действия реальному миру [2] — получаем, что в момент произнесения монолога время — полночь, сейчас «беда» смыкает над лирической героиней «волны»; но в некий полдень уже занялась звезда.

Последнее предложение третьего четверостишия описывает событие, либо непосредственно предшествующее тому, что мы видим в последней строфе, либо то же. Следовательно, первая строфа приобретает характер последнего слова, произносимого в момент перед самой казнью. Но как было замечено выше, героиня обращается к адресату уже будучи мертвой: «на плаху» ее ведут архангелы — вестники мира божественного, а не земного; они, вероятно, ведут душу. В этом пространстве лирическая героиня как бы находится между двумя мирами — земным и небесным.

Почему в пространстве художественного мира стихотворения происходит «вторжение» Небес на землю? Чтобы ответить на этот вопрос, мы сравнили ряд невероятных в земном мире явлений (*зимний гром, заговоривший немой, занявшаяся звезда*), занимающих центральное место в тексте, с фрагментами из Священного Писания. В ходе сопоставления обнаружили следующие символические значения этих явлений: *гром* — явление Божьей воли, Его наказание (ср. Исх 9:23, 33; 1Цар 12:17; Пс 76:18) или сам

глас Божий (Иов 37:2); *заговоривший немой* — немота и потеря голоса являются одним из признаков одержимости бесами или в целом бесовского влияния (ср. Лк 11:14 и Мф 9:33 и 12:22), соответственно, обретение голоса приобретает значение от них избавления; *звезда* — предупреждающее знамение (ср. 3Езд 15:40 — 41; Лк 21:25 — 26; Откр 8:10 и 22:16).

Некоторые другие события, описываемые в этом стихотворении, находятся под влиянием контекста и приобретают дополнительные оттенки смысла, а поэтому их можно сопоставить с текстом Священного Писания. Так, *смыкающиеся волны* можно сопоставить с фрагментом из Книги пророка Ионы (Иона 2:4). Суд же, возникающий в последней строфе, может отсылать к тому, что истинный, высший Суд — это сам Господь (ср. например, Втор 1:17). А Страшный Суд — одно из центральных понятий христианской эсхатологии вообще (Мф 25:34 и 25:41). *Архангелы* — это вестники Божии, их появление может быть предзнаменованием Конца Времен (1Фес 4:16).

Итак, в Библии все перечисленные выше образы напрямую связаны с эсхатологией. Отметим, что хотя прямых цитат из текста Священного Писания мы не наблюдаем, указанные образы являются особенно яркими, воспроизводимыми и употребляются в разных по своему содержанию и времени написания частях христианского канона.

В данном стихотворении переживание за судьбу конкретного человека перерастает в переживание за судьбу всего человечества. Лирический субъект предвидит близящийся Конец, воскресение мертвых и Страшный Суд с последующим наказанием за грехи (образ плахи как высшей кары). Меж тем стихотворение проникнуто надеждой на спасение, которое видится в самом Боге, — это и образ звезды, и обнаруживающаяся параллель с молитвой о спасении пророка Ионы, и с не прекращающимся ни на мгновение ожиданием Спасителя. Героиня уповает на милость Христову — Он воплощение высшей справедливости, и когда-нибудь Его прощение будет заслужено.

1. Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 4. С. 291.
2. Добрушина Н. Р. и др. Наклонение // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. Ч. 1. СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2016. С. 95–101.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Ю. В. Шатин

УДК 821.161.1

**Поэтика стихотворения О. Э. Мандельштама
«На влажный камень возведенный»: попытка интерпретации**

Ши Юйчэнь

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Мандельштаму уже в раннем творчестве свойственно особенное восприятие художественного и эстетического наследия, прежде всего — как части синтезного миропознания, складывающегося из единства темы природы, творчества, быта, религии и мировой культуры. Другая значимая черта раннего творчества Мандельштама — специфический образ субъекта, представленный в динамическом развитии, в ряде текстов развивающийся в противоречивом образе лирического героя, в остальных случаях — в форме субъекта философской лирики.

Среди стихотворений 1908–1914 гг. стихотворение «На влажный камень возведенный», не вошедшее в первый сборник «Камень», пользуется меньшей популярностью среди исследователей и читателей [1–3], однако оно не менее значимо для понимания целостной мифопоэтической картины мира Мандельштама.

В отличие от последующих стихотворений поэта, в этом тексте еще отсутствует точная закреплённость за каким-либо архитектурным объектом, а сам камень выступает одновременно и как природная, и как культурная сущность. У поэта камень «возведенный», в этом словосочетании подчеркнута не просто идея воздействия на объект (материал), в данном случае особенно значим выбор эпитета: процесс творения из камня чего-либо переносится из бытового или повседневного плана в торжественный и возвышенный. Не менее важен и мотив влажности, воды, связанный с развитием на архетипическом уровне стихотворения космогонического сюжета.

Амур — ключевой образ стихотворения, представляющий собой важнейший этап космогонического сюжета и одновременно являющийся смыслообразующим для развития лирического конфликта стихотворения. Очевидно, что переступание Амуром на влажный и на возведенный камень — это переход пространственно-временных границ. Последний, уже рассмотренный мотив подразумевает, что такой переход становится возможным благодаря обращению к мировой культуре.

Важный для любого мифологического, в особенности космогонического сюжета, мотив первородности в стихотворении связан с эпитетами, которыми наделяется Амур: «печальный и нагой» [4, с. 259]. Печаль — эмоциональное состояние, характерное для процесса пробуждения или преобразования.

Отсутствие опыта, младенческое состояние Амура объясняет другой нюанс его эмоционально-чувственного состояния — удивление. Художественное пространство, не конкретизированное в первой строфе, но фокализацией жеста ограниченное все же пространством камня, теперь расширяется до пространства мира. Одновременно с этим происходит и развитие художественного времени. Если в первой строфе переход

Амура был связующим моментом между настоящим и прошлым, то во второй строфе содержится намек и на возможное будущее, связанное с мотивом старости.

Третья строфа по отношению к неделимым (за счет анжамбемана) первым двум строфам выступает как своеобразный итог-следствие. Амур, вступивший на влажный камень, становится способен к тому, чтобы зажечь пламень сердца у лирического субъекта, и все это приводит к ситуации, которой посвящена третья строфа.

Третья строфа представляет собой развитие образов двух смысловых комплексов: природы и творчества, причем и тот и другой лишены реалистической конкретики. Образ дующего ветра противопоставлен и незащищенности младенческой наготы Амура, и его ребячливости. Однако прежде всего он связан с образом губ, которые в поэтическом мире Манделъштама есть символ творческого процесса. Здесь впервые Манделъштамом поднимается (пусть и не прямо) проблема роли поэта, его выбора и судьбы. Неудержимая и грубая сила ветра выступает олицетворением неподвластной силы, столь же естественной, как любая сила природы, и не позволяющей прекратиться появлению поэтических слов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в стихотворении 1909 г. «На влажный камень возведенный» содержатся все основные содержательные и поэтологические особенности, свойственные ранней лирике Манделъштама и впоследствии развивающиеся в зрелом творчестве. Определяющей для формирования мифопоэтической картины мира поэта оказывается идея синтезного восприятия мира в единстве тем природы, мировой культуры и творчества. В развитии лирического сюжета и динамики образа субъекта преобладает архетип инициации-посвящения героя, обретающего особый взгляд на мир и приобщающегося к творчеству.

1. Гаспаров М. Л. Поэт и культура. Три поэтики Осипа Манделъштама. СПб.: Азбука, 2001. С. 193–259.
2. Фролов Д. В. О ранних стихах Осипа Манделъштама. М.: Языки славянской культуры, 2009. 312 с.
3. Черашняя Д. И. Лирика Осипа Манделъштама: проблема чтения и прочтения. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. 288 с.
4. Манделъштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 1. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. 808 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук М. А. Бурая

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Председатель секции — канд. биол. наук, д-р филос. наук, проф. *А. Н. Савостьянов*

Ответственный секретарь секции — *И. С. Пименов*

Экспертный совет секции

канд. биол. наук, д-р филос. наук, проф. *А. Н. Савостьянов*

д-р филол. наук, проф. *М. К. Тимофеева*

канд. филол. наук *Е. Е. Абрамкина*

канд. техн. наук *Е. П. Бручес*

APPLIED LINGUISTICS

Section Head — Cand. Biol. Sci., Dr. Philos. Sci., Prof. *A. N. Savostianov*

Section Responsible Secretary — *I. S. Pimenov*

Section scientific committee

Cand. Biol. Sci., Dr. Philos. Sci., Prof. *A. N. Savostianov*

Dr. Philol. Sci., Prof. *M. K. Timofeeva*

Cand. Philol. Sci. *E. E. Abramkina*

Cand. Techn. Sci. *E. P. Bruches*

УДК 81'33, 81'32

Разработка системы кодирования визуальных данных для последующего изучения искажений коммуникации средствами контент-анализа

Е. Ю. Адалатова

Новосибирский государственный университет

Коммуникативная функция — одна из основных функций речевого общения. Она выполняется при передаче информации от адресанта к адресату. Конечная цель коммуникации в рамках этой функции достигается путем передачи информации при сохранении смысла исходного сообщения. Если смысл передан успешно, коммуникация считается состоявшейся [1].

Однако первоначальное сообщение в процессе передачи часто меняет свое значение. В лингвистике искажение коммуникации считается прагматической проблемой. Автор сообщения сознательно или бессознательно выражает свою индивидуальность в каждом аспекте дискурса, а передача смысловых часто связана не только с коммуникативной функцией общения, но и с особенностями личностного восприятия [2].

Чтобы приблизиться к пониманию процесса искажения коммуникативного сообщения, нужно изучить обработку человеком информации, передаваемой языковыми средствами. Необходима соответствующая система ключевых понятий, через которые можно отследить изменения, связанные с искажением передачи информации при коммуникации.

Для формирования подобных систем применяются контент-аналитические методы анализа данных. Контент-анализ используется в связи с выявлением статистических категорий социальных смыслов, которые могут быть использованы для проведения качественного и количественного анализа смыслового содержания [3].

В нашем исследовании 6-минутный цветной фильм *The Pear Film* (1975), созданный для изучения дискурса, использовался в качестве стимула для создания повествования на основе невербального опыта. В фильме нет языковых действий, но в нем представлена последовательность событий, которые могут быть широко интерпретированы зрителем на основе его собственного социального и личного опыта [4].

Задачей данного исследования являлась разметка записи фильма, ориентированная на последующий анализ языковых повествований о представленном в фильме сюжете. Для ее решения выполнено следующее:

- 1) разделение фильма на фрагменты (создание эпизодов фильма для дальнейшего кодирования);
- 2) определение невербальных характеристик сцен фильма: продолжительность, наличие или отсутствие крупных планов, степень влияния эпизодов на сюжет;
- 3) речевое оформление фильма: подробное описание событий фильма, присвоение кратких названий каждому эпизоду;

4) формирование кодов и категорий на основе описания событий фильма (открытое кодирование, осевое кодирование).

В ходе этого процесса было установлено несколько единиц кодирования, соответствующих идее схематичной организации опыта по Чейфу [5]:

- «сцены» — элементы сюжетной линии, состоящие из нескольких эпизодов (chunk of content);

- «эпизоды» — смысловое содержание элементов фильма (subchunking).

Кроме того, была разработана уникальная единица кодирования, необходимая для работы с визуальным материалом без языковых действий:

- «планы» — структурные элементы фильма, основанные на визуальном переходе кадров и обоснованные кинематографическими особенностями съемки («монтажные планы»).

Планам соответствуют характеристики: отношение к основной сюжетной линии, длительность (в секундах), принадлежит ли к группам коротких, длинных планов с часто встречающейся продолжительностью (ядро рангового распределения). На основе этих характеристик создаются аналогичные для сцен.

Для формирования данной системы категорий было выполнено открытое кодирование (присвоение меток выявленной информации), а затем соотнесение этих меток с категориями в ходе осевого кодирования. Всего было выявлено 87 единиц кодирования и 8 категорий. С помощью речевого оформления событий фильма были установлены следующие категории кодов: «персонажи», «другие живые существа», «элементы инфраструктуры», «объекты», «действия» и «характеристики», а также три параметра, которые проверялись на наличие или отсутствие: «крупные планы», «эмоции» и «интерпретации».

Созданная система дает возможность изучать закономерности восприятия расчлененных визуальных стимулов и дальнейшего их перевода в языковую форму в процессе вербализации полученного опыта.

1. Савицкая Е. В. К вопросу о приоритетах в спектре функций естественного языка // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 13–19.
2. Шокирова Х. Н. Суть прагматики // Экономика и социум. 2021. Т. 80, № 8. С. 743–746.
3. Cohen L., Manion L., Morrison K. Research Methods in Education. 8th ed. London & New York: Routledge, 2018, 916 p.
4. Blackwell S. What's in a pear film narrative? Framing and the power of expectation in Spanish // Spanish in Context. 2009. Vol. 6, No. 2. P. 249–300.
5. Chafe W. The recall and verbalization of past experience // Current Issues in Linguistic Theory / ed. by R. W. Cole. Bloomington and London, 1977. P. 215–246.

Научный руководитель — канд. психол. наук Е. Г. Вергунов

УДК 811.351.21

Цветовая символика в табасаранском языке

А-М.И. Багомедов, М.Г. Курбанов

Новосибирский военный ордена Жукова институт
им. генерала армии И.К. Яковлева войск
национальной гвардии Российской Федерации

Различное восприятие цвета связано с социальными и культурными особенностями жизни народа. Для табасаранского народа важной составляющей в цифровой дифференциации является ковроткачество — основное ремесленное занятие табасаранцев. Табасаранский язык насчитывает более ста пятидесяти слов, которые обозначают цвет [1].

Один из основных часто используемых в ковроткачестве цветов — это красный: *ури, ируб, ируя*. Наряду с обозначением цвета, «красный» в табасаранском языке значит ‘красивый’. Желтый (*гъархи*) несет в себе скорее негативную коннотацию.

Табасаранцы говорят: «желтый как листок». Это словосочетание имеет переносное значение, обозначает цвет лица умирающего человека; «желтый как нитка» — это выражение передает цвет лица смертельно больного человека. Имеется в виду нитка, которая от потертости может разорваться, т. е. старый человек готовится уйти в мир иной.

Серый (*буз*) также имеет скорее отрицательное значение. Он часто используется в значении «невзрачный, некрасивый». В народе серый цвет часто называют «волчий цвет», который обозначает цвет, который приобретает человек, когда долго находится в лесу без солнца. Зеленый (*чрув*) семантически связан со словосочетанием «зеленая трава» (*чрув уки*). Этот цвет имеет и дополнительное значение ‘свежий’.

Синий (*вукі*) происходит от существительного *уки* ‘трава’. Хотя было бы более оправдано употребление термина *уки* для передачи зеленого цвета. Интересно, что в ряде языков зеленый и синий передаются одним термином (например, в арабском *ахдар* ‘зеленый; синий’).

Символика цвета в табасаранском языке малоизучена в отечественной лингвистике и этнолингвистике. В дальнейшем мы планируем исследовать эту тему, анализируя популярные и характерные для табасаранского ковроткачества сочетания цветов.

1. Генко А. Н. Табасаранско-русский словарь / под общ. ред. М. Е. Алексеева; Ин-т языкознания РАН. М.: Academia, 2005. 331 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук М. В. Гавриленко

Лингвистический анализ эмоционально значимых и нейтральных слов с помощью ассоциативного эксперимента

А. Ю. Борисова

Новосибирский государственный университет

Ассоциативный эксперимент — инструмент, применяемый как психологами и психиатрами, так и лингвистами. В психологии лингвистический анализ эмоционально значимых и нейтральных слов может помочь в понимании эмоционального состояния человека, его намерений и мотиваций. Изучение и сравнение реакций на эмотивную и нейтральную лексику закладывает фундамент для исследования эмоциональной креативности: в творческом процессе нейтральные узлы могут приобретать эмоциональную окраску, формируя новые эмоционально окрашенные ассоциативные узлы, что подтверждает значимость личного опыта в креативной деятельности и призывает к дальнейшим исследованиям роли ассоциаций в творчестве.

В данной работе ассоциативный эксперимент будет рассмотрен с точки зрения лингвистического исследования. В том числе представляет интерес изучение всех типов ответов: ассоциаций по сходству (формальному и семантическому), по смежности (во времени и пространстве) и по контрасту.

Ассоциации отражают опыт различных социальных групп, культур, народов, но также они связаны с личным опытом человека. В этом отношении интересен сопоставительный анализ лицевой экспрессии при реакциях на слова-стимулы с учетом времени задержки ответа.

Проведение ассоциативного эксперимента позволяет быстро и без значительных затрат получить данные о лингвистическом тезаурусе испытуемого. В результате будут сформированы ассоциативные поля как для отдельного человека, так и для целой группы, выделенной по общему признаку: регион, уровень образования, возрастная когорта, пол. Предполагается, что слова-реакции на слова-стимулы различной эмоциональной значимости покажут не только индивидуальную специфику, но и групповые лингвистические особенности, что и стало целью работы. Особенно важным видится сравнительный анализ когорт старшего и молодого поколения ввиду их социокультурных различий.

Данный ассоциативный эксперимент включает составление двух форм, одинаковых по эмоциональной компоненте, но содержащих разные слова-стимулы. В рамках исследования проводится мультимодальный анализ: рассматриваются слова-реакции и лицевая экспрессия испытуемых в ответ на слова-стимулы с разной эмоциональной окраской. Также учитывается длительность задержки реакции респондента.

Для примера рассмотрим реакции, полученные на нейтральный стимул *письмо* и на эмоциональный стимул *горе*.

На стимул *письмо* получены реакции: ручка (6), конверт (5), буква (4), почта (4), бумага (3), перо (3), сова (1), слово (1), ответ (1), мейл (1), печать (1), черта (1), Онегин (1), бабушка (1), надежда (1).

На стимул *горе* получены реакции: слезы (7), ум (6), беда (5), лук/луковое (4), смерть (3), боль (1), грусть (1), несчастье (1), счастье (1), туман (1), зеленый (1), книга (1), бывает (1), не беда (1).

Интересно отметить, что на стимул *письмо* некоторые респонденты ответили *бабушка, надежда*. Подобные эмоциональные реакции на нейтральный стимул являются отражением субъективного опыта испытуемого. Следовательно, для некоторых людей нейтральное слово может оказаться эмоциональным и в таком случае активировать эмоциональные ассоциативные узлы, а не нейтральные.

На стимул *письмо* получены преимущественно тематические реакции, в то время как эмоциональный стимул *горе* вызвал как тематические реакции (*слезы, беда* и пр.), так и реакции фразеологического типа (*горе луковое*). Ассоциация *горе — ум* вызвана известной комедией Грибоедова «Горе от ума», что говорит об общности культурного развития респондентов.

В ходе исследования был разработан дизайн эксперимента в дистанционном формате, что позволяет принять участие в нем лицам, проживающим в различных регионах. Полученные данные нужны для дальнейших исследований ассоциативно-вербальных сетей как отдельного человека, так и групп людей различного возраста.

Научный руководитель — канд. психол. наук Е. Г. Вергунов

О терминологическом статусе лексемы «медиакоммуникация»

М. А. Глущенко

Тюменский государственный университет

Продолжающееся последние десятилетия развитие информационно-коммуникационных технологий привело к появлению нового феномена — медиакоммуникации. Ответом на запрос на высококвалифицированных специалистов в области медиакоммуникации стало формирование в отечественной системе высшего образования нового направления подготовки «Медиакоммуникации» и научной специальности 5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика». При этом новая научная специальность и направление подготовки не имеют строгой научной базы [1]. Факт формирования новой области научного знания о медиакоммуникации является точкой входа для исследований нового знания с позиций лингвистического терминоведения. Настоящий доклад посвящен рассмотрению терминологического статуса специальной лексической единицы «медиакоммуникация», выражающей центральное для новой области знания понятие «медиакоммуникация».

Определение терминологического статуса лексемы «медиакоммуникация» производится по классификации терминов С. В. Гринёва-Гриневича, выделяющего следующие типы специальных лексем: термин, номен, прототермин, терминоид, предтермин, профессионализм, профессиональный жаргонизм. Всего исследователь выделяет шесть критериев термина: номинация общего понятия, стабильность формы, соответствием нормативным требованиям к термину, независимость от контекста, семантическая нейтральность, ограниченность в употреблении [2].

Для определения статуса лексемы «медиакоммуникация» проведен анализ восьми дефиниций понятия «медиакоммуникация». Логикопонятийный анализ дефиниций позволил через набор родовых и видовых признаков выявить объем и содержание понятия.

Изучение частотности употребления лексемы в научной литературе (всего проанализировано 823 источника в НЭБ E-library и каталоге диссертаций DissertCat) показывает, что лексема является употребительной в исследовательской среде, но наблюдается оппозиция в употреблении форм ед. (44,5 % от всех употреблений) и мн. ч. (54,5 % от всех употреблений) рассматриваемой лексемы, что, на первый взгляд, не позволяет говорить о ее инвариантности.

Изучение реализации лексемы в различных контекстах (всего приведено пять публикаций, в которых в различных контекстах используются формы ед. и мн. ч. лексемы «медиакоммуникация») позволяет выдвинуть предположение о дифференциации между формами ед. и мн. ч. (в большинстве примеров они номинируют разные понятия), что приближает рассматриваемую лексему к выполнению требования инвариантности и стабильности формы. В приведенных примерах лексема «медиакоммуникация» проявляет большую независимость от контекста, чем лексема «медиакоммуникации». Од-

нако для подтверждения такого предположения требуется проанализировать большее количество примеров.

Проведение анализа дефиниций понятия «медиакоммуникация», частотности употребления лексемы «медиакоммуникация» и ее реализации в различных контекстах позволило оценить соответствие лексемы критериям термина. Лексема соответствует двум критериям термина: семантической нейтральности и ограниченности употребления. Лексема не соответствует критерию номинации общего понятия, поскольку лексема «медиакоммуникация» номинирует натуральное понятие. Не может быть однозначно оценено соответствие критериям стабильности формы, соответствия нормативным требованиям и контекстной независимости.

Классификация С. В. Гринёва-Гриневича не предусматривает однозначного статуса для специальной лексической единицы с заданными характеристиками. Однако тот факт, что лексема «медиакоммуникация» номинирует натуральное понятие, приближает ее к статусу терминоида. Различие характеристик терминоида и выявленных характеристик лексемы «медиакоммуникация» свидетельствует о том, что рассматриваемая лексема находится в процессе терминологизации, ее характеристики постепенно меняются, приближая ее к статусу термина.

Таким образом, терминологический статус лексемы «медиакоммуникация» находится между терминоидом и термином.

1. Кривоносов А. Д. Медиакоммуникации: на пути к институализации? // Российская школа связей с общественностью. 2021. № 21. С. 13–28.
2. Гринёв-Гриневич С. В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издат. центр «Академия», 2008. 304 с.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. В. Д. Табанакова

**Средства репрезентации внутренней речи персонажа
в произведении Донгака Бегзи «Өңүктөр дугайында тоожу»
(«Повесть о друзьях»)**

А. Ш. Дагба

Тувинский государственный университет, Кызыл

Исследование средств репрезентации внутренней речи позволяет понять механизмы формирования и обработки мыслей в сознании человека, а также выявить влияние внутренней речи на когнитивные процессы и поведенческие реакции. Изучение этой темы открывает новые перспективы для понимания механизмов мышления и коммуникации. Использование различных средств репрезентации внутренней речи, таких как монологическое повествование, диалогические приемы и внутренние монологи, способствует более глубокому и аутентичному отражению внутреннего мира персонажей литературных произведений [1].

В тувинской литературе не было найдено работ, связанных с разбором внутренней речи персонажа Дембека в произведении Донгака Бегзи Одай-Суруновича «Өңүктөр дугайында тоожу» («Повесть о друзьях»).

Цель работы заключается в изучении способов репрезентации внутреннего диалога персонажа художественного произведения. Исследование этой темы помогает лучше понять механизмы внутренней коммуникации человека, его способность к саморефлексии и самоанализу. Также изучение средств репрезентации внутренней речи может помочь в разработке эффективных методов работы с собственными мыслями и эмоциями, а также в понимании внутреннего мира других людей. Материалом исследования послужили 10 отрывков из произведения «Өңүктөр дугайында тоожу» («Повесть о друзьях»). Методом сплошной выборки нами был произведен отбор материала для анализа, содержащего внутреннюю речь персонажа Дембека. В ходе практического исследования мы разобрали материалы, взятые непосредственно из произведения.

Автор использует внутренний монолог как способ представления внутренней речи Дембека в своем произведении. Этот прием помогает читателю понять чувства персонажа, чье видение событий мы читаем. Внутренний монолог Дембека встречается часто — около 32 примеров на весь роман, при этом такие размышления могут быть как относительно длинными (130 слов), так и короткими (8 слов). В основном в произведении автор пишет о мыслях, размышлениях главного героя, о том, как он переживает, страдает, жалеет, испытывает чувство вины перед любимой, например: *Надежда менээ ынак-тыр деп чүведе шуут маргыш чок-тур. Ынчангаи эжик соктаан-дыр. Кончуг-ла багай чүве кылдым. Бужартааным бо-дур...* — букв. 'Надежда любит меня, без сомнений. Поэтому она стучалась в дверь. Я сделал нечто очень плохое. О горе мне...' [2, с. 89]. Также мы можем увидеть, как главный герой сомневается в чувствах любимого человека, как он думает про себя, благодаря таким предложениям как *Чок, чок.*

Ол уруг менээ ынак эвес боор... Кайыынам — букв. 'Нет, нет. Эта девушка не любит меня... Невозможно' [2, с. 33]; ...көдээ башкыны ындыг-ла херекке албайн, каапкаш бардын-на. Мени-даа кайын тоор деп сен. Бодуң орууң-биле чоруй барганың бо бе, чонга буянныг кыс? — деп бодап чор мен — букв. 'на простого деревенского учителя ты внимание вряд ли обратишь. Ты на меня даже не взглянешь. Вот и ушла ты своей дорогой, та, что несет благо для народа?' [2, с. 37].

Внутренний диалог персонажа выражает еще то, как главный герой произведения себя подбадривает, что думает главный герой о любимой: ...Дембек, аазатпайн. Надяның эрес-омаан, эрге-чассын көрбес сен бе! «Ам канчаар сен?» Дүрген чет! Ынакшылыңны сөгле! — букв. 'Дембек, давай. Видишь какая Надя живая, нежная! «Что же ты будешь делать?» Иди! Признайся в любви!' [2, с. 49]; Дем чаа-ла Хөлдүг-Хемниң кылаң суунга сылдап алгаш, Идегел-Надеждага ынаамны, баштактанып-даа болза элдээрти чугааладым. Ону боду билди ышкаш болду чоп: сугга арнының көрүнчүктелгенин көргөш, сээң ынааңны көрдүм деп баштактанып турду. Черле билген! Ам өгбүлө тутсувусса кандыгыл деп шуут айтырарым арткан-дыр». Шак бо дидим бодалдан чүрээм саргып, мага-бодум хайныгып келген — букв. 'Только что в сверкающих водах Холдуг-Хема, Идегел-Надежде, хоть и шутя, признался ей в любви. Увидев отражение ее лица в воде, я понял, что она догадалась. Она все поняла! Теперь осталось спросить, не быть ли нам вместе. От этой мысли у меня в сердце защемило, и сам я воодушевился'. Данное предложение показывает внутреннее состояние, размышления героя, его догадки.

Исследовав несколько отрывков, мы выяснили, что слова санал кишрдим, деп билдим, дээн сеткилим-биле, деп бодап чор мен (букв. 'принял решение, подумал, с таким чувством, подумал я') помогают отличить внутренний монолог от повествования и указывают на размышления Дембека, например: Мооң душтуу бар ирги бе? деп бодал сагыштан ыравастаан — букв. 'Есть ли у нее возлюбленный? Эта мысль не выходила у меня из головы'.

1. Битохова К. А., Кобякова И. А. Внутренняя речь как объект исследования в лингвистике. М., 1998. С. 64.
2. Бегзи Д. Донгак Бегзи. Өңүктөр дугайында тоожу «Повесть о друзьях». Кызыл, 1969.

Научный руководитель — Ш. В. Монгуш

Лингвистический анализ корпусов, использующихся для оценки языковых моделей

А. С. Засыпкин

Новосибирский государственный университет

В настоящее время языковые модели стали неотъемлемой частью многих приложений и технологий, таких как, например, машинный перевод или автозаполнение текста, и все больше проникают в повседневную жизнь в виде чат-ботов и голосовых помощников. Однако для того чтобы эти модели были полезными и надежными, их необходимо тщательно тестировать. Для этого существуют так называемые бенчмарки — наборы данных и метрики, позволяющие поставить разные алгоритмы в одинаковые условия и оценить их эффективность.

Существующие бенчмарки, однако, фокусируются на оценивании того, как модели справляются с прикладными задачами (например, пересказ текста или ответ на вопрос [1]), а более фундаментальные лингвистические свойства текстов, которые генерируют модели, остаются в стороне.

Одно из таких лингвистических свойств — сложность текста. Этот фактор оказывает большое влияние на восприятие текста человеком [2], поэтому представляется важным исследовать способность языковых моделей корректно обрабатывать тексты разного уровня сложности. Кроме того, исследователи отмечают, что значительный прогресс в области больших языковых моделей требует более универсальных методов их оценок [3].

Начать такое исследование целесообразно с анализа корпусов, использующихся в существующих бенчмарках, на предмет того, насколько разнообразные уровни сложности в них представлены. С одной стороны, это позволит апробировать формализацию сложности на практике (в контексте тестирования языковых моделей), а с другой — даст представление о том, как создавать свой бенчмарк.

Доклад посвящен анализу корпусов, использующихся в следующих англоязычных бенчмарках: 1) BLESS, 2) NLPBench, 3) CoLA, 4) SQuAD. Выбор обусловлен разнонаправленностью — бенчмарки оценивают: 1) способность упрощать текст; 2) знание сферы NLP; 3) умение различать языковую норму; 4) способность отвечать на вопросы по тексту.

Для каждого корпуса была собрана статистика, учитывающая различные лингвистические характеристики текста, в том числе его длину (в символах, слогах и словах), количество и долю глаголов, синтаксическую сложность. Эти характеристики часто используются для автоматического расчета уровня сложности [4].

Анализ этой статистики позволяет выявить некоторые закономерности, характерные для текстов, использующихся в подобных бенчмарках. В частности: 1) достаточно непоследовательное использование наречий; 2) длина вопросов с коротким ответом

в среднем на ~ 25 % больше длины вопросов с выбором ответа; 3) в текстах, используемых для проверки знания языковой нормы, средняя длина предложения почти в два раза ниже по сравнению с текстами в остальных бенчмарках; 4) бóльшая длина слов в текстах медицинской направленности; 5) бóльшая доля глаголов в вопросительных предложениях.

Результаты анализа позволяют, во-первых, получить представления о лингвистических характеристиках сложности текстов, используемых для тестирования языковых моделей, а во-вторых, соотнести их с результатами, которые языковые модели показывают на этих текстах.

В будущем планируется провести подробный анализ языковых моделей на предмет наличия корреляций между их результатами на конкретных примерах и лингвистическими характеристиками этих примеров.

1. Guo et al. Evaluating Large Language Models: A Comprehensive Survey. 2023.
2. Блинова О. В. Оценка сложности русских правовых текстов: архитектура модели // МИРС. 2022. № 2.
3. Yu et al. KoLA: Carefully Benchmarking World Knowledge of Large Language Models. 2023.
4. Morozov et al. Text complexity and linguistic features: Their correlation in English and Russian // Rus. J. Ling. 2022. Vol. 26 (2). P. 426–448.

Научный руководитель — канд. техн. наук Е. П. Бручес

ЭЭГ-реакции при распознавании оценочных предложений про себя и других у подростков в сравнении со взрослыми

С.С. Злая

Новосибирский государственный университет

Актуальность. Под самореференцией понимается отнесение какого-либо высказывания по отношению к самому себе. Самоотнесенные высказывания человек воспринимает как сообщения о нем самом, в противоположность к высказываниям о других людях или вещах. Исследование процессов, связанных с распознаванием информации о себе и других людях, вызывает большой интерес у широкого круга специалистов, включая психологов, нейрофизиологов и лингвистов. Актуальность данной темы связана с решением фундаментальных вопросов о нейрофизиологических механизмах формирования человеческой личности. Кроме того, самореферентные процессы могут быть нарушены при разных заболеваниях. Ранее было показано, что распознавание письменных предложений про себя и других людей позволяет установить нейрофизиологические механизмы, лежащие в основе самореференции. Однако мы предположили, что особенности распознавания самоотнесенной информации могут в существенной степени зависеть от возраста обследуемых людей. В данной работе мы проверяем гипотезу, что у подростков в распознавании самоотнесенных письменных предложений могут быть задействованы другие, по сравнению со взрослыми, области коры головного мозга, и, соответственно, нейрофизиологические процессы, лежащие в основе самореференции, различаются у подростков и взрослых.

Цель — изучить и сравнить реакции людей разного возраста на самоотнесенные и несамоотнесенные, эмоционально окрашенные и неокрашенные предложения, а также оценить зависимость данных реакций от возраста испытуемых; на основании полученных данных сформировать вывод об участии различных мозговых структур в обработке самоотнесенной информации.

Участники. В эксперименте было обследовано 20 школьников в возрасте от 12 до 14 лет, и 20 студентов в возрасте от 18 до 24 лет. Все студенты подписывали согласие на участие в обследовании лично, за подростков согласие давали их родители.

Экспериментальное задание. Каждому участнику в случайном порядке предъявлялось 144 письменных предложения на русском языке, половина из которых содержала грамматическую ошибку. Задачей участника было определить, является ли предложение грамматически правильным или нет. Кроме того, все предложения относились к одной из шести семантических групп, о чем участнику обследования не сообщалось. Предложения содержали 1) нейтральную оценку самого участника, 2) негативную оценку самого участника, 3) положительную оценку самого участника, 4) нейтральную оценку других людей, 5) негативную оценку других людей, 6) положительную оценку других людей.

Регистрация ЭЭГ. ЭЭГ с расстановкой меток событий записывалась по 128 каналам, расположенным по международной схеме 5–10 %, при помощи усилителя NVX-136, Россия. Артефакты удалялись при помощи анализа независимых компонент (ICA). В качестве показателей мозговой активности, ассоциированных с распознаванием предложений, были выбраны амплитуды пиков вызванных потенциалов P300, N400 и P600.

Результаты. Были выявлены достоверные различия в амплитудах ERP-пиков на предложения, относящиеся к разным семантическим категориям. У всех испытуемых, независимо от пола и возраста, большая амплитуда пика P300 наблюдалась на предложения про себя, по сравнению с предложениями про других людей, вне зависимости от их эмоциональной модальности. Различия в мозговых ответах между подростками и взрослыми касались в первую очередь корковой топографии ответов на самоотнесенные и несамоотнесенные предложения. У взрослых различия в ответах на разные категории предложения наблюдались в зоне Брока (левая лобно-височная область коры), а у подростков — в зоне Вернике (левая теменно-височная область коры). Кроме того, у подростков самые сильные реакции наблюдались на эмоционально положительные предложения про самого себя, а у взрослых — на отрицательно окрашенные предложения про других людей.

Вывод. Вызванные потенциалы головного мозга в условиях поиска грамматической ошибки в письменных предложениях про самого себя и других людей отражают возрастные особенности распознавания личностно окрашенной эмоциональной информации. Можно предположить, что различия между подростками и взрослыми касаются разной пропорциональной отнесенности между распознаванием синтаксических и семантических характеристик речи, что на ERP отражено в сдвиге максимальной амплитуды пиков от зоны Вернике у подростков к зоне Брока у взрослых.

Научный руководитель — д-р филос. наук А. Н. Савостьянов

Риторические структуры в песенной поэзии и мера эстетики художественного текста

А. В. Зоркальцев

Новосибирский государственный университет

Введение. В некоторых ситуациях требуется объективно оценить достоинства художественного текста. Подобная задача стоит при подведении итогов литературных конкурсов или написании критических статей. Теория риторических структур [1] рассматривает сугубо смысловые закономерности в тексте, а значит, предположительно, подходит для оценки эстетики содержательной, а не формальной стороны текста. Ее применение к художественным текстам уже изучалось [2]. Объектом исследования была выбрана песенная поэзия как одна из самых доступных и популярных форм литературы.

Цель работы — предложить меру информационной эстетики для песенного текста и проверить, соответствует ли она человеческому восприятию.

Задачи:

Изучить существующие подходы к оценке информационной эстетики и выбрать из них подходящий для данного материала;

- расширить имеющийся корпус риторических структур (включающий песни Ю. Шевчука и Д. Мозжухина), добавив в него песни Р. Рождественского и А. Городницкого;
- посчитать меру информационной эстетики для всех текстов в корпусе;
- с помощью опроса проверить закономерность эстетической метрики;
- оценить влияние объема корпуса на точность расчетов этой меры.

Содержание. Среди существующих подходов к информационной эстетике существуют два противоположных. Согласно Д. Биркгофу [3], эстетика является отношением упорядоченности (O) и сложности (C): $M = O / C$. Г. Мак-Уинни [3] оспаривал это предположение, говоря, что эстетика прямо пропорциональна обоим этим величинам: $M = O \cdot C$. Первый подход представляется более подходящим для выбранного материала: песенность текста обычно связана с его простотой, хотя это предположение предстоит проверить.

Развивая и обобщая идеи Биркгофа, который работал с геометрическими фигурами, М. Бензе [3] предлагал сложность объекта искусства измерять его энтропией, а упорядоченность — отклонением от максимального возможного значения энтропии:

$$M = \frac{O}{C} = \frac{H_{\max} - H}{H_{\max}} = \frac{1}{H} - \frac{1}{H_{\max}},$$

где H_{\max} — максимальное возможное значение энтропии H :

$$H = -\sum_{i=1}^n p_i \log_2 p_i,$$

где p_i — вероятность появления i -го элемента знаковой системы.

Одним из предыдущих результатов было введение коэффициента вытянутости ($c_e = h/l$; h — число уровней в риторическом дереве, l — число вершин) как меры сложности песенного текста. Предполагается, что эту формулу можно использовать для оценки сложности текста:

$$M = \frac{\frac{H_{\max} - H}{H_{\max}}}{c_e}.$$

В качестве p_i можно взять относительные частоты или отношений, или смысловых групп (объединяющих несколько однотипных отношений) в тексте.

Все эти подходы предстоит проверить. Для оценки влияния размера корпуса на точность расчетов предлагается генерировать методом Монте-Карло по 1000 выборок каждого размера от 1 до 10 000 (размер выборки — количество идентифицированных отношений), используя реальные частоты отношений в качестве параметров распределения. Для каждого размера выборки нужно посчитать смещение математического ожидания энтропии от истинного значения.

Анализ результатов. Для проверки каждой эстетической меры опрашиваемым предлагалось два текста — с высоким и низким значением данной метрики соответственно; значения остальных метрик были приблизительно равными. Предлагалось выбрать более привлекательный текст и аргументировать свой выбор. Было опрошено 49 студентов НГУ. Единственной относительно точной оказалась мера с использованием коэффициента вытянутости (67 % опрошенных отметили текст с более высоким значением данной метрики как более красивый).

В корпусе для исследования было 40 текстов и 1228 идентифицированных отношений. Объем корпуса больше 100 отношений обеспечивает смещение математического ожидания энтропии меньше 5 %. Но в каждом отдельном тексте в среднем всего 30 отношений, а при таком объеме математическое ожидание энтропии равно 3,5 при истинном значении 4,4. Это значит, что предложенная метрика менее пригодна для анализа малых форм, чем для анализа больших текстов.

1. Mann W. C., Thompson S. A. Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization // *Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. 1988. No. 3. P. 243–281.
2. Timofeeva M. K. Comparative Analysis of Reasoning in Russian Classic Poetry // *Applied Sciences*. 2021. No. 11. P. 8665.
3. Искусствоведение. Методы точных наук и семиотики / сост. и ред. Ю. М. Лотман, В. М. Петров. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 368 с.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. М. К. Тимофеева

Восприятие и оценка аффективных видео мужчинами и женщинами

К. С. Иванкова

Томский государственный университет

В настоящее время спектр гендерных исследований расширяется. Так, в недавних психофизиологических исследованиях были получены результаты, свидетельствующие о различиях между мужчинами и женщинами при восприятии аффективного стимульного материала [1]. Также были выявлены гендерные различия при восприятии стимулов с отрицательным типом валентности [2].

Схожие результаты были получены в исследованиях, использующих в качестве основного метода анализа психолингвистическое анкетирование, в которых была выявлена статистически значимая разница в оценках изображений [3], слов [4] и видео [5] мужчинами и женщинами. Различие проявлялось в том, что женщины оценивали аффективные стимулы как более отрицательные и имеющие более высокую силу воздействия на них, в отличие от мужчин, у которых не наблюдалось такой корреляции типа стимула и его степени воздействия на их эмоциональное состояние.

Однако стоит отметить, что большинство исследований, посвященных этой проблеме, проводятся зарубежными исследователями, то есть в качестве респондентов выступают представители других культур, в то время как гендер не может не вступать во взаимодействие с социальными, психологическими и культурными факторами определенной этнокультурной локализации.

В связи с этим **цель** нашего исследования заключается в выявлении специфики восприятия аффективных стимулами русскими. В исследовании проверена **гипотеза**, сформированная на основе изучения литературы, о том, что мужчины и женщины будут по-разному оценивать видеоматериал, что будет наиболее ярко проявлено на отрицательном типе стимулов.

Для проверки гипотезы нами был спланирован эксперимент с использованием метода психолингвистического анкетирования с применением приема шкалирования. Мы собирали субъективные оценки эмоций по параметрам: тип эмоциональной оценки (положительное/отрицательное) и характер воздействия видео на эмоциональное состояние (вызывающее комфорт/дискомфорт).

В качестве **респондентов** выступили 36 женщин и 18 мужчин в возрасте от 18 до 60 лет ($SD = 6,58$).

В качестве **стимульного материала** мы использовали 20 короткометражных мультфильмов (длительностью по 1,5 мин каждый) из базы данных польских ученых [5]. Было получено 2160 наблюдений, все реакции вошли в исследование.

Статистический анализ полученных данных был проведен с применением программного обеспечения R и среды разработки RSTUDIO.

На первом этапе анализа мы сравнили все оценки видео мужчинами и женщинами. Для анализа был выбран непараметрический критерий Манна — Уитни, так как характер распределения в группах реакций был негауссовским. Статистически значимой разницы между мужскими и женскими оценками не было выявлено.

На втором этапе анализа мы сравнили оценки положительных и отрицательных видео. Анализ внутригрупповых различий с использованием критерия Краскела — Уоллиса показал статистически значимую разницу ($p = 0,0263$) в оценках мужчинами и женщинами в группе положительных стимулов (по параметру эмоциональное воздействие на респондента). Такая разница достигалась за счет того, что оценки женщинами имели более высокие значения, по сравнению с мужскими (их значения оценок были близки к нейтральным), следовательно, положительные видео оказывали большую степень влияния на женское эмоциональное состояние. По параметру «эмоциональная оценка» статистически значимой разницы выявлено не было.

Таким образом, гендерные различия в восприятии аффективного видеоматериала были обнаружены только в группе с положительным типом валентности, женщины оценивали силу воздействия положительных видео на них больше, чем мужчины. Однако гипотеза о том, что женщина является более чувствительной к видео с отрицательным типом валентности, чем мужчина, не подтвердилась, сравнительный анализ оценок отрицательных видео не выявил статистических различий. Возможно, одной из причин отсутствия такой корреляции стал этнокультурный фактор. Для верификации полученных результатов необходимо проведение новой серии экспериментов.

1. Golstein J., Seidman L., Horton N. et al. Normal sexual dimorphism of the adult human brain assessed by in vivo magnetic resonance imaging // *Cerebral cortex*. 2001.
2. Fernández C. E., Soler J., Elices M. et al. Physiological responses induced by emotion-eliciting films // *Applied Psychophysiology and Biofeedback*. 2012.
3. Marchewka A. The Nencki Affective Picture System: Introduction to a novel, standardized, wide-range, high-quality, realistic database // *Behavior Research Methods*. 2013.
4. Люсин Д. В., Сысоева Т. А. Эмоциональная окраска имен существительных: база данных ENRuN // *Психологический журнал*. 2017.
5. Naranowicz M., Jankowiak K., Behnke M. Mood and gender effects in emotional word processing in unbalanced bilinguals // *Inter. J. Bilingualism*. 2023.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. З. И. Резанова

Построение контекстно-свободной грамматики CNL для событийно-темпоральных требований при помощи xText

Ю. М. Илющенко

Новосибирский государственный университет

Команда лаборатории киберфизических систем Института систем информатики работает над созданием приложения, облегчающего процесс безопасного программирования для систем управления, в том числе основанных на ПЛК (программируемых логических контроллерах). В рамках этой разработки для задания требований используется событийно-темпоральная логика EDTL (event-driven temporal logic) [1]. Формальная семантика EDTL-требований задается классом формул линейной темпоральной логики (linear temporal logic, LTL).

Формулы EDTL используют 6 важных атрибутов: $R = (\text{trigger}, \text{invariant}, \text{final}, \text{delay}, \text{reaction}, \text{release})$. Эти атрибуты имеют следующее неформальное значение:

- *trigger* — событие, за которым может последовать реакция;
- *invariant* должен иметь значение «истина» с момента *trigger* и до того, как произойдет либо *release*, либо *reaction*;
- *final* — событие, которое запускает ожидание *reaction*;
- *delay* — временной промежуток, в течение которого должен произойти *reaction*;
- *reaction* должен произойти в течение допустимого временного промежутка *delay* от финального события *final*;
- *release* снимает требования.

Семантика EDTL использует темпоральные модальности: G (always), F (finally), W (weak until), и т. д. Полная LTL-семантика выглядит как $G ((\text{trig} \wedge (\neg \text{rel})) \rightarrow ((\text{inv} \wedge (\neg \text{fin})) W (\text{fin} \wedge ((\text{inv} \wedge (\neg \text{del})) W (\text{rel} \vee (\text{inv} \wedge \text{rea}))))))$. Для каждого требования, выраженного как формула линейной темпоральной логики, можно предоставить альтернативное выражение на контролируемом естественном языке.

В инженерии требований специальные шаблоны с пропусками, в которых пользователь может написать свои собственные системные условия, называются шаблонами требований. Существует несколько способов их разработки, но мы решили использовать контекстно-свободную грамматику. Говоря простым языком, контекстно-свободная грамматика — это набор рекурсивных правил, используемых для генерации шаблонов строк, в нашем случае — требований.

Каждая контекстно-свободная грамматика состоит из двух типов правил: терминальных и нетерминальных. Терминальные правила определяют текст, который грамматика распознает или генерирует, а нетерминальные правила используют терминальные правила для создания более сложных синтаксических шаблонов.

Чтобы создать контекстно-свободную грамматику, нам сначала нужно было решить, какие случаи она будет охватывать или как будут выглядеть конечные предло-

жения. Мы тщательно перебрали все возможные формулы LTL-семантики для EDTL и их представления на естественном (английском) языке. После некоторой классификации появилась четкая схема: `After <trigger>, <invariant> should remain valid until either <release> or <reaction>, which must occur within <delay> from <final>`. Каждый из логических атрибутов может иметь три возможных значения: логическое `true`, логическое `false`, либо может быть заменен подходящим NL-выражением. Из-за этого паттерн получил 46 возможных вариаций, например `which must occur immediately after <final>` в случае `<delay>=true`.

На данный момент в проекте у нас есть контекстно-свободная грамматика в формате BNF, разработанная в среде Eclipse при помощи библиотеки XText [2]. В дальнейшем планируется построение словарей предметных областей для задания требований, а также построение аналогичной грамматики на русском языке.

1. Gnezdilova A. V., Staroletov S. M., Garanina N. O., Zyubin V. E. Towards Controlled Natural Language for Event-Driven Temporal Requirements. 2023.
2. EDTL_to_CNL: Контролируемый естественный язык для представления формул LTL-семантики для EDTL. URL: https://github.com/tertiadecima/EDTL_to_CNL (дата обращения: 28.02.2024).

Научный руководитель — канд. физ.-мат. наук Н. О. Гаранина

УДК 81'42

Языковые приемы создания провокативной рекламы для привлечения внимания к бренду (на примере рекламы Burger King)

А.Э. Кемерова

Кемеровский государственный университет

В последнее время в современном интернет-пространстве распространены тексты, в которых используются приемы, основанные на провокации. Цель подобных текстов — привлечь внимание аудитории и выделиться из многочисленного потока разнообразных брендов и СМИ. При рассмотрении подобных текстов обратимся к понятиям *провокация* и *провокативность*, а также выявим способы провокации в рекламных текстах для привлечения внимания адресата — потенциального клиента.

Соотносимые понятия *провокативность* и *провокация* восходят к латинскому слову *provocatio*, что обозначает 'вызов'. Слово *провокация* изначально не имело негативной коннотации. В современном русском языке этот термин употребляется в качестве негативной оценки действий: *Агрессивные действия с целью вызвать ответную реакцию неподготовленного противника* [1, с. 1002]; *Предательское поведение, подстрекательство кого-н. к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия* [2, с. 596].

Для того чтобы избавить термин «провокация» от негативного значения, был придуман термин *провокативность*, имеющий несколько значений:

- 1) нейтральное значение. Адресант провокации побуждает адресата к определенной, заранее ожидаемой, реакции;
- 2) негативное значение. Адресант наносит адресату провокацией определенный ущерб;
- 3) нейтральное значение. В данном случае провокативность является гипонимом понятия «манипулятивность». Провокация — частный случай манипуляции [3, с. 105–106].

Провокация в рекламном тексте чаще всего не предполагает агрессивных действий, поэтому в нашем случае мы будем использовать слово *провокативность* для характеристики рекламного дискурса, ориентированного на привлечение внимания за счет непристойного, раздражающего контента вербальных и визуальных кодов, включающего нарушение этических запретов, речевых табу и использование бранной лексики, сексуальной тематики, — то есть всего, что не является принятым, открытым в обществе [4, с. 250]. Это может проявляться как в эксплицитной, так и в имплицитной форме.

Провокативная реклама позволяет выделить один бренд среди множества других. В последнее время провокативная метафоризация используется в рекламировании продуктов питания: это важно в ситуации, когда выбор продукта / принятие решения о покупке происходит непосредственно на месте продажи [4, с. 252].

Проанализируем языковые приемы провокативной рекламы Burger King.

1. ЧИЗДЕЦ! Чизбургер всего за 49 р.

Языковой прием, используемый в рекламе, — словослияние «чизбургер» и «п...ец». Эффект привлечения внимания происходит за счет использования компанией «замаскированного» бранного слова. Читатель с помощью социокультурного контекста вычленяет начальное значение слов в этой фразе и может по-разному начать трактовать смысл рекламы.

2. Злейший Вопнер

СМОТРИ НЕ ОБОСТРИСЬ

Бренд использует эпентезу. С помощью добавления к слову «об...рись» буквы «т» так же, как и в прошлом примере, маскируется бранное слово. Таким образом, автор рекламы провоцирует читателя, который не может не увидеть скрытый подтекст.

3. ПОХОЖЕ НА КАКОЕ-ТО НАЕДАЛОВО

Второй Биг Кинг БЕСПЛАТНО

Метаграмма — один из языковых приемов, заключающийся в замене одной буквы на другую. В представленном примере «б» заменяется на «д». Также яркий жирный шрифт позволяет сделать акцент именно на этом слове.

Экспрессивность и яркость подобных заголовков провоцируют читателя обратить внимание на них, интерпретировать, что хотел сказать автор: оскорбить их или привлечь внимание к себе.

4. АППЕТИТНЫЙ

УБОЙНЫЙ

ЕДИНСТВЕННЫЙ

Провокативный эффект создается за счет выделения первых букв слов — чтобы читатель увидел название криминальной субкультуры «ауе», которое определенно привлечет внимание, вызовет непонимание, как криминальная субкультура может быть связана с неформальным объединением несовершеннолетних.

Таким образом, рекламные компании используют провокации с целью вызывать определенную реакцию, связанную с привлечением внимания, созданную на основе интереса, распространения, скандала.

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

2. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Российский фонд культуры. 3-е изд., стер. М.: Азъ, 1995. 928 с.

3. Солодухо А. С., Лозовский А. В. Провокативность в интернет-коммуникации: проблема определения понятия // Журнал Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2019. № 1. С. 104–109.

4. Терских М. В., Зайцева О. А. Провокативная реклама: понятие, функции, типология // Коммуникативные исследования. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. 2021. № 2. С. 248–262.

Научный руководитель — д-р филол. наук, доц. Л. Г. Ким

Сравнительный статистический анализ текстов, написанных человеком и сгенерированных с помощью одной из больших языковых моделей

А. А. Кудрявцева

Новосибирский государственный университет

Появление больших языковых моделей (БЯМ), таких как GPT-3/4 [1], открыло совершенно новые возможности в машинной генерации текстов и изменило содержание исследований в области искусственного интеллекта (ИИ). Среди порожденных этим событием новых исследовательских задач одной из основных является актуальная в самых различных областях — от школьного и вузовского обучения до информационной безопасности — проблема детектирования текстов, созданных ИИ. В этом направлении ведутся интенсивные исследования, в частности, недавно было заявлено о разработке метода, позволяющего распознавать машинно-генерированные тексты с высокой степенью надежности [2].

В настоящей работе с той же целью выполнен статистический анализ коротких (несколько сот слов) эссе на заданную тему, написанных людьми и сгенерированных Nous-Hermes-Llama-2 — доступной свободно БЯМ с 13 млрд параметров [3]. Квантованная до 8 бит модель была запущена на локальном вычислительном кластере с 8 графическими процессорами (ГПУ) Nvidia GeForce GTX 1080. Было сгенерировано около 1000 англоязычных эссе при значении температуры (параметра, определяющего степень различия генерируемых текстов) $T = 0,7$, они сравнивались с текстами из базы данных проекта создания системы автоматической оценки студенческих сочинений [4].

Анализ текстов был выполнен с помощью пакета программ, написанных на Python с использованием библиотеки для обработки текстов collections. Были построены распределения слов по частоте в различных текстах, определены наиболее важные параметры этих распределений, исследован разброс в частоте употребления редких (не входящих в первую тысячу) слов, изучен ряд других особенностей словоупотребления в естественных и машинных текстах.

1. Kublik S., Saboo S. GPT-3. Building Innovative NLP Products Using Large Language Models. O'Reilly, 2022.
2. Hans A., Schwarzschild A., Cherepanova V. et al. Spotting LLMs with Binoculars: zero-shot detection of machine-generated text. URL: <https://arxiv.org/abs/2401.12070>.
3. Nous-Hermes-Llama-2. URL: <https://huggingface.co/NousResearch/Nous-Hermes-Llama2-13b>.
4. The Hewlett Foundation: Automated Essay Scoring. URL: <https://www.kaggle.com/competitions/asap-aes/data>.

Научный руководитель — д-р физ.-мат наук, доц. А. П. Ковалевский

УДК 81'33

Методы предварительной автоматической разметки данных для задач обработки естественного языка

А. П. Латушко, Д. Мазине

Новосибирский государственный университет

Современные задачи обработки естественного языка часто решаются с использованием больших языковых моделей, которые требуют большого объема данных [1], размеченных определенным образом в зависимости от требований задачи и представляющих собой датасет, который используется для обучения модели. Ручная разметка является трудоемким процессом, который может потребовать обработки десятков тысяч текстов. Предварительная разметка помогает снизить трудоемкость и повысить эффективность ручного аннотирования путем предоставления основы, требующей корректировку разметчика. Предварительная автоматизированная разметка текста облегчает дальнейшую ручную разметку и повышает ее качество.

Сложности в разметке данных проявляются особенно ярко в случаях, когда критерии для выделения значимых признаков неоднозначны и трудно поддаются формализации, что особенно касается задач семантической разметки. В рамках данной работы оптимизируется предварительная разметка для извлечения синонимов и гиперонимов на русском языке из аннотаций статей, доступных в онлайн-энциклопедии «Википедия», с помощью правил и больших языковых моделей (LLMs).

Синонимия как семантическое отношение между понятиями означает, что два или более понятия взаимозаменяемы в определенном контексте или имеют схожее значение. Гиперонимия — семантическое отношение, связывающее между собой общее понятие (гипероним) и понятие, являющееся частным случаем гиперонима (гипоним).

Жанр «Википедийная статья» имеет свою собственную структуру, особенно в отношении первого абзаца, в котором обычно определяется основное понятие или тема статьи. Первый подход, использованный в рамках данной работы, заключался в использовании формальных правил для извлечения синонимов и гиперонимов из первого предложения Википедийной статьи. На выборке 1 тыс. аннотаций, которые были размечены вручную, подход, основанный на правилах, показал следующее качество: для синонимов F1: 0.41, для гиперонимов F1: 0.21 (метрика F1 — это среднее гармоническое между точностью и полнотой). Это демонстрирует, что несмотря на большой спектр охваченных правилами конструкций, данная задача не поддается достаточному уровню формализации.

Следующая часть исследования была посвящена использованию LLMs. LLMs могут обучаться на неразмеченных данных благодаря своей способности извлекать статистические закономерности из больших объемов текста. Модель способна находить неявные паттерны, которые тяжело охватить правилами.

В ходе работы было необходимо формулировать определенные инструкции [2], позволяющие модели понять задачу и выполнить ее максимально качественно. Были

проведены эксперименты с разными инструкциями и форматами вывода: наиболее оптимальным оказалось одновременное извлечение синонимов и гиперонимов в рамках одного запроса и вывод результатов в формате JSON. Также в инструкциях использовался пример ввода и вывода модели.

В рамках исследования были использованы несколько моделей из библиотеки GPT4All [3]. Некоторые из них показали следующие метрики: модель Orca-2-7b для синонимов F1: 0.02, для гиперонимов F1: 0.03; модель Mistral-7b для синонимов F1: 0.12, для гиперонимов F1: 0.14.

Следующим использованным сервисом является GigaChat [4] — сочетание нескольких моделей, обученных на более чем 300 Гб данных. Его преимущество по сравнению с другими моделями заключается в том, что это русскоязычная модель. С его использованием на той же 1 тыс. текстов было достигнуто качество: для синонимов F1: 0.67, для гиперонимов F1: 0.49.

Пример вывода модели GigaChat:

```
{‘synonyms’: [‘раунд’, ‘цикл’], ‘hypernym’: ‘шаг обработки данных’}
```

Опыт работы с моделями показал, что результаты, полученные с помощью LLM, по сравнению с результатами правил более близки к результатам ручной разметки, что позволяет существенно ускорить процесс разметки данных.

Проданная работа демонстрирует перспективность автоматической предварительной разметки в NLP-задачах. В дальнейшем планируется усовершенствование методов и расширение области использования.

1. Brown B., Tom et al. Language models are few-shot learners // NIPS’20: Proceedings of the 34th International Conference on Neural Information Processing System: Red Hook, NY, USA, 2020. P. 1877–1901.
2. Salinas A., Morstatter F. The Butterfly Effect of Altering Prompts: How Small Changes and Jailbreaks Affect Large Language Model Performance. 2024.
3. GPT4All Documentation. URL: <https://docs.gpt4all.io/index.html> (дата обращения: 26.02.2024).
4. Возможности GigaChat | Документация для разработчиков. URL: <https://developers.sber.ru/docs/ru/gigachat/about> (дата обращения: 07.02.2024).

Научный руководитель — канд. техн. наук Е. П. Бручес

УДК 159.91

Нейролингвистическое исследование особенностей восприятия Я- и Другие-ситуаций в предложениях с разной эмоциональной окраской

Д. А. Лебедин

Новосибирский государственный университет

В нейро- и психоллингвистике как прикладных областях языкознания взаимодействие между лингвистическими и психологическими признаками языковых единиц и их отражение в нейрофизиологических показателях представляет большой интерес для исследователей на сегодняшний день. Такие взаимодействия часто изучаются на примере предложений, так как они являются сравнительно сложными, многопризнаковыми языковыми единицами, которые в то же время могут иметь богатую психологическую характеристику.

В рамках данного исследования был проведен нейролингвистический эксперимент с записью 128-канальной ЭЭГ и регистрацией поведенческих показателей. Во время эксперимента испытуемым было предложено выполнить задачу по категоризации русских предложений на две категории: грамматически правильные и неправильные (одно из слов представлено в форме, несоответствующей ее грамматическому окружению). Однако задача включала скрытое условие: предложения могли описывать ситуации агрессии или тревожности с участием себя или других людей ($N_{\text{предложений}} = 200$, $N_{\text{категорий}} = 10$). Категории были сформированы исходя из грамматической (правильность) и психологической (я/другие, агрессия/тревожность, нейтральность) характеристик предложения. Испытуемым давалось неограниченное время на ответ, но они были проинструктированы давать его как можно быстрее. Участниками исследования были здоровые мужчины и женщины ($N = 49$, $N_{\text{женщины}} = 30$) с нормальным или скорректированным до нормального зрением, возрастом от 18 до 26 лет ($\mu = 20,2$).

В рамках данного исследования будут рассмотрены нейрофизиологические показатели, такие как event-related potentials (ERP) и power spectral density (PSD), в их взаимосвязи с психологическими и лингвистическими характеристиками предложений (глубина синтаксического древа, количество слов, средняя длина слова и пр.). Статистическая значимость результатов ERP будет показана при помощи cluster-level permutational test. Предобработка и анализ данных будут выполнены при помощи языка Python и его библиотек: Numpy, Scipy, Pandas, MNE, Matplotlib.

Обнаруженные закономерности могут быть применимы как в различных прикладных областях, связанных, например, с оценкой психологического состояния человека по нейрофизиологическим показателям, так и при подборе и оценке стимулов, используемых в лингвистических исследованиях.

Научный руководитель — д-р филос. наук, проф. А. Н. Савостьянов

УДК 81'13

Принципы изучения метафоры посредством корпуса (на примере работ Э. Дейнан)

Б.И. Маилова, С.И. Маилова

Тюменский государственный университет

В настоящее время изучение метафор является одним из перспективных направлений исследований, потому что с каждым днем метафоры выходят за рамки простого понимания и демонстрации — они фактически меняют то, как мы думаем, и это происходит неосознанно.

Целью данной работы является изучение метафоры посредством корпуса, а также последующее рассмотрение данной темы на примере работ Э. Дейнан.

Метафора — это не просто лингвистический прием, используемый только для образного приукрашивания обычного языка, но фундаментальный способ изучения и структурирования концептуальных систем, часть повседневного дискурса [1]. Современная лингвистика сталкивается с рядом актуальных проблем, связанных с ростом объема информации и развитием компьютерных технологий. Особое внимание уделяется использованию корпусной лингвистики для изучения языковых функций и решения переводческих задач.

Корпусная лингвистика — это изучение языка на основе больших коллекций «реальных» языковых единиц, хранящихся в корпусах — компьютерных базах данных, созданных для лингвистических исследований. Сами процедуры все еще развиваются. Учитывая их, можно применить корпусный подход ко многим областям лингвистики. Однако именно благодаря этому корпусная лингвистика способна переориентировать весь подход к изучению языка [2].

Принципы изучения метафоры Элис Дейнан. Метафора традиционно требует ручного анализа, который слишком трудоемкий, чтобы проводить его в больших корпусах. Был разработан ряд компьютерных инструментов для извлечения метафор, но они не оказали влияния, отчасти потому, что не являются широкодоступными и их эффективность все еще не особенно высока. Э. Дейнан (2005) предлагает детальную трактовку восходящих подходов к анализу метафор с акцентом на конкорданцию, а также на то, что языковая метафора сигнализируется повторяющимися паттернами использования.

В своих работах Э. Дейнан называет наиболее распространенным способом изучения корпуса в лингвистических целях использование программы конкорданции. Таким образом, данные представлены в форме ключевого слова в контекстном формате (KWIC — Key Word in Context) [3]. Также Э. Дейнан отмечает программу Bank of English picture, которая может быть использована для расчета коллокаций по целым конкорданциям многих тысяч цитат.

Преимущество программы в том, что можно сосредоточиться на интересующем слове и извлечь значения этого словосочетания [4].

Организация анализа текста по методам Элис Дейнан.

Для анализа выбор был сделан в пользу работы американского писателя Рэя Бредбери «451 градус по Фаренгейту».

Для анализа метафор в первой части книги «Очаг и саламандра» была выбрана программа-конкордансер AntConc. Следуя методу Э. Дейнан, использовался самый распространенный глагол *was* для анализа частоты его использования в тексте. После ввода глагола в программу результаты представлены в форме ключевого слова в контекстном формате (KWIC). Для поиска метафоры производился ручной анализ результатов, где была найдена фраза *Her face was slender and milk-white*. Для точного определения значения фразы из текста было выделено соответствующее предложение. Проведенный анализ позволил выявить метафору, где автор сравнивает лицо персонажа с белизной молока и бледно-белым кристаллом, что подчеркивает как внешность, так и личность героини.

Данные программы позволяют генерировать конкордансы и искать слова или фразы. Есть возможность указать слова и фразы с помощью префикса, суффикса, определенных слов или с помощью шаблона. Это, безусловно, упрощает работу в лингвистических целях.

При работе с определенным текстом все же были выделены и некоторые минусы. Безусловно, количественный поиск помогает при поиске частей речи, но, когда речь заходит об определенном средстве художественной выразительности, в нашем случае — метафоры, задача немного усложняется. Тут важно внимательно читать каждый результат, который показала программа, то есть ручное штудирование каждого варианта. Но, просмотрев результаты выполненной работы, все-таки можно отметить, что работа имеет хорошие результаты. Метафоры были найдены. И с помощью программы было выяснено, что ни одна использованная автором метафора не появлялась дважды.

1. Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991.
URL: https://www.academia.edu/16757872/SInclair_Corpus_Concordance_Collocation.
2. Biber D., Conrad S., Reppen R. Corpus Linguistics: Investigating Language Structure and Use. Cambridge, 1998.
3. Deignan A. A Metaphor and Corpus Linguistics. 2005. 236 p.
4. Deignan A. Collins Cobuild English Guides 7: Metaphor. London: HarperCollins, 1995.

Научный руководитель — И. А. Казанцев

Оценка сложности текста с учетом адаптации формул подсчета количественных параметров к русскому языку

С.Д. Обершт

Новосибирский государственный университет

Оценка сложности текста имеет важное прикладное значение, поскольку позволяет адаптировать его под целевую аудиторию для более успешного понимания и, соответственно, передачи знаний, что особенно актуально при составлении учебной литературы, законодательных и нормативных документов, различной технической документации и т. п. Само понятие сложности текста является по своей сути комплексным: в качестве характеристик сложности используются такие определения, как трудность, сложность (в другом значении), читабельность и понятность; при этом даже словарные определения слов, описывающих компоненты сложности текста, отличаются в своей трактовке, что требует внимательного отношения на этапе постановки задачи.

Традиционно понятие «трудности» складывается из объективных и субъективных параметров. «Сложность», «читабельность» и «понятность» трактуются как набор параметров, зависящих исключительно от самого текста. В свою очередь, объективные параметры делятся на количественные, такие как длина, частота употребления или количество языковых единиц, и качественные, связанные с анализом языковых средств категориальных уровней языка и их реализацией в конкретном тексте. Термин «читабельность» используется в качестве оценки сложности, основанной исключительно на количественных характеристиках, определяющей индекс читабельности и показывающей уровень сложности в зависимости от возраста читателя либо от необходимого для понимания количества лет академического обучения. «Сложность» является более широким понятием, поскольку в нее включаются как количественные, так и качественные параметры. Термин «понятность» в отечественной литературе практически не употребляется.

Самые используемые формулы для подсчета количественных показателей сложности текста: индекс Флеша (Flesch reading-ease test), индекс Флеша — Кинкейда (Flesch-Kincaid readability test), автоматический индекс удобочитаемости (ARI — The automated readability index), индекс Колмана — Лиану (Coleman-Liau index), тест SMOG МакЛафлина (SMOG grade by G. Harry McLaughlin). Формулы Флеша и ARI адаптированы; индексы Микка, Мацковского, Невдаха разработаны собственно для русского языка.

Перечисленные индексы включены в эксперимент, цель которого заключается в выявлении формулы, позволяющей максимально точно оценить количественные параметры сложности текста с потенциально возможным вариантом адаптации к русскому языку. Выбранные индексы применены к тестовой выборке для последующей оценки качества результатов, в качестве тестовой выборки взяты учебники по обществознанию Л. Н. Боголюбова для 6-го и 11-го классов, входящие в Russian Readability Corpus,

общее количество слов составило 15 813 и 97 059 соответственно. Для реализации поставленной задачи написано программное приложение на языке Python.

В результате применения формул к тестовой выборке наблюдается ряд некорректных результатов, в частности, индекс Флеша интерпретирует текст для 6-го класса как «очень сложный», для понимания которого необходимо наличие высшего образования. В целом индексы, разработанные для английского языка, показывают менее точные результаты по сравнению с их адаптированной версией и формулами для русского языка, что напрямую связано с различиями языков. При этом модели чувствительны к начальным изменениям параметров, и поскольку формулы были получены при обработке текстов разных стилей (формула Мацковского разработана при оценке публицистических произведений, Невдаха — для учебной литературы для вузов по философии и т. д.), они не учитывают качественные параметры, характерные для различных стилей письменной речи.

Таким образом, несмотря на то что взятые для анализа индексы считаются универсальными и потенциально применимыми к текстам любых жанров, проведенные эксперименты с использованием разработанного программного приложения показывают, что для получения объективной оценки сложности текста необходимо учитывать, для какого языка разработан или адаптирован индекс, а также тот факт, что количественных параметров может быть недостаточно для получения объективных результатов.

В дальнейшем планируется расширение тестовой выборки для более точного определения используемых в формулах параметров текста, влияющих на объективность результатов, и адаптация формулы, дающей наиболее точный результат, к русскому языку, а также разработка методики, позволяющей учитывать широкий спектр количественных характеристик сложности, в постановке дальнейшей задачи, учитывающей необходимое для конкретных текстов сочетание количественных и качественных параметров.

Научный руководитель — д-р техн. наук, канд. филол. наук О. Ю. Кожемякина

Разработка подхода к автоматизации построения онтологий научных предметных областей на примере компьютерной лингвистики

К. А. Овчинникова

Новосибирский государственный университет

Компьютерная лингвистика (КЛ) является активно развивающейся областью. Так, например, интерес к применению нейронных сетей для решения задач автоматической обработки текстов вызвал появление огромного количества новых методов, наборов данных и языковых моделей, знания о которых необходимы специалистам. Систематизация знаний по КЛ является важной, но ресурсоемкой задачей. Для этого могут использоваться иерархические модели знаний, такие как графы знаний и онтологии.

Цель исследования — разработка подхода к автоматизации построения онтологий и его применение для создания онтологии «Современные методы компьютерной лингвистики».

Для решения задачи построения и пополнения онтологии разработан подход на основе базовой онтологии, лексико-синтаксических паттернов (ЛСП), вопросов оценки компетентности, предметного словаря и методов глубокого обучения.

Первый этап заключается в выборе онтологии верхнего уровня. Нами была выбрана онтология, содержащая 11 классов. Для проведения дальнейшей конкретизации онтологии на выбранную область необходимо собрать корпус, включающий примеры использования экземпляров всех необходимых классов онтологии. Нами был собран корпус текстов направления *Natural Language Processing* (1681 статья) с русскоязычного веб-сайта *Навр* [1]. Конкретизированная онтология включает в себя следующие классы: *Метод исследования, Задача, Модель обучения, Набор данных, Метрика, Приложение, Окружение, Персона, Научный результат, Раздел науки, Объект исследования, Предмет исследования, Публикация, Деятельность, Информационный ресурс*.

Следующий этап заключается в разработке терминологического ядра онтологии, представляющего собой терминологическую систему, описывающую концептуальный состав онтологии. Система классов созданного предметного словаря основана на классах онтологии. Его первоначальное наполнение базовыми терминами проводилось автоматически из русско-английского тезауруса по КЛ [2] и портала по КЛ [3]. Например, термину *метод байеса* был сопоставлен класс *Метод исследования*. А термину *предложил* — отношение *Метод_исследования.имеет_автора*. (отношение присутствует в онтологии).

Для автоматического пополнения словаря терминами из корпуса было составлено два набора данных: для решения задачи извлечения терминов и для решения задачи классификации терминов (размеченный классами онтологии). Наборы данных с ВЮ-разметкой были созданы на основе подобранных фрагментов текста из собранного корпуса. Объем каждого набора данных составил 1065 предложений (4180 терминов).

Для извлечения терминов из текста и их соотнесения с соответствующими онтологическими классам был применен нейросетевой подход с использованием ruRoberta-large, показавшей значение F1-меры 91 %. Анализ ошибок показал, что в 45,4 %, несмотря на неточное извлечение термина моделью, эксперты отметили их как допустимые. К таким случаям относится выделение вложенных сущностей.

Для классификации была использована та же модель. Результаты показали, что из 14 классов для класса *Персона* и атрибутов *Дата*, *Язык* и *Значение* (для *Метрики*) F1 мера составила 100 %, для еще 6 классов F1 мера > 85 %. Сложности модели возникли с извлечением терминов, относящихся к классу *Деятельность* — 66%. Анализ ошибок выявил сложности для модели в различении терминов, относящихся к классам *Задача*, *Раздел науки* и *Деятельность*. Так, например, в отрывке из текста «Для задачи моделирования языка ULMFit использует...» модель отнесла моделирование к классу *Деятельность*, а не классу *Задача*.

На следующем этапе генерируются вопросы оценки компетентности, которые далее будут использоваться для извлечения отношений моделью. Они представляют собой вопросы на естественном языке и содержат примеры вхождений терминов классов, атрибутов и отношений онтологии. Для генерации вопросов использовалась модель GPT-4. Количество полученных вопросов для онтологии составило 205.

На последнем этапе происходит собственно пополнение онтологии на основе ЛСП и семантических классов терминов, содержащих информацию об онтологической сущности термина. Так, если класс термина *Метод_исследования.Название*, создается объект онтологии, у которого в поле название заполняется соответствующим термином. Для найденных отношений будет добавляться соответствующая связь между соответствующими объектами онтологии. Например, для отношения *Метод_исследования.решает_Задачу* объекту класса *Метод исследования* будет добавлено отношение *решает Задачу* с объектом класса *Задача*.

1. Habr. URL: <https://habr.com>.
2. Русско-английский тезаурус по КЛ. URL: <https://uniserv.iis.nsk.su/thes/>.
3. Портал по КЛ. URL: <https://uniserv.iis.nsk.su/cl/>.

Научный руководитель — канд. физ.-мат. наук Е. А. Сидорова

Местоимения отрицательной полярности русского и английского языков в аспекте скулемизации

У.Д. Пензина

Новосибирский государственный университет

Ричард Монтегю в работе *The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English* предложил рассматривать именную группу как набор свойств, например, *каждый человек* — множество свойств, которыми обладает каждый человек. Далее в исследовании Дж. Барвайса и Р. Купера *Generalized quantifiers and natural language* были развиты идеи применения теории обобщенных кванторов к явлениям естественного языка. Отличительной особенностью этой теории является более удобное представление кванторных выражений, встречающихся в языке, например: $\llbracket most\ cats \rrbracket^e = \{P \subseteq De \mid \llbracket cat \rrbracket \cap P \mid > \mid \llbracket cat \rrbracket - P \mid\}$.

Также исследователи выделили важные свойства обобщенных кванторов: монотонность, консервативность, симметричность и расширяемость. Свойство монотонности оказалось ключевым при определении единиц, чувствительных к полярности, в частности отрицательно поляризованных единиц (negative polarity items, NPI): *any, yet, never, никто, кто-либо* [1].

В. Ладьюсо [2] предположил, что у контекстов, в которых возможно использование NPI, есть нечто общее — NPI встречаются внутри аргумента «монотонно убывающих функций», в которых переход от множеств к подмножествам (но не наоборот) допустим, однако в последнее время широкое распространение получила теория А. Яннакиду, согласно которой NPI способны возникать в контекстах, отличных от отрицательных. Эта идея применительно к русскому языку была развита Е. В. Падучевой, которая, например, выделила следующие контексты: условие, вопрос, сравнение [3].

В докладе будут рассмотрены отрицательно поляризованные местоимения в русском и в английском языках. Интерес, помимо неопределенных местоимений на *либо* и на *бы то ни было* для русского языка [4] и так называемых *any-words* (*anyone, anything, anybody*) для английского, представляют отрицательные *ни*-местоимения, которые относят к единицам отрицательного согласования (NCI). Отрицательное согласование (известное также как двойное отрицание) — это явление, при котором несколько формально отрицательных единиц в предложении выражают одно семантическое отрицание — характерно для русского языка, в английском используется редко, часто для выражения положительного смысла. При этом в докладе будет представлен анализ предложений как с отрицательными, так и с неопределенными местоимениями с помощью скулемовских функций выбора, с целью выявить, является ли отрицательная частица, присущая контекстам с отрицательными местоимениями, обязательной или это синтаксический компонент, который не влияет на семантику высказывания в его логической форме.

Скулемизация — это процесс, при котором происходит элиминация кванторов существования в формуле. Если внешний квантор в формуле — это квантор существования, то вводится скулемовская константа вместо переменных, связанных квантором существования. Например, $\exists x P(x)$ преобразуется в $P(c)$. Если перед квантором существования стоят кванторы всеобщности, то вводится новый k -местный функциональный символ f (скулемовская функция, которая не входит в формулу): $\forall y \exists x (P(y, x))$ преобразуется в $P(y, f(y))$.

Предложенный в докладе подход позволяет за счет введения скулемовских функций выбора строить семантику некоторых NPI в контексте с эксплицитным отрицанием. Кроме того, будет отмечена ключевая роль скулемовских функций при построении формальной семантики отрицательного согласования. Например, во фразе «Я не видел никакой проблемы» сочетание отрицательного местоимения с предикатным отрицанием — способ выражения функции выбора, соответствующий неопределенному местоимению «какой-то» в предложении «Я видел какую-то проблему».

1. Апресян В. Ю. Отрицательная и положительная поляризация: семантические источники // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: сб. ст. по мат. междунар. конф. «Диалог-2017». 2017. № 16. С. 2–16.
2. Ladusaw W. A. Polarity Sensitivity as Inherent Scope Relations. The University of Texas at Austin. 1979.
3. Падучева Е. В. Снятая утвердительность и неверидиктальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // Russian Linguistics. 2015. С. 129–162.
4. Падучева Е. В. Имплицитное отрицание и местоимения с отрицательной поляризацией // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 3–18.

Научный руководитель — канд. физ.-мат. наук, доц. А. И. Стукачев

УДК 81'33

Повышение осведомленности о речевых правонарушениях с помощью чат-бота

М. Ю. Печёнкина

Новосибирский государственный университет

Цель работы — повышение осведомленности о возможных речевых правонарушениях, допускаемых людьми в конфликтных ситуациях, при помощи чат-бота.

В повседневной жизни мы часто оказываемся в той или иной ситуации, которая может разрешиться мирно или привести к конфликтной ситуации. От наших слов и действий зависит дальнейшее развитие событий. Кроме того, слова и выражения, которые мы используем в речи, могут быть не только обидными для собеседника, но и привести к возбуждению уголовного дела. Поэтому важна личная осведомленность людей: если они будут знать, каких слов и выражений следует избегать, им будет проще не стать фигурантами судебного разбирательства и защитить себя в случае конфликта.

В целях исследования проблемы осведомленности о речевых правонарушениях, был создан опросный лист в Google Формах. Респондентам предлагалось посмотреть 28 видео, в которых присутствовала та или иная конфликтная ситуация и как минимум одно речевое правонарушение.

Опрос проводился среди студентов 20–24 лет, одна часть которых ранее изучала речевые правонарушения в рамках курса «Основы лингвистической экспертизы текста», другая изучала данный курс на момент прохождения опроса, третья никогда не изучала речевых правонарушений и их особенностей.

Проанализировав результаты опроса, оказалось, что наибольшее количество ошибок респондентов связано с «экстремистскими высказываниями», наименьшее — высказывания, содержащие признаки оскорбления и угрозы, хотя некоторые грубые враждебные высказывания были ошибочно приняты за угрозу. Также стоит отметить, что часто опрашиваемые отмечали наличие унижения чести достоинства и деловой репутации (реже клевету) в тех примерах, где этого не было.

Повысить осведомленность о речевых правонарушениях можно различными способами, в том числе изучая существующие методики и посещая специализированные курсы. Предполагается также, что осведомленность о речевых правонарушениях можно повышать в игровой форме. Например, с помощью чат-бота.

Чат-бот — программное приложение, используемое для ведения онлайн-беседы в чате с помощью текста или преобразования текста в речь вместо обеспечения прямого контакта с живым агентом-человеком.

В зависимости от целей, которые преследует чат-бот, разнятся и способы его создания. Для данного исследования был создан чат-бот на платформе JAIPC. JAIPC DSL — язык, предназначенный специально для различных сценариев чат-ботов. Он предлагает 2 варианта создания чат-бота: код и графический редактор graphics editor J-Graph.

В рамках данной работы чат-бот предлагает пользователям разыграть конфликтные сценарии и в качестве обратной связи выдает информацию о речевых правонарушениях и предполагаемых последствиях за данное правонарушение. Взаимодействие с пользователем осуществляется при помощи кнопок, нажатие которых вызывает определенный сценарий развития сюжета. В конце пользователю предлагается пройти другие сценарии, чтобы узнать больше о речевых правонарушениях или посмотреть, к чему может привести другой его выбор. Данный чат-бот был опубликован и опробован в Телеграме.

Научный руководитель — канд. филол. наук Е. Е. Абрамкина

УДК 81.33

Поведенческие, нейрональные и окулomotorные корреляты при восприятии информационных сообщений о вакцинации

С.М. Попова

Новосибирский государственный университет

Влияние когнитивных искажений на оценку и выбор достоверной информации является основной проблемой в обработке сообщений. Логические нарушения в системах принятия решений нередко приводят к распространению недостоверных данных, что оказывает негативное влияние на различные кампании, включая вакцинацию населения в контексте пандемии или плановой вакцинации.

Одним из ключевых когнитивных искажений, влияющих на доверие к информации, является *предвзятость подтверждения* (confirmation bias). Это тенденция искать, толковать, запоминать и распространять информацию, которая подтверждает уже существующие у человека убеждения, ожидания или гипотезы.

В рамках исследования данной проблемы уже существует достаточное количество научной литературы, рассматривающей вопрос оценки влияния когнитивного искажения предвзятости подтверждения на доверие к информации методами поведенческого эксперимента (тест имплицитных ассоциаций), регистрации электрической активности головного мозга и окулomotorных данных. Несмотря на это, к настоящему времени исследователями предпринимались только отдельные попытки локализовать указанный когнитивный процесс. В нашем исследовании мы объединяем перечисленные методики, чтобы объективизировать информацию о когнитивных функциях.

Объектом данной работы являются поведенческие и нейрофизиологические реакции, возникающие при исследовании доверия к информационному сообщению.

Предмет исследования — обработка реакций при чтении информационного текста, а также выявление нейрофизиологических коррелятов когнитивного искажения предвзятости подтверждения.

Цель проводимого исследования связана с объективацией влияния когнитивного искажения предвзятости подтверждения при восприятии информационных сообщений методами когнитивной нейробиологии и с созданием нейрофизиологического профиля анализируемого когнитивного искажения предвзятости подтверждения (confirmation bias).

Модель эксперимента состоит из трех основных блоков. Первый блок представляет собой эксплицитный тест, который с помощью 6- и 7-балльной шкалы Ликерта оценивает доверие участника к новостным сообщениям. Второй блок — тест имплицитных ассоциаций (Implicit Association Test, IAT), он является стандартизированной методикой выявления существующих стереотипов. В третьем блоке участнику предъявляются информационные сообщения с целевым словом «вакцинация», состоящие из одного-двух предложений, имеющих положительную, негативную и нейтральную конно-

тации. Задача испытуемого оценить достоверность данных утверждений с помощью 8-балльной шкалы Ликерта. Контроль за вниманием участника производится с помощью смысловых вопросов. Регистрация нейрофизиологических и окуломоторных данных производится во втором и третьем блоках.

При помощи трекера регистрируются: первая и вторая фиксации в зонах интереса, продолжительность и локализация фиксаций, HeatMap. При помощи ЭЭГ фиксируются потенциалы, связанные с событием: LPP, N170 и N400. К поведенческим данным относятся: скорость реакции в имплицитном тесте, значения шкалы Ликерта и правильность ответа на смысловой вопрос.

Научный руководитель — канд. биол. наук И. В. Брак

УДК 81'33

Аспектно-ориентированный анализ тональности отзывов с переключением кода

О.Д. Рябова

Новосибирский государственный университет

В настоящее время в социальных сетях, дискурсе IT-специалистов, билингвов, эмигрантов и других многоязычных сообществах довольно часто можно встретить сообщения со смешением языков. Этот языковой феномен представляет собой проблему для анализа тональности и других задач обработки естественного языка.

Переключение кода (англ. *code-switching*) — это попеременное использование двух или более языков для слова, словосочетания, придаточного предложения в одном и том же высказывании или разговоре билингвом (или мультилингвом).

Классификация различных видов переключения кода включает три основных типа: межсентенциальное, внутрисентенциальное и аффиксация. Внутрисентенциальное переключение кода является сложной задачей для аспектно-ориентированного анализа тональности, поскольку оно предполагает смешение нескольких языков в одном предложении, например: *Иногда я чувствую, что застрял где-то in between, понимаешь?* Это затрудняет точную идентификацию и анализ конкретных аспектов и отношения пользователей к ним.

Объектом исследования является набор отзывов, содержащих переключения кода, и способность языковых моделей к анализу подобных сообщений.

Цель работы — разработка и оценка алгоритма анализа тональности текстов, написанных с использованием переключения кода.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**: изучить существующие методы анализа тональности в текстах и их применимость к текстам с переключением кода, исследовать особенности переключения кода между русским и английским языками и его связи с тональностью, подготовить корпус текстов, содержащих примеры *code-switching*, разработать аспектно-ориентированный алгоритм анализа тональности текстов с переключением кода, оценить эффективность разработанного инструмента.

Новизна результатов определяется тем, что переключение кода между русским и английским языком исследователи рассматривают как социолингвистический феномен и не подвергают его анализу с точки зрения задачи обработки естественного языка и тональности.

В качестве источника исследовательского материала выбран набор отзывов Flipkart India о мобильных телефонах [1]. Был написан алгоритм на языке Python для автоматического добавления переключения кодов с русского на английский язык в датасет с уже размеченной тональностью.

Аспектно-ориентированный анализ тональности (англ. *Aspect-Based Sentiment Analysis, ABSA*) — это задача обработки естественного языка, которая направлена на выяв-

ление и извлечение настроений конкретных аспектов или компонентов продукта или услуги. ABSA обычно включает в себя многоэтапный процесс, который начинается с определения аспектов или особенностей продукта или услуги, которые обсуждаются в тексте. За этим следует анализ тональности, где полярность (положительная, отрицательная или нейтральная) присваивается каждому аспекту на основе контекста предложения или документа. Наконец, результаты суммируются, чтобы получить общее представление о каждом аспекте.

Поскольку набор данных не размечен, необходим алгоритм, который может определять аспекты продукта. Для этого использовались Латентное размещение Дирихле (от англ. *Latent Dirichlet Allocation, LDA*) и метод тематического моделирования. Из проведенного анализа с использованием LDA был выделен набор свойств, которые упоминались в большинстве комментариев: *Телефон, Камера, Аккумулятор, Доставка, Процессор* и т. д. Аспекты были добавлены для каждого соответствующего отзыва в датасете. Планируется создание модели, основанной на PyTorch, фреймворке для языка программирования Python, предназначенном для машинного обучения, которая может предсказывать настроение на основе аспектов.

В результате проделанной работы будет подтверждена или опровергнута гипотеза о том, что переключение кода влияет на обобщающую языковую способность модели и покажет более низкие метрики качества, чем при анализе моноязычных отзывов.

Разработанный метод и алгоритм могут быть использованы для автоматического выявления и классификации тональности текстов с переключением кода, что поможет в понимании мнений и настроений пользователей, а также в анализе общественного мнения.

1. Flipkart Cell Phone Reviews. URL: <https://www.kaggle.com/datasets/nkitgupta/flipkart-cell-phone-reviews>.

Научный руководитель — А.Я. Леман

Выявление способов пропаганды наркотических веществ в текстах песен современных русскоязычных исполнителей

Д. Д. Симаков

Новосибирский государственный университет

Несмотря на широкое применение лингвистического анализа как метода исследования текстовых и речевых материалов в правовой сфере, в настоящее время каждый тип пропаганды анализируется обособленно по специализированным методикам или (в случае пропаганды наркотических веществ) в соответствии с компетенциями отдельных экспертов-лингвистов. То есть лингвистический анализ текстов на предмет наличия в них пропаганды наркотических веществ, несмотря на свою актуальность, до сих пор остается непроработанным и имеет большое количество понятийных пробелов. На наш взгляд, это обусловлено прежде всего понятийной неоднозначностью самого термина пропаганды, имеющего различные дефиниции в правовом и лингвистическом аспектах и тесно связанного с понятиями рекламы и склонения к употреблению наркотических веществ. Помимо этого, относительно молодым является предмет рассматриваемого в ходе исследования типа пропаганды, это также объясняет отсутствие единого научно-методологического подхода к лингвистическому анализу текстов на предмет пропаганды. Таким образом, целью данной работы является разработка подхода к лингвоэкспертному анализу текстов, содержащих пропаганду наркотических веществ.

Материалом исследования являются тексты современных песен русскоязычных исполнителей.

Для констатации наличия или отсутствия пропагандирующего типа значения в тексте необходимо прежде всего сделать вывод о его речевой цели, для этого целесообразно проведение предметно-тематического, оценочно-экспрессивного анализа и анализа речевых целей. Что же является речевой целью пропаганды?

В результате рассмотрения правовых и лингвистических характеристик пропаганды наркотических веществ было выявлено несоответствие определений в обозначенных аспектах. Так, определение, данное в законе, включает в себя все высказывания, направленные на распространение любых сведений о наркотических веществах (речевая цель — информирование), в то время как пропаганда с лингвистической точки зрения обязательно подразумевает наличие оценки описываемых действий и имеет в качестве речевой цели убеждение. Характеристика обозначенных речевых целей была заимствована из Методики проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам о противодействии экстремизму и терроризму и адаптирована для анализа наркотического дискурса. В данной методике речевым целям убеждение и информирование соответствуют диагностические комплексы «убеждение» и «оправдание действий или взглядов» соответственно. Авторы методики рассматривают пропаганду терроризма и экстремизма через соответствие диагностическому комплексу «убежде-

ние» [1]. В случае пропаганды наркотических веществ мы считаем правильным и необходимым рассматривать подобные тексты также на соответствие диагностическому комплексу «оправдание действий или взглядов», так как при рассмотрении пропаганды наркотических веществ с правовой точки зрения был выявлен способ ее выражения через речевую цель «информирование». Таким образом, было сформулировано следующее определение пропаганды наркотических веществ: это выраженная через речевые цели «убеждение» и «информирование» информация о наркотических веществах, адресованная неопределенному кругу лиц и призывающая к принятию определенных взглядов на декриминализацию употребления наркотических средств как допустимого, нормального действия. На данном определении и построен предлагаемый подход к анализу текстов на предмет наличия в них пропаганды наркотических веществ, он подразумевает выявление в тексте предмета речи, содержательного типа высказывания, оценки и, главное, речевой цели.

Помимо этого, в зависимости от использованных речевых средств можно выделить также несколько вербальных способов пропаганды: создание привлекательного образа наркомана, положительная оценка наркотического вещества и/или употребления наркотических веществ и создание положительной ассоциации с употреблением наркотиков.

1. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам о противодействии экстремизму и терроризму. М., 2014. URL: <https://rusexpert.ru/public/metodposob-pdf/Kuk-SafSekEXTREM2014.pdf>.

Научный руководитель — канд. филол. наук Е. Е. Абрамкина

Повышение релевантности ответов диалоговой системы в области административного права

А. Н. Ульченко

Новосибирский государственный университет

В настоящее время диалоговые системы являются неотъемлемой частью нашей жизни. Диалоговая система (боты, чат-боты) — это система, созданная для общения с пользователем в естественном для него виде: в виде диалога. Есть разные типы диалоговых систем:

- 1) целенаправленные диалоговые системы [1]. Их цель заключается в помощи пользователю найти ответ на вопрос или завершить некое действие (например, консультативные системы Ростелекома или Сбербанка);
- 2) системы с открытым доменом [2]. Такие системы созданы для возможности поддерживать диалог с пользователем на любую тему (например, ChatGPT);
- 3) смешанные системы. Это диалоговые системы, совмещающие в себе функции как целенаправленных диалоговых систем, так и систем с открытым доменом (например, система «Алиса» от компании «Яндекс»).

Доказательством в пользу широкого распространения области диалоговых систем являются постоянно появляющиеся новые узкоспецифические программы. Например, в Телеграмме можно найти бот, позволяющий в компании разыграть пакеты Своей игры. А задания для учеников музыкальных школ по сольфеджио можно решить при помощи специально созданного бота.

Однако диалоговые системы, в основе которых лежат большие языковые модели, плохо обобщают в специальных областях. Для демонстрации этого мы выбрали модель Папа (Папа2-7b) [3]. Ей на вход подавались вопросы из разных предметных областей (сольфеджио, медицина, биология, юриспруденция, физика), на которые мы получали ответ. Приведем один пример из юридической области.

Вопрос: *Человек совершил преднамеренное убийство. Под какую статью УК РФ он подпадает?*

Ответ модели: *Если человек совершил убийство с особой жестокостью, то он подпадает под статью 105 Уголовного кодекса РФ (убийство с особой жестокостью). Если же убийство было совершено без особой жестокости, то он подпадает под статью 104 Уголовного кодекса РФ (убийство).*

На самом деле статья 104 УК РФ имеет название «Принудительные меры медицинского характера, соединенные с исполнением наказания» и соответствующее наполнение. А «Убийство» — это статья 105 УК РФ, в которой рассматриваются все виды убийства, в частности убийство с особой жестокостью.

В результате было доказано, что данная модель без дополнительного обучения не способна давать корректные ответы: для юриспруденции она путает номера статей и их со-

держимое, физические величины приравнивает к бытовым, а термины сольфеджио вообще не знает.

Целью данной работы является повышение релевантности ответов диалоговой системы на базе больших языковых моделей в заданной предметной области.

Объект нашего исследования — большие языковые модели. **Предмет** — их способность использовать внешние источники знаний.

В основу исследования легли следующие концепции и методы:

- концепция переноса знаний в глубоких нейронных сетях;
- метод адаптеров (позволяет сохранять глубину обучения с минимальными затратами памяти и скорости).

В качестве большой языковой модели была выбрана модель Llama2-7b. Ее использование определено ограниченными ресурсами по памяти и скорости обучения. Кроме того, удачное течение эксперимента на модели с меньшим количеством весов может почти точно гарантировать лучшие результаты на более крупных моделях.

В качестве предметной области была выбрана определенная область права — административное право. Вся область юриспруденции выглядит слишком крупной для корректного проведения эксперимента, поскольку даже в случае равномерного распределения данных по разным отраслям будет сложно определить причину некорректной реакции модели на тот или иной вопрос из более специфической отрасли.

Набор данных для эксперимента был составлен следующим образом:

- 1) были выбраны статьи из Википедии, посвященные административному праву;
- 2) на основе текстов выбранных статей были сгенерированы вопросы и ответы при помощи ChatGPT, в основе которого лежит модель GPT3.5 [4];
- 3) полученные данные были разделены на тренировочные, валидационные и тестовые. Корректность вопросов и ответов, а также равномерное распределение по тематике были проверены вручную.

Таким образом, мы получили 400 примеров в тренировочном наборе, 100 примеров в валидационном и 50 примеров в тестовом.

В результате выявлено, что дообучение на данных, относящихся к узкой предметной области, повышает релевантность ответов языковой модели на вопросы из данной области.

1. Zheng Zh. Recent advances and challenges in task-oriented dialog systems // Sci China Tech Sci. 2020.
2. Huang M. Challenges in building intelligent open-domain dialog systems // ACM transactions on information systems. 2020.
3. Touvron H. LLaMA: open and efficient foundation language models. 2023.
4. Ouyang L. Training language models to follow instructions with human feedback. 2022.

Научный руководитель — И. Ю. Бондаренко

Разработка мультимодального корпуса для задачи автоматического реферирования научных статей на русском языке

А. П. Цанда

Новосибирский государственный университет

Для любого исследователя крайне важно читать и обрабатывать научные статьи, чтобы быть в курсе последних решений в той или иной научной области. В связи с быстрорастущим количеством текстовой информации в интернете, задача автореферирования текстов, в частности научных, становится все более и более актуальной. Существующие в открытом доступе решения хорошо работают для английского языка, а также для текстов общего домена. В связи с этим есть потребность в адаптации уже существующих методов и разработке новых, учитывающих специфику текстов научного домена на русском языке. Более того, русскоязычных датасетов научных текстов крайне мало, особенно для задачи суммаризации.

Данная работа посвящена созданию мультимодального русскоязычного датасета научных статей, а также разработке инструмента для их автореферирования. Особенностью предлагаемого в работе датасета является его мультимодальность: он включает в себя не только тексты статей и их аннотации, но и таблицы и рисунки с их описанием. Акцент исключительно на текстовой информации не позволяет охватить все богатство мультимодальных данных [1], однако интеграция текстовой и графической информации может улучшить аннотации, так как в таблицах и рисунках часто содержится важная информация. Создание подобных датасетов является трудоемким процессом, однако они особенно актуальны в связи с появлением мультимодальных моделей.

На данный момент датасет включает в себя 420 вручную обработанных статей из 7 научных областей: лингвистика, история, право, журналистика, медицина, информатика и вычислительная техника, экономика. Количество рисунков и таблиц в датасете: 337 и 129 соответственно. Средняя длина статьи: 3347 слов, или 161 предложение. Для оценки качества суммаризации были выбраны следующие метрики: BERTScore, BLEURT, ROUGE-1, ROUGE-2, ROUGE-L, BLEU. Первые две метрики учитывают семантику в сгенерированном тексте и больше подходят для абстрактивной суммаризации. Такая суммаризация подразумевает генерацию оригинального текста. Остальные метрики являются стандартными и используются для экстрактивной суммаризации, т. е. сформированной из наиболее важных предложений исходного документа.

В качестве базового подхода мы решили проверить, насколько заключительный раздел статей соотносится с аннотацией. Для этого использовались выбранные выше метрики, а в качестве сгенерированного текста были взяты разделы «Заключение» и «Выводы» при их наличии. Всего получилось 183 пары «аннотация — заключение».

Помимо этого, мы протестировали работу большой языковой модели GigaChat от SBER, обученную для русского языка. С помощью фреймворка langchain [2], пред-

назначенного для создания приложений с использованием больших языковых моделей, было сгенерировано 157 аннотаций к статьям датасета. В ходе эксперимента получились следующие значения метрик.

Модель	BERTScore	BLEURT	ROUGE-1	ROUGE-2	ROUGE-L	BLEU
Baseline	0.708	0.187	0.173	0.099	0.167	1.4e-155
GigaChat	0.719	0.189	0.148	0.071	0.142	1.3e-155

На полученном мультимодальном датасете планируется протестировать работу других языковых моделей, а также провести эксперименты с различными экстрактивными и абстракттивными подходами к суммаризации текстов.

1. Feng J. et al. Bridging Research and Readers: A Multi-Modal Automated Academic Papers Interpretation System // arXiv: 2401.09150 2024. 13 p.
2. Friis E. Langchain. URL: <https://github.com/langchain-ai/langchain> (дата обращения: 27.02.2024).

Научный руководитель — канд. техн. наук Е. П. Бручес

Лексема *аът* ‘лошадь’ в пословицах и поговорках тувинцев

Т. Б. Чаш-оол

Тувинский государственный университет

Малые жанры тувинского фольклора — пословицы и поговорки — являются отражением культуры народа.

Данная работа посвящена употреблению лексемы *аът* ‘лошадь’ в пословицах и поговорках тувинцев. Актуальность работы заключается в том, что исследования по употреблению слова *аът* специальному изучению не подвергались. Целью исследования является анализ лексемы *аът* в тувинских пословицах и поговорках.

Издавна тувинцы считали лошадь близким другом мужчины-тувинца, также основным средством передвижения тувинцев-кочевников, в связи с этим это животное занимало основное место их в жизни, о чем свидетельствуют пословицы и поговорки.

Рассмотрим некоторые примеры пословиц и поговорок с лексемой *аът*.

Аът өлүр — баглаажы артар, ада өлүр — оглу артар ‘Конь падет — коновязь останется, отец умрет — сын останется’ [1]. Когда отец умрет, сын продолжит его дело, он станет главой семьи и продолжателем своего рода. Когда лошадь состарится и умрет, то останется его коновязь, как знак того, что жизнь и род кочевника на этой земле продолжается.

Ада чокта эш чок дег, аът чокта бут чок дег ‘Без отца как без друга, без коня как без ног’ [1]. Отец всегда поможет, он является надежным другом и опорой для своего ребенка, а лошадь — средство передвижения человека. Аналогична этой пословице и другая: *Чадаг чорба аъттыг чор, чааскаан чорба эштиг чор* ‘Имеешь коня — пешком не ходи, есть друзья — один не ходи’ [1]. В данной пословице народ говорит о том, что нужно всегда иметь близких друзей и собственного коня, как самых близких товарищей в жизни, которые являются опорой и надеждой.

Тувинцы очень трепетно относились к воспитанию подрастающего поколения, они с самого рождения поучали, подготавливали своих детей к жизни и труду. *Аътты баглап өөредир, аныяан сурган өөредир* ‘К привязи коня поучают, словом молодых поучают’ [1]. Аналогична этой пословице другая пословица: *Аът болуру кулунундан, кижси болуру чажындан* ‘Вырастает конь из жеребенка, человек — из малого ребенка’ [1]. Хорошего коня надо учить, когда он еще жеребенок, а человека воспитывают еще с рождения, чтобы он смог стать хорошим человеком в будущем.

Также тувинский народ в своих пословицах выделяет физические данные коня, такие как выносливость, сила, быстрота. *Аьды чүгүрүк мактадыр, ады чүгүрүк хоптадыр* ‘Быстрый конь хозяина прославит, имя громкое рождает зависть’ [1]. Скачки были одной из самых важных национальных и любимых игр тувинцев. Если на скачках конь прибежал первым, это означало, что он принес почет и славу своему хозяину и его роду.

Коня и мужчину тесно связывают в культуре тувинцев, в тувинском фольклоре их образы взаимосвязаны: *Кыс этке ынак, оол аътка ынак* ‘Девушке нужен наряд дорогой, парню дорожке конь вороной’ [1]. Если для женщины в жизни вещи являются любимыми, то для мужчин, как мы выше указали, конь был очень дорогим животным, сокровенным другом и товарищем: *Эки аъдыңны дөшке чыгава — эки эжиңни чокка кызава* ‘Доброго коня в гору не погоняй, доброго друга отказом не огорчай’ [1]. Если не беречь и пренебрегать своей лошадей, то она станет негодной для езды, если друга не ценить, то и он не будет верным в жизни.

Следующая пословица: *Аът багын мунуп билир, төрел багын кирип билир* ‘Хочешь узнать, хорош ли конь — объезжай, хочешь узнать какова родня — заезжай’ [3]. Чтобы узнать, какова лошадь, нужно попробовать на ней ездить верхом, а чтобы узнать, каковы люди на самом деле, надо с ними пообщаться, увидеть, хороший ли человек или плохой.

Тувинцы с давних времен ценили труд и уважали трудолюбивых людей, это можно увидеть в пословице: *Аъткарганнай аалынга чедирер* ‘Посадил на коня — довези до конца’ [3]. В данной пословице выражается следующий смысл: если начал какое-то дело, то его надо делать до конца.

Исходя из анализа употребления лексемы *аът* ‘лошадь’ в малых жанрах устного творчества тувинцев, конь является большой ценностью для каждого тувинца-кочевника. Посредством пословиц и поговорок с лексемой *аът* тувинцы выражают связь между мужчиной и лошадей, отношения между отцами и их детьми, дружбу. Также через пословицы передан их образ жизни, то, как они воспитывали детей, какие у них были принципы.

1. Сагаан-оол О. К, Хадаханэ М. А. Мудрость народа. Тувинские пословицы и поговорки. Кызыл: Тувинское кн. изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 1976. С. 160.
2. Будуп Б. К. Пословицы и поговорки тувинского народа. Кызыл: Тувинское кн. изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2020. С. 112.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. Д. Сувандии

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Председатель секции — канд. филол. наук, доц. *О. Г. Щеглова*

Ответственный секретарь секции — *О. В. Павлова*

Экспертный совет секции

д-р филол. наук, проф. *Н. Б. Кошкарёва*

д-р филол. наук, проф. *И. Е. Ким*

канд. филол. наук, доц. *М. С. Берендеева*

канд. филол. наук, доц. *А. А. Алексеева*

LINGUISTICS

Section Head — Cand. Philol. Sci., Assoc. Prof. *O. G. Scheglova*

Section Responsible Secretary — *O. V. Pavlova*

Section scientific committee

Dr Philol. Sci., Prof. *N. B. Koshkareva*

Dr Philol. Sci., Prof. *I. E. Kim*

Cand. Philol. Sci., Assoc. Prof. *M. S. Berendeeva*

Cand. Philol. Sci., Assoc. Prof. *A. A. Alekseeva*

ГРАММАТИКА

УДК 8.81

Выражение значения субъекта в тувинском языке

А-Ч. Б. Даваа

Тувинский государственный университет, Кызыл

Данная работа посвящена описанию выражения значения субъекта в тувинском языке.

В тувинском языке значение субъекта выражается в предложениях с предикатами с семантикой состояния, действия и движения, при которых реализуются семантические роли экспериенцера, агенса, силы, функтива, партитива (по классификации М. В. Всеволодовой) [1]. Позиция субъекта при данных предикатах представлена именами существительными, обозначающими Человека, Животное, Предмет и Природные явления, далее группы разбиваются на более дробные лексико-семантические подгруппы (табл. 1). Данное распределение было сделано в соответствии с базовыми семантическими блоками семантической разметки Электронного корпуса текстов тувинского языка [2].

Таблица 1

Семантические роли, выражающие значение субъекта в тувинском языке

Роли субъекта	Лексико-семантические группы	Лексико-семантические подгруппы	Примеры
Агенс (при глаголах действия) / Экспериенцер (при глаголах состояния)	Человек	Родственные отношения	<i>Угбам меңээ аяктарны чуг деп чугаалаан (ЛЧ ЧЧ) 'Сестра сказала мне помыть посуду'; Акым чадырынга удуп калган (АД ТЧ) 'Брат уснул в своей времянке'</i>
		Возраст	<i>Ажыл соонда сесерликте аныяктар шуужуп турлар (ДМ БД) 'После рабочего дня молодежь веселилась в сквере'; Ашак база аарый берген (АД Ш) 'Старик тоже заболел'</i>
		Профессия	<i>Ийи эмчим кезек ыыт чок орлар. (СС НО) 'Два доктора (букв. «мои два доктора») какое-то время сидели молча (букв. звук «без»); Тудугжу чылдынып олурган (ЛЧ ЧЧ) 'Строитель сидел грелся'</i>
		Имена собственные	<i>Баазаң биле Сенги солунну парлапкан (ТЕ ШХС) 'Баазаң и Сенги напечатали газету'</i>

Роли субъекта	Лексико-семантические группы	Лексико-семантические подгруппы	Примеры
Агенса (при глаголах действия) / Экспериментер (при глаголах состояния)	Животные	Домашние животные	Дииспеек өске моортайны бир часкаан. (ЭМ ТУК) 'Кошечка ударила лапой другую кошку'; Кара ыдым ыыды чиде берген (СС НО) 'Моя черная собака притихла'
		Дикие животные	Хар өңнүүн Койгун кыйгырган (КЧ ОЯ) 'Заяц позвал своего друга'; Сарбашкын боданып олур. (ЛЧ ЧЧ) 'Обезьяна сидела и думала'
		Птицы	Дээлдиген болгаш кара Каарган безин бо-ла чедип келген турар. (ИБ ДМ) 'Даже орел и черная ворона снова прилетели (букв. «пришли»); Дагаавыс төрүпкен (ЛЧ ЧЧ) 'Наша курица снесла яйцо'
		Насекомые	Бинда ымыраа-сээк ужуп тур (ЧО КА) 'Там летят мухи и комары'
	Растения	Деревья	Бо орук-биле чоруурга: дым, пөш, хадың дээн кандыг-даа теректер бар (ЛЧ ЧЧ) 'Если пойти по этой дороге, там растут разные деревья такие как дуб, лиственница, береза'
		Цветы	Ол көктүң аразында чап-чаа үнүп келген чечектер бар (СО ЧЧ) 'Среди травы есть и цветы, которые только-только распустились'; Честек-кат чечектелип келген (ЧС) 'Земляника зацвела'
		Ягоды	Чодураа чанымда кээп дүштү (ММ ТЭ). 'Ветка черемухи упала прямо рядом со мной'; Чодураалар чечектелип эгелээн. (ТК) 'Черемуха начала цвести'
		Овощи	Огородум иштинде морковь өзүп турар 'В моем огороде растет морковь'; Пашта картошка хайны берди (МЭ ОЧ) 'В кастрюле картошка сварилась'
Партитив	Части тела человека	Внутренние органы тела человека	Чурээм саргый берди (ДЭ СЧ) 'Сердце мое защемило'
		Конечности тела	Холдары хенертен суларай берген (ДЭ СЧ) 'Его руки внезапно ослабли'
Сила	Природные явления	Природные явления	Чаашкын хенертен намдай берди (ЧС) 'Внезапно дождь утих'
Функтив	Предмет	Инструменты	Хирээ дагжап тур (ЛЧ ЧЧ) 'Слышен звук пилы (букв. «пила звучит»)
		Еда	Пашта ээт хайнып тур (ЛЧ ЧЧ) 'В кастрюле варится мясо'

Семантические роли субъекта в тувинском языке реализуются при помощи следующих падежных форм: грамматический субъект в тувинском языке выражается при помощи неопределенного падежа, а логический — дательного и исходного падежей. Форма дательного падежа выражает две роли: агенса и экспериенцера, форма исходного падежа — значение агенса. Эти значения проявляются у форм датива и аблатива в каузативной и пассивной залоговых конструкциях [3].

Таблица 2

Грамматическое выражение значения субъекта в тувинском языке

Субъект	Падежная форма	Семантические роли	Примеры
Грамматический	Неопределенный падеж	Агенс	<i>Кожавыста — бичии-бажында бистиң чоок төрелдеривис=Ø чурттап турарлар (ЛЧ ЧЧ) 'Рядом в соседней избушке живут наши близкие родственники'</i>
		Экспериенцер	<i>Ашак=Ø база аарый берген (АД Ш) 'Старик тоже заболел'</i>
Логический	Дательный падеж	Агенс (при глаголах с аффиксом понудительного залога = <i>t</i> , = <i>тыр</i> , = <i>ттыр</i>)	<i>Студентилер=ге башкызы тайылбыр бижик бижит=ттир=ип турган 'Преподаватель заставила студентов писать объяснительные'</i>
		Экспериенцер (при глаголах, в состав которых входит аффикс пассивного залога = <i>л=</i>)	<i>Ол чугаа силер=ге чиктиг кылдыр дыңна=л=ган боор (АТ, 53) 'Вероятно, та речь послышалась вам странной'</i>
	Исходный падеж	Агенс (используется в основном в фольклорных текстах)	<i>Булутай-Эге хаан=дан: — Бузутунуң аңы болза мынчага дээр дээр тыпты бээр дээр, аалывысче дедир чанаалгар-деп, албаты-иериинге айыткап-даа туруп-тур (ТТ) 'Своему войску повелел Хан Булутай-Эге: «Будь она даже тварью другого мира, то до сей поры нашлась бы, возвращаемся обратно домой»'</i>

Таким образом, в тувинском языке семантические роли субъекта реализуются в предложениях с глаголами, обозначающими действие, движение, состояние. В этой позиции выступают существительные, называющие живые существа (человека, животное), их части тела, артефакт (предмет), натурфакт (природные явления). Данные роли могут выражаться при помощи неопределенного, дательного и исходного падежей.

Список сокращений

- ЛЧ ЧЧ — Л. Чадамба «Чогаалдар чыындызы» (<https://tuvancorpus.ru>).
- СС БЧ — Сарыг-оол С. «Байлак чуртум» (<https://tuvancorpus.ru>).
- ЧС — «Чүгүрүк сарала» (<https://tuvancorpus.ru>).
- СС ХЫ — Степан Сарыг-оол «Хүннүң ыраажылары» (<https://tuvancorpus.ru>).
- ДЕЭХ — Донгак Е. «Эрги хонаштар» (<https://tuvancorpus.ru>).
- ТЕШХС — Танова Е. «Ширбиилиң холдан салба» (<https://tuvancorpus.ru>).
- ДЕ СЧ — Донгак Е. «Сыын чады» (<https://tuvancorpus.ru>).
- КЧ ОЯ — Черлик-оол «Аялга» (<https://tuvancorpus.ru>).
- СО ЧЧ — Сагаан-оол О. «Чогаалдар чыындызы» (<https://tuvancorpus.ru>).

1. Всеволодова М. В. Практикум по курсу «Функциональный коммуникативный синтаксис». 1995. С. 28–29.
2. Oorzhak B., Khertek A. Development of semantic mark-up for the corpus of Tuvan language // Proceedings of the International Conference on Turkic languages Processing Turklang-2015. P. 351–363.
3. Хертек А. Б. Значения локальных падежей в тувинском и хакасском падежах Новосибирск, 2013. С. 145.

Научный руководитель — канд. филол. наук А. Б. Хертек

УДК 811.161.1+81'367.634

Русские сравнительные конструкции с союзом «точно»

И. А. Диде

Новосибирский государственный университет

Сравнительные конструкции представляют собой инструмент для выражения отношений тождества, подобия или различия в языке. Объектом исследования в данной работе являются конструкции с русским модальным союзом *точно*. Материалом для исследования послужили примеры из Национального корпуса русского языка [1]. Выборка состоит из 100 примеров, которые отбирались вручную из-за полифункциональности рассматриваемой единицы, которая может представлять как союз или частица. Так, в примере *Когда на шапке номер пишет кисточкой — ну, точно как поп миром лбы мажет* лексема *точно* выполняет роль не показателя сравнительного отношения, а экспоненты, подчеркивающей высокую степень достоверности сравнения при союзе *как*.

Инструментом анализа грамматических особенностей данной конструкции служит база данных, представленная в виде электронной таблицы, в которой каждый пример размечается по совокупности разнообразных структурных и семантических признаков.

Метаязык описания сравнительных конструкций, используемый в данной работе, представлен в статье [2].

План выражения релянтов может претерпевать значительные структурные изменения: некоторые члены конструкции выражаются имплицитно, т. е. подразумеваются, выводятся из контекста. Редуцироваться может любой член конструкции — предикат, субъект в составе первого и второго релянтов, возможна также редукция релянта целиком, причем как релянта, обозначающего предмет сравнения, так и релянта, обозначающего стандарт сравнения.

Сравнительная конструкция с союзом *точно* может примыкать к разным членам предложения, необязательно к субъекту. В примере *Да и никто в здоровом и трезвом уме и твердой памяти не стал бы вставать на худую, **точно** решето, крышу* сравниваются признаки предметов, сравнительная конструкция относится к определению, которое является предикатом свернутой пропозиции характеристики: кто-то встает на крышу, крыша худая, точно худое решето.

Явление редукции элементов сравнительной конструкции на материале чалканского языка рассматривается в статье [3].

В данной работе на материале русского языка исследуются механизмы редукции элементов в конструкции с модальным союзом *точно*. Выделяется несколько типов редукции в сравнительной конструкции.

1. В составе второго релянта чаще всего опускается предикат, который однозначно восстанавливается по контексту, например: *Я жила, ни об чем не тужила, **точно** птичка на воле* > точно птичка [живет] на поле; *Лапки у нее тонкие, болтаются, **точно** веревочки* > точно [болтаются] веревочки ($[N_{\text{Nom}} V_{\text{fin}}]_{\text{CMPR1}} \text{CON}]^{\text{EQU}} [N_{\text{Nom}} \emptyset]_{\text{CMPR2}}$).

Сюда же относятся случаи, в которых сравнительный компонент находится внутри причастных или деепричастных оборотов. Требуется перестроить инфинитную форму в финитную, после чего редуцированная единица восстанавливается аналогично предыдущим случаям, например: *Их кожа, сложенная, **точно** старая бумага, сквозная на просвет* > Их кожа светится, точно [светится] старая бумага, сквозная на просвет; *Перед самым носом, блестя, **точно** металлическая пыль, прошла стайка мелюзги* > Стайка мелюзги блестит, точно [блестит] металлическая пыль.

2. Типичным для конструкций с союзом *точно* является редукция стандарта сравнения, например: *Этот человек шевельнулся, **точно** поправил одежду* > Этот человек шевельнулся, [как он шевельнулся бы, если бы] поправил одежду. В таких случаях отношение сравнения устанавливается между первой предикативной единицей и отсутствующей предикативной единицей, обозначающей типичный стандарт сравнения. Зависимая часть, в свою очередь, по смыслу относится к имплицитному звену и выражает разные обстоятельственные отношения — причины, условия и др. ($[N_{Nom} V_{fin}]^{CMPR1} CONJ^{EQU} [\emptyset V_{fin}]^{CMPR2}$).

3. Редким случаем редукции является отсутствие первого релянта в изолированно рассматриваемом предложении, который восстанавливается с опорой на широкий контекст, например: *А теперь получилось, **точно** я напрашиваюсь, чтобы вы изменили свое впечатление* (в главной части глагол *получилось* имеет самое общее значение, что именно получилось и как все произошло в пределах данного предложения не называется, может быть понято только в контексте); *Ох, грехи тяжкие, **точно** все это вчера было, а никого уж и в живых нет!* (что именно подразумевается под тяжкими грехами, вне контекста неясно) ($[\emptyset \emptyset]^{CMPR1} [N V_{fin}]^{CMPR2}$).

1. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

2. Кошкарёва Н. Б., Плотников И. М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 180–216.

3. Федина Н. Н., Кошкарёва Н. Б. Редукция как механизм варьирования сравнительных аналитико-синтетических полипредикативных конструкций с послелогом *шылап* // *цылап* // *цынап* 'как, как будто' в чалканском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 2 (вып. 46). С. 53–64.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Кошкарёва

УДК 811.581.11+81'367.3

Сравнительные конструкции с лексемой 仿佛 'походить, быть похожим' в романе Мо Яня «Лягушки»

Ду Сьюань

Новосибирский государственный университет

Сравнение и сравнительные конструкции являются актуальными лингвистическими объектами в русистике [1–4]. Большой интерес к ним проявляют также китайские исследователи [5–9]. В романе Мо Яня «Лягушки» представлено более 800 предложений, содержащих сравнительные конструкции, в 70 из них используется лексема 仿佛, которая может выполнять роль глагола ('походить, быть похожим') или наречия ('словно'). Чаще всего она выражает сравнение двух событий (52 предложения), реже используется для обозначения предметного сравнения (18 предложений). Цель данной работы — выявление структурных особенностей сравнительных конструкций с лексемой 仿佛, передающих значение предметного сравнения. В подобных предложениях эта лексема выступает в роли глагола со значением 'походить, быть похожим'.

В состав конструкции с глаголом 仿佛 'походить, быть похожим' входят следующие компоненты: существительное, обозначающее предмет сравнения, при котором могут быть определения, указывающие на его признаки, а также существительное, обозначающее эталон сравнения. Глагол 仿佛 'походить, быть похожим' выражает отношение сходства между этими двумя предметами. Структурные типы различаются тем, какие компоненты находятся перед существительным, обозначающим эталон сравнения, и обозначают характеристики, на основе которых устанавливается сходство предметов: это могут быть прилагательные (разновидность 1) или предикативные единицы разных типов (разновидность 2).

1. Существительное + 仿佛 'походить' + (числительное + квантификатор) + ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ + существительное, например: 身体短小, 肚子高隆, 仿佛一条愤怒、惊恐的海豚 'Тельце маленькое, живот высится, словно негодующий страшный дельфин' (букв. *Тело коротко-маленькое, живот высокий, словно разгневанный и испуганный дельфин*).

2. Существительное + 仿佛 'походить' + (числительное + квантификатор) + ПРЕДИКАТИВНАЯ ЧАСТЬ + существительное.

Предикативная часть может быть выражена придаточным предложением, например: 她的身体虽然矮小, 但长得十分匀称, 仿佛一个来自小人国的小美人 'Хоть ростом не вышла, в остальном ладная, как статуэтка, ну словно красавица из страны лилипутов' (букв. *Ее тело хоть невысокое, но очень стройное, как маленькая красавица, приехавшая из страны низких людей*).

Позицию предикативной части может занимать также страдательное предложение, например: 我身体抽搐着, 想往前爬, 为“宝马”让开道路, 但我的身体, 仿佛一条被图钉钉住了尾巴的虫子, 无法移动 'Дернулся всем телом, чтобы отползти в сторону

и пропустить BMW, но не смог даже пошевелиться, словно пришпиленная букашка' (букв. *Мое тело дернулось, пытаюсь вперед проползти, чтобы для BMW освободить место, но мое тело, словно букашка с канцелярской кнопкой, приклеенной к хвосту, неспособная двигаться*).

Таким образом, лексема 仿佛 'походить, быть похожим' используется для обозначения гипотетического сходства двух предметов и формирует два типа конструкций, в которых перед именем, обозначающим стандарт сравнения, располагаются прилагательные или предикативные единицы со значением характеристик, на основе которых устанавливается предполагаемое сходство предметов.

1. Девятова Н. М. Сравнение в динамической системе языка. М.: Книжный дом «Либроком», 2017. 320 с.
2. Прияткина А. Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. М.: Высшая школа, 1990. 90 с.
3. Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.
4. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 270 с.
5. 张琪昀 (Чжан Циюнь). 汉语比较句结构的变化 (Изменения в структуре китайских сравнительных предложений) // 淮阴师专学报(社会科学版) (Журнал Хуайиньского педагогического колледжа (издание по общественным наукам)). 1984. № 2. С. 55–60.
6. 夏铭 (Ся Мин). 比较与比喻 (Сравнение и аналогия) // 常德师范学院学报(社会科学版) (Журнал Чандэского педагогического колледжа (издание по общественным наукам)). 2000. № 1. С. 57–59.
7. 郑丹 (Чжэн Дань). 比较结构的句法研究 (Синтаксическое исследование сравнительных конструкций) // 中南大学 (Центральный южный университет). 2009. 99 с.
8. 钟晓雯 (Чжун Сяовэнь), 王红厂 (Ван Хунчан). 俄语比较结构研究 (Сопоставительно-структурные исследования русского языка) // 中国俄语教学 (Преподавание русского языка в Китае). 2016. № 35 (01). С. 39–44.
9. 李胜梅 (Ли Шэнмей). 论表比喻的“仿佛” (О “仿佛” (как будто) метафоры) // 国际修辞学研究 (Международные риторические исследования). 2015. С. 197–209.

Научный руководитель – д-р филол. наук, проф. Н. Б. Кошкарёва

УДК 811.161.1

Сопоставление продуктивности агентивных суффиксов в литературном языке и молодежном сленге

А. А. Жираковская

Новосибирский государственный университет

Актуальность исследования обусловлена непрерывным пополнением корпуса агентивных существительных, существенная часть которых являются суффиксальными дериватами, например: *здоровьяк*, *коммуняка*, *дударь*, *программарь*, *паникер*, *скамейкер*, *выпускник*, *железячник*, *отправитель*, *аскатель* и др.

Для сопоставления суффиксальной деривации агентивов в литературном языке и молодежном сленге была исследована степень продуктивности словообразовательных формантов в двух языковых стратах (описано их функционирование в разных аспектах: словообразовательный потенциал, стилистические и семантические модификации).

Для формирования картотеки номинаций лица (НЛ) были выбраны суффиксы м. р.: *-ак-*, *-арь-*, *-ер-*, *-ник-* и *-тель-* (556 НЛ литературного языка и 275 НЛ молодежного сленга). Данные аффиксы выбраны из всего множества сознательно: во-первых, включены безусловно продуктивные сегодня форманты (*-ник-* и *-тель-*), во-вторых, для сравнения с продуктивными рассмотрены суффиксы, предположительно находящиеся на стадии архаизации (*-ак-* и *-арь-*), в-третьих, суффикс *-ер-*, который актуализировался в последние 20 лет (*рэпер*, *стриптизер*, *хип-хопер*).

Картотека литературных агентивов составлялась на основе данных словарей [1, 2]. Картотека сленговых номинаций сформирован на основе данных трех словарей [3–5], а также на основе данных электронной коммуникации.

В исследовании разработана семантическая классификация словообразовательных значений суффиксальных формантов, которая включает 16 тематических групп значений, например: «Спортивная деятельность» (*вратарь*, *дырочник*, *доскер*), «Занятие на досуге» (*рыбак*, *гадатель*, *анимешник*) и т. д. Также представлена классификация стилистической маркированности агентивов, которая включает две обширные группы — «нейтральные лексемы» и «стилистически маркированная лексика».

Деривационный процесс с участием формантов, а также их семантический и стилистический потенциал в литературном языке и в молодежном сленге примерно одинаков, однако суффиксальная деривация сленгизмов имеет свою специфику. В описании каждого форманта количество ЛСВ дается в виде показателей через косую черту.

Суффикс *-ак-* (45/43 — *земляк*, *меньшак*; *пивняк*, *трупак*) ориентирован на образование разговорных лексем из 11 тематических групп. Формант присоединяется к основам ИС, ИП и глаголов; сегодня не образует большого числа неологизмов (2 %).

Суффикс *-арь-* (31/24 — *библиотекарь*, *звонарь*; *глупарь*, *стебарь*) образует разговорные и нейтральные лексемы, распределяющиеся в обеих языковых стратах по 7 те-

матическим группам; группы «Место жительства...», «Спортивная деятельность», «Социально значимая деятельность» и «Состояние здоровья» агенса присутствуют только в литературной деривации, так же как группы «Коммуникативная деятельность», «Сексуальные особенности», «Место в социальной иерархии» или «Особенности интеллекта» — только в сленговой деривации. Формант *-арь-* присоединяется к основам ИП, ИП и глаголов; в образовании новых слов участия не принимает.

Суффикс *-ер-* (114/76 — *гипнотизер, легионер; абьюзер, спецназер*) является активным при образовании нейтральных и разговорных слов, которые распределяются по 8 тематическим группам в обеих языковых стратах (2 группы свойственны только литературной деривации («Материальная обеспеченность» и «Социально значимая деятельность») и 2 группы — только сленговой («Сексуальные особенности» и «Особенности интеллекта»). Формант присоединяется к основам глаголов, ИС и в редких случаях — ИП. Большая часть неологизмов (26 %) свидетельствует о возрастающей продуктивности форманта.

Суффикс *-ник-* (218/127 — *всадник, печник; атасник, мыльник*) производит лексем, представленные в 14 семантических группах (одна из которых актуальна только в литературной деривации — «Материальная обеспеченность»). Суффикс имеет наиболее широкую сочетаемость с основами разной грамматической принадлежности, 9 % слов с ним зафиксированы нами как неологизмы.

Слова с суффиксом *-тель-* (148/5 — *искатель, правитель; поддатель, ширатель*) заполняют 10 семантических групп в рамках литературной деривации. Для молодежного сленга непродуктивен. Формант регулярно присоединяется к основам глаголов; в литературном языке присоединяется также к ИС (редко — к ИП и наречиям). Специфика суффикса заключается в образовании нейтральных или книжных лексем. Сегодня *-тель-* практически не образует новых слов (1 % неологизмов).

1. Грамматический словарь русского языка / под ред. А. А. Зализняка. 1977.
2. Новые наименования лиц в современном русском языке / под ред. О. В. Григоренко. 2009.
3. Молодежный сленг: толковый словарь / под ред. Т. Г. Никитиной. 2009.
4. Краткий словарь интернет-языка: ок. 350 ед. / под ред. В. Ф. Хайдаровой. 2012.
5. Словарь языка интернета.ru / под ред. М. А. Кронгауза. 2018.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. О. М. Исаченко

УДК 811.553+81'367.52

Порядок слов в предложениях существования и местонахождения в кетском языке

Н. В. Журавлев

Новосибирский государственный университет

Порядок слов в кетском предложении рассматривался в специализированных и обобщающих исследованиях, посвященных грамматической системе кетского языка [1, 2]. Однако вопрос позиции сирконстантов в кетском предложении до сих пор не становился объектом отдельного исследования. Э. И. Белимов кратко касается данной темы, указывая, что обстоятельства, если они образованы от существительных, «могут занимать любое место в предложении; предпочтительной, однако, является постпозиция по отношению к сказуемому... Случаи препозиции... встречаются реже» [1]. Н. М. Гришина отмечает, что наречные обстоятельства «занимают... позицию перед глагольным предикатом — сильную фокусную позицию» [3].

Для более подробного рассмотрения данного вопроса мы отобрали 50 предложений существования и местоположения из кетских фольклорных и бытовых текстов, опубликованных или приведенных в качестве иллюстративного материала в разных источниках [1, 4–8]. Предложения существования и местоположения включают следующие обязательные компоненты: субъект (S), предикат (V) и локализатор (Loc), причем в предложениях существования локализатор находится в теме, а в предложениях местонахождения — в реме.

В результате анализа материала выявлены следующие варианты расположения данных компонентов: S Loc V (22 предложения), S V Loc (8 предложений), Loc S V (7 предложений), S Loc (V) (6 предложений), Loc V (3 предложения), Loc S, Loc V S, Loc S Loc V, V S Loc (по одному предложению).

Предложения с порядком S Loc V и S V Loc могут описываться как ситуацию существования (примеры 1, 2), так и ситуацию местоположения (примеры 3, 4). При этом ситуация существования реализуется только в двух предложениях с порядком S V Loc. Характерно, что в примерах 1 и 2 субъект рематизируется одинаковым способом — при помощи наречия.

(1) en	qoon	kobyl'tes'	d=ät'ke	s'este
теперь	лиса	кочка	POSS=на	сидит

[Кто теперь на кочке сидит?]
'Теперь **лиса** на кочке сидит'.

(2) haj	ke't	lojtoɣot	oks=daŋa
опять	человек	стоит	дерево=DAT

[Кто опять стоит у дерева?]
'Опять **человек** стоит у дерева'.

(3) at eŋŋun=dinŋta diŋaraŋ
я деревня=ADESS живу

[Где ты живешь?]

‘Я в **деревне** живу’.

(4) at doŋodoŋ endiŋ=dinŋtin
я живу деревня=ADESS

[Где ты где живешь?]

‘Я живу в **деревне**’.

К предложениям существования относятся все предложения с порядком Loc S V (пример 5), а также с порядками слов Loc V S, V S Loc, Loc S с опущенным сказуемым и Loc S Loc V — редким для кетского языка случаем раздробления группы локализаторов.

(5) bogdot=dinŋten naʔn qɨ:lʔukstu
очаг=ADESS хлеб закопанным.является

[Что находится в очаге?]

‘В очаге **хлеб** закопан’.

К предложениям местоположения относятся предложения типа S Loc (V), в которых локализатор маркирован специальным предикативным аффиксом (пример 6), и Loc V, где субъект выражен внутри глагольной словоформы при помощи личного аффикса (пример 7).

(6) bisep am=dinŋta=ra
сестра мать=ADESS=PRED.3F

[Где сестра?]

‘Сестра у **матери**’.

(7) qa du=taRut
дома 3M.SG=спит

[Где ребенок?]

‘**Дома** спит’.

Если рассматривать только положение локализатора по отношению к сказуемому, вне зависимости от положения субъекта, то число предложений с препозицией обстоятельства будет превышать число предложений с постпозицией обстоятельства более чем в три раза. Таким образом, приведенный выше тезис Э.И. Белимова в отношении как минимум предложений существования и местонахождения на основании рассмотренного материала не подтверждается.

Как препозиция, так и постпозиция Loc к V являются сильными рематическими позициями для локализаторов, но лишь в случаях инициального положения S или отсутствия отдельной словоформы, выполняющей в предложении функцию S. При этом даже в инициальной позиции S может выступать в качестве ремы, если ему предшествует наречие. Ремой также становится локализатор, маркированный предикативным аффиксом.

1. Белимов Э.И. К вопросу о порядке слов в кетском предложении // Языки и топонимия. Томск, 1977. Вып. 5. С. 71–79.

2. Werner H. Die ketische Sprache. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1997. 405 с.

3. Гришина Н. М. Вопросы в кетском языке // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Ч. 1. Томск, 2002. С. 154–159.
4. Дульзон А. П. Сказка о Кайгусе верховья реки // Очерки по грамматике кетского языка. Томск, 1964. С. 140–162.
5. Дульзон А. П. Кетские сказки. Томск, 1966. 162 с.
6. Дульзон А. П. Сказки народов Сибирского Севера. Томск, 1972. 204 с.
7. Kotorova E., Nefedov A. Comprehensive Ket Dictionary: в 2 т. Munich: LINCOM GmbH. Т. 2. 520 с.
8. Крюкова Е. А., Нефедов А. В. Кетские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Т. 7. Томск, 2021. С. 172–205.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Кошкарёва

Реализация актуализационного темпорального ключа в монологической речи интеллигенции Академгородка

Е. О. Кулятина

Новосибирский государственный университет

В работе описываются способы реализации модусной категории актуализации времени — актуализационные темпоральные ключи, встречающиеся в записях монологической речи интеллигенции Академгородка.

Категории актуализации в концепции В. В. Виноградова обеспечивают осмысление связи диктумной части высказывания и действительности и сводятся к понятию предикативности. Т. В. Шмелева расширяет понятие «актуализационные категории». Актуализационный ключ служит фоном для актуализационного эллипсиса и для транспозиции глагольных форм [1]. Использование актуализационного ключа делает возможным отступление от обязательности выражения актуализационных категорий, что формирует различные смысловые эффекты.

Материалом для работы послужили дешифрованные записи монологической речи (интервью) жителей Академгородка, представителей научной интеллигенции. Средний возраст респондентов — 80 лет. Записи получены в 2012 г. Обработано 2 записи, общий объем рассматриваемых текстов — 10,5 тыс. знаков.

В записях отсутствуют примеры актуализационных ключей, которые задают темпоральную рамку для всего текста. Мы считаем, что это обусловлено принадлежностью тестов к жанру беседы, который предполагает смену тем и, как следствие, переключение между событиями, принадлежащими к разным временным планам.

Мы выявили тенденцию к смещению актуализационного ключа в ненадлежащую позицию в предложении, вместо стандартного абсолютного начала: *А нас, / когда я еще училась в этой тридцатой школе, / у нас была классная руководительница замечательная, / и была у нас завуч, / которая вела кружок художественной вышивки* // [Информант 3, женщина, 1928 г. р., проф.]. Мы полагаем, это обусловлено особенностями спонтанной речи, в которой говорящий параллельно с речевым актом «додумывает» или вспоминает новые детали, которые хочет сообщить слушателям.

Уточнение актуализационного ключа: *Я из очень бедной семьи / которая в тридцатые годы / в тридцать третьем году / переехала из села в Курганской области в Новосибирск / где были родственники моих родителей / а дальше вся моя жизнь прошла в Новосибирске до окончания школы* // [Информант 3, женщина, 1928 г. р., проф.]; *В общем, / это был сорок... / простите, / это был сорок шестой год, /...* [Информант 3, женщина, 1928 г. р., проф.]; *А если говорить / немножечко расширять список / то я могу сказать / что вот сейчас / не в этом / в прошлом году / да и в этом году тоже появлялись люди / которые уже устроили свою судьбу совершенно / понимаете / особо* // [Информант 4, мужчина, 1924 г. р., проф.]. Такие случаи мы рассматриваем как

примеры, в которых к актуализационному ключу добавляется извинительная помета при использовании неточной информации, маркирующая другую модусную категорию — метакатегорию условности общения, нарушения правил речевого поведения.

В анализируемых текстах встречаются примеры «вложенных» структур, в которых один ключ актуализирует другой: *А если говорить / немножечко расширять список / то я могу сказать / что вот сейчас / не в этом / в прошлом году / да и в этом году тоже появлялись люди / которые уже устроили свою судьбу совершенно / понимаете / особо* // [Информант 4, мужчина, 1924 г. р., проф.] ‘Сейчас’ ← ‘не в этом году’ ← ‘в прошлом году’.

Встречаются примеры, в которых один ключ дает обоснование использования другого ключа: *А когда мы учились в школе, / во время войны же, / у нас были курсы медсестер, / и мы получили документ, / что мы медсестры* // [Информант 3, женщина, 1928 г. р., проф.] ‘Были курсы медсестер’ ← ‘мы учились в школе’ ← ‘во время войны’ (во время войны в школах были курсы медсестер).

Мы выделили следующие способы выражения актуализационного ключа (АК):

– АК — обстоятельство времени: *Это в две тысячи одиннадцатом году он издал этот гамбургский счет* // [Информант 4, мужчина, 1924 г. р., проф.];

– АК — зависимая предикативная единица в сложноподчиненном предложении времени: *Ну и Тайваньский университет / когда узнал что Татьяна Николаевна / значит / профессор вот этот / да* // [Информант 4, мужчина, 1924 г. р., проф.];

– АК — вставка: *Ну вот, / а потом, / когда я вышла замуж, / уже надо как-то было, / это было на втором курсе, / надо было каким-то образом устроиться так, / чтобы хотя бы ночью дома бывать* // [Информант 3, женщина, 1928 г. р., проф.].

Таким образом, актуализационный ключ имеет различные способы выражения (обстоятельство времени, представленное разными морфологическими способами; вставка; зависимая часть сложноподчиненного предложения времени) и не привязан к определенному месту в высказывании.

1. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: текст лекций. Красноярск, 1988.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. С. Кузнецова

Пунктуационное оформление «Статьи неустановленного автора о Никоне, патриархе Московском» 1870–1880 гг.

Д. В. Ломаковская

Новосибирский государственный университет

Работа посвящена изучению пунктуации в «Статье неустановленного автора о Никоне, патриархе Московском» (1870–1880) [1]. Мы исследовали знаки препинания, употребленные в рукописи, описали их состав и основные функции. В результате проведенного исследования мы выявили закономерности использования знаков препинания в исследуемом тексте, сравнили набор и выявленные функции с современными.

В рукописи использованы все знаки препинания, кроме восклицательного: запятая, точка, вопросительный знак, двоеточие, точка с запятой, косые линии (/), тире, кавычки. Запятая, точка, вопросительный знак, двоеточие, точка с запятой, тире и кавычки по функции совпадают с современными.

Обнаружен не описанный ни в одной грамматике того времени пунктуационный знак *запятая и тире*, который выделяет приложение и показывает отношения противопоставления в сложносочиненном предложении: *Алексѣй Михайловичъ, — человекъ очень религіозный, (–) пересталъ бывать при патриаршей службѣ даже въ большіе праздники...* [1, л. 19].

Запятая, как самый частотный знак препинания, выполняет несколько функций. Непостоянство в постановке запятой обнаруживается при однородных сказуемых, соединенных одиночным союзом *и*, что, возможно, свидетельствует о проблеме разграничения простого и сложного предложения: *при этомъ тѣ, кому нужно было, что пылкій патриархъ встрѣтитъ нежданнхъ гостей неласково, изъ разговоръ не удержится отъ бранныхъ словъ, которыя потомъ могутъ послужить ещекъ большему обвиненію его предъ Государемъ...* [1, л. 22–23].

Запятая отсутствует при отделении частей сложносочиненного предложения, соединенных тем же союзом: *Въ этомъ званіи Никонъ сначала жилъ въ одномъ монастырь, на крайнемъ сѣверѣ, близъ Соловецкаго острова, но и тутъ уже оказался пылкій характеръ новаго монаха: произошло неудовольствіе и онъ долженъ былъ перейти въ другой монастырь, гдѣ вскорѣ его избрали игуменомъ* [1, л. 7].

Запятая перед союзом как ставится как при сравнительных оборотах, так и при отождествительных оборотах, что несвойственно современной пунктуационной практике: *...титулъ «великаго государя» пришея тутъ очень кстати, какъ болѣе ясное и рѣзкое средство возбужденія подозрѣній Царя* [1, л. 13].

Регулярное выделение запятыми обстоятельств времени и образа действия, как мы полагаем, можно отнести к индивидуальному стилю автора: *Однакожъ отецъ вызвалъ его къ себѣ; по смерти старика, Никонъ женился и въ скоромъ времени дѣйствительно принялъ духовный санъ* [1, л. 6].

В результате сопоставления пунктуационного оформления «Статьи не установленного автора о Никоне, патриархе Московском» с современной пунктуационной системой мы пришли к следующим выводам: грамматики XIX в. описывали не все синхронные пунктуационные процессы. Пунктуация рукописи отражает непоследовательность в разграничении простого предложения с однородными сказуемыми и сложносочиненного предложения; выделения приложений и конструкций с союзом *как*.

1. Статья не установленного автора о Никоне, патриархе Московском. РГБ, ф. 557 (собрание рукописей архим. Леонида Кавелина), № 60, 29 л.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. С. Кузнецова

Определительные местоимения в тувинском языке

А.Р. Монгуш

Тувинский государственный университет, Кызыл

Данная работа посвящена описанию образования и функционирования определительных местоимений в тувинском языке.

Разряд определительных местоимений в тувинском языке является малоизученным, в «Грамматике тувинского языка» [1] есть краткое описание данных местоимений.

Определительные местоимения представлены в тувинском языке следующими словами: *бүгү* 'весь, всё, все', *бүгүде* 'все', *дөгере* 'весь, всё, без остатка, целиком, полностью', *дооза* 'все, всё', *төдү* 'весь, вся, все, всё', *хамык* 'весь, всё, вся, все', *шупту* 'все, всё', *бот* 'сам', *бүрү* 'каждый, всякий'. Они выражают обобщенный признак предмета и указывают на степень полноты охвата предмета. Семантически они делятся на две группы: 1) указывают на совокупность, собирательность всех лиц, предметов, явлений; 2) выделяют отдельные предметы, входящие в членимое множество.

Определительные местоимения по значению делятся на коллективные и обособленные (табл. 1).

Таблица 1

Группы определительных местоимений тувинского языка

Коллективные определительные местоимения	Обособленные определительные местоимения
<i>бүгү</i> 'весь, всё, все'; <i>бүгүде</i> 'все'; <i>дөгере</i> 'весь, всё, без остатка, целиком, полностью'; <i>дооза</i> 'все, всё'; <i>төдү</i> 'весь, вся, все, всё'; <i>хамык</i> 'весь, всё, вся, все'; <i>шупту</i> 'все, всё'; <i>кайда-даа, каяа-даа</i> 'езде'; <i>кым-даа</i> 'каждый, всякий', <i>чүү-даа</i> 'всякий'. <i>кандыг-даа</i> 'любой'	<i>бот</i> 'сам'; <i>бүрү</i> 'каждый, всякий'; <i>кижи болган-на</i> 'каждый' (букв. 'человек ставший')
<i>Бүгү-ле чүве шытшың</i> 'Везде тихо' (букв. 'все что тихо'); <i>Олар шуптузу-ла ынак башкыларынга кажан-кезээде өөрүп четтиргенин илередип, чылыг сактыышкын-биле бодап чоруурлар</i> 'Они все всегда помнят своих учителей с благодарностью и светлыми воспоминаниями'; <i>Бистиң шагның чалыылалы төдү ынчаар өзүп, хайнып тур</i> 'Молодежь нашего времени вся так растет и кипит'	<i>Боттуң тону — ботка чоорган бол-базыкпе</i> 'Свое пальто себе же и одеялом может сослужить'; <i>Москвага чеде бээривиске, базым бүрүзү биске улуг өөредиг турган</i> 'Когда мы прибыли в Москву, то на каждом шагу мы обучались новому'

Функционирующие в тувинском языке определительные местоимения по происхождению делятся на две группы: тюркского происхождения и монгольского происхождения (табл. 2).

Таблица 2

**Определительные местоимения тувинского языка
тюркского и монгольского происхождения**

Тюркского происхождения	Монгольского происхождения
<i>Бот</i> является тувинским фонетическим вариантом хакасского и шорского <i>нос</i> , алтайского <i>бой</i> в значении 'сам' [2]	<i>Шупту</i> имеет этимологическую общность с монгольским <i>шовт</i> 'насквозь', <i>шовтрох</i> 'заканчиваться' [3]
<i>Дөгере</i> является также деепричастной формой от глагола <i>дөгөр-</i> 'заканчивать, завершать', исторически ставшей определительным местоимением [2]	<i>Бүрү</i> происхождение от монгольского слова <i>бүр</i> 'всякий, каждый', употребляется в форме 3-го лица и только в сочетании с существительными [3]
<i>Дооза</i> имеет такие соответствия с шорским <i>тоза</i> 'все, все вместе', с уйгурским <i>тоза</i> 'все'	<i>Бүрүн</i> имеет общую этимологическую с монгольским <i>бүрэн</i> 'всё', 'полностью, целиком' [4]
<i>Төдү</i> образован от деепричастной формы глагола <i>төт-ү</i> , употребляется только с аффиксами принадлежности [2]	Местоимение <i>бүгү</i> соответствует монгольскому заимствованию <i>бүх</i> [4]
<i>Сукура</i> образован от деепричастной формы глагола <i>сывыр-а//сукур-а</i> 'гнать', употребляется только с аффиксами принадлежности [2]	<i>Бүгүде</i> имеет общую этимологическую с монгольским <i>бүгд</i> 'весь, вся' [4] <i>Хамык</i> является тувинским звуковым вариантом монгольского <i>хамаг</i> 'все, весь' [3]

По структуре определительные местоимения можно разделить на простые (*шупту*, *бүгү*, *дооза*, *дөгере*, *сукура* и др.), составные (*кым-даа*, *кижи болган-на*).

Самыми частотными по функционированию в текстах тувинских произведений и в речи носителей тувинского языка являются местоимения *шупту*, *дөгере*, *бүгү*, *бот*, *бүрү*, *кым-даа*, *чүү-даа*.

Таким образом, в тувинском языке разряд определительных местоимений представлен немногочисленными лексемами, которые по семантике выражают: а) совокупность, собирательность лиц, предметов, явлений; б) отдельные предметы, входящие в множество. Некоторые из них употребляются только с аффиксами принадлежности. В речи тувинцев и текстах тувинских произведений используются определительные местоимения тюркского и монгольского происхождения.

1. Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А. Грамматика тувинского языка. М.: Наука, 1961.
2. Сат Ш. Ч., Салзынмаа Е. Б. Амгы тыва литературлуг дыл. Кызыл, 1980.
3. Большой академический монгольско-русский словарь / под ред. А. Лувсандэндэв. М.: ГИС, 1957. 715 с.
4. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2000. 341 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук А. Б. Хертек

Формальные характеристики пунктуационного знака и особенности его интонационной интерпретации

Н.М. Новикова

Новосибирский государственный университет

Существует проблема соответствия пунктуационного и интонационного оформления текстового фрагмента. Традиционно считается, что письмо, как вторичная система, не воплощает язык, а только отражает его. Соответственно, не учитываются различия между письменной и устной формой языка, что приводит к достаточно распространенному мнению о наличии интонации у письменного текста, в том числе у контекстов пунктуационных знаков (ПЗ).

С нашей точки зрения, интонация не присуща графическому тексту как таковая, существует интонационная интерпретация пунктуационного знака, которая только статистически обусловлена его формальными характеристиками.

Нами была выдвинута гипотеза о том, что интонационная интерпретация пунктуационных знаков может зависеть от их формальных характеристик, из которых крайне важной является ориентация знака: вертикальная или горизонтальная. Суть гипотезы в том, что для вертикального знака должна быть характерна интонация конечной синтагмы, то есть понижение тона на последнем ударном слоге, а также выраженная длительная пауза. Для горизонтального знака наиболее вероятна интонация неконечной синтагмы, то есть повышение тона на последнем ударном слоге и менее выраженная пауза или ее отсутствие.

Для проверки этой гипотезы выбраны два ПЗ — двоеточие и тире. Согласно подходу, описанному в работе И. Е. Кима [1], и принимая во внимание тот факт, что пунктуационные знаки представляют собой сегментные единицы письма (графемы), можно кратко обозначить формальные характеристики для каждого из исследуемых знаков: двоеточие — двухкомпонентный вертикальный ненаправленный ПЗ с пробелом справа; тире — однокомпонентный горизонтальный ненаправленный ПЗ среднего уровня с пробелами с обеих сторон [1].

Для того чтобы понять, насколько интонация прочтения фрагмента текста обуславливается употребленным пунктуационным знаком с учетом его формальных характеристик, был поставлен эксперимент по изучению естественного интонирования пунктуационного знака в графическом тексте. Материалом для исследования послужили звукозаписи, полученные от 30 информантов. Из 600 фраз исходной выборки (по 300 на каждый знак — двоеточие и тире) были отобраны 44 фразы с учетом синтаксических, семантических и прагматических характеристик контекстов.

За единицу измерения бралось чтение одного контекста одним информантом, всего проведено 1260 испытаний. Исследовалась узкая область аудиозаписи, связанная с окрестностями исследуемого знака. Для нас были релевантны два параметра: 1) ха-

рактёр движения тона перед знаком: понижение, повышение, отсутствие движения тона; 2) наличие/отсутствие паузы и длина паузы в случае ее наличия.

Получены следующие предварительные результаты: по отношению к характеру движения тона в левой окрестности пунктуационного знака у вертикального знака (двоеточие) обнаружено существенное преобладание понижения тона при интонировании (в 78,5 % случаев), в то время как для горизонтального знака (тире) превалирует повышение тона (в 55 % случаев), но его преимущество над понижением не является подавляющим. Средняя длина паузы у двоеточия — 0,25 с, у тире — 0,17 с.

Как видим, вертикальному знаку свойственно статистически выраженное понижение тона и в среднем более длительная пауза, в то время как для горизонтального знака характерно статистически менее выраженное повышение тона, а также меньшая средняя длина паузы, что говорит о большей силе препятствия, которое формируется вертикальным знаком по отношению к горизонтальному знаку.

Таким образом, интонация завершения и выраженная длительная пауза характерны для вертикального двоеточия, тогда как интонация неконечной синтагмы и менее выраженная пауза или ее отсутствие характерны для горизонтального тире. При этом наблюдается значительное разнообразие в интонировании узкой окрестности исследуемых ПЗ, что говорит о неправомерности их однозначной интонационной интерпретации, следовательно, нельзя говорить о жесткой зависимости интонации от употребленного пунктуационного знака.

В дальнейшем предполагается: 1) расширение текстового пространства анализа с выходом за пределы ближайшей левой окрестности и изучением интонационного рисунка левого и правого контекстов пунктуационного знака; 2) сопоставление данных по разным знакам препинания у одних и тех же информантов, что предполагает бóльшую их вовлеченность в проведение эксперимента; 3) учет бóльшего количества формальных и семантических характеристик контекстов пунктуационных знаков, в частности порядка следования частей синтаксической конструкции, темпа речи и влияния текстовых фрагментов большей длины, например чтения фразы в составе абзаца или текста.

1. Ким И. Е. Теория русской пунктуации: пространство знака и пространство текста. Ин-т филологии СО РАН. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. 120 с.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. И. Е. Ким

**Предложения со структурной схемой
(N₃^S / у N₂^S) V_f^{Ex} Pron-Subst Inf
с предикатами речевой деятельности**

А. С. Потапова

Новосибирский государственный университет

В нашей работе внимание сосредоточено на обзорном рассмотрении предложений со структурной схемой (N₃^S / у N₂^S) V_f^{Ex} Pron-Subst Inf (*мне / у меня есть что сказать*), которые широко представлены как в разговорной речи, так и в письменной, и их описании с позиции структурно-семантического подхода.

Цель исследования заключается в уточнении статуса и места предложений с данной структурной схемой в кругу односоставных.

Объектом нашей работы являются односоставные предложения со структурной схемой (N₃^S / у N₂^S) V_f^{Ex} Pron-Subst Inf, предикатами в которых выступают глаголы речевой деятельности.

Предложения с подобной структурной схемой относятся к односоставным предложениям, они совмещают в себе признаки безличных и инфинитивных, поэтому их можно охарактеризовать как *переходные*.

Как и все безличные предложения, безлично-инфинитивные имеют формы времени, которые выражаются связкой *быть*. Наличие парадигмы форм времени противопоставляет безлично-инфинитивные предложения инфинитивным, которые характеризуются грамматическим значением вневременности, а это значение соответствует категориальному статусу инфинитива.

В предложениях такого типа воплощаются «две отраженные сознанием предметные ситуации. Одна из них эксплицируется инфинитивной конструкцией в частично свернутом виде (наиболее важный для говорящего компонент свернутой ситуации заменяется местоимением, то есть прономинализируется), а входящий в ее состав признак (отношение) не получает полного предикативного оформления» [1, с. 69]. Так, данные конструкции являются полуторапредикативными.

Используя универсальный закон экономии речевых усилий, происходит прономинализация объектного актанта главного предложения и сворачивание придаточного предложения в инфинитивный оборот, в результате чего образуется локативно-посессивное предложение, осложненное местоименно-инфинитивным оборотом.

При помощи сплошной выборки из Национального корпуса русского языка [2] была составлена картотека из 80 высказываний с предикатами речевой деятельности.

Было выделено 3 группы глаголов по значению:

1) нейтральные. К ним относится глагол *сказать*, который оказался самым употребительным. Опираясь на «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова [3] мы установили, что этот глагол используется в разных лексико-се-

мантических вариантах. К примеру, в предложении *Только в таком случае мне есть что сказать зрителю* (Анастасия Гулина. Слух к чужой боли // «Богатей»; Саратов) глагол используется в значении выражения чувств, чтобы донести мысли до зрителя. Кроме того, в эту группу входит глагол *ответить*, который употребляется в прямом значении, но эмоциональную окраску предложению придают другие члены предложения: *Однако мне есть что ответить некоторым товарищам* (Жукова Светлана (nick). Форум: Обсуждение фильма «Преступление и наказание», 2007). Слова, следующие за местоименно-инфинитивным оборотом, обладают пренебрежительной оценкой и распространяют свое значение на всю фразу;

2) с оттенком экспрессивности. В эту группу мы определили глаголы *высказать* и *порассказать*. Помимо того, глагол *порассказать* является разговорным, используется в значении ‘рассказать кое-что, многое’;

3) литературные. В статье «Малого академического словаря» под ред. А. П. Евгеньевой указано, что глагол *живописать* является устаревшим и книжным и означает ‘описывать, изображать ярко, образно’. Найден в высказывании: *Однако на этом я закончу живописание лично моих семейных финансовых перипетий (хотя, поверьте, мне есть что живописать) и обращусь к общечеловеческой практике в этом вопросе* (Аркадий Инин. Женщина и деньги). Во фразе: *Мне есть, что спеть, представ перед Всевышним, Мне есть, чем оправдаться перед Ним* (Михаил Козаков. Актерская книга) глагол *спеть* употребляется в значении ‘сказать с высокой степенью возвышенности’.

Таким образом, анализ предикатов речевой деятельности показал, что глаголы в безлично-инфинитивных предложениях могут употребляться в разных стилях речи, в зависимости от коммуникативной ситуации и прагматических установок говорящего.

1. Филатова В. Б. Лексическое наполнение актантных позиций в локативно-посессивных предложениях с местоименно-инфинитивным оборотом // ФИЛОЛОГОС-20. 2014.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.02.2023).
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. Н. Сорокина

Количественный аспект анализа диктума в авторском тексте графического романа «Бестужевки»

А. Е. Ступницкая

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена описанию семантического устройства вербальной составляющей исторического графического романа А. Русиновой и Д. Гусева «Бестужевки. Первый женский университет».

Объектом исследования являются реализации типовых структурных схем (ТСС) [1, с. 15] в тексте основного повествования.

Предмет исследования — специфика представления диктума, компонента семантической структуры высказывания, выполняющего номинативную функцию.

Цель работы — выявить и охарактеризовать особенности диктумного устройства текста комикса на основе структурно-семантического анализа. Материалом исследования послужило содержание восьми глав, предваряющих иллюстрации.

В ходе работы были рассмотрены 92 предложения, в которых были выявлены 185 реализаций событийных пропозиций и 42 логические.

1. Событийные пропозиции. Проявляются в физической (а), социальной (б) и интеллектуальной (в) сферах, выражены изосемическими и неизосемическими ТСС; встречается как предикатное, так и непредикатное представление.

1) Бытийно-пространственные (100)
(1) Пропозиция существования (17 — 9,5 %) * $(LEX^{Loc})N_1^{Ex}V_f^{Ex}$
(б) <i>Так в 1878 году <u>появились</u> <u>Бестужевские курсы</u></i> ^{(4)**}
(2) Пропозиция местонахождения (17 — 9,5 %) $N_1^{Ex}V_f^{Ex}LEX^{Loc}$
(а) <i>[Многие преподаватели и студенты были против того, чтобы] <u>женщины появлялись</u> <u>в учебных аудиториях</u> (а, б) [<u>Курсы были отмечены международными наградами <...></u>] <u>на международных выставках</u> <u>Ø в Париже и Стокгольме</u> и <u>на Нижегородской всероссийской выставке</u></i> ⁽⁸⁾
(3) Пропозиция движения (28 — 15,6 %) $N_1^S V_f^{Mot} LEX^{Dir-S/Dir-F/Trans} LEX^{Instr}$
(а) <i><...> <u>курсистки путешествовали по России и Европе</u>, [исследовали мир]</i> ⁽⁷⁾ ; (б) <i>Но несмотря на это, в первый год учиться <u>поступили</u> <u>814 курсисток</u></i> ⁽⁵⁾
(4) Пропозиция перемещения (38 — 21,3 %) $N_1^S V_f^{Diloc} N_4^{Ob} LEX^{Dir-S/Dir-F/Trans} LEX^{Instr}$
(а, б) <i>Они <...> <u>публиковали статьи</u> о женском образовании <...></i> ⁽³⁾ (б, в) <i>[Они решили, что самый действенный способ изменить судьбу женщины] — <u>дать ей хорошее образование</u></i> ⁽¹⁾

* Процент от общего количества реализации событийных пропозиций.

** Номер главы.

2) СТАТАЛЬНЫЕ (46 — 25,7 %) $N_1^{Exp} V_f^{St}$
(1) Процесс: (б) <i>Они (курсы) <...> росли и расширялись <...></i> ⁽⁷⁾ ;
(2) Деятельность: (в), (а, б) <i>Женщины в России отвоевали право учиться и работать во многих областях наравне с мужчинами</i> ⁽⁸⁾
3) АКЦИОНАЛЬНЫЙ БЛОК (33 — 18,4 %) $N_1^{Ag} V_f^{Act} N_4^{Ob} (N_5^{Instr})$
(а) <i>Было решено построить для курсов специальное здание <...></i> ⁽⁶⁾ ;
(б) <i><...> в мире еще никто не создавал университет для женщин</i> ⁽⁵⁾ ;
(в) <i>Физические и химические лаборатории спроектировали специально для проведения научных экспериментов</i> ⁽⁷⁾

2. Логические пропозиции

(1) Пропозиция характеристики (25 — 61 %) $N_1^{Descr} \Leftrightarrow (cop) Adj_{1/5}^{Qt}$
(1.1) Качественной характеристики: [<i>Столетиями роль женщины заключалась в том, чтобы</i>] <i>быть послушной дочерью, преданной женой, заботливой матерью</i> ⁽¹⁾
(1.2) Таксономической характеристики: [<i>Они (Наталья Корсини и Надежда Суслова) <...></i>] <i>считались всего лишь вольнослушательницами</i> ⁽²⁾
(2) Пропозиция реляции (1 — 2,4 %) $N_1^{Rel} \Leftrightarrow (cop) N_{1/5}^{Rel}$
(2.1) Пропозиция идентификации
(2.1.1) Денотативного тождества: <i>Среди известных женщин XX столетия мы встречаем имена многих бестужевок</i> ⁽⁸⁾
(2.1.2) Собств. реляционная: <i>Иногда женщине разрешалось <...> быть музой поэта...</i> ⁽¹⁾

Для данного текста специфично преобладание социальной сферы (50,3 %), в то время как во многих однокомпонентных текстах [2, с. 157] большее количество пропозиций реализуется в физической сфере, которая при анализе данного текста проявляется в 32,3 % ТСС. Неслучайна реализация в интеллектуальной сфере, ведь речь идет об образовании, однако таких случаев в два раза меньше, чем в физической, и в три раза меньше, чем в социальной — 15 %. Меньше всего актуализированы психическая и эмоциональная сферы, которые составили 1,4 и 1 % соответственно. Реализация какой-либо ТСС в физиологической сфере не отмечается.

Выводы. Количественное распределение выявленных реализаций ТСС событийных и логических пропозиций, на наш взгляд, коррелирует со затрагиваемыми в романе социальными аспектами: история создания университета представляется с помощью событийных пропозиций, так как последовательное изложение событий, которые происходили с героинями и передается ТСС местонахождения, существования, движения и перемещения. А главная идея графического романа оформляется с помощью логических пропозиций: изменение социального статуса женщины, которая расширила границы своего окружения — от исключительно семейного круга до общества в целом.

1. Кошкарёва Н. Б. Типовые синтаксические структуры в языках разных систем как отражение единиц языка и речи // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2015. № 2. С. 14–15.

2. Громова Н. А. Специфика интерпретации многокомпонентного креолизованного текста // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. Екатеринбург, 2016. С. 156–160.

УДК 811.14'03+811.163.1

Употребление инфинитивов в «Евангелии от Марка» на древнегреческом языке

О.Г. Сухинина

Новосибирский государственный университет

Объектом исследования являются древнегреческие инфинитивы. Предмет исследования — семантика инфинитивных конструкций в текстах «Евангелия от Марка»: Textus Receptus (TR), «Патриаршем издании» В. Антониадиса (ПК) и издании Нестле — Аланда (NA). В примерах дан Синодальный перевод. Рассмотрено 200 случаев употребления инфинитивов. Они поделены на 13 групп по формально-семантическим признакам. Всего в «Евангелии от Марка» 678 стихов, формы инфинитива встречаются в 150 стихах, т. е. в каждом четвертом или пятом стихе. Обычно при инфинитиве нет артикля, и лишь в 8 % случаев есть артикль ср. р. ед. ч.

В 6 % случаев инфинитив употребляется с артиклем в предложно-падежной форме, выражающим временные отношения в монофинитной полипредикативной конструкции, а также отношения причины или цели: ἐν + DAT «в то время как» для одновременного события, μετά + ACC «после того как» для предшествующего события, διά + ACC «из-за того что» для причины, πρός + ACC либо εἰς + ACC «для того чтобы» для цели. Примеры: [TR 14:28] ἀλλὰ μετὰ τὸ ἐγερθῆναι με προάξω ὑμᾶς εἰς τὴν Γαλιλαίαν **‘по воскресении** же Моем Я предварю вас в Галилее’; [TR 4:6] καὶ διὰ τὸ μὴ ἔχειν ρίζαν ἐξηράνθη **‘и, как не имело** корня, засохло’.

В 1 % случаев предложно-падежная форма артикля опускается в конструкции, вводящей монорему: καὶ ἐγένετο **‘и было** <когда> <что>. Пример: [NA 2:15] καὶ γίνεται κατακεῖσθαι αὐτὸν ἐν τῇ οἰκίᾳ αὐτοῦ **‘и когда** Иисус **возлежал** в доме его’. В примере глагол γίνεται (наст. вр.) **‘происходит, случается**’ оставлен без перевода.

В 7 % случаев инфинитив сопровождается союзом ὅστε **‘так что**’ для выражения отношений следствия или наречием πρῖν (ἤ) **‘прежде (чем)’** для выражения отношений последования по времени. Примеры: [TR 4:4] ὅστε αὐτὸν ἐμβάντα εἰς τὸ πλοῖον καθῆσθαι ἐν τῇ θαλάσῃ **‘так что** Он вошел в лодку и **сидел** на море’; [TR 14:30] πρῖν ἢ δις ἀλέκτορα φωνῆσαι **‘прежде нежели** дважды **пропоет** петух’.

В 8 % конструкций инфинитив с глаголом движения выражает цель движения, например: [NA 15:36] ἴδωμεν εἰ ἔρχεται Ἰησοῦς καθελεῖν αὐτόν **‘посмотрим, придет** ли Илия **снять** Его’.

В 17 % случаев инфинитив сочетается с фазовым глаголом ἀρχομαι **‘начинать**’, например: [NA 6:55] καὶ ἤρξαντο ἐπὶ τοῖς κραβάττοις τοὺς κακῶς ἔχοντας περιφέρειν **‘и начали** на постелях **приносить** больных’.

В 28 % случаев инфинитив связан с модальными глаголами и словосочетаниями δύναμαι **‘мочь, иметь силу**’, ἔξεστι (безл. к ἔξειμι) **‘можно, позволительно**’, ἰσχύω **‘мочь, иметь крепость, быть в состоянии**’, εὐκαιρέω **«иметь время»**, ἰκανὸς εἰμί **‘быть при-**

годным, иметь право', ἐξουσίαν ἔχω 'иметь власть, позволение', μέλλω 'долженствовать', δεῖ (безл. к δέω) 'должно'. Пример: [TR 2:4] καὶ μὴ δυνάμενοι προσεγγίσει αὐτῷ 'и, не **имея возможности приблизиться** к Нему'.

В 1 % случаев инфинитив модально усиливает личную форму глагола в контактном лексическом повторе: [NA 4:9] ὃς ἔχει ὦτα ἀκούειν ἀκούέτω 'кто имеет уши(,) **слышать да слышит**', т. е. *воистину* да слышит, да слушает *изо всех сил*. В такой функции др.-евр. инфинитив абс. перед однокоренным глаголом [Исх 22:22, Втор 11:13, 1 Цар 23:10, Иер 17:24; ср. Ис 43:8, Иер 5:21, Иез 12:2, Зах 7:11, Лк 8:18].

В 8% сочетаний инфинитив следует за каузативными глаголами ποιέω 'делать', ἀναγκάζω 'принуждать, убеждать', δίδωμι 'давать, позволять', ἀφίημι 'пускать, разрешать', ἐπιτρέπω 'уступать, допускать'. Пример: [NA 10:14] ἄφετε τὰ παιδιά ἔρχεσθαι πρὸς με 'пустите детей **приходить** ко Мне'.

В 3 % случаев инфинитив употребляется с глаголами волеизъявления παρακαλέω 'увещевать, призывать', λέγω (ЛСВ1) 'говорить, приказывать', ἐπιτάσσω 'приказывать, предписывать', παραγγέλλω 'приказывать, приглашать'. Пример: [TR 8:7] καὶ εὐλογήσας εἶπεν παραθεῖναι καὶ αὐτὰ 'благословив, Он **велел рздать** и их'.

5,5 % случаев это инфинитивы после глаголов желания θέλω 'желать', βούλομαι 'хотеть', ζητέω 'искать', например: [TR 12:12] καὶ ἐζήτησαν αὐτὸν κρατῆσαι 'и **старались схватить** Его'.

В 3 % конструкций глаголы интеллектуально-психических действий, эмоциональных состояний δοκέω 'думать, казаться', παραλαμβάνω 'перенимать', ἐπιλανθάνω 'забывать', φοβέομαι 'бояться', тоλμάω 'осмеливаться', проλαμβάνω 'опережать, предвосхищать'. Например: [TR 9:32] καὶ ἐφοβοῦντο αὐτὸν ἐπερωτῆσαι 'а **спросить** Его **боялись**'.

В 2,5 % случаев инфинитив изъясняет глаголы λέγω (ЛСВ2) 'говорить, считать', κατακρίνω 'присуждать, решать против кого', ἐπαγγέλλω 'обещать', например: [ПК 8:29] ὑμεῖς δὲ τίνα με λέγετε εἶναι 'а вы за кого **почитаете** Меня?' (букв.: **говорите**, кто Я **есмы?**).

В 10 % случаев инфинитив входит в состав подлежащего, а связка ἐστίν (к εἶμι 'быть') либо глагол ὠφελέω 'помогать, приносить пользу' входит в состав сказуемого. Пример: [NA 10:25] εὐκοπώτερόν ἐστιν κάμηλον διὰ τῆς τρυμαλιᾶς τῆς ῥαφίδος διελθεῖν 'удобнее верблюду **пройти** сквозь игольные уши'.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Кошкарёва

Аналитические и аналитико-синтетические условные конструкции в корякском языке

Д. В. Тарасевич

Новосибирский государственный университет

В корякском языке (чукотско-камчатская семья, чукотско-корякская ветвь) существует аналитическая скрепа *нэвэк* 'если', первичная функция которой — быть связующим компонентом условных полипредикативных конструкций (ППК). Однако эту же функцию выполняют другие лексические единицы — *тите* 'когда', прототипически маркирующая временные конструкции, и заимствованный из русского языка союз *если*.

Цель данного исследования — описать и сравнить структуру и семантику аналитических и аналитико-синтетических условных ППК корякского языка со скрепами *нэвэк* 'если', *тите* 'когда' и *если*. Материалом для анализа служат тексты на корякском языке общим объемом в 2690 высказываний.

Основными типологически значимыми параметрами структурной классификации подчинительных ППК являются форма сказуемого и стратегия кодирования актантов зависимой предикативной единицы [1], а также морфологический характер скрепы — показателя связи между частями конструкции [2]. В соответствии с морфологической классификацией скреп выделяются аналитические, синтетические и аналитико-синтетические ППК; в последних, помимо аналитической скрепы, в составе словоформы сказуемого присутствует морфема, маркирующая подчинение одной предикативной единицы другой.

В корякском есть элементы явления, впервые обнаруженного на материале алтайских языков и впоследствии названного предикативным склонением, хотя и другой природы. Специфика корякского языка заключается в том, что падежные аффиксы присоединяются не к причастному сказуемому, как в алтайских языках, а непосредственно к глагольной основе, образуя конверб, или деепричастие [3].

Рассматриваемые в данной работе конструкции образуют два функционально-семантических класса: ППК реального условия, в которых реализация условия представляется как возможная, и нереального условия, в которых она невозможна.

Конструкции реального условия маркируются всеми тремя скрепами. Большая часть ППК бифинитны; монофинитные содержат в зависимой предикативной единице либо локативный, либо отрицательный конверб. В то время как отрицательный конверб выражает отрицание в практически любом синтаксическом окружении, в том числе в независимых предикативных единицах, локативный конверб явно маркирует в условных конструкциях особые виды потенциальной модальности — необходимость и волеизъявление. Исключения, найденные в ППК с *тите*, вероятно, объясняются употреблением локативного конверба в другой функции.

В выборке представлено только две ППК нереального условия: с *һэвэҕ* и с *если*. Их общая черта — наличие сказуемого в форме конъюнктива или отрицательного конверба в предикативных единицах.

Семантика и структура аналитических и аналитико-синтетических условных конструкций корякского языка

Семантика		Структура		Кол-во примеров
Тип условия	Модальность протасиса	Скрепка	Форма сказуемого протасиса	
Реальное условие	Реальная	<i>һэвэҕ</i>	PRS=T=PRS	1
			QUAL=T	1
	Нереальная отрицания	<i>һэвэҕ</i>	PRS=T=PRS	1
			T=CV.loc	3
	Потенциальная (не волеизъявления или необходимости)	<i>если</i>	CV.neg=T=CV.neg	1
			PRS=T=PRS	1
		<i>һэвэҕ</i>	POT=T=PFV	3
				2
Потенциальная волеизъявления	<i>һэвэҕ</i>	T=CV.loc	2	
			Потенциальная необходимости	2
Нереальное условие	Ирреальная	<i>если</i>	CV.neg=T=CV.neg	1
		<i>һэвэҕ</i>	CONJ=T	1
Всего примеров				19

1. Cristofaro S. Subordination. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. 355 p.
2. Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем / Черемисина М. И., Бродская Л. М., Скрибник Е. К. и др. Новосибирск: Наука, 1986. 316 с.
3. Мальцева А. А. Элементы предикативного склонения в чукотско-корякских языках // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9, вып. 2: Филология. С. 70–79.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Кошкарёва

Бытийно-локативные пространственные модели элементарных простых предложений в корякском языке

А. А. Чепрасова

Новосибирский государственный университет

Корякский язык — язык чукотско-камчатской языковой семьи, чукотско-корякской (северной) ветви. Язык имеет абсолютивно-эргативный строй, поэтому структура и семантика простых предложения имеет свои особенности.

Бытийно-локативные модели — один из блоков пространственных моделей (вместе с моделями движения и моделями локализуемого движения). Включают в себя бытийные, бытийно-перцептивные и локативные модели [1].

Бытийные модели. Пропозиция бытийных моделей — «существование субъекта в определенной точке пространства». В зависимости от пропозиции, они подразделяются на модели наличия и отсутствия, первые также подразделяются на модели существования и модели количества.

Модель существования. Типовая структурная схема модели существования имеет вид: $\text{LocN}_{\text{ABS}}^{\text{Ex}} \text{V}_f^{\text{Ex}}$.

Нанко г'ам митг'айин эльг'а котван [2, с. 30–31, предл. 13]

$\eta\text{an}=\text{ko}$	ham	$\text{mitha}=\text{j}\text{in}$	eljha	$\text{ko}=\text{tva}=\eta$
вон=ADV.loc	part	красивый=ADJ.sg	девушка.ABS.sg	PRS=находиться=PRS

‘Там ведь красивая девушка находится’

Количественная модель. Типовая структурная схема количественных моделей имеет вид: $\text{Loc N}_{\text{ABS}}^{\text{Ex}} \text{Quant} =// (\text{cop})$.

В'утку гымнин нынвык кымину [2, с. 140–141, предл. 11]

$\text{wut}=\text{ku}$	$\text{y}\text{em}=\text{n}\text{in}$	$\eta\text{en}\text{v}\text{e}\text{q}$	$\text{k}\text{em}\text{i}\eta=\text{u}$
вот=ADV.loc	я=POSS.sg	много	ребенок=ABS.pl

‘Здесь у меня много детей’

Модели отсутствия. Типовая структурная схема модели отсутствия имеет следующий вид: $\text{Loc} (\text{neg}) \text{N}_{\text{ABS}}^{\text{Ex}} \text{V}_f^{\text{Ex-neg}}$.

Эголг 'ынуйүэмэкикалалэнак, уйүэмэкив 'ежинатвакылг 'энав' [2, с. 54–55, предл. 2]

$\text{e}\text{y}\text{o}=\text{lh}=\text{e}=\text{n}$	$\text{u}\text{j}\eta\text{e}$	meki	$\text{kalale}=\text{na}=\text{k}$
скопиться=ATR=E=ABS.sg	не	кто.ABS.sg	горбуша=SG=LOC
$\text{u}\text{j}\eta\text{e}$	$\text{meki}=\text{w}$	$\text{j}\text{e}\text{q}=\text{in}$	$\text{a}=\text{tva}=\text{k}=\text{e}=\text{lh}=\text{ena}=\text{w}$
не	кто=ABS.pl	что=POSS.sg	CV.neg=находиться=CV.neg=E=ATR=3nsgS=PL

‘Не было скопления [рыбы], ни горбуши, ни какой-либо другой’

Бытийно-перцептивные модели. Особенностью бытийно-перцептивных моделей является предикат, который передает значение восприятия действующим лицом определенного предмета.

Ынныаҕ уанко г'уеви ыннэн камынгын-эльг'а и ыыччеҕ г'олят [2, с. 118–119, предл. 12]

эп'и=n'aq	ҕан=ko	hujе.v=i	эппен	камэну=э=n
тот=что	вон=ADV.loc	появиться=3sgS.PFV	один	тритон=E=ABS.sg
el'ha	и	ҕэҕҕеҕ	holia=t	
девушка.ABS.sg		два	мужчина=ABS.du	

‘И вот там появились один тритон-самка и два самца’

Локативные модели. Пропозиция локативных моделей — «местонахождение субъекта в определенной точке пространства». В отличие от бытийных моделей, локализатор локативных моделей входит в рему высказывания и находится перед предикатом.

Некаузативные модели. Значение моделей — «местонахождение субъекта в некоторой точке пространства». Типовая структурная схема моделей представлена следующим образом: $N_{ABS}^{Ex} \text{ Loc } V_f^{Ex-perc/st}$.

Ынно аҕуак куюнэтыу [2, с. 56–57, предл. 29]

эппо	аҕа=k	ku=jun.et=э=ҕ
тот.ABS.sg	море=LOC	PRS=жить=E=PRS

‘Она в море живет’

Каузативные модели. Типовое значение моделей — «каузация местонахождения какого-либо объекта в определенном месте». Структурная схема данных моделей имеет вид: $\text{Loc } N_{ERG}^{caus} N_{ABS}^{caus} V_f^{caus-loc}$

ҕиҕын, ычгынан мэмыл гэкмиллин энмык [2, с. 40–41, предл. 48]

qijep	эҕу=э=nan	meməl	γ=ekmi.l=lin	enm=э=k
оказывается	те.OBL=E=ERG	нерпа.ABS.sg	PP=взять=3sgP	скала=E=LOC

‘Оказывается, они нерпу поймали на мелководье’

1. Шилова В. В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2003. 298 с.
2. Мальцева А. А., Голованева Т. А., Тирон Е. Л. Голоса корякской культуры: Александра Кергильхот. Новосибирск: Гео, 2019. 288 с.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Кошкарёва

УДК 811.581.11+811.161.1+81'367.3

Предложения характеристики в русском и китайском языках (на материале романа «Жить» Юй Хуа)

Чжао Пань

Новосибирский государственный университет

Предложения характеристики трактуются в русистике как логико-синтаксический тип простых предложений, в которых именное сказуемое содержит предикативную характеристику (оценку, квалификацию и т. п.) предмета речи / мысли [1–4]. В китайской лингвистике исследования в области синтаксической семантики представлены в работах проф. Ли Цинь и его учеников [5].

Материалом для исследования послужили 239 примеров из перевода романа «Жить» Юй Хуа на русский язык. В данной работе проанализирован один из подтипов предложений характеристики со структурной схемой N_1 (cop) Adj $N_{1/5}$. В оригинале на китайском языке ему соответствует несколько разных способов выражения, которые различаются порядком слов.

1. N cop QUANT Adj (AUX PRTCL) N

大伙看看队长，又看看那些红卫兵，三三两两地说：“队长没有欺压我们，他是个好人” ‘Мы пробормотали: «Бригадир нас не обижал. Он хороший...»’ (букв. ‘Он есть хороший человек’). Если определение состоит из одного слога, то частицу 的 можно опустить. Если определение двусложное или многосложное, то ее опустить нельзя.

2. N cop Adj AUX PRTCL N

(1) 事实上我只能成为现在这样的作家. [活着] ‘На деле я лишь сумел стать таким писателем, каков я есть сегодня’ (букв. ‘Я только мочь стать такой писатель’). Порядок слов в этом предложении нейтральный: прилагательное стоит перед существительным. Однако для выражения особой значимости признака, для его рематизации прилагательное может выноситься в позицию абсолютного конца, например:

(2) 正因如此，我在很长一段时期里是一个愤 “{和冷漠的作家。[活着]” ‘...и именно поэтому я долго был писателем злым и холодным’.

3. N cop (QUANT) Adv Adj/VP AUX PRTCL N

我爹是很有身份的人，. ‘Отец мой был человек с положением...’ (букв. ‘Я отец являться очень иметь статус PRTCL человек’). В этом предложении 很有身份 выступает в роли определения. Эта структура семантически эквивалентна структуре: N cop Adv Adj/VP AUX PRTCL и выражает акцент говорящего на характеристиках субъекта в предложении.

4. N cop Adv V AUX PRTCL NUM QUANT N

我想我有钱啊，我是徐家仅有的一根香火，. ‘Я считал, что у меня есть деньги и я единственный...’ (букв. ‘Я являться иметь частица определения один счетное слово фамиам и свечи’). В такой структуре компоненты предложения находятся в отношении аппозиции.

5. N сop Adj NUM QUANT N

家珍就是这样一个人，心里对我不满，脸上不让我看出来，…… ‘Цзячжэнь **всегда была такая**: в душе мной недовольна, а на лице улыбка’ (букв. ‘Цзячжэнь именно являться такой один счетное слово женщина’).

В отрицательных предложениях прилагательное может заменяться на его антоним либо перед сказуемым ставятся слова 不 или 没, и этот способ более распространен.

凤霞和村里王四在一块地里挖地瓜，王四那人其实也不坏，我被抓了壮丁去打仗那阵子，王四和他爹还常帮家珍干些重活 ‘Рядом с ней искал батат наш деревенский Ван Сы. Вообще, он был мужик неплохой, помогал Цзячжэнь, пока я был в армии’ (букв. ‘Ван Сы тот человек на самом деле тоже не плохой’).

Кроме вышеуказанных, в романе «Жить» представлен еще один способ выражения, в соответствии с которым к модусному звену типа *называть* относится именной компонент:

说出来怕别人听到了会说我落后 ‘Но я молчал: боялся, что меня назовут отсталым собственником’ (букв. ‘Остальные говорить я отсталый’).

Таким образом, несмотря на то что порядок слов в китайском языке в целом фиксированный, в предложениях со значением характеристики возможны перестановки, связанные с выражением актуального членения и необходимостью актуализировать тот или иной компонент.

В результате исследования мы выясним сходства и различия в способах выражения характеристики в русском и китайском языках, что будет способствовать точности перевода и выработке шаблонов для таких предложений при двуязычном переводе.

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). М.: Едиториал УРСС, 2002. 382с.
2. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: Изд-во МГУ, 2000. 501 с.
3. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
4. Крылова О. А., Ширяев Е. Н., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Теоретический курс: Синтаксис, пунктуация. М.: Изд-во РУДН, 1997. 256 с.
5. 李勤, 钱琴, 俄语句法语义学, 上海: 上海外语教育出版社, 2006.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Н. Б. Кошкарёва

УДК 811.161.1

О некоторых морфологических и прагматических свойствах субстантивированных причастий в современном русском языке

А.К. Чумичкина

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена морфологии и особенностям функционирования отпричастных субстантивов.

Объект нашего исследования — полные причастные формы, употребляемые в качестве синтаксических актантов. Материалом послужили 226 примеров словоупотреблений, обнаруженных в результате сплошной выборки из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Предмет работы — морфологические свойства и функционально-прагматические особенности субстантивированных причастных форм. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить обозначенные нами особенности и проанализировать их проявление.

В ходе проведения исследования нами было установлено, что субстантивированные причастия продолжают сохранять некоторые глагольные свойства, в частности — категорию залога, семантически связываемую со способностью субстантивата обозначать субъект или объект действия. Характерно, что среди рассмотренных нами примеров категория действительного залога (153 словоупотребления) проявляется чаще, чем категория страдательного (73 словоупотребления). Соотношение категорий одушевленности и неодушевленности коррелирует с упомянутым фактом: одушевленные существительные значительно превосходят числом неодушевленные, составляя примерно 77 % от всей суммы примеров.

В анализируемых контекстах отпричастные субстантиваты могут реализовываться как в качестве слов-классификаторов, обозначающих группу однородных предметов или лиц и пополняющих фонд номенклатурной лексики в широком смысле (ср.: *слагаемое, трудящиеся*), так и в качестве слов с ситуативным употреблением (*выжатое, вставшие*). Последний вариант реализации субстантивированных причастий наиболее частотен во встречающихся контекстах (85 %).

Следует отметить, что категория одушевленности/неодушевленности, а также отношение к разряду классификаторов или слов с ситуативным употреблением связаны с категориями рода и числа субстантиватов. Так, группа неодушевленных существительных, обозначающих предметы и явления, представлена исключительно словами среднего рода, употребляемыми преимущественно в форме единственного числа (*минувшее, задуманное*). Соответственно, можно сделать вывод, что субстантивированные причастия с неличной семантикой включаются в круг слов *Singularia tantum*. Среди одушевленных субстантиватов, в свою очередь, наблюдается распределение на слова мужского и женского рода, единственного и множественного числа (*заболевшая, встреченный, воспитуемые*). При этом слова-классификаторы, характеризующиеся

личной семантикой, склонны проявлять категорию множественного числа чаще, чем единственного, что, вероятно, связано с особенностями их значения. Слова единственного числа, относимые к обозначенной категории, с нашей точки зрения, представляют собой примеры транспозиции морфологической категории числа, что позволяет им реализовывать возможность обозначения групп и классов однородных реалий (*влюбленный, взыскиваемый*).

Следует также отметить, что лексическая отнесенность отпричастных субстантивов к обозначенным нами классам связана с их референциальными статусами [1–3]. Так, существительные с ситуативным употреблением, как правило, отсылают к конкретной и понятной в рамках контекста реалии или группе реалий, соответственно, можно говорить о наличии у них определенной референции. Слова-классификаторы, в свою очередь, могут обладать универсальными, общеэкзистенциальными или родовыми референциальными статусами. Последняя группа является самой объемной, составляя 57 % всех классификаторов и включая слова с личной семантикой. Примечательно, что родовым референциальным статусом склонны обладать слова в форме единственного числа, напротив, слова в форме множественного, в свою очередь, с большей долей вероятности характеризуются общеэкзистенциальной референцией. Неличные субстантиваты-классификаторы, обнаруженные в анализируемых нами примерах, в свою очередь, характеризуются наличием универсальной референции.

1. Ким И. Е. Теория референции: учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019.
2. Падучева Е. В. Референциальный статус именной группы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. М., 2017. URL: http://rusgram.ru/Референциальный_статус_именной_группы (дата обращения: 17.02.2024)
3. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Научный руководитель — канд. филол. наук Е. Н. Сорокина

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'27

Особенности языковой личности спортивного комментатора Владимира Стецко

С. А. Воротынцева

Новосибирский государственный педагогический университет

Спортивный комментатор как языковая личность всегда находится в зависимости от особых параметров, которые задаются спортивным дискурсом. Журналисту необходимо не только передавать зрителям информацию о происходящем, но и сообщать неизвестные для неподготовленных зрителей сведения и факты, делиться собственными размышлениями об увиденном, вербализовать возникающие эмоции и чувства, включать присутствующих и онлайн-зрителей в контекст происходящего.

В зависимости от базовой коммуникативной установки Е. Г. Малышева выделяет семь типов языковых личностей спортивных комментаторов: комментатор-репортер, комментатор-аналитик, комментатор-знаток, комментатор-ироник, комментатор-балагур, комментатор-болельщик, комментатор-актер [1]. Е. Г. Малышева также отмечает, что журналист в течение репортажа может проявлять черты разных коммуникативных типов, преобладание той или иной функции зависит непосредственно от говорящего.

В рамках заданной классификации мы проанализировали, черты каких коммуникативных типов проявляются у Владимира Стецко при комментировании волейбольного матча — финала Олимпиады в Лондоне в 2012 г. (за первое место боролись сборные России и Бразилии):

- ‘комментатор-репортер’: Владимир Стецко в течение всего матча сообщает зрителям о том, что происходит на площадке, используя при этом термины волейбола (*Мурило забивает пайп*), также журналисту удается не только передавать информацию, но и оценивать ситуацию на площадке: **Бразильцы начинают давление на нашу команду, прежде всего дважды отбившись в защите; Опаликов пока ритм этой игры не улавливает, даже не дернулся в центре сетки, атака над ним прошла** — причем оцениваются и положительные, и негативные моменты у обеих команд;

- ‘комментатор-аналитик’: найденные нами контексты тематически можно разделить на следующие группы: анализ внематчевых ситуаций (**Так вот итальянцы играли слишком правильно, где нельзя было рискнуть: они обманывали, накатывали, по блоку — за все это наказывали бразильцы незамедлительно** — Владимир Стецко объясняет, почему именно Россия и Бразилия встретились в финале Олимпиады, как эти команды проявили себя в других матчах и т. п.), анализ манеры игры спортсменов, их функции в команде (*Ну вот, Мурило, конечно, главная ударная сила сборной Бразилии и центры*), анализ взаимодействия игроков внутри команды (**Апаликову все-таки побаивается Гранкин пасовать**) — подобный разбор игровых ситуаций помогает

неподготовленному зрителю/слушателю понять решения спортсменов, находящихся на площадке. На наш взгляд, в этом типе можно выделить дополнительный подтип ‘комментатор-тренер’, так как Стецко на протяжении всего матча дает спортсменам советы, как бы вступая в диалог вместе с ними: ***Сейчас подачу важно не потерять! Внимание все в прием; Мусэрский, не терять подачу после тайм-аута ни в коем случае; Сейчас не надо спорить!***

- ‘комментатор-знаток’: если при актуализации предыдущего типа ЯЛ спортивного комментатора мы обращали внимание на действия игроков конкретного этого матча и соревнований, то в этом типе Владимир Стецко сосредотачивается на волейбольной карьере игроков, их статусе в команде, чертах характера. Например: *Замена связующего: действительно, Сергей Гранкин слишком уж как-то нервно начал эту игру... Александр Бутько! Столько раз он уже выходил помогать команде, и у него чаще всего это получается. Вспомним такой же финал с бразильцами в Мировой лиге — важнейший с психологической точки зрения прошлого сезона* — данное замечание позволяет понять, почему одного игрока заменили другим: когда основной связующий Сергей Гранкин начинает нервничать, его меняют на Александра Бутько, который помогает наладить ход матча;

- ‘комментатор-болельщик’. Отметим, что у Владимира Стецко языковая личность болельщика проявляется больше всего к концу матча, его развязке — наиболее напряженной и наиболее эмоциональной точке (*Мусэрски-и-и-ий! Едва там дырку не проделал в терафлексе! Как же все это красиво! Фантастическая атака!*).

В этом матче мы не обнаружили в языковой личности Владимира Стецко типов ‘комментатор-ироник’, ‘комментатор-балагур’, ‘комментатор-актер’. Как нам кажется, это может быть связано с масштабом соревнований: повышенную ответственность в финале Олимпиады испытывают здесь не только спортсмены, но и сам комментатор, поэтому в комментировании такого знаменательного события не было бы места шуткам или разговорам на отвлеченные темы.

Также, на наш взгляд, классификацию Е. Г. Малышевой можно уточнить: добавить коммуникативный тип ‘комментатор-болельщик’, а также разбить по тематическим рубрикам тип ‘комментатор-аналитик’ (что анализируется спортивным комментатором, какие события / игровые ситуации).

1. Малышева Е. Г. Дискурсивная языковая личность в русском спортивном дискурсе. URL: <http://www.mediascope.ru/node/767>.

Научный руководитель — д-р филол. наук, проф. Т. А. Трипольская

Особенности образования прозвищ российских футбольных команд

Д. О. Дешковец

Новосибирский государственный университет

Прозвища как особая категория наименования являются важной частью человеческого общения, особенно в межличностной коммуникации. На протяжении всей истории человечества люди испытывают потребность в определении и различении других членов коллектива путем присвоения им имен. Эта функция успешно выполняется альтернативными именами — прозвищами, которые также обладают эмоциональной выразительностью. Данная группа антропонимов ярко выделяется среди других, прозвища позволяют различать индивидуумов в обществе, описывать их особенности и указывать на их статус в общественной иерархии.

Наречение человека или группы людей прозвищем представляет собой акт присвоения индивиду нового альтернативного имени, используемого другими членами общества. Этот процесс состоит из нескольких взаимосвязанных компонентов: 1) индивидуум, которому дается новое имя и который впоследствии становится его обладателем; 2) создатель этого имени — лицо, которое его создает с помощью изобразительно-выразительных средств языка; 3) внутренняя форма альтернативного имени, т. е. признак, лежащий в основе его создания.

Прозвище — это неофициальное, альтернативное имя человека или группы людей, которое функционирует в определенном микросоциуме и которое указывает на отличительные характеристики, жизненные ситуации, происхождение, связанные с обладателем этого неофициального имени, или формируется по какой-либо аналогии и другим мотивам.

Прозвища выполняют идентифицирующую, дифференцирующую и эмоционально-экспрессивную функции, что отделяет эту группу антропонимов от других и выделяет социальную обусловленность их создания и использования, которая выражается в неофициальном, непостоянном, трансперсональном и иногда локальном функционировании.

Также неофициальные имена могут получать целые группы людей. Целью данного исследования является анализ особенностей образования и структуры прозвищ российских футбольных команд. Изучение данной группы антропонимов важно, так как футбол является одним из наиболее популярных видов спорта в России, и результаты анализа спортивных прозвищ позволят более глубоко рассмотреть особенности формирования общественного образа и идентичности спортивных клубов.

Материалом исследования послужил корпус неофициальных названий футбольных клубов в России. Корпус исследуемых нами примеров включает 129 прозвищ, собранных на различных интернет-платформах, таких как Wikipedia, и на спортивных форумах.

Первый критерий нашего анализа — это внутренняя форма прозвища. Чаще всего неофициальные спортивные названия команд основываются на личных характеристиках членов команды. Эти отличительные черты включают себя эмблему команды, город, где располагается команда, стиль игры и т. д. Например, волгоградский клуб «Ротор» носит неофициальное название *Волжане*. Такие прозвища составляют 41 % примеров нашего корпуса.

Внутренней формой прозвища может быть также внешний вид членов команды, например цвет спортивной одежды (32 % примеров). Именно по этой причине футболистов московского «Торпедо» называют *Черно-белые*.

Для создания более эмоционально-экспрессивных прозвищ используются различные стилистические средства. Например, эпитет как образное определение лежит в основе 47 % примеров (*Химари* — неофициальное название футбольного клуба «Химки»).

Метонимия (43 %) используется при образовании новых названий спортивных команд. В таких случаях происходит перенос символа или цвета формы футбольного клуба на его участников. Таким образом было сформировано название клуба «Енисей» — *Львы*, так как этот зверь является эмблемой команды.

В ходе исследования были выявлены прецедентные феномены, которые лежат в основе некоторых спортивных прозвищ. Например, альтернативное название московской команды «Локомотив» *Пятое колесо* является прецедентным текстом, который имеет значение «лишний элемент или лишний человек в каком-либо деле». Это связано с тем, что, когда был образован данный спортивный клуб, в Москве уже существовало 4 футбольные команды.

Функцию структурно-грамматической основы спортивных прозвищ выполняют существительные и другие субстантивированные части речи (в основе альтернативного названия клуба «Шинник» *Резиновые* лежит субстантивированное прилагательное), поскольку прозвища, как подтип имени собственного, относятся к периферийным подклассам существительных.

Прозвища в спорте играют важную роль, помогая идентифицировать, различать и описывать характерные черты футбольных команд. Они образуются на основе различных ситуаций и личных характеристик при помощи стилистических средств и прецедентных феноменов, что отражает социальную обусловленность функционирования данной группы антропонимов. Они используются для создания альтернативных названий, которые могут быть эмоционально-экспрессивными, что помогает определить оценочное отношение к спортивной команде. Итак, прозвища используются болельщиками, чтобы определить других фанатов команды, получить возможность почувствовать себя членами одной общности.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. И. В. Микута

Вербальные и визуальные метафоры в репрезентации научных концептов в научно-популярных лекциях на русском и английском языках

М. В. Ильина

Новосибирский государственный университет

Исследование посвящено репрезентации научных концептов в научно-популярном дискурсе, выделяемом на основе характеристики участников общения, тематики и цели коммуникации. В нем сохраняются особенности научного дискурса, но говорящий ищет способы представить научное знание доступно, ориентируясь на неспециалиста.

Исследователи обращают внимание, что научно-популярный текст более экспрессивен, в нем чаще используются художественные средства. В своем исследовании мы обращаем внимание на роль метафор в репрезентации научных концептов в научно-популярных лекциях. Метафора как одно из средств познания мира позволяет структурировать сложные абстрактные сущности, к которым мы относим научные концепты, с помощью знакомых объектов.

Материал исследования — шесть научно-популярных видеолекций TED Talks на русском и английском языках, в которых были выделены научные концепты и определены вербальные и невербальные средства их репрезентации. Метафора — одно из самых продуктивных средств косвенной номинации концепта в проанализированном материале.

Дефиниции в научно-популярном дискурсе часто упрощаются и включают метафоры, что позволяет ввести научный концепт в сферу повседневного опыта через образ из бытовой сферы (*Персонализация — это наклеивание имен на процессы, институты и явления*). В лекциях на английском языке встречаются и необычные метафоры: *The approach that we take to study the baby brain is called Magnetoencephalography, MEG for short. We call it the hair dryer from Mars* 'Подход, который мы используем для изучения мозга ребенка, называется магнитоэнцефалография, или кратко МЭГ. Мы называем его фен для волос с Марса'. С помощью странной метафоры автор намеренно представляет концепт как что-то непонятное и сложное, в том числе для самих исследователей. Подобное ироничное отношение сокращает дистанцию с аудиторией.

Источником метафоризации становятся прецедентные феномены, которые позволяют представить незнакомые научные концепты через опыт конкретной аудитории. Через образ в контексте *You can think of this like watching a Christmas tree to see which lights blink on and off together and we call this synchronized activation* 'Вы можете представить, как на Рождественской елке огоньки зажигаются и гаснут одновременно, это мы и зовем синхронизированная активация' представлены принципы работы нейронных связей головного мозга. Он основан на прецедентном феномене, близком для тех куль-

тур, где более значимо Рождество, а не Новый год. Также этот образ эмоционален, поэтому привлекает внимание и снижает уровень стресса.

Развернутые метафоры показывают сложную структуру научного концепта. Автор выделяет общие структурные черты научных концептов и знакомой ситуации из повседневной жизни (*Легко представить себе человека, который идет гулять с собакой... Они идут в парк, но она то к одному под ноги бросится, то под какой-то куст. И постоянно туда-сюда ее носит. Вот этот каждый занос собаки — это погода, это проявление в каждом конкретном дне. Но при этом собака с человеком идет к любимому дереву в парке, и вот их общее направление — это климат*).

Видеолекции являются поликодовыми текстами, так как в них используются не только вербальные, но и невербальные и визуальные средства передачи информации. Часто они становятся сопутствующим средством, подкрепляющим метафору. Так, автор создает метафору на основе прецедентного феномена: проводит параллель между головным мозгом и конкретным аэропортом, знакомым аудитории в США (*Try going anywhere in this country without going through O'Hare. The same principle is true in the brain and this reconfiguration of networks* 'Попробуйте добраться куда-то в этой стране не **через О'Хара**. Тот же принцип применим и к мозгу и реконфигурации связей'. Речь сопровождается анимацией: самолеты двигаются на карте, постепенно появляется изображение мозга, а самолеты становятся точками — демонстрируются связи в головном мозге. Метафора подчеркнута визуальным средством.

Для поддержки метафоры могут использоваться другие невербальные средства — жесты. Автор представляет научный метод через образ цепи (*Если мы пропускаем середину вот этой вот цепочки и от наблюдения сразу переходим к теории, то нас ждет много сюрпризов*), показывая руками звенья и представляя структуру концепта через два канала информации.

Метафора — очень продуктивное средство репрезентации научных концептов в научно-популярных лекциях, так как позволяет структурировать новое и сложное знание через знакомые образы окружающей действительности. Также метафоры позволяют сократить дистанцию с аудиторией, привлечь внимание и снизить уровень стресса при восприятии новой информации.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-78-10076, <https://rscf.ru/project/23-78-10076/>).

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. А. А. Алексева

Анализ речевых ошибок в рукописных народных сборниках юго-востока Костромской области

Е. М. Картова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва

Во многих регионах России известна народная традиция записывать религиозные тексты, как канонические, так и народные (духовные стихи, народные молитвы, заговоры, обереги и др.) — таким образом создаются народные рукописные религиозные сборники [1]. Язык текстов может быть как церковнославянским, так и русским, в том числе с диалектными чертами. При этом переписчики неизбежно допускают ошибки, причинами которых становятся интерференция русского и церковнославянского языка, непонимание фрагмента текста.

С лингвистической точки зрения представляют интерес как причины ошибок, так и восприятие церковнославянского языка крестьянскими переписчиками и его соотношение с русским.

Задачи работы заключались в том, чтобы определить стратегии, которыми пользуются переписчики, если им встречается непонятный фрагмент, а также определить их восприятие текстов и их отношение к ним.

Исследование проводилось на основе двух рукописных тетрадей, полученных от переписчиц ЕНБ и ТМС в Мантуровском районе Костромской области в ходе фольклорной экспедиции НИУ ВШЭ в Костромскую область в 2021 г. В этом регионе во времена советских гонений на веру существовала традиция домашних молений. Из-за невозможности пойти в храм жители села (преимущественно женщины) собирались по домам друг друга по воскресным дням и праздникам и пели молитвы. Также они проводили домашние отпевания, читали и пели панихиду и духовные стихи и др. За отсутствием книг пользовались записанными по памяти или списанными с книг, переписанными у более опытных людей текстами.

ЕНБ — уроженка Мантуровского района, с детства принимавшая участие в домашних молениях. Она является опытной и авторитетной участницей, хотя образование имеет начальное и всю жизнь проработала дояркой. ТМС, в свою очередь, имеет высшее образование. Однако она была малоопытной участницей, так как стала посещать молитвенные собрания только в пожилом возрасте.

Исследование проводилось на основе 303 ошибок, найденных в двух тетрадях. Они были разделены на 4 типа: морфологические, синтаксические, орфографические и лексические.

Большинство морфологических ошибок совершила ЕНБ, потому что в ее тетради были преимущественно тексты на церковнославянском языке, в грамматике которого она разбиралась слабо. Среди морфологических ошибок можно выделить однотипные.

Например, переписчицы могли русифицировать церковнославянские падежные окончания. Чаще всего это происходило с окончаниями звательного падежа. Также переписчицы иногда употребляли вместо русских глагольных форм прошедшего времени 3-го лица множественного числа соответствующие им церковнославянские формы аориста на *-ша* (например, *быша* вместо *быти*). Вероятно, женщины часто встречали такие формы в текстах молитв и считали их типичными для церковнославянского языка.

Синтаксические ошибки чаще встречаются у ТМС. В ее тетради можно найти целые предложения из несвязанных слов — глоссолалию. Согласно [2], это нормальное явление для религиозных текстов. При интерпретации церковнославянского языка (особенно при записи на слух) переписчики сталкиваются с непонятными им фрагментами текста и, пытаясь прояснить, могут исказить их. В то же время переписчики не всегда пытаются увидеть смысл в непонятном фрагменте и внести в него правки, воспринимая церковнославянский язык как сакральный.

Лексические ошибки допускались, вероятно, при записи на слух, так как многие замененные слова созвучны тем, на которые их заменили.

Большинство орфографических ошибок составляют такие, которые мог совершить любой носитель русского языка, не знакомый с каким-либо правилом. Например, слитное и раздельное написание *не-* с различными частями речи.

В результате проведенного исследования удалось сделать следующие выводы об отношении переписчиц к церковнославянскому тексту:

- ЕНБ смело вносит правки в тексты, так как стремится к максимальной точности в вопросах веры. ТМС, в силу меньшей опытности, не правила тексты и сохраняла глоссолалию;
- несмотря на более высокий уровень образования, ТМС допустила примерно такое же количество ошибок, что и ЕНБ. Низкий уровень образования ЕНБ был скомпенсирован хорошим знанием текстов;
- переписчицы не позволяли себе полностью переформулировать фрагмент. Все правки касались отдельных слов.

1. Кувшинская Ю. М., Заикина А. А. Рукописная традиция и народная литургическая практика в Мантуровском районе Костромской области. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2023. 392 с.
2. Мороз А. Б. Церковнославянский язык в фольклорных текстах: глоссолалия или герменевтика? Петрозаводск: Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижский», 2015. С. 372–374.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Ю. М. Кувшинская

УДК 81

Современные военные пропагандистские плакаты как вид поликодового текста

Г. Д. Конопленко, К. М. Садыков

Новосибирский военный ордена Жукова институт
им. генерала армии И. К. Яковлева войск
национальной гвардии Российской Федерации

В военное время пропаганда является обязательным компонентом военных действий. Под пропагандой следует понимать одностороннее распространение информации по специальным каналам при помощи конкретных методов с целью формирования общественного мнения [1] и необходимого информационно-психологического воздействия на человека [2, с. 117–118].

В настоящее время в ходе проведения Специальной военной операции одним из важных каналов пропаганды является плакат. Оказание необходимого воздействия на воспринимающую аудиторию в плакатах осуществляется как вербальными, так и невербальными средствами. В связи с этим плакат следует рассматривать как одну из разновидностей поликодовых текстов. Вслед за А. Г. Сониным, определим поликодовый текст как специфическое речевое произведение, образуемое взаимодействием изобразительной и вербальной составляющих в едином графическом и смысловом пространстве [3].

Цель настоящей работы заключается в описании средств вербального и невербального воздействия на общественное мнение, используемых в современных военных пропагандистских плакатах.

Материалом исследования послужили плакаты о Специальной военной операции, смысловое наполнение которых позволило распределить их на несколько групп. Предназначение первой группы, представленной наибольшим количеством плакатов (33 %), состоит в том, чтобы призвать гражданское население страны на службу по контракту. Во второй группе (24 %) плакаты демонстрируют мощь российской армии и отечественного вооружения. Третья группа плакатов (19 %) призвана представить российского военнослужащего. Четвертая группа (14 %) раскрывает цель военных действий Российской Федерации на Украине. Пятая группа (10 %) отражает связь России и российской армии с Богом.

В каждой группе плакатов передача смыслового наполнения и оказания необходимого информационно-психологического воздействия осуществляется совокупностью вербальных и невербальных средств.

На одном из плакатов, призывающих на службу по контракту, наблюдается гармоничное сочетание двух обликов: современного воина и воина прошлого. На заднем фоне изображен Александр Невский. С одной стороны, он выступает как великий русский полководец, внесший вклад в завоевание Россией независимости от западных чуже-

земцев. С другой стороны, он выступает в образе русского святого, поскольку над его головой мы видим нимб. У святого князя Александра Невского просят защиты от внешних врагов. На переднем плане изображен современный российский воин, готовый, как и Александр Невский, защищать Отечество. Символом Российской Федерации выступает двуглавый орел на его бронежилете. Белая повязка на руке военнослужащего означает принадлежность к вооруженным силам Российской Федерации. Такая повязка необходима для отличия своих от чужих на поле боя. Черный туман, окутавший современного воина, символизирует опасность, нависшую над Россией. Над головой Александра Невского изображен свет, выступающей символом скорой победы над противником.

Текст, представленный на плакате, гласит: «Время героев выбрало нас. Служба по контракту!». Данный текст призывает вступить в ряды российской армии и стать очередным героем страны. В предложении «Время героев выбрало нас» словосочетание «время героев» обозначает современный сложный военно-политический период в стране, требующий решительных действий от граждан Российской Федерации. Глагол «выбрало» показывает, что каждый российский гражданин способен стать героем, внесшим вклад в защиту страны. Интересным представляется крупный шрифт, которым напечатано словосочетание «время героев». Шрифт словосочетания в очередной раз подчеркивает значимость переживаемого Россией исторического периода. Предложение «Служба по контракту!», написанное жирным шрифтом и заканчивающееся восклицательным знаком, указывает на то, каким образом можно помочь Отечеству в этот сложный период. Таким образом, на данном плакате невербальная и вербальная составляющая гармонично дополняют друг друга, раскрывая смысловую составляющую плаката.

Исследование показало, что в пропагандистских плакатах используются различные вербальные и невербальные средства оказания прагматического воздействия на общество. Данные плакаты призваны придать сил вооруженным силам, гражданскому населению, поднять патриотический настрой, вселить веру в победу.

1. Барабаш В. В., Бордюгов Г. А., Котеленец Е. А. Государственная пропаганда и информационные войны: учеб. пособие. М., 2015. 400 с.
2. Шестаков М. Е. Роль информационно-коммуникационных технологий в эволюции плакатных форм политической пропаганды // Вестн. Поволж. Ин-та управления. Т. 17, № 1. С. 117–123.
3. Сонин А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 323 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. А. Чистюхина

Оценка и способы ее репрезентации в профессиональных и любительских книжных рецензиях на русском языке

О. А. Польщицина

Новосибирский государственный университет

В нашей работе **объектом** исследования является оценка в жанре традиционной и любительской рецензии на книгу. Под рецензиями традиционного типа мы понимаем те рецензии, которые обладают элементами, описанными А. Г. Башкатовой и Е. А. Корниловым [1, 2]. В качестве предмета выступают типы и способы репрезентации оценки в этих рецензиях.

Материалом работы стали 25 профессиональных и 75 любительских рецензий, собранных методом сплошной выборки с сайтов сетевых изданий (readrate.com, literaturno.com, rara-rara.ru, gorky.media) и социальной сети любителей литературы (goodreads.com).

Несмотря на то что выбранные нами рецензии располагаются в интернет-пространстве, что влияет на модель речевого жанра, цель рецензий остается прежней — оценка произведения. Для выявления частотных типов оценок мы используем классификации Н. Д. Арутюновой и А. А. Алексеевой [3, 4]. В приведенных примерах сохранена авторская орфография и пунктуация.

В традиционных рецензиях среди оценочных типов преобладают **капаситарная** (161): «Создание таких образов — одна из самых сильных сторон таланта Пелевина», **общая** (83): «И текст, который при всех своих недостатках, не лишён достоинств...» и **эмоциональная** (61): «Это начинает слегка раздражать еще по мере чтения» оценки.

Среди лексических средств репрезентации оценки преобладают слова с аксиологической семантикой (518), а также мы выделяем **метафоры** (11): «он хаотичен и наполнен игрой страстей». В репрезентации оценки также участвуют **фразеологизмы** (11): «сюжет укорочен до безобразия, а логика хромает на обе ноги». К средствам, усиливающим выражение оценки, мы относим **однородные члены предложения** (103): «и история удивительно добрая и чистая», **парцелляцию** (5): «И ведь у меня как читателя... не возникает ощущения соучастия, этот вполне себе традиционный детский ритуал... не отзывается теплым узнаванием. А появляется ощущение неловкости. И почти сразу хочется немедленно прикрыть нос рукой», а также **риторическое восклицание** (1): «Кажется, он обрывается на полуслове, на самом интересном месте!».

В любительских рецензиях в большинстве случаев встречаются **эмоциональная** оценка (139): «Я почти возненавидела этого человека, но была вынуждена дальше читать его деревянные самодовольные откровения», **капаситарная** (104): «Видно, что автора заинтересовала тема эйдетической памяти и он старательно изучил источники» и **общая** (95): «Но печаль моя светла и вызвана тем, что эта чудесная, чудесная книга закончилась».

Среди лексических средств так же, как и в традиционных рецензиях, преобладают слова с аксиологической семантикой (544), в том числе **метафоры** (5): «Какие это

должны быть чертоги разума, чтобы создать всю эту *машину из мельчайших деталей*» и **гиперболы** (2): «Иногда я тоже *смеялась*. В сцене, где паре нужно было снять видео про свадьбу с французами, *хохотала...*». Также оценку выражают **фразеологические средства** (15): «Книга читается *на одном дыхании*». Среди вспомогательных средств выделяем **ряды однородных членов** (93): «Очень *сильная и живая* история», **парцелляцию** (6): «*Насыщенно и упорядоченно. Без выпадания в эмоциональное мыло*» и **риторические восклицания** (5): «Сколько там всего затронуто!»

Таким образом, в традиционных рецензиях произведение оценивается прежде всего с точки зрения мастерства автора, а также дается общая характеристика книге, что поддерживается синтаксически — с помощью рядов однородных членов. В любительских рецензиях на первое место выходит оценка эмоций, вызванных прочитанным; эта оценка усилена тем же синтаксическим средством. Несмотря на разнообразие способов репрезентации, стоит отметить, что в обоих видах преобладают лексические средства выражения оценки, а именно слова с аксиологической семантикой.

1. Башкатова А. Г. Литературная рецензия в контексте современных тенденций развития культуры: дис. канд. филол. наук: 10.01.10. М., 2013. 300 с.
2. Корнилов Е. А. Становление публицистической критики и структурное формирование жанра рецензии // Филологические этюды: сб. статей. Ростов н/Д, 1971. Вып. 1. С. 58–72.
3. Алексеева А. А. Классификация аксиологических значений по основанию оценки: молодое вино в новые мехи? // Вестн. Том. гос. ун-та. 2019. № 449. С. 5–15.
4. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Научный руководитель — канд. филол. наук А. А. Алексеева

УДК 811.161.1

**Оценочные языковые средства в речи политиков
(на материале телеграм-каналов Дмитрия Медведева
и Вячеслава Володина)**

А. М. Почтарь

Новосибирский государственный университет

Оценочность является важной категорией для отражения системы ценностей человека и общества в языке. Поскольку «Телеграм» в настоящий момент является важным ресурсом не только для обмена сообщениями, но и для выражения какого-либо мнения и пропаганды определенных идей, рассмотрение использования оценочной лексики в телеграм-каналах представителей власти является актуальным направлением исследований.

Объектом нашей работы являются оценочные единицы в телеграм-каналах Дмитрия Медведева и Вячеслава Володина, **предметом** — типы и функции этих единиц.

Материалом послужили публикации в указанных телеграм-каналах, которые были выбраны из 20 политических телеграм-каналов с наибольшим количеством просмотров по версии «Медиалогии» (март 2023 г.).

Из телеграм-канала Д. Медведева мы отобрали 30 публикаций за 2023 г. объемом от 287 до 4048 знаков в тексте, включая пробелы. Выделив и проанализировав 112 языковых средств выражения оценки, мы можем сказать, что наиболее частотными средствами ее выражения являются слова с **аксиологической семантикой** и **метафоры**: «*Противоречивый сумрак пропитанного наркотиками сознания*». Также в выражении оценки участвуют **фразеологизмы** и **окказионализмы**: «Получается *замкнутый круг*, из которого очень сложно вырваться»; «И как же отвечать нашим гражданам на этот *свинобандеровский апокалиптический бред?*». Кроме того, были выделены различные **морфологические средства**, а именно — **прилагательные в сравнительной степени** и **междометия**, **суффиксы** со значением пренебрежительности. Вспомогательными средствами выражения оценки являются **риторические вопросы**, **антитеза**, **парцелляция**, **сравнительные обороты** и **графические средства**.

С точки зрения аксиологической интерпретации отрицательная оценка (103) в значительной степени доминирует над положительной (9). Особого внимания заслуживают слова, меняющие или приобретающие в контексте знак оценки: «И, цинично ухмыляясь, предлагают свои *миротворческие* услуги»; «Какие могут быть равные переговоры с *нацистским* государством», где в первом случае знак оценки меняется с помощью графического средства, а во втором примере слово, наоборот, приобретает оценку за счет исторических ассоциаций.

Для характеристики политических деятелей используются слова с отрицательной **интеллектуальной оценкой**, которые в первоначальном значении характеризуют людей с недостатком умственного развития: «Это будет означать полный крах тех поли-

тических *имбецилов...*»; «*полудебильный* расходный материал». Также активно используются **этическая** и **количественная оценки**, выраженные в основном с помощью метафорического переноса: «особенно остро понимаешь, какие же они взбесившиеся *ублюдки* и *гнусная мразь*»; «“убийственное” количество санкционных пакетов». В выражении этого типа оценки активно используется лексика, имеющая в словаре пометы «бранное», «грубое» или «презрительное». Стоит отметить отсутствие гедонистической оценки в материале.

Из телеграм-канала Вячеслава Володина мы отобрали 40 публикаций за 2023 г. объемом от 630 до 3096 знаков в тексте, включая пробелы. Выделив и проанализировав 62 языковых средства выражения оценки, мы выявили в целом те же средства репрезентации оценки, что были обнаружены и в телеграм-канале Д. Медведева, однако В. Володин в большей мере использует **слова с суффиксом -к-**, придающим пренебрежительную окраску слову: «*Бумажки* инопланетного гаагского суда на Россию не распространяются». Интересно отметить, что слова, выражающие **этическую оценку** заключены в исторический контекст, который используется для подтверждения правомерности оценки: «Зеленский совершил *подлый* поступок по отношению к тем, кто отдал свою отдал свою жизнь за освобождение мира от фашизма»; «Польша *предала* историческую память». **Интеллектуальная оценка** направлена в основном тоже на политиков западных стран: «*Дурь*, прозвучавшая из Гааги».

С точки зрения аксиологической интерпретации негативная оценочная лексика (56) доминирует над положительной (6), как и в телеграм-канале Д. Медведева.

В целом в телеграм-каналах Д. Медведева и В. Володина оценочность выражена сходными средствами. Однако если у Д. Медведева активно используется грубая и бранная лексика, то в публикациях В. Володина ее практически нет, как и окказионализмов для характеристики политических деятелей или государств.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. А. А. Алексеева

УДК 81'3

Современный молодежный сленг в тувинском интернет-пространстве

М.Х. Саая

Тувинский государственный университет, Кызыл

Актуальность данной работы обусловлена тем, что современная тувинская молодежь, как и все другие, активно пользуется социальными сетями, а в тувинском языке отсутствуют специальные научные работы, посвященные изучению подобной переписки в интернет-пространстве, когда наблюдается множество нарушений норм современного литературного языка, а также употребление ненормативной лексики.

Цель исследования состоит в выявлении наиболее распространенных сленгов, а также их классификации в переписках современной тувинской молодежи.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: рассмотрены наиболее распространенные среди молодежи сленговые выражения; дана их трактовка и определено происхождение.

В «Большом толковом словаре русского языка» для обозначения слова *сленг*: «1. речь социально или профессионально обособленной группы; 2. жаргон; элементы речи, не совпадающие с нормой литературного языка» [1].

Для анализа были выбраны популярные среди современной тувинской молодежи социальная сеть ВКонтакте и мессенджер Viber.

В ходе исследования сленги, используемые в переписках, подразделены на следующие категории.

1. Сокращение слов: *кии* — *экии* ‘здравствуйте’: *Кии, бо хүн өөренир бис бе?* — букв. ‘Здравствуйте, мы будем сегодня учиться?’ [2];

сн — *сен* ‘ты’: *Кайда сн?* — букв. ‘Где ты?’ [2];

слер — *силер* ‘вы’: *Дыка чараш-дыр слер* — букв. ‘Вы очень красивая’ [2];

чтрдм — *четтирдим* ‘спасибо’: *Улуу-биле чтрдм!* — букв. ‘Спасибо большое!’ [2];

ки — *кижи* ‘человек’: *Өг-бүлеңерде каш ки бар силер?* — букв. ‘Вас сколько в семье?’ [2].

2. Использование звукоподражаний: *ммм* — звук раздумья: *Ммм, солунун аа* — букв. ‘Ммм, очень интересно’ [2];

ахаха — употребляется для обозначения громкого смеха: *Ахаха, каттырынчыг төөгү-дүр.* — букв. ‘Ахаха, смешная история’ [2];

хи-хи — тихий, сдержанный смех: *Хи-хи, канчап билип кааптың?* — букв. ‘Хихи, как ты узнал?’ [2].

3. Лексические заимствования из русского, а также из других европейских языков через русский: *кринж* (от англ. *to cringe* ‘съеживаться’) [3] — чувство стыда, по-другому «испанский стыд»: *Бо ыры шуут кринж болуп тур* ‘Эта музыка — полный **кринж**’ [2, 4];

трэш (от англ. *trash* ‘мусор’) [3] — олицетворение чего-то низкого качества и незаслуживающего внимания: *Ёзулуг трэш болуп тур иин* ‘Вот это настоящий **трэш** [3, 4];

харя (от рус. *харя* ‘рожа’) — лицо, физиономия (обычно некрасивая) [1]: *Харянда чүнү чаап алган кижиси сен?* ‘Что ты намазал себе на лицо?’ [2, 4];

перегон (от рус. *перегон* ‘участок пути между двумя станциями, проезжаемый без остановок, привалов’) [1]. В тувинском языке слово *перегон* используется в значении ‘новый’: *Авам меңээ перегон идик садын берген* ‘Мне мама купила новую обувь’ [2, 4].

4. Использование смайликов, которые представляют сочетание букв и знаков препинания:

:) — радость или улыбка;

:(— грусть;

:D — смех;

: -0 — удивление.

5. Игнорирование заглавных букв: *чүнү канчап тур сен?* — букв. ‘что делаешь?’ [4];

кайы хире чоруп тур сен? — букв. ‘как дела?’ [4].

Таким образом, социальные сети, несомненно, оказывают негативное влияние на речь молодежи. Однако если мы не можем полностью исключить использование чатов из нашей жизни, то разумно будет разработать стратегию в борьбе за сохранение чистоты родного языка. При общении в сети необходимо соблюдение сетевого этикета.

В современном мире все большее количество людей использует интернет-сленг в повседневной жизни. Порой это обусловлено желанием сэкономить время, а порой — просто стремлением быть в тренде и стильным. Но вместе с тем тувинский язык лишается своего богатства, прекрасности и выразительности. Следовательно, молодежи нужно сохранять свой родной язык в той форме, в которой им передано из поколения в поколение.

1. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1988. 1534 с.
2. Тувинско-русский словарь: 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия. 407 с.
3. Мюллер В. К. Полный англо-русский словарь. М.: Эксмо, 2014. 907 с.
4. Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга: свыше 12000 слов и выражений, арго-кинемалогос, жаргоны. Тверь: АСТ-Пресс Книга, 2005. 668 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. Д. Сувандии

УДК 81'373.6

Речевые высказывания с неавторизованной информацией в интернет-дискурсе (на материале комментариев социальной сети «ВКонтакте»)

А. О. Терентьева

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина, Бийск

Настоящее исследование включается в научную парадигму интернет-лингвистики в той ее части, которая связана с описанием интернета как коммуникативного механизма распространения неавторизованной информации. Интернет, будучи принципиально новым каналом распространения информации, выступает тем средством, которое специально приспособлено для распространения такого рода информации. «Суть его механизма состоит в трансляции по цепочке или по социальной сети от одного субъекта к другому сообщению, важных либо интересных для членов сообщества» [1, с. 7]. Феномен неавторизованной информации активно привлекается в качестве объекта научного описания, которое предполагает обнаружение каналов распространения такого рода информации, специфику каждого из них, изучение жанрового воплощения текстов с неавторизованной информацией.

Цель настоящего исследования — выявление типов реакций на речевые высказывания с неавторизованной информацией, представленные в виртуальной среде. Данное исследование представляет собой фрагмент будущего диссертационного исследования, направленного на выявление моделей речевых высказываний с неавторизованной информацией, реализованных в интернет-дискурсе. Фактологическую базу исследования составляют речевые высказывания, связанные с распространением неавторизованной информации. Источником фактологической базы послужила социальная сеть «ВКонтакте», посты в группе «Подслушано Бийск» [2].

Под неавторизованной информацией нами понимается информация, источник которой «представлен адресату неопределенным или вообще неизвестным» [3, с. 42]. Речевые высказывания с неавторизованной информацией, представленные в исследуемой группе, содержат определенные маркеры: *слышал(а), видел(а), ходят слухи, болтают, (как) говорят* и т. п. Тексты, содержащие данные маркеры, воспринимаются как не имеющие определенного авторизованного источника, при трансляции которых пользователь соцсети — автор поста — берет на себя роль посредника, распространяющего информацию.

Обнаруживается 3 типа реакции пользователей на речевые высказывания с неавторизованной информацией.

1. Принятие неавторизованной информации: пользователи принимают неавторизованную информацию как факт.

2. Неприятие неавторизованной информации. В данном виде реакции возможны вопросы или комментарии типа *не верю, а доказательства где?*

3. Игнорирование неавторизованной информации. Пользователи соцсети не обращают внимания на размещенный пост либо оставляют комментарии: *ну и пофиг, ну и ладно.*

Рассмотрим следующий пост с неавторизованной информацией и реакцию принятия: *Привет, ребята! Ходят слухи, что в Бийске хотят открыть KFC, кто-нибудь что-нибудь знает по этому поводу? Жду с нетерпением, когда в нашем городе откроется топовый фастфуд. Анонимно, пожалуйста.*

Инициатор общения — автор поста — размещает в своем сообщении неавторизованную информацию, оформляя ее источник следующим образом: *ходят слухи*. После введения темы (изложения сути некоего интересного события, способного, по мнению автора поста, привлечь пользователей) разворачивается вовлечение участников интернет-сообщества в обсуждение данной информации: *кто-нибудь что-нибудь знает по этому поводу?*

Пользователи соцсети в большинстве случаев делают ответный коммуникативный ход, выдавая эмоционально-оценочную реакцию: *Интересная весть; О-О-О там будет полно жареных курочек*. Данный коммуникативный ход может быть обозначен как приятие информации и дальнейшее развертывание высказывания с неавторизованной информацией.

Диалог, разворачивающийся в рамках данного поста, обнаруживает еще один коммуникативный ход. Автор комментария, соглашаясь с принятием неавторизованной информации, поступившей от автора поста, в свою очередь размещает в своем комментарии еще одно неавторизованное высказывание: *Да! Слышала, в Горно-Алтайске вроде тоже откроют; Вроде в Ривере должны открыть, но точно не знаю, Ходят слухи, что KFC то еще*. Возникает цепочка посредников — распространителей неавторизованной информации.

Автор комментария может быть уверен в истинности сообщаемого и подтверждает свою осведомленность в теме: *Откроется оно, это точная инфа, в «Мария-Ра» на Коммунарском будет». Происходит расширение информационного поля автора поста за счет подобного коммуникативного хода «обнаружение подробностей»: *это точная инфа.**

Таким образом, интернет, удовлетворяя информационные потребности человека, становится благоприятной средой для распространения неавторизованной информации.

1. Осетрова Е. В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2010. 42 с.
2. Подслушано Бийск. URL: <https://interesnoe.me/source-56402057>.
3. Осетрова Е. В. Неавторизованная информация в обстоятельствах живого диалога // Мир русского слова. 2009. № 3. С. 40–46.

Научный руководитель – д-р филол. наук, проф. Т. Г. Рабенко

Стратегии передачи безэквивалентной лексики в английских переводах повести А. И. Куприна «Поединок»

Е. Ю. Федорченко

Новосибирский государственный университет

Исследование посвящено стратегиям перевода безэквивалентной лексики (БЭЛ) повести А. И. Куприна «Поединок» на английский язык (АЯ). **Объект** исследования — безэквивалентные лексические единицы (ЛЕ) русского языка (РЯ) и соответствующие им ЛЕ АЯ в переводах.

Предмет исследования — стратегии перевода БЭЛ, отражающей специфику русской национальной культуры, на АЯ.

Материал анализа — 600 ЛЕ РЯ, 536 ЛЕ АЯ из перевода, выполненного У. Ф. Харви в 1907 г., 569 ЛЕ АЯ из перевода британского издательства George Allen & Unwin 1916 г., 543 ЛЕ АЯ из перевода Э. Р. Мак-Эндрю 1961 г. и 582 ЛЕ АЯ из перевода Дж. Биллингса 2011 г., собранные путем сплошной выборки. Между изданиями переводов прошло более 100 лет, что позволило зафиксировать трансформацию переводческих стратегий.

Цель исследования — анализ и описание переводческих стратегий передачи БЭЛ на АЯ. **Актуальность** темы определена использованием лингвистического подхода к сравнительно-сопоставительному анализу БЭЛ оригинального художественного текста и его иноязычного перевода.

Существует две переводческие стратегии: **доместикация** и **форенизация**. Суть первого приема заключается в адаптации текста к переводящему языку (ПЯ) и в том, чтобы сделать его более понятным и удобным для чтения носителем ПЯ. Стратегия форенизации, напротив, заключается в стремлении максимально передать при переводе специфику оригинального текста. Способы перевода БЭЛ можно сгруппировать на основании их отнесенности к одной из двух стратегий. При форенизации это транскрипция, транслитерация и калькирование, позволяющие сохранить исходную форму ЛЕ, но воспринимающиеся иноязычными читателями нередко как чужеродные и экзотичные элементы в тексте, непонятные без дополнительных комментариев.

Отметим, что примечания присутствуют только в ранних переводах повести — 1907 и 1916 гг., в переводах 1961 и 2011 гг. данный прием ни разу не был использован. Возможно, переводчики стремились сохранить объем текста, применяя стратегию доместикации, так как большинство ЛЕ, соответствующих тем, что были транслитерированы и сопровождались примечаниями в ранних переводах, в поздних были переведены при помощи других способов. К стратегии доместикации можно отнести опущение, приводящее к образованию лакун, и лексико-семантические замены (использование описательного перевода, генерализации или уподобления, подбор синонима или функционального аналога), так как это существенно упрощает текст и делает его неперегру-

женным для носителя ПЯ, но часто не передает национально-культурную специфику оригинала. Выбор того или иного способа перевода может зависеть от жанровых особенностей текста, значимости и степени освещенности реалии в контексте, словообразовательных возможностей ПЯ и т. д.

Сопоставительный анализ БЭЛ на материале четырех переводов повести показал, что по отношению к одной и той же ЛЕ могут быть применены разные способы перевода. Например, в переводах 1907 и 1916 гг. каламбур *эта слива не из сладких* (о капитане с фамилией Слива) сопровождается примечанием, в котором объясняется, что в РЯ слово *слива*, омонимичное фамилии персонажа, эквивалентно английскому *plum*. При помощи определения *старый* передается презрительное отношение офицеров к капитану: *that old plum isn't one of the sweetest*. В переводе 1961 г. исчезает языковая игра и *слива* заменяется словом *fellow*, которое может переводиться как 'человек; парень; тип'. В данном случае переводчик придерживался стратегии доместикации, чтобы фрагмент не был осложнен для восприятия англоязычного читателя. Иногда наименование реалии не переводится английским синонимом, а транслитерируется, например в переводе 2011 г.: *kasha, kalatch, Varishnya* и др. При таком подходе текст на ПЯ «форенизируется», так как сохраняется оригинальная форма ЛЕ, но без комментариев и дополнительных экстралингвистических сведений недоступной остается ее семантика. Выбор переводческих методов в переводе 1916 г., определяется стремлением переводчика к уточнению и приданию лаконичности текста, ранее переведенного британским писателем У.Ф. Харви. Э.Р. Мак-Эндрю стремился сделать текст понятным и доступным для англоязычного читателя, поэтому придерживался стратегии доместикации, которая определила выбор способов перевода.

Перевод 2011 г. представляется нам наиболее удачным и близким к оригинальному художественному тексту, поскольку переводчику удалось восполнить большую часть отсутствующей в ранних переводах БЭЛ и не перегрузить при этом текст неизвестной для иностранного читателя лексикой. В процессе сопоставления отобранного материала мы столкнулись с явлением лакунарности и установили, что наиболее распространенной причиной возникновения лакун, помимо отсутствия целых частей текста, является отсутствие реалии в иностранной культуре (*окрошка, десятина, барин*).

Научный руководитель – канд. филол. наук Т.И. Белица

СЕМАНТИКА

УДК 81'01+811.14'2+811.21

**Развитие семантики индоевропейского корня *t'eik̂-
на примере древнеиндийского и древнегреческого языков**

А. Ф. Будунова

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена анализу основных направлений семантического развития индоевропейского корня *t'eik̂- (представленного, например, в лат. *dictor* 'говорящий') с предположительным исходным значением 'указывать'. Объект исследования — восходящие к нему слова в древнеиндийском и древнегреческом языках. Предмет исследования — семантические преобразования в словообразовательных гнездах.

Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов [1] относят изучаемый пракорень к лексико-семантической группе ритуально-правовых терминов, что представляется не вполне очевидным, поэтому мы предприняли более подробное рассмотрение спектра его семантики.

Архетип *t'eik̂-/t'ik̂- в санскрите принимает вид deś-/diś-, хотя имеются и другие алломорфы. Архисемой словообразовательного гнезда является сема 'указывать'. Все значения, представленные в словах с этим корнем, мы разделили на две группы: те, в которых актуализируется сема 'направление', и те, в которых она не актуализируется. К первой группе относятся не только такие лексемы, как diśā- 'направление', но и многие другие, получающие дополнительное семантическое приращение. Так, на примере слова deśā- I 'место, местность, страна, край, деревня, государство, город' наглядно видно многообразие специализаций. В семантике слов diś- б 'чужая страна, чужбина', diśya- 2 'чужой, приезжий, иностранный' происходит многоступенчатая метонимия, которую можно реконструировать следующим образом: 'указание на место' → 'отдаленное, чужое по отношению к говорящему место' → 'человек, пришедший из чужого места' → 'чужак'. Отметим также лексему deśinī- 'указательный палец', которая свидетельствует о наличии в культуре дейктического жеста. Помимо «пространственных» значений в древнеиндийском у этого корня развиваются и другие, например, употребляемые в юридической сфере: diśāti I 2 'давать показания, свидетельствовать (в том числе на суде)', deśā- II 'доказательство (также права собственности). В них входит сема 'речь', и вероятный путь семантического развития можно определить так: 'указывать' → 'указывать словесно, говорить' → 'свидетельствовать' / 'доказывать'. Таким образом, в санскрите значение корня развивается в двух основных направлениях.

В древнегреческом языке изучаемый корень представлен алломорфами δεικ-/δικ-. Мы разделили все его значения на такие, в которых предполагается визуальное восприятие «показывания» (в том числе в пространстве), и такие, в которых зрительное восприятие не предполагается. К первой группе относится не очень много значений; отметим слова δεικτηρίας 'мимическая актриса', δεικελον 'изображение' и свидетель-

ствующее о наличии указательного жеста χεῖρόδεικτος ‘указанный рукой, очевидный’. Ко второй группе относится обширное словообразовательное гнездо, вершиной которого является лексема δίκη ‘обычай, право, судебный процесс’, а производными — слова типа δико-λογία ‘произнесение судебных речей’, ἀδικέω ‘совершать беззаконие, проступок, причинять вред, чинить насилие’, δικάζω ‘судить’ и δίκαιος ‘чтущий законы, честный, справедливый’. В преобладающей части лексем семантика корня связана с судом. Можно предложить следующий путь развития значения: ‘указывать’ → ‘доказывать (речь)’ → ‘место, где доказывают’ → ‘судебный процесс’ → ‘результат судебного процесса’ → ‘справедливость’. Отсюда видно, что понятия речи, суда и справедливости были тесно связаны в сознании древних греков, а количество подобных слов свидетельствует о важности этих понятий для древнегреческой культуры.

Изучаемый корень представлен также в других индоевропейских языках, в частности в германских (например, англ. *teach* ‘учить’, нем. *zeigen* ‘показывать’) и латинском (*dicio* ‘господство, власть’, *dico* в одном из значений — ‘избирать’). При этом в латинском юридическое значение у этого корня представлено только в словах с корнем *dic-*, основное значение которого ‘говорить’, а в германских языках такое значение у этого корня вообще не обнаруживается.

Таким образом, с большой вероятностью реконструируется первоначальное значение ‘указывать’ для индоевропейского корня *t'eik-. Его развитие шло в двух основных направлениях: с одной стороны, указание куда-либо или на что-либо в пространственном смысле, с другой стороны, словесное указание. Как в древнеиндийском, так и в древнегреческом языке от изучаемого корня образуются слова, связанные с правовой, юридической сферой, однако широкое развитие этой группы значений проявляется только в греко-арийском ареале, то есть является диалектно обусловленным.

1. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.

Научный руководитель — канд. филол. наук И. А. Реморов

Прилагательные, характеризующие физические качества предмета, образующие фразеологизмы в тувинском языке

А. А. Булчун

Тувинский государственный университет

Фразеология относится к наиболее динамичным разделам науки о языке, постоянно пополняющимся за счет различных источников. Компонентами фразеологизмов становятся вещи и явления, имеющие важное значение, являющиеся частью народного быта, народной культуры.

В тувинском языке нами рассмотрены фразеологизмы, образованные с помощью прилагательных, характеризующих физические качества предмета, используемых для характеристики человека. Среди физических качеств предмета выделены *твердость*, *мягкость*, *температурные признаки* (холодный, теплый, горячий), *цвет*, *вкусовые качества*, *жидкое, твердое состояние* (мерзлый, растаявший), *гладкость, шершавость*.

1. Фразеологизмы с прилагательными, обозначающими твердость или мягкость предмета: *кадыг холдуг* (букв. 'с крепкой рукой') 'скупой'; *кадыг шырайлыг* (букв. 'с твердым лицом') 'суровый, строгий'; *кадыг баарлыг* (букв. 'с твердой печенью') 'незаботливый, безжалостный'; *кадыг аастыг* (букв. 'с твердым ртом') 'грубый'; *аксы кадыг* (букв. 'рот его твердый') 'грубый'; *холу кадыг* (букв. 'рука его твердая') 'скупой'; *чымчак сеткилдиг* (букв. 'с мягкой душой') 'добрый, добродушный'; *аксы чымчак* (букв. 'рот его мягкий') 'вежливый, добрый'.

2. Фразеологизмы с прилагательными, обозначающими температурные признаки предмета: *соок баарлыг* (букв. 'с холодной печенью') 'бездушный, коварный'; *чылыг баарлыг* (букв. 'с теплой печенью') 'милосердный, сердечный, добрый'; *изиг баарлыг* (букв. 'с горячей печенью') 'близкий, мягкосердечный, отзывчивый'.

3. Фразеологизмы с прилагательными, обозначающими мерзлое или растаявшее состояние предмета: *доң баарлыг* (букв. 'с мерзлой печенью') 'безжалостный, жестокий'; *эриг баарлыг* (букв. с растаявшей печенью) 'добрый, добродушный'.

4. Фразеологизмы с прилагательными, обозначающими цвет предмета: *ак сагыштыг* (букв. 'с белой душой') 'добрый'; *ак сеткилдиг* 'добрый, сердечный'; *кара баарлыг* (букв. 'с черной печенью') 'бессердечный, коварный'; *кара сагыштыг* (букв. 'с черным умыслом или с черной душой') 'коварный, нечестный'; *көк мелегей* (букв. 'синий глупец') 'глупец, тупоголовый'; *көк хырын* (букв. 'синий желудок') 'худой'; *көк тулуп* (букв. 'синий мешок') 'глупец, тупоголовый'; *көк шой кижги* 'неопытный человек'; *кызыл аастыг* (букв. 'человек, который имеет красный рот') 'человек, который обладает даром речи'; *кызыл арын чок* (букв. 'у него нет красного лица') 'бесстыжий, бессовестный'.

5. Фразеологизмы с прилагательными, обозначающими вкусовые качества предмета: *ажыг аастыг* (букв. 'с горьким ртом') 'привыкший говорить обидные, горькие слова'; *дус аастыг* (букв. 'с горьким ртом') 'очень острый на язык'.

6. **Фразеологизмы с прилагательными** *дүктүг* ‘шерстяной’, *эрбенниг* ‘с шипами’: *дүктүг арынныг* (букв. ‘с волосатым лицом’) ‘бесстыдный’; *дүктүг хап* (букв. ‘волосатый мешок’) ‘легковесный, несильный’; *дүктүг боостаа* (букв. ‘волосатое горло’) ‘человек, который есть крайне медленно’; *боску дүктүг* (букв. ‘горло его волосатое’) ‘такой, который не может быстро есть’; *аксы эрбенниг* (букв. ‘рот его с шипами’) ‘привыкший обзывать людей оскорбительными словами’.

7. **Фразеологизмы с прилагательным** *суг* ‘жидкий’, обозначающим жидкое состояние предмета: *суг мээлиг* (букв. ‘с водяным мозгом’) ‘тупоумный’; *суг чүректиг* (букв. ‘с водяным сердцем’) ‘ленивый’.

Качество/признак предмета	Фразеологизмы
твердый/мягкий — <i>кадыг</i> ‘твердый’; <i>чымчак</i> ‘мягкий’	<i>кадыг баарлыг</i> (букв. ‘с твердой печенью’) ‘незаботливый, безжалостный’ (8)
холодный/теплый/горячий — <i>соок</i> ‘холодный’; <i>чылыг</i> ‘теплый’; <i>изиг</i> ‘горячий’	<i>соок баарлыг</i> (букв. ‘с холодной печенью’) ‘бездушный, коварный’ (3)
мерзлый/растаявший — <i>доң</i> ‘мерзлый’; <i>эриг</i> ‘растаявший’	<i>доң баарлыг</i> (букв. ‘с мерзлой печенью’) ‘безжалостный, жестокий’ (2)
цвет предмета — <i>ак</i> ‘белый’, <i>кара</i> ‘черный’, <i>көк</i> ‘синий’, <i>сарыг</i> ‘желтый’, <i>кызыл</i> ‘красный’.	<i>кара баарлыг</i> (букв. ‘с черной печенью’) ‘бессердечный, коварный’ (9)
вкусовые качества предмета — <i>ажыг</i> ‘горький’	<i>ажыг аас</i> (букв. ‘горький рот’) ‘привыкший говорить обидные, горькие слова’ (2)
покрытый шерстью, с шипами — <i>дүктүг</i> ‘шерстяной’, <i>эрбенниг</i> ‘с шипами’	<i>дүктүг арынныг</i> (букв. ‘с волосатым лицом’) ‘бесстыдный’ (5)
жидкое состояние — <i>суг</i> ‘жидкий’	<i>суг чүректиг</i> (букв. ‘с водяным сердцем’) ‘ленивый’ (2)

Среди выделенных фразеологизмов самыми многочисленными являются фразеологизмы, образованные от прилагательных, обозначающих цвет предмета, самыми малочисленными — фразеологизмы, образованные от прилагательных, обозначающих вкусовые качества предмета.

1. Хертек Я. Ш. Русско-тувинский фразеологический словарь. Кызыл, 1985.
2. Монгуш Д. А. Толковый словарь тувинского языка: словарь. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I. 596 с.
3. Монгуш Д. А. Толковый словарь тувинского языка: словарь. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II. 795 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. А. Я. Салчак

Обрядовая лексика эвенков

Е. С. Горбунова

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ

Охота для эвенков, расселяющихся на огромных пространствах России, является традиционным видом хозяйственной деятельности. С охотой связано множество обрядов и ритуалов, имеющих важное значение в жизни эвенков и выполняющих функцию передачи знаний и ценностей. В данной статье мы рассмотрим лексику основных охотничьих обрядов.

Один из основных обрядов у эвенков — это обряд, связанный с охотой — *Сиңкэ-лэвун* ~ *Шиңкэлэвун*. Этот обряд проводится перед выходом на охоту для привлечения удачи. *Сиңкэ* — это редкое крупное насекомое, которое, по верованию эвенков, считается символом удачи, счастья. *Сиңкэчи* — человек, наделенный счастливой судьбой, удачливый во всем. У эвенков Эвенкии таких людей называют *кутучи*. Перед охотой мужчина *бэе* расщепляет ствол тальника или елочки надвое, затем устанавливает его в виде ворот *чичипкан* и у основания смазывает свежей кровью оленя или другого дикого (или пушного) зверя. Пройдя под ним вместе с собакой *ниңакин*, он продолжает путь, не меняя направления.

Еще одним важным аспектом обрядовой лексики эвенков являются термины, связанные с ритуалами, проводимыми в честь посвящения юноши в мужчины. Этот обряд, как правило, основывался на знании примет и явлений природы. Обычно этот таежный экзамен на зрелость проводился отцом *амин* после добычи сыном *хутэ* ~ *омолги* первого зверя *бэйңэ*. От сына требовались знания о явлениях природы, орудиях труда и быте мужчины *бэе*, которыми он должен владеть в совершенстве, а также знания о повадках диких зверей и птиц. Отец задавал сыну остроумные и интересные загадки, в ответах на которые содержались важные для мужчины знания. Загадки развивали ум, смекалку и находчивость. Например: *Авады дэги сэксэт соңодёрон?* ‘Какая птица плачет кровью?’ (*Хороки* ‘глухарь’); *Ни даран синнун нэнэдерэн?* ‘Кто ходит рядом с тобой?’ (*Тыевун* ‘посох’).

Также в обрядовой лексике эвенков можно найти много терминов, связанных с огнем (*того*). Огонь — один из самых важных элементов в жизни таежного эвенка. С ним связано множество примет *гунивкил*, запретов *одёсол* и обрядов. Одним из таких обрядов является *имты* — обряд кормления огня. Суть обряда заключается в том, что во время готовки женщина *аси* или мужчина *бэе* бросали кусочек мяса *уллэ* или жира *имуксэ* в открытый огонь, приговаривая: *Энекэ-Того, бэюнэ, бэйңэ уңкэл, мунду бэлэкэл, сиңкэнэ, кутуя букэл* ‘Бабушка-Огонь, пошли зверя, помоги нам, дай удачи и здоровья!’

Существуют и различные запреты *одёсол*, регламентирующие поведение человека в тайге и в целом в повседневной жизни. Например: *Эңнэрэ гулувунду дэги човокилватын, бэюр, оллол-до гирамналватын нэрэ. Энекэ-Того тыкулдяңан, эру одян* ‘Не бросай

в огонь лапы боровой птицы, кости животных, кости рыбы: так не угощают бабушку-огонь, она обидится и накажет'; *Экэл тогоду тумина. Туминакис, иннис энудеңэн* 'Не плюй в огонь. Плюнешь — язык в коростах будет' и т. д.

Исходя из описания вышеперечисленных обрядов, можно выделить следующие лексические группы.

1. Лексика, обозначающая человека — участника обряда, в основном представлена словом *бэе* 'человек, мужчина', но также используют и родственные обращения: *амин* 'отец', *хутэ/омолги* 'сын' и др. Для обозначения удачливого человека употребляются слова *сиңкэчи* и *кутучи*.

2. Лексика, обозначающая предметы, применяемые в том или ином обряде: *сиңкэ* 'насекомое, символ удачи', *сиңкэн* 'удача', *чичипкан* 'специальные ворота для очищения', *сэксэ* 'кровь оленя или другого дикого животного', *тыевун* 'посох', *пэқтырэвун* 'ружье', *уллэ* 'мясо', *имуксэ* 'жир' и др.

Таким образом, обрядовая лексика эвенков является неотъемлемой частью их культуры и традиций. Она помогает сохранять и передавать знания о ритуалах и обрядах из поколения в поколение. Кроме того, эти термины отражают глубокое уважение и связь эвенкийского народа с природой и духовным миром, передают их значимость для эвенков.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. Ф. Афанасьева

УДК 81.37

Лексические и синтаксические средства фиксации предмета РЖ «Упрек»

Хэ Дань

Новосибирский государственный университет

На материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) анализируются лексико-грамматические способы выражения «объекта» упрека. Из НКРЯ отобраны контексты (643), в которых *упрек* сочетается с определениями (*какой упрек?*) или *упрек / упрекать* — управляет формами (*упрекать в чем / за что?*), которые называют «мотив» использования жанровой реплики (речевого жанра = РЖ).

Упрек относится к оценочным РЖ, коммуникативная цель которых — осуждение собеседника за его слова, поступки, работу и пр., по мнению говорящего, не соответствующих эталону, общепринятой норме (приличиям и морали) или ожиданиям (обещанного, оговоренного действия / сроков и т. п.). Конфликтогенным является не собственно РЖ упрека, а мотив — основание, которое провоцирует его использование, а также интенция говорящего — повлиять на эмоционально-психическое состояние собеседника, вызвать в нем чувство вины и/или стыда за содеянное и/или сказанное. И в этой интенции отражается речевая агрессия говорящего к своему визави.

В исследовании Р. И. Шмурак выделен конечный список синтагм с обязательными дискурсивными маркерами РЖ «Упрек» [1]. Несмотря на выявленную форму «укоризненных» высказываний, для интерпретации речевого действия как упрека, с соответствующей интенцией, требуется широкий контекст, описывающий речевую ситуацию с актуальным мотивом. С опорой на НКРЯ легко осуществим анализ мотивов упрека на речевом материале с эксплицитным жанровым маркером — с сущ. *упрек* или соответствующим глаголом. Эти единицы не используются в «теле» жанровых реплик. Предложение типа: *Я упрекаю тебя за то, что ты трус* или *Мой упрек состоит в том, что мужчины так себя не ведут* — невозможны, так как упрек не требует прямой экспликации, он распознается адресатом по формальным средствам (например, по вопросительной интонации предложений с частицей *же*: *Зачем же ты сбежал? Почему же не пришел на помощь?*, по восклицательной интонации предложений с частицей *ведь*: *Ведь ты обещал!* и т. п.). Но эти слова оформляют реплики в зоне «слов автора», который в художественных текстах и является первым интерпретатором жанровой принадлежности реплик своих персонажей — при их цитировании, пересказе содержания их речи: *Поэтому люди не уверены: за что их в дальнейшем будут упрекать* — за то, что подчинятся приказу, или за то, что не подчинятся? [Л. Шебаршин. Разведчик, вернувшийся в холод] — или в репликах-реакциях других персонажей: *Он долго целовал меня, потом стал упрекать за холодность* [А. Колмогоров. Мне доставшееся...].

Представим круг зависимых существительных, управляемых глаголом в составе сочетания с предложно-падежной формой — *упрекать в чем*. В этих коллокациях

(174 примера) используются следующие сущ. (в скобках указываются вхождения): *неблагодарность* (25), *жестокость* (24), *трусость* (24), *недостаток* (15), *слабость* (9), *измена* (22), *холодность* (18), *эгоизм* (15), *нерадение* (14), *отсутствие* [чего-л.] (8). Позицию правого компонента преимущественно занимают сущ. абстрактной семантики, которые обозначают отрицательные качества характера человека (быть жестоким, неблагодарным, жестоким, эгоистичным и т. п. плохо), что естественно провоцирует говорящего, ожидающего благодарности, мягкости, деликатности, смелости и т. п., на упрек. Отглагольное сущ. *измена* только формально описывает действие (факты измены), а по сути транслирует отрицательное качество — неверность.

В этом же ключе проанализированы модели словосочетаний: *упрекать чем-то* (*неблагодарностью, происхождением, прошлым, слабостью* и т. п.), *упрекать за что* (*холодность, недостатки, деньги, правда, ошибка* и др.), а также модель сложного подчинения — *упрекать за то, что...* (в подчиненной структуре, как правило, описывается чье-то действие или, напротив, бездействие), *упрекать в том, что / как...*: *Ты меня, мама, вправе упрекать в том, что я стал редко тебе писать* [А. Гнедин. Письма]; *Грачева можно упрекать в том, как велась первая чеченская война, но не в ее начале* [Е. Гайдар, А. Кох. Беседы с Гайдаром]) — союзный компонент как позволяет сместить акцент с действия на способ его реализации (упрек не в том, что была война, а в том, как ее вели, не в событии, а в образе действия).

При атрибутировании девербатива *упрек / упреки* используются стандартные прилагательные — *справедливый, заслуженный*: *С Иной Овсеичем обнялись..., и тут же гость получил заслуженный упрек: если он приехал только по квартирным делам, то зря, достаточно было просто написать...* [А. Львов. Двор]. Они не называют мотива, но апеллируют к «общественному договору» по поводу «предосудительных» действий, «вызывающих» упрек. Определение *незаслуженный*, напротив, актуализирует «нулевой повод» для упрека (с точки зрения того, кому он адресован), что рождает конфликт непонимания «мотива». Аналогично используются прил. *беспричинный, беспочвенный* (упрек).

Важные результаты для выявления «предметной области» упрека дает лексико-грамматический поиск коллокаций с прил. *безупречный*. Определяемые предметы и явления оцениваются положительно — к ним нет претензий (ср.: *безупречная внешность / поведение / слова / работа* и пр.). Их «антагонисты» оцениваются отрицательно, поэтому провоцируют упреки. Отсутствие в русском языке прил. **упречный* компенсируется рядом синтагм: *безупречный внешний вид — его упрекали за то, как он одевался / за внешний вид*.

1. Шмурак Р. И. Формальные средства выражения упрека в русском языке (корпусное исследование): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2021. — 239 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. О. М. Исаченко

УДК 811.161.1

Концепт ВРЕМЯ в фильме «Зеркало» А. А. Тарковского: лингвистическая и визуальная репрезентация

П. А. Деменкова

Новосибирский государственный университет

Исследование посвящено изучению способов языковой и визуальной репрезентации концепта ВРЕМЯ в кинодискурсе на примере фильма «Зеркало» А. А. Тарковского.

Со второй половины XX в. поликодовые тексты стали оспаривать у сугубо вербальных произведений их некогда доминирующие позиции. В связи с недостаточной разработанностью теории концептов в креолизованных текстах и отсутствием единых методов концептуального анализа в сложных семиотических системах актуальным является вопрос о репрезентации концептов в поликодовых структурах.

Объектом нашей работы послужили вербальные и визуальные репрезентанты концепта ВРЕМЯ в фильме «Зеркало», **предметом** — способы репрезентации концепта ВРЕМЯ в кинотексте. **Теоретико-методологической базой** исследования являются работы в области лингвокультурологии и лингвокультурного анализа кинотекста.

Новизна заключается в разработке и применении алгоритма концептуального анализа поликодового текста и исследовании возможностей визуального представления рассматриваемого концепта. В нашем исследовании мы реконструировали основные когнитивные признаки общезыкового концепта ВРЕМЯ на основе семантики его репрезентантов, выявили репрезентанты концепта в фильме и сопоставили когнитивные структуры, полученные на основе общезыковых словарных данных и на материале кинотекста.

На первом этапе нашего исследования мы провели анализ общезыкового концепта ВРЕМЯ через определение номинативного поля с временной семантикой, выполнили лексико-семантический анализ главных репрезентантов. Материалом исследования на данном этапе послужила сплошная выборка данных толковых, ассоциативных словарей, словарей синонимов. Путем сплошной выборки и анализа лексико-семантических вариантов главных репрезентантов получено 113 лексических единиц, составляющих номинативное поле концепта ВРЕМЯ. На основе семантики выявленных репрезентантов установлено, что общезыковой концепт ВРЕМЯ имеет структуру, соответствующую ядерно-периферийной модели. Ядерная зона концепта представлена такими концептуальными признаками, как 'длительный отрезок времени' и 'короткий отрезок времени'. От центральных признаков в ближнюю периферию отходят 'организация времени', 'ориентация во времени' (*сейчас, теперь, сначала, потом, недавно*), 'скорость протекания действия', 'временные изменения', 'однократность или 'многократность' (*часто, редко, иногда, вдруг*) 'цикл', 'момент', 'соотнесенность действий во времени'. Ряд лексем репрезентирует также конститутивные субконцепты НАСТОЯЩЕЕ, ПРОШЛОЕ, БУДУЩЕЕ, формирующие линейную структуру времени. Здесь же

встречаются циклические аспекты времени, такие как 'возраст', 'времена года' и 'отрезки суток' (*утро, день, вечер*). Понятие 'момент' включает в себя элементы 'начало/конец' (*рождение/смерть*), 'появление/исчезновение'. К дальней периферии отходят такие признаки, как 'память' (*ретроспекция, ностальгия*), 'современность', 'бесконечность', 'вечность', 'детство', 'молодость', 'зрелость' и 'старость'.

Сопоставление общеязыкового концепта ВРЕМЯ с авторским концептом в фильме «Зеркало» показало, что визуальный и вербальный способы репрезентации концепта не взаимозависимы: вербальный компонент не всегда определяет интерпретацию изображения, а изображение, в свою очередь, не иллюстрирует вербальную репрезентацию. Рассматривая репрезентации концепта ВРЕМЯ в фильме, мы выделяем все проявления лексем с семантикой времени на уровне речи, а также все кадры или их фрагменты (около 25 контекстов), содержащие визуальные элементы, связанные с темой времени. Отмечается, что в фильме «Зеркало» как на вербальном, так и на визуальном уровнях присутствуют уникальные черты, которых нет в общеязыковом концепте.

Так, в «Зеркале» вербально представлен признак 'воспоминание', который проявляется во многих диалоговых сценах, а визуально репрезентируется пласт конкретных представлений о предметах, что связано с показом настенных часов в кадре или привычных для главного героя мест из детства. В структуре авторского концепта также формируется блок представлений о перцептуальном времени, репрезентируемый только визуально через образ молодой матери — проводника в мир прошлого и поля — места пересечения временных пластов. Отметим также, что в фильме концепт ВРЕМЯ получает новый способ репрезентации через особые элементы киноязыка (обертональный монтаж для создания нелинейного нарратива, долгие планы для показа искаженного восприятия времени, эффекты смещения и т. п.).

Таким образом, индивидуально-авторский концепт ВРЕМЯ, преломленный через языковые и визуальные средства фильма «Зеркало» А. А. Тарковского, не только отличается от общеязыкового концепта, но и обладает уникальными характеристиками, которые формируют его особенный смысловой контекст.

Научный руководитель — канд. филол. наук М. С. Берендеева

Концептуальная оппозиция ЧИСТЫЙ – ГРЯЗНЫЙ в русской языковой картине мира

А. А. Калинина

Новосибирский государственный университет

Настоящая работа посвящена исследованию бинарной концептуальной оппозиции ЧИСТЫЙ — ГРЯЗНЫЙ в русской языковой картине мира.

Бинарные оппозиции, иногда обозначаемые как дуальности, с древних времен являлись для человека одним из способов постижения, а также структурирования окружающей действительности. Как утверждала Р. А. Агова, «при описании языковой картины мира исследователи исходят из существования бинарных оппозиций, составляющих ее основу, поскольку бинарные оппозиции составляют сущность систем, сложившихся в архаической космологии» [1]. Особую значимость для русской языковой картины мира и для русской культуры представляют концепты ЧИСТЫЙ и ГРЯЗНЫЙ.

Объект исследования — языковые репрезентанты концептуальной оппозиции ЧИСТЫЙ — ГРЯЗНЫЙ. **Предмет** — структура концептуальной оппозиции ЧИСТЫЙ — ГРЯЗНЫЙ в русской языковой картине мира. **Цель** исследования состоит в выявлении и описании структурных особенностей данной концептуальной оппозиции.

Реконструкция структуры концептуальной оппозиции включала два этапа с двумя выборками языкового материала. **На первом этапе исследования** были определены номинативные поля концептов ЧИСТЫЙ и ГРЯЗНЫЙ и проведен лексико-семантический анализ главных репрезентантов обоих концептов. Материалом исследования на данном этапе является сплошная выборка лексических единиц из толковых, этимологических, ассоциативных, паремиологических словарей, а также словарей синонимов, антонимов (всего рассмотрено около 600 лексем и фразеологизмов). **На втором этапе исследования** был проведен анализ реализации концептуальной оппозиции в контекстах, всего рассмотрено 1000 контекстов из Национального корпуса русского языка [2].

В ходе анализа выявлено, что концептуальная оппозиция ЧИСТЫЙ — ГРЯЗНЫЙ образует целостную когнитивную структуру с общим ядром, несколькими общими тематическими сферами и разными уровнями абстрактности когнитивных признаков. Так, ядро оппозиции составляет признак ‘наличие/отсутствие грязи’, формирующий следующие тематические сферы реализации оппозиции.

1. Физическая сфера, куда входят неметафорические признаки концептов ЧИСТЫЙ и ГРЯЗНЫЙ, в том числе ‘почва’, ‘бактерия’, ‘стирка’.

2. Этическая сфера, где концепты ЧИСТЫЙ и ГРЯЗНЫЙ имеют общие когнитивные признаки ‘нравственное качество’ (*двуличный, бескорыстный*), ‘общая нравственная характеристика человека’ (*порочный — беспорочный, добропорядочный*) ‘соответствие нравственным нормам и приличиям’ (*приличный — неприличный, обценный, непристойный*), ‘сексуальный опыт’ (*девственный*).

3. Религиозная сфера, где общими когнитивными признаками являются ‘божественность’ (*неземной*) и ‘грех’ (*греховный*).

4. Юридическая сфера, где выделяется когнитивный признак ‘законность’ (*грязное дело, чистые руки*).

5. Экономическая сфера, где выделяется признак ‘мошенничество’ (*грязные деньги*) и ‘расчет’ (*чистая прибыль, чистый убыток*).

6. Эстетическая сфера, где выделяются такие признаки, как ‘звонкость’, ‘правильность звука’ (*чистая нота, чистый голос*), ‘вызывающий неприятное чувство’ (*противный*).

Выделенные тематические сферы связаны с реализацией концептуальной оппозиции на четырех уровнях абстракции, основанных на расширении и метафорическом осмыслении ядерного признака и формирующих слоистую структуру оппозиции.

1. Наличие/отсутствие грязи в первичном значении, т. е. наличие/отсутствие размокшей почвы (*загрязненный — незагрязненный*).

2. Наличие/отсутствие вещества, традиционно считающегося загрязняющим (*стерильный — нестерильный, сорный — бессорный*).

3. Наличие/отсутствие любого нежелательного вещества, примеси (*мутный — незамутненный*).

4. Наличие/отсутствие изъяна, недостатка, нежелательной характеристики (*свежий — несвежий*).

Анализ также показал, что структура концептуальной оппозиции частично совпадает со структурой таких культурно значимых концептуальных оппозиций, как ДОБРО — ЗЛО, ИСТИНА — ЛОЖЬ, СВЕТ — ТЬМА.

Таким образом, концепты ЧИСТЫЙ и ГРЯЗНЫЙ образуют единый комплекс, представляющий собой слоистое образование, ядро которого представлено признаком ‘наличие/отсутствие грязи’, а периферия сформирована в том числе через частные бинарные оппозиции (ДОБРО — ЗЛО, ИСТИНА — ЛОЖЬ). Оппозиция ЧИСТЫЙ и ГРЯЗНЫЙ формируется на разных уровнях абстрактности, связанных с разным осмыслением представления о грязи, и реализуется в разных тематических сферах.

1. Агова Р. А. Бинарные оппозиции в лингвокультурологическом сознании. Молодой ученый. 2022. № 11 (406).

2. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 03.02.2024).

Научный руководитель — канд. филол. наук М. С. Берендеева

**Фреймово-слотовая организация области-источника «рыба»
в современных метафорических моделях (на основе контекстов
из Национального корпуса русского языка)**

Ло Вэй

Новосибирский государственный университет

Работа посвящена описанию основных направлений, в которых устанавливается метафорическая связь между концептом РЫБА и другими концептами русской языковой картины мира. Для выявления метафорических моделей с источником «рыба», не зафиксированных в словарях, мы обратились к материалу языковой репрезентации концепта РЫБА в контекстах из Национального корпуса русского языка [1].

Цель работы — определить основные структурные элементы области-источника «рыба», на основе которых происходит метафоризация в русской языковой картине мира. Выборку **материала** составили две группы контекстов: 1) 254 контекста с лексемой *рыба*; 2) 215 контекстов с другими лексемами, имеющими в своем лексическом значении сему 'рыба'. В выборку включались контексты, в которых репрезентирован процесс когнитивного переноса при любом варианте его языкового выражения (собственно языковая метафора, а также сравнения с формально выраженными компонентами и фразеологические выражения с метафорическим переносом в основе внутренней формы).

Далее рассмотрим группы фреймов, систематизирующих область-источник «рыба», с указанием основных метафорических моделей в соответствии со схемой ЦЕЛЬ — ЭТО ИСТОЧНИК, а также основных слотов (в соответствии со схемой анализа метафорических моделей А. П. Чудинова [2]).

1. Фрейм «Поведение рыбы» представлен метафорической моделью ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА — ЭТО ПОВЕДЕНИЕ РЫБЫ, которая структурируется через слоты «неспособность говорить» (*Репетитор Саша тоже молчал как рыба*), «поведение в панике и в опасности» (*Словно рыба, выброшенная на берег, Игорь пытался поймать ртом хоть каплю воздуха*), «способ движения» (*я всего лишь рыба, плывущая по течению*), а также моделью ПОВЕДЕНИЕ ПРЕДМЕТА — ЭТО ПОВЕДЕНИЕ РЫБЫ (*Машины плыли тропическими рыбками: раздвигали рылами воду*).

2. Фрейм «Характер рыбы» нацелен на метафоризацию таких качеств человека, как скрытность, холодность, равнодушие, безразличие, то есть черты внешности и поведения рыбы, которые как будто говорят о ее «характере», переносятся на характер человека (*рыбьими глазами равнодушного наблюдения; холодные, как рыбы, прибалты*).

3. Фрейм «Внешность рыбы» представлен моделью ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА — ЭТО ВНЕШНОСТЬ РЫБЫ. В этом случае внешний вид человека или отдельные свойства внешнего вида осмысляются на основе его сходства с обликом рыбы (*вся она блестящая, точно огромная рыба*).

4. Фрейм «Части тела рыбы» представлен моделью ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА — ЭТО ТЕЛО РЫБЫ со слотами «глаза», «чешуя», «рот», «все тело», а также ПРЕДМЕТ — ЭТО ЧАСТЬ ТЕЛА РЫБЫ (фонари плавают в ней, *как рыбы глаза*).

5. Фрейм «Место обитания рыб» в основном представлен моделью ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО — ЭТО ВОДОЕМ С РЫБАМИ и структурируется через слоты «естественный водоем» (репрезентация через выражение *быть/чувствовать себя как рыба в воде: среди иностранцев чувствует себя как рыба в воде*) и «искусственный водоем» (*Люди проплывали мимо, как рыбы в аквариуме*).

6. Фрейм «Ловля рыбы» представлен большим количеством примеров, метафоризации подвергаются как физические действия и бытовые ситуации, так и социальные действия, а в качестве источника метафоры выступает и поведение рыбака (*ловить рыбу в мутной воде*), и поведение рыбы (рыба попадает в сети, рыба клюет на блесну). В контекстах представлены слоты «сеть» (*и ее рука выскользнула из моей, как рыба выскальзывает из некрепкой сети*); «блесна» (*инвестиции идут на них, как рыба на блесну*); «живец, червячок» (*женщины на него клюют, как рыбы на живца*); «среда ловли рыбы» (*настоящие агенты гестапо и японская разведка с успехом ловят рыбу в мутной воде*).

7. Фрейм «Потребности рыбы» связан с фреймом «Место обитания рыбы», потому что в примерах источником метафоры становятся необходимые условия жизни рыбы (наличие воды), репрезентируется преимущественно через выражения *как рыбе зонтик, как рыба без воды*.

8. Фрейм «Заготовка рыбы» связан не с естественной средой обитания рыб, а с процессом промышленной заготовки (*тебя же на операции вспороли, как рыбу; я в этом челноке, как рыба в консервной банке*).

Анализ примеров также показывает, что некоторые метафоры репрезентированы только в довольно старых текстах, но не распространены сейчас (например, метафоры с компонентом *белорыбица*), то есть подобные метафорические признаки в структуре концепта меняются.

Таким образом, представления о рыбах как об источнике метафоризации структурированы в русской языковой картине мира в виде ряда фреймов, систематизирующих сложную и многокомпонентную область.

1. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 15.02.2023).

2. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): моногр. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук М. С. Берендеева

Древнерусские прозвища как отражение представлений о национальной идентичности

В. В. Марченко

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград

Означивание разными языками категорий действительности уникально. По мнению этимологов, в основе древнейших номинаций лежат различные типы мотивации. В связи с этим особый научный интерес представляет область оносемантики. «Современные и вышедшие из состава современного русского языка антропонимы заслуживают пристального внимания исследователей в области истории русского языка. Важно понять принципы имянаречения, установить формулы имен на разных этапах языкового развития» [1, с. 130]. Изучение древнерусского личного имени открывает путь к пониманию современных принципов номинации, лингвистических моделей конструирования антропонимов. При этом основой их изучения являются внеязыковые факторы, от них зависит функция и роль имени. В Древней Руси функцию имени выполняли прозвища. Данная тенденция распространилась в языческую эпоху и сохранилась до XVIII–XIX вв.

Цель данного исследования — определение принципов номинации древнерусских антропонимов. В качестве методов нами были использованы методы этимологической и семантико-мотивационной реконструкции. Объектом исследования являются личные имена, извлеченные методом сплошной выборки из «Словаря древнерусских личных собственных имен» [2], а предметом — выявление этимонов представленных в нем прозвищ.

Частотной в словаре является парадигма имен с отрицательной коннотацией, значением отсутствия. Здесь деривационным средством выступает приставка *без-*: *Беззубый*, *Безрукий*, *Безукладица*, *Безсчастко*. Способ образования имен сходен, но при выявлении этимона наблюдаются различия. Основание двояко — это либо эксплицитный, либо имплицитный признак. Так, вызывает споры прозвище *Беззубый*. В. В. Виноградов в «Истории слов» отмечает, что оно могло употребляться в прямом значении — ‘человек лишен зуба или зубов’ — или в переносном. У Я. К. Грота и С. И. Ожегова находим значения ‘бессильный, тупой, не способный повредить’ или ‘лишенный остроты, слабый’. Внутренняя форма прозвища *Безукладица* уже не так очевидна. В. И. Даль считал, что на Руси Безукладником называли бездетного, несемейного или несговорчивого, упрямого человека.

Обратим внимание на то, что значение лишения, недостатка чего-либо, неполноценности весьма частотно: *Незнай*, *Корка* (часть еды), *Глотка* (часть тела), *Безрукой*, *Разгилдъев*, *Разинъ*, *Разладинъ* (у которого ничего не ладится). На основе этого можно определить словообразовательный тип как «без + положительный признак» (признак наличия) или «без + соматизм».

Древнерусские антропонимы можно группировать и по наличию общей семы в номинативном значении. Рассмотрим цепочку прозвищ: *Гомонъ*, *Скоморохъ*, *Бала-*

гурь, *Дуракъ*. Их можно объединить в одну группу по значению — ‘шумный, беспокойный человек’, ‘шут’. Имя *Гомонъ*, возможно, образовано от звукоподражательного *гом* ‘крик, шум’. *Скоморохъ*, по наиболее обоснованному предположению, восходит к греческому *skommarchos* ‘мастер шутки’, образованному сложением *skomma* ‘шутка’ и *archos* ‘начальник’ [3]. *Балагуръ* имеет похожие значения — ‘болтун, шутник’. М. Фасмер первую часть возводит к *баять* или **bolbol* ‘балаболить’. Вторая часть связана с *говор*, диал. *гуркать* ‘говорить’ [3]. Возможное сближение прозвища *Дуракъ* связано с тюркским словом, означающим ‘место остановки, отдыха, коновязь в степи’. Этимологическую цепочку объединяет игровой шуточный карнавальный элемент или смеховой из народной культуры. Слова вызывают ассоциации с несерьезным отношением к жизни, несправедности в церковной оппозиции христианского сознания.

Таким образом, можно предположить, что в эпоху Древней Руси персональные имена имели широкий диапазон значений, связанных с мировоззрением, укладом жизни и историческими реалиями. Ведь имя — это не просто устоявшийся набор звуков, удобный при ссылке или обращении к конкретному человеку, но мыслеформа, которая обладает собственным энергетическим и идейным потенциалом.

1. Кузенная Т. Ф. Типологические особенности антропонимикона разножанровых памятников древнерусской письменности // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 2. С. 124–132.
2. Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М.: Рус. путь, 2004. 890 с.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М.: Астрель: АСТ, 2007.

Научный руководитель — канд. пед. наук, доц. Т. Ф. Кузенная

УДК 811.161.1

Особенности метафоры с областью-источником «Ювелирное дело» в русской языковой картине мира

Ма Цзя

Новосибирский государственный университет

Работа посвящена особенностям метафоры с областью-источником «Ювелирное дело» в современной русской языковой картине мира. **Объектом** является лексика понятийной области «Ювелирное дело», **предметом** — особенности метафоризации с данной областью-источником, **цель** работы — определить основные направления метафоризации с источником «Ювелирное дело». **Материалом** послужили 150 лексических единиц, связанных с ювелирным делом, из «Большого толкового словаря» С. А. Кузнецова [1] и 545 примеров из Национального корпуса русского языка [2], репрезентирующих процесс метафоризации вне зависимости от способов его формального выражения.

Определяя область-источник, мы исходим из представления о том, что ювелирное дело — это вид декоративно-прикладного искусства, связанный с обработкой драгоценных материалов и изготовлением украшений. Далее рассмотрим три фрейма области-источника: 1) общие представления о ювелирном деле; 2) представления о драгоценных камнях; 3) представления о ювелирных украшениях.

Системная метафоризация общих представлений о ювелирном деле связана с ЛСВ-2 лексемы *ювелирный* 'отличающийся искусной, очень тщательной, тонкой отделкой'. На основе примеров из корпуса отметим, что лексемы *ювелир*, *ювелирно*, *ювелирный* репрезентируют следующие когнитивные признаки, являющиеся основой метафоризации: 1) 'тщательность и точность': *Неслучайна тщательная шлифовка текста: от размера, способа рифмовки до ювелирной обработки деталей, передающих японские реалии, подмеченные поэтом* (Е. Крадожен-Мазурова. Сплетение судеб. Н. Гумилев и Сада Якко, 2019); 2) 'опытность, мастерство в специальности': *Техника совершения преступлений была отработана им ювелирно* (Е. В. Топильская. Тайны реального следствия. Записки следователя прокуратуры по особо важным делам, 2007); 3) 'незаметность': *Сработать ювелирно, по всем правилам, чтобы в хрониках не осталось ни малейшего намека на наше вмешательство* (Н. Дежнев. Принцип неопределенности, 2009).

Номинации драгоценных камней на основе словарей можно разделить на номинации собственно драгоценных камней (*алмаз*, *рубин*, *сапфир*), полудрагоценных камней (*агат*, *сердиолит*) и поделочных камней (*гагат*, *жадеит*, *нефрит*), метафорические контексты могут быть основаны на лексемах всех групп. На основе контекстов мы определили 6 основных признаков данной области-источника, являющихся основанием метафоризации: 1) 'цвет': *У него белая молочного цвета кожа, сапфировые глаза и белые, в легкую желтизну, длинные волосы* (П. Рейнеке. Киршберг, или Легенда о черной веревке и левой ступне повешенного, 2015); 2) 'блеск': *Глаза у нее темно-синие,*

как вода в том озере, что шумит под окнами замка, и блестят они, как та драгоценная диадема, что горит, переливается алмазами и яхонтами на ее белокурых кудрях (Л. А. Чарская. Галина правда, 1912); 3) ‘твердость’: Зверь, который перед ним сидел, смотрел на него жесткими голубыми глазами, обладал стальными челюстями, железной хваткой и алмазной крепости честолубием, соответствующим юношескому прозвищу... (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого, 2000); 4) ‘ценность’: Но алмазные слова и даются не даром (И. Ф. Анненский. Вторая книга отражений, 1909); 5) ‘форма’: Пока мы с трудом огибали озеро по левому берегу, облака разошлись, и нашим глазам открылся граненый алмазный пик (И. А. Ефремов. Озеро горных духов, 1942–1943) и 6) ‘прозрачность’: Ручьи коричневые, не грязные, прозрачные, как по-своему прозрачен турмалин, точно настояны на листьях (Вс. В. Иванов. Дневник, 1962).

Представления об украшениях как о результате обработки материалов в ювелирном искусстве также часто становятся источником метафоризации. На основе контекстов мы выделили следующие признаки, являющиеся основанием метафоризации: 1) ‘форма’: И жизнь по этой цепочке и идет (Б. Окуджава. Новенький как с иголки, 1962); 2) ‘ценность’: Вы — мои друзья, как два камня в моем браслете... (В. Токарева. Один из нас, 1964–1994); 3) ‘красота’: Эти звезды — голубые, красные, зеленые, серебристые — летали во всех направлениях, то вспыхивая, то потухая, то в одиночку, отдельными лампочками, то свиваясь в сверкающие кольца, сплетаясь в жемчужные диадемы, то распрямляясь в разноцветные мигающие гирлянды (Г. Адамов. Тайна двух океанов, 1939).

Таким образом, можно сделать следующие выводы: 1) метафорические модели с источником «Ювелирное дело» отражают основные физические свойства материалов или украшений, например признаки ‘цвет’, ‘блеск’ и ‘форма украшения/камня’; 2) большинство примеров с источником «Ювелирное дело» выражает положительную оценку явления, а также его необычность или особую ценность.

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. М.: СПб: Норинт, 2000. 1191 с.
2. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 10.01.2024).

Научный руководитель — канд. филол. наук М. С. Берендеева

Актуализация концепта «Патриотизм» в современном песенном дискурсе

А. С. Мащенко, В. С. Мельников

Новосибирский военный ордена Жукова институт
им. генерала армии И. К. Яковлева войск
национальной гвардии Российской Федерации

Категория патриотизма является важнейшим понятием в истории человеческой цивилизации и в силу этого обладает, безусловно, общечеловеческой значимостью [1, с. 156].

Патриотизм представляет собой высокое, доминирующее чувство и является базовой основой всех идеологий. Если дух патриотизма питает большинство граждан государства, то это общество обладает силой, способной противостоять негативным историческим обстоятельствам, например войне.

В настоящее время в ходе проведения Специальной военной операции, как и в прежние времена, стоит вопрос о сохранении многонационального, самобытного государства с великой историей, о том, быть ему свободным и независимым или попасть в рабощение и быть угнетаемым и беспощадно истребляемым.

В данный тяжелый исторический момент патриотизм русского народа играет важную роль. Одной из форм его проявления является песенный дискурс, который следует рассматривать как речевой жанр, отражающий общественные ценности, установки, убеждения, нормы [2, с. 10]. Песня способна воздействовать на общественное сознание, объединять людей и зарождать в них чувство патриотизма.

Современные песни, посвященные событиям, которые происходят в России и на Украине в течение последних десяти лет, содержат богатый материал для проведения исследований.

Цель настоящей работы заключается в описании содержания и построении структуры концепта «Патриотизм», репрезентированного в современном песенном дискурсе.

Вслед за В. И. Карасиком, определим концепт как ментальное образование, которое представляет собой хранящиеся в памяти человека значимые фрагменты опыта. В структуре концепта ученый выделяет ценностную, образную и понятийную составляющие [3, с. 39].

В ходе исследования нами было отобрано 30 песен, из которых было извлечено 150 текстовых фрагментов. Когнитивная интерпретация толкований ключевого слова концепта и извлеченных из песен текстовых фрагментов позволила нам описать структуру и содержание концепта «Патриотизм», которая выглядит следующим образом.

Структура концепта «Патриотизм»

Название компонента	Индекс яркости, %
Понятийный компонент	8
Образный компонент	20
Ценностный компонент	72

Исследование показало, что образный и ценностный компоненты значительно расширяют представления о патриотизме, репрезентированные в понятийной составляющей. Патриотизм — это не только любовь к стране, ее жителям, преданность стране и народу и готовность к жертвам и подвигам во имя родины. Содержание концепта «Патриотизм» шире. Так, в образном компоненте нами были выделены такие когнитивные признаки, как «Враг», «Вооружение», «Выдающиеся русские личности/воины», «Россия», «Российский военнослужащий», «Русский дух», «Любовь к отечеству», «Качества военнослужащих», «Мир», «Москва», «Предатели». Ценностный компонент исследуемого концепта образуют такие когнитивные признаки, как «Принципы патриотизма», «Единство русской нации», «Качества русского воина», «Гордость за отечественное оружие», «Сохранение исторической памяти», «Связь с Богом». В образном компоненте наибольшим индексом яркости обладают признаки «Враг» и «Вооружение». В ценностной составляющей доминирует признак «Принципы патриотизма». В текстах песен нашли свою актуализацию такие принципы патриотизма, как готовность защищать страну, борьба за правду, помощь товарищу, готовность отдать жизнь за Отечество, любовь к стране, гордость за страну, вера в победу.

Таким образом, современные патриотические песни позволяют сформировать в общественном сознании четкое представление о сильной российской армии, мощном русском вооружении, храбрых русских воинах, идущих только вперед, легендарном русском духе, понять который наши противники не в силах. Данные песни способствуют распространению идеи о том, что необходимо сохранить нашу историческую память и помнить людей, внесших значительный вклад в становление и развитие нашего Отечества. Они формируют представление о врагах и предателях. Более того, они учат любить нашу многонациональную страну и быть едиными. Следовательно, песни, отражающие современные военно-политические события, являются не только формой проявления патриотизма, но и действенным инструментом формирования и развития патриотических чувств в сознании, как военного, так и гражданского населения.

1. Наговицына Н. В. Смысловое наполнение и семантический объем концепта «Патриотизм» в русском языке (по данным лексикографических источников) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 3. С. 156–160.
2. Дуняшева Л. Г., Гриценко Е. С. Конструирование гендера в блюзе и рэпе: глобальное и локальное: моногр. Н. Новгород, 2013. 213 с.
3. Карасик В. И. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. 195 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. А. Чистюхина

О мерных словах, функционирующих в языке тувинского фольклора

А. Р. Ондар

Тувинский государственный университет, Кызыл

В данной статье рассматриваются мерные слова, которые активно функционируют в языке тувинского фольклора. У каждого народа были свои меры объема, веса и длины, при помощи которых отсчитывали время, измеряли длину и взвешивали различные предметы.

Тувинцы, как и другие народы, для измерения длины небольшой величины использовали лексемы, обозначающие части человеческого тела, например: *илиг* ‘мера длины, равная толщине пальца’, *базым* ‘шаг’.

Нами были проанализированы тексты героического эпоса, волшебных сказок, сказок про животных, бытовых сказок.

В результате анализа были выявлены лексико-семантические группы мерных слов по разным текстам (табл. 1).

Таблица 1

Лексико-семантические группы мерных слов, функционирующих в тувинском фольклоре

ЛСГ	Лексема	Примеры
Меры длины	<i>Кулаш</i> ‘маховая сажень’ (расстояние, равное размаху рук)	<i>Үш кулаш кудуруктуг</i> [ТМТ, МШТ] ‘с хвостом в три маховые сажени’
	<i>Карыш</i> ‘пядь, большая пядь’ (расстояние между вытянутыми большим и средним пальцами)	<i>Үш карыш дүктүг</i> [ТМТ, БТ] ‘с шерстью в три пряди’
	<i>Илиг</i> ‘мера длины, равная толщине пальца’	<i>Үш-дөрт хире илиг аң дүгү бар</i> [ТМТ, БКБШ] ‘есть пушнина толщиной примерно в три-четыре пальца’
Меры веса и объема	<i>Куспак</i> = <i>кужак</i> ‘охапка’, ‘обхват’	<i>Үш куспак кудуруктуг</i> [ТМТ, АХ] букв. ‘с хвостом в три обхвата’
	<i>Пак</i> ‘глоток’	<i>Ол үш пак суун пактаан</i> [ТМТ, АХ] (букв. ‘он глотнул три глотка воды’) ‘попил немного воды’
	<i>Тудум</i> ‘пучок’	<i>Тудум хире кылдыр үзе хемирип алган</i> [ТМТ, КМ] букв. ‘разгрыз примерно пучок’
	<i>Хырын</i> ‘желудок животного (используется в качестве тары)’	<i>Ол кылаштап чорааш, бир хырын чөкпек тып алган-дыр</i> [АТ, КО] ‘он по дороге нашел чокпек, помещенный в желудок коровы’ (чокпек — лакомство из гущи, оставшейся после топления масла)
	<i>Шоодай</i> ‘куль, мешой’	<i>Дөртөн шоодай тарааны арай деп шоодайлап аптыр</i> [ХТ, С] ‘с трудом насыпали сорок мешков зерна’

ЛСГ	Лексема	Примеры
Меры расстояния	<i>Базым</i> 'шаг'	<i>Бир базым черде</i> [ТМТ, МШТ] 'на расстоянии одного шага'
Меры времени	<i>Таакпы тыртым</i> 'время, равное курению табака'	<i>Таакпы тыртым хире болгаи-ла «шыяан ам» дигип каан орап</i> [ТМТ, АХ] 'примерно через некоторое время, равное курению табака, поговаривают «шыяан ам»'
	<i>Чылдык</i> 'годовой (расстояние, равное году пути)'	<i>Чеден чылдык черде Сундук ламадан эм чалап эк-келдим</i> [ТМТ, МШТ] 'я привез лекарство от ламы Сундук, проживающего в местности, до которой добираются за семьдесят лет'
	<i>Айлык</i> 'расстояние равное месяцу пути'	<i>Үш айлык черде</i> [ТМТ, КМ] 'в местности, до которой добираются три месяца'
Меры счета поголовья скота	<i>Кодан</i> 'находящаяся вместе группа домашних животных или диких животных (стадо, табун, стая)'	<i>Үш кодан мал олчалаан</i> [ТМТ, КМ] 'похитил много скота, равное трем стадам'
	<i>Баиш</i> 'слово для счета поголовья скота'	<i>Беиш баиш инек тургулаан</i> [ТМТ, АХ] (букв. 'пять голов коров стояли') 'стояло пять коров'

Анализ фольклорных текстов позволил выявить функционирующие мерные слова в разных видах тувинских сказок (табл. 2).

Таблица 2

Функционирование мерных слов в текстах тувинского фольклора

ЛСГ	Героический эпос	Волшебные сказки	Бытовые сказки	Сказки про животных
Меры длины	<i>Кулаш</i> 'маховая сажень (расстояние, равное размаху рук)'; <i>Карыш</i> 'пядь, большая пядь (расстояние между вытянутыми большим и средним пальцами)'; <i>Илиг</i> 'мера длины, равная толщине пальца'	<i>Кулаш</i> 'маховая сажень (расстояние, равное размаху рук)'; <i>Карыш</i> 'пядь, большая пядь (расстояние между вытянутыми большим и средним пальцами)'	<i>Кулаш</i> 'маховая сажень (расстояние, равное размаху рук)'; <i>Карыш</i> 'пядь, большая пядь (расстояние между вытянутыми большим и средним пальцами)'	<i>Кулаш</i> 'маховая сажень (расстояние, равное размаху рук)'
Меры веса и объема	<i>Куспак</i> 'охапка', 'обхват'; <i>Пак</i> 'глоток'; <i>Тудум</i> 'пучок'	<i>Шоодай</i> 'куль, мешок'	<i>Хырын</i> 'желудок животного (используется в качестве тары)'; <i>Тудум</i> 'пучок'	—
Меры счета поголовья скота	<i>Баиш</i> 'слово для счета поголовья скота'; <i>Кодан</i> 'стадо, табун, стая'	—	—	—
Меры времени	<i>Таакпы тыртым</i> 'время, равное курению табака'; <i>Айлык</i> 'месячный'; <i>Чылдык</i> 'годовой'	—	—	—
Меры расстояния	<i>Базым</i> 'шаг'	—	—	—

Таким образом, в текстах героического эпоса используется все лексико-семантические группы слов, которые нами были выявлены в результате анализа фольклорных текстов.

Список сокращений

АТ, КО — Анаа тоолдар, «Кагай-Одучу»

ТМТ, АХ — Тыва маадырлыг тоолдар, «Ары-Хаан»

ТМТ, БКБШ — Тыва маадырлыг тоолдар, «Бокту-Кириш Бора-Шээлей»

ТМТ, БТ — Тыва маадырлыг тоолдар, «Баян-Тоолай»

ТМТ, КМ — Тыва маадырлыг тоолдар, «Каңгывай-Мерген»

ТМТ, МШТ — Тыва маадырлыг тоолдар, «Мөге Шагаан-Тоолай»

ХТ, С — Хуулгаазын тоолдар, «Сарай»

1. Тыва улустун тоолдары (Тувинские народные сказки). Кызыл, 2012. 624 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук А. Б. Хертек

УДК 81'37

Лексико-семантическое поле «слабость» как фрагмент русской языковой картины мира

В. А. Павлова

Новосибирский государственный университет

Работа посвящена многоаспектному изучению лексико-семантического поля (ЛСП) «слабость» в русском языке. **Объект** исследования — лексические единицы, входящие в состав ЛСП «слабость» современного русского языка. **Предмет** — системно-семантический анализ ЛСП «слабость» и его ядерных и периферийных компонентов, а также описание фрагмента русской языковой картины мира (ЯКМ) «слабость».

Цель работы — составить и описать ЛСП «слабость» и ассоциативное поле (АП) «слабость» и на основе полученных данных сконструировать фрагмент русской ЯКМ.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие **задачи**: 1) используя метод компонентного анализа, определить состав и объем ЛСП «слабость» в русском языке на основе данных словарей разного типа; выявить и описать ядро и периферию поля, а также семантические особенности организации поля; 2) провести ассоциативный эксперимент (АЭ) на материале слова-стимула *слабость* и по его результатам составить АП; 3) сопоставить полученное АП с АП, созданным на материалах «Русского ассоциативного словаря» (РАС) под ред. Ю. Н. Караулова [1]; 4) реконструировать и описать слабость как фрагмент русской ЯКМ.

Актуальность исследования. Работа выполнена в русле лингвистических исследований, посвященных изучению языковой картины мира [2], описание фрагментов которой возможно при помощи анализа лексико-семантических [3] и ассоциативных полей [4]. Слабость является важной частью ЯКМ русского человека, явлением, представление о котором в ментальном поле этноса может изменяться, поэтому мы провели сравнение двух АП, составленных из реакций людей разных поколений.

На **первом этапе** работы на основе данных словарей различного типа (идеографического и словарей синонимов) мы отобрали 26 существительных, включающих номинации слабости и субъекта слабости (*астения, бессилие; власти, воли* и др.), 25 глаголов, квалифицирующих действия субъекта и его состояние (*ощутить, показать; выдохнуться, захилеть* и др.), и 26 прилагательных, характеризующих субъект слабости и саму слабость (*внезапная, минутная; бессильный, дряблый* и др.), затем составили ЛСП «слабость», включающее 77 единиц, распределенных на ядро, ближнюю и дальнюю периферию в зависимости от их стилистической окраски, семантического объема и наличия дополнительных компонентов в значении.

ЛСП состоит из ядра, в которое вошли ЛЕ, лексические значения (ЛЗ) которых близки к ЛЗ номинации *слабость* 'недостаток физических сил, энергии' (*бессилие, вялость, изнеможение, изнурение, истощение, малосилие, немощность, слабосилие, упадок сил*), а также из ближней и дальней периферии, в которые вошли ЛЕ, конкретизирующие ос-

новное значение ЛЕ *слабость* и номинации, семантически отдаленные от этого значения (*астения, истома; сдавать, увянуть* и др.).

На **втором этапе** исследования мы составили АП на основе 91 анкеты, собранной нами во время проведения АЭ со словом-стимулом ***слабость*** с респондентами в возрасте от 18 до 51 года. В ядро АП входят единицы, характеризующиеся наибольшей частотностью (10 и более реакций): *болезнь, усталость, бессилие, слезы*. Большую часть (55,4 %) неединичных реакций составляют ассоциации по смежности (*слезы, температура* и пр.), тогда как ассоциации по сходству, имеющие общие семантические компоненты, составляют 44,6 % (*болезнь, усталость* и пр.). Незначительная разница в объеме групп указывает на сохранение прямой связи между ассоциациями и словом-стимулом и на широкое раскрытие понятия *слабость* благодаря большому количеству слов, с которыми оно сближается семантически. Превалирующая часть реакций-существительных имеет отвлеченную семантику (93,67 %), единично представлены конкретные существительные: *слезы, ребенок, женщина, жертва, кровать*.

Сравнение результатов проведенного нами АЭ с материалами РАС позволило выявить изменения, произошедшие в представлении о слабости у представителей разных поколений (данные РАС были собраны в 1988–1990 гг., данные нашего АЭ — в 2023 г.). В ЯКМ русских *слабость* имеет два когнитивных центра: представление о слабости как о физическом недуге и современное представление о слабости как о многоаспектном явлении, включающем в себя не только физический аспект, но и ментальный (ассоциации с депрессией, апатией). Важными факторами, определившими эволюцию представлений о слабости, являются изменения в мировом и русском социуме, связанные с развитием психологии и медицины.

1. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов и др. М.: Астрель; АСТ, 2002.
2. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003.
3. Федотова Т. Н. Лексико-семантическое поле красоты в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1999.
4. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография М.: Наука, 1976.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Т. И. Белица

УДК 81'242

Жаргонная лексика в произведении Чылгычы Ондар «Сөөлгү өртээл» («Последняя пристань»)

Л.Ч. Сендажы

Тувинский государственный университет, Кызыл

Актуальность данной работы обусловлена недостаточной изученностью жаргонной лексики в тувинском языке и отсутствием специальных научных исследований по данной проблеме. Цель исследования состоит в выявлении жаргонной лексики в повести Чылгычы Ондара, бытующей среди населения с 1979 г., начала Афганской войны.

В последние годы наблюдается активное использование жаргонизмов в речи, тем самым разрушается литературный язык. Эту проблему поднимает тувинский писатель Ч. Ондар в своей повести военно-патриотической тематики «Сөөлгү өртээл» («Последняя пристань»), где широко использует жаргонную лексику определенных социальных групп, раскрывая судьбу солдат и офицеров, воевавших в Афганской войне.

Автор хотел обратить внимание читателей на проблемы нравственного воспитания. В произведении автором созданы образы представителей различных социальных групп, в частности участников военных действий и женщин с разгульным образом жизни.

В настоящей работе проведена классификация жаргонной лексики в повести и приведены трактовки ее лексических значений.

В «Толковом словаре тувинского языка» под словом *жаргон* понимается *кандыг-бир социал азы профессионал бөлүктүң онзагай чугаазы* [1] 'речь какой-либо социальной или иной объединенной общими интересами группы, содержащая много отличных от общего языка, в том числе искусственных, иногда условных слов и выражений, отражающих вкусы и потребности данной группы'.

В ходе исследования жаргонная лексика, используемая в повести Ч. Ондара, была подразделена на следующие категории.

1. Жаргонные слова, относящиеся к речи участников войны: *кырганнар* 'старики' — *үр үеде туруп келген* 'старые, существующий давно' — солдаты, прибывшие в армию раньше остальных; *сы мунар* 'ездить' — *кырындан базар* 'сдавливать, сжимать' [2] — частое моральное и физическое давление со стороны должностных лиц на солдат (*Оон кадында офицерлер база сы мунуп кээр* [3] — букв. 'Помимо этого, еще и офицеры давят, ездят на них').

2. В повести можно отметить жаргоны «распущенных» женщин: *кижи бүрүзүнге чыдып бээр* 'ляжет под любого' — женщина, вступающая в интимную связь с кем попало; *яңган* 'проститутка' [4] (*Оожурга дидир мен, яңган эшти* — букв. 'Я сказал тише, проститутка' [3]); *өлешкин* 'самка, сучка (о собаке)' — обращение к женщине [2]; *мунар* 'оседлать' — образное выражение, означающее половую связь между людьми (*Кайы эмчиңиң дежурныйлаашкын үезинде кымны кускаптап, мунуп турганы хамаан эвес!* [3] — букв. 'Неважно, во время дежурства какой врач кого обнимал или оседлал!').

3. Выявлены лексемы, обозначающие характер и чувства человека: *сойлук* ‘подлец, негодяй’ — *бак кижги* ‘плохой человек’ [2]; *мелегей* ‘глупый’ [2]; *маңгыстаар* ‘жрать’ — *хөйну чиир, хоптактанып чиир* ‘паразитировать, есть много, жрать’ [2]; *си-илең* ‘ветреный’ — *кыйбың-сыйбың, бодамча чок, мөзүзү бак* ‘легкомысленный, пустой’ [2] (*Ол боду чоокта чаа-ла америк джинсы суруп, Москваны эргип турган-на харын, ынчалза-даа, бо аныяктар дег, сиилең чорбаан дээрзин сактып боданган* [3] — букв. ‘Он вспоминал, что недавно сам гнался за американскими джинсами по всей Москве, но не был таким ветреным, как нынешняя молодежь’); *кадалыр* ‘приставать’ — *айтыргаиш туруп бээр азы черле салдыкпастаар, шорлур* ‘приставать с вопросами или вообще приставать, привязываться’ [2] (*Ол спортка база дески, ооң кадында хүрежир, билбес-тутпас чүвези чок, шериг херээн дораан шиңгээдип алыр боорга, олар аңаа ындыг кончуг кадалбааннар* [3] — букв. ‘Он во всем и в спорте хорош, занимается борьбой, нет ничего, чего бы он не знал, из-за того, что он быстро освоил армейское обучение, они к нему не очень приставали’).

4. Также следует выделить жаргоны, имеющие другие трактовки в литературном языке: *аза* ‘черт’ — *каракка көзүлбес, мага-бот чок амытан* ‘нечистая сила’ [1] — обращение капитана группировки к своим солдатам (*Дүрген ырап чоруңар, азалар!* [3] — букв. ‘Быстрее уходите прочь, черти!’); *бараскан* ‘ничтожный’ — *багай, өөдежок, кээргенчиг кижги* ‘никчемный, жалкий человек, бедняжка’ [1] («*Хамаатылар*» деп ойзу адаарын утупкан бараскан сен бе? [3] — букв. ‘Ничтожный, ты забыл, что надо обращаться «гражданин»?!’); *черлик* ‘дикарь, дикий, бездомный’ [1] (*Азиаттар черле ындыг, оларның чүнү бодап чоруурун кым билир, черликтерни* [3] — букв. ‘Азиаты всегда такие, кто знает, о чем они думают, дикари’).

В результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что язык имеет тесную связь с социальными проблемами общества. Вышеперечисленные жаргонизмы из произведения свидетельствуют о переживаниях автора о дальнейшей судьбе своего родного языка. Следовательно, автор наставляет читателей, чтобы они любили, уважали свой родной язык, сохраняли его для будущего поколения в том чистом виде, как его передавали их предки.

1. Монгуш Д. А. Толковый словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2003. Т. I. 596 с.
2. Монгуш Д. А. Толковый словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2011. Т. II. 795 с.
3. Тувинско-русский словарь: 22000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 407 с.
4. Ондар Ч. Ч.-Д. Сөөлгү өртээл. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 2020. 144 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Н. Д. Сувандии

УДК 811.161.1

**Лексикографическая репрезентация
бинарных концептов СВЕТ и ТЬМА
(на материале толковых и словообразовательных словарей)**

Сун Ирэй

Новосибирский государственный университет

Данная работа посвящена комплексному лексикографическому анализу бинарных концептов СВЕТ и ТЬМА на основе толковых и словообразовательных словарей русского языка. **Цель исследования** — выявить и систематизировать на основе лексикографических источников особенности концептуальной оппозиции СВЕТ и ТЬМА, реализующиеся в семантической структуре их основных репрезентантов.

Объектом исследования являются лексико-семантические структуры имен концептов СВЕТ и ТЬМА, а также лексем соответствующих словообразовательных гнезд. **Предмет исследования** — особенности бинарных концептов СВЕТ и ТЬМА на основе лексикографических источников.

В настоящее время есть исследования отдельных концептов, составляющих оппозиции, но исследования бинарных концептов как целостной когнитивной структуры практически не проводились. Кроме того, в современной концептологии изучение бинарных оппозиций происходит на уровне репрезентации в текстах разных стилей с целью выявления структурного развития оппозиций, тем самым определяется актуальность нашего исследования.

Теоретико-методологической основой исследования являются работы по лингвокультурологии, когнитивной лингвистике и лингвоконцептологии.

Материалом исследования послужили: 1) репрезентация номинативных полей концептов СВЕТ и ТЬМА в словообразовательном словаре русского языка; 2) словарные толкования имен концептов в толковых словарях русского языка.

Используя «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова [1], мы рассмотрим концепты СВЕТ и ТЬМА в аспекте объема номинативного поля, представленного в словаре однокоренными лексемами. Всего из словаря было получено 247 единиц, однокоренных имени концепта СВЕТ, и 104 единицы, однокоренных имени концепта ТЬМА. Представления о **свете** связаны со следующими когнитивными признаками: 1) 'состояние места' (*светленький, светленько*), 2) 'источник света' (*светец, свеча*), 3) 'цвета' (*светло-бежевый, светло-желтый*), 4) 'сила света' (*светотень, светотеневой*), 5) 'применение света' (*световодолечебница, световодолечение*), 6) 'проницаемость света' (*просветиться, просвечиваться*), 7) 'физические характеристики людей, животных или растений' (*светлобородый, светлобрый*), 8) 'время' (*засветло, светать*), 9) 'оптическое явление' (*отсвечивать*), 10) 'характеристики объектов' (*светолюбивый*), 11) 'изменение первоначальных характеристик объекта' (*светлить, высветлить*), 12) 'внутренний мир, знание и ум' (*просветлиться, просветляться*),

13) 'расстояние' (*светодальномер, светоизмерительный*), 14) 'представление о титулах, этикетных формулах' (*пресветлый, пресветлейший*), 15) 'скорость' (*сверхсветовой, субсветовой*), 16) 'бытовое ласковое обращение' (*светик*). Представления о **ТЬМЕ** связаны со следующими признаками: 1) 'отсутствие света' (*темный, темноватый*), 2) 'связь с цветом и светом' (*темненько, темно-синий*), 3) 'время' (*дотемна, затемно*), 4) 'физические характеристики людей, растений или животных' (*темно-рыжий, темнобородый*), 5) 'изменение первоначальных характеристик объекта' (*затемнение, затемевать*), 6) 'количество' (*тьма-тьмущая*), 7) 'знания' (*темнота*).

Далее рассмотрим семантическую структуру лексем *свет* и *тьма* на основе различных толковых словарей — исторических (с XIX в.) и современных.

По данным материалам в толковых словарях наблюдается развитие групп признаков данной оппозиции. Так, можно выделить следующие основные группы признаки концепта СВЕТА: 1) понятие света как явления физического мира; 2) абстрактные когнитивные признаки, формирующие ассоциативные значения. Можно выделить следующие признаки концепта ТЬМА: 1) абстрактное определение понятия *тьма*; 2) физические значения; 3) состояния человека.

Проанализировав словарные дефиниции из шести различных толковых словарей русского языка, по частотности сем, репрезентирующих когнитивные признаки концепта, были выявлены ядерная, околядерная и периферийная зоны концептов СВЕТА и ТЬМА, связанные с разным уровнем абстрактности представлений

Таким образом, на основе анализа семантики словообразовательных гнезд «свет» и «тьма» оппозицию «свет — тьма» можно представить в виде шкалы, но два полюса не представляют собой две крайности, так как между ними есть переходные состояния; оппозиция СВЕТА и ТЬМА построена на наборе признаков разного уровня абстрактности; различные признаки, формирующие оппозицию и репрезентирующиеся в семантике разных элементов номинативных полей, связаны с такими сферами представлений, как 'зрение', 'цвет', 'время', а также 'количество и возможность измерения'.

Дальнейшие исследования в этой области связаны с рассмотрением концептов СВЕТА и ТЬМА на основе ассоциативного эксперимента и текстов конкретного стиля, например публицистического.

1. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т.: более 145 000 слов. 3-е изд., испр. и доп. М.: АСТ. 2003. Т. 2. 941 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. М. С. Берендеева

УДК 811.581.11:811.161.1

Лингвокультурная специфика концептов СКАЗКА и 童话 в русской и китайской картинах мира

Хань Чэлимугэ

Новосибирский государственный университет

Наша работа посвящена сопоставлению концептов СКАЗКА и 童话 ‘сказка’ в русской и китайской лингвокультурах. Объектом исследования являются лексические репрезентанты концептов СКАЗКА и 童话. Предметом исследования является культурная специфика концептов СКАЗКА и 童话 в русской и китайской лингвокультурах.

Материалом послужили 23 статьи из русских и китайских толковых словарей и словаря синонимов [1–3], 300 русских и 300 китайских контекстов с лексемами — репрезентантами концептов СКАЗКА и 童话 из Национального корпуса русского языка [4] и Корпуса исследовательского центра китайской лингвистики Пекинского университета [5]. Научная новизна связана с введением в научный оборот нового материала, а также с установлением общих и различающихся признаков смежных концептов.

Цель работы — выявить и описать на основе лексикографических источников и контекстов особенности концептов СКАЗКА и 童话 в сопоставлении. При определении данных концептов на начальном этапе мы исходим из того, что концепт СКАЗКА основан в ядерном понятийном слое на представлении о жанре детской литературы, соответствие между эквивалентными концептами двух картин мира установлено на основе двуязычных словарей.

Из русских толковых словарей выписано 13 толкований лексем и синлексем, репрезентирующих концепт СКАЗКА (*народное творчество, ложь, вымысел, сказание, предание, басня, легенда, поверье, анекдот, миф, притча, параболла, рассказ*), из китайских словарей — 10 толкований лексем, репрезентирующих концепт 童话 (寓言 ‘басня’, 儿童文学 ‘детская литература’, 拟人 ‘олицетворение’, 虚构 ‘вымысел’, 传说 ‘легенда’, 故事 ‘сказание’, 塑造 ‘творчество’, 神话 ‘миф’, 描写 ‘описание’, 形象 ‘образ’). Словарные дефиниции репрезентантов обоих концептов основаны на представлении о жанре фольклора и литературы и на синонимическом ряде *сказка — легенда — миф — басня*, но русские репрезентанты отражают также когнитивный признак ‘ложь’.

Для выявления других признаков концептов мы обратились к контекстам. В зависимости от репрезентированного в контексте признака концепта СКАЗКА контексты из русской выборки можно разделить на несколько групп: 1) ‘сказка как мечта’; 2) ‘сказка как волшебное или странное место’; 3) ‘сказка как что-то невероятное’; 4) ‘сказка как ложь и вымысел’; 5) ‘сказка как народное творчество’; 6) ‘сказка как жанр фольклора (словесное искусство)’; 7) ‘страшная сказка’. Частотным является первый признак, для которого характерна сочетаемость лексемы *сказка* с лексемами, имеющими семы положительной оценки, например: *Фильм о том, что у каждого должна быть мечта*

или *Добрая сказка про нашу жизнь... Пересматривала эту комедию не раз и не два* (Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо», 2008–2011).

Отметим, что признаки концепта СКАЗКА связаны с разной степенью абстрактности и с разной оценкой: так, представления о жанре и народном творчестве являются более конкретными и относятся к понятийному слою, представления о невероятном и волшебном связаны с образами и ценностями, являются более абстрактными и связаны с положительной оценкой, а представления о лжи и вымысле отличаются противоположной оценкой.

Все контексты из китайской выборки можно также разделить на несколько групп: 1) ‘сказка как ложь и выдумка’; 2) ‘сказка как жанр’; 3) ‘сказка как отражение реальности’; 4) ‘сказочное место’; 5) ‘поучительная сказка’. Частотным является признак, связанный с представлением о воспитательной функции сказок: 这些童话故事一般都是有趣的, 为儿童所喜爱的。它们大都是取材自民间故事和民间童话的知识性的童话, 教育儿童勤劳、勇敢、诚实、友爱、不骄傲、尊敬长者、帮助别人……, 帮助儿童理解一些简单的自然现象, 知道一些科学知识。‘Эти сказки в основном интересны и любимы детьми. Большинство из них — **познавательные** сказки, основанные на народных историях и народных сказках. Они **воспитывают детей** трудолюбивыми, смелыми, честными, дружелюбными, негордыми, уважают старших, помогают другим... и также **помогают детям** понять некоторые простые явления природы и знать некоторые знания науки’.

Таким образом, концепты СКАЗКА и 童话 в обеих картинах мирах сформированы блоками разной степени абстрактности и имеют преимущественно положительно окрашенные признаки, но русский концепт на периферии имеет признаки, указывающие на отрицательную оценку представлений о вымысле, а также на амбивалентность представления о сказке; в китайской картине мира отметим большую связь с концептосферой воспитания, что репрезентируется в признаке ‘поучительная сказка’.

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. М.; СПб: Норинт, 2000. 1191 с.
2. Словарь синонимов русского языка / под ред. З. Е. Александрова. М.: Русский язык, 2001. 454 с.
3. Словарь современного китайского языка. 现代汉语词典. Сычуаньское словарное издательство, 2018. 444 с.
4. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 03.02.2024).
5. 北京大学中国语言学研究中心语料库 / Корпус исследовательского центра китайской лингвистики Пекинского университета. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ (дата обращения: 03.02.2024).

Научный руководитель — канд. филол. наук М. С. Берендеева

УДК 81'37

Структурные модели личных имен сказочного образа дангына: на материале тувинских народных сказок и героических сказаний

М. Р. Хомушку

Тувинский государственный университет, Кызыл

Статья посвящена исследованию имен собственных сказочного персонажа дангына, встречающихся в тувинском фольклоре. Источником настоящего исследования послужили тексты тувинских героических сказаний и тувинских народных сказок.

Особое место в героических сказаниях и сказках занимают личные имена сказочного образа дангына. Как и у других народов, в личные имена образа дангына в основном входят названия различных явлений окружающей природы, которые характеризуют личностные качества дангына (мудрость, сила, красота и т. д.)

В тувинском языке М. В. Ондар была составлена база данных, куда включены женские антропонимы, встречающиеся в 38 героических сказаниях [1]. Личные имена женского персонажа *дангына* в героических сказаниях значительно отличаются по структуре от обычных имен. В структуру собственных имен входят заимствования от монгольского языка, так как сама лексема *дангына*, употребляющаяся в качестве титула персонажа, заимствована из монгольского эпоса [2, с. 87]. Рассматривая богатырские и женские личные имена мифологических образов, М. В. Ондар отмечает, что в тувинских текстах больше всего используются 2-, 3- и 4-компонентные, а 5-компонентными являются богатырские имена [1].

Несмотря на то что в тувинском языкознании антропонимика считается достаточно изученной отраслью, тувинский антрополог Н. Д. Сувандии отмечает, что исследование личных имен в художественных произведениях и фольклоре остается еще одной неизученной проблемой в тувинской антропонимике [3, с. 37]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что антропонимы мифологических женских образов не были объектами специального исследования.

В тувинских героических сказаниях лексема *дангына*, кроме употребления в качестве титула, встречается и в антропонимах в качестве одного из компонентов собственных имен, например, одно-, двух-, трехкомпонентные женские личные имена всегда пишутся с лексемой *дангына*.

Так, в героических сказаниях и сказках личные имена сказочного образа дангына разделили по следующим моделям.

1. Двухкомпонентные «и. прил. + дангына»: *Авакай дангына, Хүмүш дангына*.
2. Трехкомпонентные «и. прил. + и. сущ. + дангына»; «и. сущ. + и. сущ. + дангына», «и. сущ. + и. прил. + дангына»: *Урдун-Назын даңгына, Булут-Солаңгы даңгына, Узун-Назын дангына, Алдын-Эртине дангына*.

В мифологических женских именах первым компонентом может выступать социальное положение дангына, данному антропониму соответствуют 4-, 5- и 6-компонент-

ные модели: «личное имя хана с аффиксом =ның + основное имя + лексема дангына с аффиксом =зы»: *Сагаан-Хаанның Эртине-Мерген даңгыназы*.

Далее можно сгруппировать на пятикомпонентные, шестикомпонентные женские личные имена: *Улуг-Эге хаанның Улаан-Сайгыл даңгыназы*, *Узун-Сарыг хаанның Нарын-Даңгына деп даңгыназы*; *Пат-Патпалчын хаанның Алдын даңгыназы*, *Курбусту хаанның Тоолай-Чечен даңгыназы*.

В следующей шестикомпонентной модели уточняется социальный статус дангына «название одного из трех миров с аффиксом =ның + имя царя с аффиксом =ның + основное личное имя + лексема дангына с аффиксом =зы»: *Курбустуг дээрниц уруу Куу-Ногаан даңгына*, *Улаачы-Уранныг хаанның Уран-Сандан даңгыназы*.

М. В. Ондар отметила, что в богатырских именах главную роль играют развернутые однородные определения, выраженные именем обладания или причастными оборотами. Базовую модель многокомпонентных личных имен богатырей она выделила следующим образом «кличка коня + лексема аът ‘конь’ с аффиксом =лыг + основное имя» [1]. Ко второму компоненту данной модели также может примыкать лексема *дангына* с аффиксом = *лыг*, например: *Сай-Куу кадынныг, ыдык сара аъттыг, мөге Баян-Тоолай деп оолдуг чүвең иргин* (Мөге Шагаан-Тоолай). Данный пример свидетельствует, что наличие дангына определяет статус богатыря.

Таким образом, исходя из перечисленных моделей, можно сделать вывод, что основное имя дангына может состоять из 2–6 компонентов, где одним из компонентов являются:

1) лексемы, относящиеся к минералам и драгоценным камням: *Демир-Алдын даңгына*, *Алдын-Ак даңгына*, *Алдын-Эртине даңгына*, *Хүмүш дангына*;

2) лексемы, заимствованные из монгольского языка: *Ортаң-Карассын даңгына*, *Авыкай алдын даңгына*, *Айбылаа алдын даңгына*;

3) лексемы, относящиеся к названиям природных явлений: *Булут-Солаңгы даңгына*, *Илеңги-Солаңгы даңгына*;

4) лексемы, относящиеся к цвету: *Чечен-Кара дангына*, *Тевене-Ногаан дангына*, *Тойбуң-Куу даңгына*, *Алдын-Ак даңгына*.

5) лексемы, относящиеся к абстрактным понятиям: *Узун-Назын даңгына*, *Эртине-Мерген даңгына*.

По структуре личные имена дангына как и другие антропонимы в тувинском языке в основном относятся к окружающему миру человека, так как жизнь тувинского народа с древнейших времен всегда была тесно связана с природой.

1. Ондар М. В. Особенности языка тувинских героических сказаний (в сопоставительном аспекте): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. С. 27.

2. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2002. 388 с.

3. Сувандии Н. Д. Тувинская антропонимия. Кызыл: Редакционно-издательский отдел ТуvgУ, 2011. 207 с.

УДК 811.161.1

Элемент «субъект труда» в структуре концепта ТРУД: признаки разрушения идеологемы в период 1980–1990-х гг.

Цинь Мэн

Новосибирский государственный университет
Ганьсусский университет национальностей, Китай

Данная работа посвящена анализу субъекта труда в структуре концепта ТРУД и его динамики в зависимости от процесса деидеологизации в языковом сознании русских периода 1980–1990-х гг. на материале публицистических контекстов.

Объектом исследования служит лексическая репрезентация субъекта труда в контекстах публицистического дискурса, включающих ключевые репрезентанты концепта и их дериваты. **Актуальность** данного исследования, посвященного субъекту труда, обусловлена необходимостью проанализировать зависимость представлений о субъекте труда от внешних факторов, так как концепт ТРУД является одним из ключевых универсальных концептов, быстро реагирующих на внешние социальные и экономические изменения.

Целью исследования является выявление эволюции субъекта труда в структуре концепта ТРУД 1980–1990-х гг., а также определение значения признака ‘субъект труда’ в структуре сценария труда в русской языковой картине мира.

Материалом исследования послужили 500 публицистических контекстов периода 1980–1990-х гг., отобранных методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка [1].

Исследование показывает, что в этот период субъект труда претерпел значительные изменения в сравнении с ранее описанным нами периодом советской идеологической картины мира 1940–1970-х гг. [2], что проявилось в большем внимании к самому индивиду (субъект перестает рассматриваться как коллективный) и индивидуальным трудовым затратам, а также к материальной заинтересованности при производительности труда. Контексты также показывают больший акцент на преимуществах индивидуального труда. В то же время характер субъекта труда также подвергся некоторым изменениям: из активного трудящийся превратился в пассивного участника процесса.

При анализе лексических средств репрезентации субъекта труда было выявлено, что в контекстах прослеживаются следующие признаки разрушения идеологемы в представлениях о субъекте труда.

1. **‘Отрицание уравниловки’**. Данный признак в контекстах в сочетании с репрезентантами концепта ТРУД показывает лексическая единица *уравниловка*, имеющая негативные коннотации и выражающая отрицательное отношение трудящихся к распределению результатов труда, например: *при социализме не должно быть уравниловки; уравниловка эксплуатировала энтузиазм рабочих; уравниловка в оплате подрывала у крестьян стимулы к труду* и т. п.

2. **‘Слабая заинтересованность в результатах труда’**. Лексемы *заинтересованность, мотивация* репрезентируют данный признак в контекстах, показывающих изменение стимула труда: *только рост зарплаты может обеспечить заинтересованность работника; вся мотивация сотрудника заключается в деньгах, в зарплате, премии, процентах с оборота.*

3. **‘Вынужденный характер труда и контроль’**. Данный признак репрезентируется в контекстах через выражения, связанные с семами ‘обязанность’, ‘контроль’: *обязательное участие всех трудящихся; поднять трудовую дисциплину.*

4. **‘Низкая активность и эффективность’**. Использование лексем с негативными коннотациями в сочетании с лексемами *производительность* или *энтузиазм* показывает состояние трудящихся: *тормозит производительность труда; люди работают без энтузиазма, так как материальный стимул еще пока на первом плане;*

5. **‘Неудовлетворенность и недовольство трудящихся’**. Большая часть проанализированных контекстов связана с описанием негативного психологического состояния трудящихся: *полное отсутствие какой-либо перспективы; неуверенность в соответствии затрат труда и его материального вознаграждения; не улучшаются и условия труда людей;*

6. **‘Паразитический образ жизни’**. Этот признак показывает особенности данного периода, изменение отношения субъекта к труду и репрезентируется через лексемы с семантикой ‘нежелание работать’: *человеку в нашей стране гарантированы работа, отдых, жилье и другие права, бездельника нельзя уволить; люди Страны Советов, привыкли, а «верхи» нас приучили к безделью на государственных работах.*

7. **‘Девальвация образования’**. Данный признак демонстрирует следующий контекст: *Нельзя забывать и о том, что «девальвация дипломов» специалистов с высшим образованием ведет к снижению конкурентоспособности на рынке труда молодежи с более низким уровнем подготовки (Аргументы и факты, 1987.05).*

Таким образом, сценарий труда в период 1980–1990-х гг. подвергается в части представлений о субъекте трудовой деятельности существенным трансформациям, связанным с процессом деидеологизации.

1. НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 10.09.2022).

2. Берендеева М. С., Мэн Ц. Структура лингвокультурных концептов ТРУД / 劳动 в русской и китайской картинах мира на материале публицистических текстов 1940–1970-х гг. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2022. Т. 21, № 9. С. 47–55.

Научный руководитель — канд. филол. наук М. С. Берендеева

УДК 81'37

Концепт ВРАЧ в концептуальном пространстве текстов М. А. Булгакова и кинофильма А. Балабанова

Д. И. Юпатова

Новосибирский государственный университет

Работа посвящена реконструкции концепта ВРАЧ на основе текстов «Записок юного врача» и «Морфия» М. А. Булгакова и кинотекста «Морфий» А. Балабанова. Благодаря неугасающему интересу к творчеству Михаила Афанасьевича Булгакова, его тексты неоднократно становились не только объектами научного исследования, но и основой для многочисленных экранизаций, одной из которых стал кинофильм «Морфий» Алексея Балабанова.

Объектом исследования выступают репрезентанты ключевого концепта ВРАЧ в текстах М. А. Булгакова и кинотексте А. Балабанова. **Предмет** исследования — структура концепта ВРАЧ в текстах М. А. Булгакова и кинотексте А. Балабанова. **Цель** работы — выявить трансформации концепта ВРАЧ в кинофильме «Морфий» А. Балабанова на фоне исходных рассказов М. А. Булгакова.

Материалом исследования послужили контексты из цикла рассказов «Записки юного врача» и рассказа «Морфий» М. А. Булгакова (300 контекстов) и контексты из кинофильма «Морфий» А. Балабанова (78 контекстов), репрезентирующие концепт ВРАЧ.

Основным **методом** работы выступает концептуальный анализ текста в соответствии со схемой Л. Г. Бабенко [1]. **На первом этапе работы** был выявлен ключевой концепт ВРАЧ, репрезентированный во всех рассказах нашей выборки (49 вхождений лексической единицы *врач*, 3 вхождения его деривата *врачебный* и 66 вхождений его синонима *доктор*, 5 вхождений его деривата *докторский* и др.).

На втором этапе исследования с опорой на лингвокогнитивную методiku реконструкции структуры концепта [2] была смоделирована полевая модель структуры концепта ВРАЧ на основе его репрезентации в текстах М. А. Булгакова. Так, ядро концепта составляет признак 'наличие у человека медицинского образования, дающего право лечить больных'. Были выделены следующие тематические сферы в структуре концепта ВРАЧ (для каждой сферы ниже приведены примеры контекстов).

1. Внутренняя сфера человека, куда входят признаки 'личностная характеристика, эмоциональное состояние и чувство' — 148 контекстов: *Вот что, — сказал я [врач], удивляясь собственному спокойствию, — дело такое. Поздно. Девочка умирает. И ничто ей не поможет, кроме одного — операции («Стальное горло»); Это был и один из самых внимательных осмотров в моей жизни («Звездная сыпь»).*

2. Поведенческая сфера, где представлен общий когнитивный признак 'взаимодействие с людьми' — 65 контекстов. *Затем настало и самое трудное и мучительное. Нужно было успокоить ее [пациентку] («Звездная сыпь»). Мать не давала девочку, когда увидела шприц, но мы [фельдшер и врач] ей объяснили, что это не страшно («Стальное горло»).*

3. Физиологическая сфера, где выделяется общий когнитивный признак 'функционирование и реакция организма' — 54 контекста. *В университете я не удостоился ни разу поддержать в руках акушерские щипцы, а здесь, правда, **дрожжа**, наложил их в одну минуту («Пропавший глаз»).*

4. Интеллектуальная сфера, в которой представлен когнитивный признак 'знания, способности и умения' — 49 контекстов. *Я обнаружил у себя громаднейшие **познания в области сифилидологии** и недюжнную сметку. Она заполнила темные дырки в тех местах, где не хватало строк немецких и русских учебников. Я рассказал о том, что бывает с костями нелеченного сифилитика, а попутно очертил и прогрессивный паралич («Звездная сыпь»). Мне, собственно говоря, хочется сказать вот что: все ли там цело у матери, не повредил ли я ей во время операции... Это-то смутно терзает мое сердце. Но **мои знания в акушерстве так неясны**, так книжно отрывочны! Разрыв? А в чем он должен выразиться? И когда он даст знать о себе — сейчас же или, быть может, позже?.. («Крещение поворотом»).*

5. Физическая сфера, в которую входит общий признак 'внешность' — 27 контекстов. *Мой **юный вид** отравлял мне существование на первых шагах. Каждому приходилось представляться: «Доктор такой-то» («Полотенце с петухом»).*

В ходе работы было выявлено, что в структуре авторского концепта на основе контекстов из рассказов актуализируется внутренняя сфера (148 контекстов) на фоне остальных выделенных сфер.

Третий этап работы заключался в анализе контекстов из кинофильма, в результате анализа было выявлено, что репрезентантами концепта ВРАЧ становятся элементы, находящиеся как на визуальном уровне (актер в кадре в белом халате; кадры, показывающие проведение операций), так и на вербальном уровне («Да вы гений, доктор», «Вы, видно, много ампутаций делали»).

При анализе контекстов из кинофильма «Морфий» А. Балабанова на фоне исходных текстов М. А. Булгакова обнаружено перераспределение между сферами концепта ВРАЧ — актуализируются физиологическая сфера (28 контекстов), которая в исходных текстах находится на третьем месте по количеству контекстов (54 контекста).

1. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста.

Теория и практика: учебник-практикум. М.: Флинта; Наука, 2004. 496 с.

2. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 314 с.

Научный руководитель — канд. филол. наук М. С. Берендеева

УДК 811.161.1'37:398.224(=512.157)

Русизмы в эпических текстах сказителя В. О. Каратаева: функциональный аспект

К. А. Яковлева

Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова, Якутск

В работе рассматриваются русизмы в текстах сказителя якутского героического олонхо Василия Осиповича Каратаева, представителя вилюйской эпической традиции, с целью выявления функциональных особенностей русизмов в эпических текстах. В якутском языке заимствованные слова начали появляться еще в XVII в. С тех пор русизмы являются неизменной частью лексики якутского языка.

Материалом для исследования послужили 3 опубликованных текста олонхо из репертуара В. О. Каратаева: «Могучий Эр Соготох», «Ого Тулаайах Богатырь», «Джирибинэ Боотур». Олонхо «Могучий Эр Соготох» (6000 строк) был записан на магнитофонной ленте 3 раза (в 1975, 1982 и 1986 гг.) и опубликован в 1996 г. Олонхо «Ого Тулаайах Богатырь» (2000 строк) записан в 1990 г. и опубликован в 2008, 2017 гг. Олонхо «Джирибинэ Боотур» (11 000 строк) был записан в 1985 г. и опубликован в 2017 г.

В исследовании зафиксировано всего 206 русизмов. Из них — 59 из текста «Могучий Эр Соготох», 50 из «Ого Тулаайах Богатырь» и 97 из «Джирибинэ Боотур». Данные русизмы по функциональным особенностям, в качестве художественно-речевых средств, в результате нашего разбора используются в прямом значении, лексико-синтаксическом параллелизме, эпитетах, метафорах, олицетворениях, гиперболах, сравнениях, эпифорах. Наиболее часто заимствования из русского языка употребляются в прямом значении и эпитетах. Далее рассмотрим подробно в примерах.

1. Русизмы в прямом значении: *Туруу чоҕой хара буорум / Туруу дьаангынан тулаланан, / Араат байҕалынан арҕастанан, / Уолбат муоранан улаҕаланан испит* [1, с. 78] 'Неколебимая черная ширь земная, / Нерушимыми скалами по краям ограждаясь, / Араат-морем в середине вспучиваясь, / Неубывающими морями вокруг окаймлялась' [1, с. 79].

2. Русизмы, используемые в лексико-синтаксическом параллелизме: *Мэкчиргэ мэйиитэ / Миискэлээх эбит, / Суор мэйиитэ / Хомуостаах эбит, / Хаххан мэйиитэ / Хамыйахтаах эбит, / Кукаакы сынааҕа / Ньюоскалаах эбит* [1, с. 300] 'Из черева совы / Миска у нее, оказывается, / Из черепа ворона / Ковш у нее, оказывается, / Из черепа филина / Черпак у нее, оказывается, / Из челюсти кукши / Ложка у нее, оказывается' [1, с. 301].

3. Русизмы, используемые в эпитетах: *Өйдөөн дьүүллээн көрдөххө: / Түөрт кырыылаах / Ыстаал тимир куйахтаах киһи эбит* [1, с. 100] 'Внимательно приглядеться — / Из четырехугольных стальных пластин / Броня на нем оказывается' [1, с. 101].

4. Русизмы, используемые в метафорах: *Хонкуйан түһэн өлөн хаалбытын / Суор сокууската, / Мэкчиргэ мэниэтэ, / Тураах дуйана онорбут эбит* [1, с. 182] 'Когда, по-

никнув, умер — / **Закуской** для ворона, / Приманкой для совы, / Угощением для вороны сделал его богатырь, оказывается' [1, с. 183].

5. Русизмы, используемые в олицетворениях: **Солко** нуоҕай бытырыыс / Субуруйа долгуйууй [1, с. 156] 'Ниспадающая-трепещущая / **Шелковая** бахрома, проколыхайся-ка' [1, с. 157].

6. Русизмы, используемые в гиперболах: **Аанныыр** ийэ дойдударбын / **Атахпынан арсыннааммын** / **Сылдьыбытым устатыгар** [2, с. 21] 'Матушку Землю ногой **аршинами** измерив'.

7. Русизмы, используемые в сравнениях: **Инширин тыаһа** / **Иистэнэр массына тыаһын курдук** / **Лиһигири кыынньан** [1, с. 274] 'Его сухожилия, / Подобно швейной **машинке**, / Стали стучать-трещать' [1, с. 275].

8. Русизмы, используемые в эпифорах: **Уот Кудулу иччитэ** / **Ойдом Суорун ойон тахсан** / **Биэрэккэ тахсан** [1, с. 352]. 'Тогда дух Уот Кудул-моря / Ойдом Суорун из моря выскочил, / К **берегу** подплыв' [1, с. 353].

Таким образом, анализ русизмов из трех эпических текстов олонхо В. О. Каратаева по функциональным особенностям выявил, что сказителем использованы в основном заимствованные слова из русского языка в прямом значении: в олонхо «Могучий Эр Соготох» содержится 43 лексем, в тексте «Ого Тулаайах Богатырь» — 28, а в «Джирибинэ Боотур» — 68.

1. Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох»: сказитель В. О. Каратаев. Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1996. 437 с. (на рус. и якут. яз.).
2. Оҕо Тулаайах: олонхо для школьников средних классов / В. Каратаев. Якутск: Бичик, 2008. 64 с. (на якут. яз.).

Научный руководитель — Л. Н. Герасимова

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Dudova L. A.39	Доржу Ю. Э.57	Лу Чэнь.....173
Адалатова Е. Ю.191	Дорохова В. А.59	Мазине Д.213
Азоян Д. Т.7	Дубина К. А.21	Маилова Б. И.216
Амирагян Л. С.41	Ду Сьюань.....247	Маилова С. И.216
Арустамян М. М.97	Дьяченко М. Е.129	Макарова М. Ф.63
Багомедов А-М. И.193	Елизарова П. П.81	Максимова М. Р.27
Белоусов Г. В.123	Еремеева Д. Н.23	Максимовский Г. К.139
Белошейкина А. Е.43	Ермакова Н. А.149	Мальцева А. Н.175
Беляева В. А.73	Жиравковская А. А.249	Марченко В. В.310
Бобрикова А. Д.9	Журавлев Н. В.251	Маслова Е. А.29
Борисова А. Ю.194	Журавлева М. А.25	Ма Цзя.....312
Боттески К.145	Заворина А. Р.83	Мащенко А. С.314
Брагина Я. С.11	Засыпкин А. С.200	Мельников В. С.314
Будунова А. Ф.296	Захарова Ю. А.85	Минашкина С. А.65
Булчун А. А.298	Злая С. С.202	Мишина Е. М.109
Бурсакова Д. Д.167	Зоркальцев А. В.204	Монгуш А. Р.258
Ван Шаофань.....147	Иванкова К. С.206	Морозов А. К.67
Васильева П. Е.13	Ильина М. В.280	Назарова А. Н.111
Винокурова С. К.15	Илющенко Ю. М.208	Нечаева М. С.31
Воротынцева С. А.276	Калинина А. А.306	Новикова Н. М.260
Второва С. С.75	Калинина А. Д.131	Обершт С. Д.218
Габзалилова Е. Р.125	Картова Е. М.282	Овчинникова К. А.220
Гаврилова Е. А.99	Кемерова А. Э.210	Ондар А. Р.316
Галайда А. В.77	Кенденова Б. М.105	Павлова В. А.319
Гапоненко С. С.45	Кизюн Ф. П.133	Пензина У. Д.222
Гилева В. А.101	Козлова Д. В.151	Петрова К. А.33
Глущенко М. А.196	Козырева К. Д.153	Печёнкина М. Ю.224
Головин А. С.103	Конопленко Г. Д.284	Политина В. С.35
Гоманова Е. А.17	Крапоулова С. В.135	Польщицина О. А.286
Горбунова Е. С.300	Краснова О. Н.137	Попова С. М.226
Гостев А. С.47	Кудрявцева А. А.212	Потапова А. С.262
Григорьева В. А.49	Кузнецова С. А.87	Почеревина Е. С.157
Гурьянова Д. А.51	Кукуев Д. В.169	Почтарь А. М.288
Гусев И. В.19	Кулятина Е. О.254	Рыжих Я. Ю.69
Даваа А-Ч. Б.241	Куницкая А. Ю.107	Рябова О. Д.228
Дагба А. Ш.198	Курбанов М. Г.193	Саая М. Х.290
Дедусенко К. Д.79	Лавров А. М.61	Сабашникова А. С.89
Деменкова П. А.304	Ларютенко М. А.171	Садыков К. М.284
Демидова З. В.53	Латушко А. П.213	Сарыг-оол А. А.91
Демчева М. В.55	Лебедкин Д. А.215	Сендажы Л. Ч.321
Дешковец Д. О.278	Лисева К. А.155	Серебренникова Д. А.159
Диде И. А.245	Ло Вэй308	Симаков Д. Д.230
Долгова М. А.127	Ломаковская Д. В.256	Скрипко М. С.177

Указатель авторов

Степанова Ю. Н.	179	Фомина Д. Е.	141	Черкасова А. А.	161
Ступницкая А. Е.	264	Хань Чэлимугэ.....	325	Чернавин М. А.	185
Сун Ифэй	323	Хомушку М. Р.....	327	Чжао Пань.....	272
Сухина О. Г.	266	Хонкулов А. Ш.....	183	Чочиев Д. Т.	163
Сухушина Д. М.	113	Худаев М. М.	115	Чумичкина А. К.	274
Тарасевич Д. В.	268	Хэ Дань	302	Ши Юйчэнь	187
Терентьева А. О.	292	Хэ Цзинюй	95	Шукман А. А.	119
Трофимова В. Д.	37	Цанда А. П.....	234	Шукст Н. С.	165
Улыбина А. С.	93	Цинь Мэн	329	Шустова Т. М.	71
Ульченко А. Н.....	232	Чаш-оол Т. Б.....	236	Юдина Е. А.....	143
Федорченко Е. Ю.....	294	Чепрасова А. А.....	270	Юпатова Д. И.	331
Феоктистова К. Г.....	181	Червинская В. Ю.	117	Яковлева К. А.....	333

СОДЕРЖАНИЕ

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ: ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Теория языка

Азоян Д. Т. Сравнительный анализ огузской подгруппы тюркских языков	7
Бобрикова А. Д. Невербальные показатели фокализации во французской речи	9
Брагина Я. С. Вербальная актуализация репрезентативных систем человека в публичных выступлениях (на материале публичных выступлений TED Talks)	11
Васильева П. Е. Особенности восприятия эмоциональных значений, сопровождающих иронию-отрицание	13
Винокурова С. К. Ассоциативное поле «власть» в языковом сознании якутов, русских и французов	15
Гоманова Е. А. Глагольно-именные аналитические конструкции с глаголами <i>давать</i> и <i>брать</i> в немецком языке: психолингвистический аспект	17
Гусев И. В. Связь интонационного оформления шуточных высказываний с жестами	19
Дубина К. А. Использование формульных последовательностей в качестве названий теле- и радиопередач (на материале французского языка)	21
Еремеева Д. Н. Способы образования эвфемизмов, обозначающих названия зверей	23
Журавлева М. А. Особенности употребления феминативов в немецком языке на материале немецких СМИ	25
Максимова М. Р. Фонетические характеристики речи при когнитивной нагрузке	27
Маслова Е. А. Глаголы движения в немецком и русском языках: психолингвистический аспект	29
Нечаева М. С. Анализ немецких сказок в психолингвистическом аспекте	31
Петрова К. А. Лингвистический анализ немецкой и английской политической лексики	33
Политина В. С. Эволюция гендерной нейтрализации в английском языке на примере местоимений	35
Трофимова В. Д. Использование модальных глаголов в объективном и субъективном значениях в немецкоязычной художественной литературе	37

Стилистика и перевод

Dudova L. A. An Analysis of the Translation of Occasional Collocations in Marina Tsvetaeva's Works in English	39
Амирагян Л. С. Newspeak в переводах романа Дж. Оруэлла «1984» на французский и русский языки	41
Белошейкина А. Е. Особенности перевода дневниковой прозы на примере романа Энн Бронте «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла»	43

Гапоненко С. С. Роль экспрессивных речевых актов в создании художественного образа персонажа: переводческий аспект.....	45
Гостев А. С. Переводческие трудности при закадровом переводе научно-популярного фильма (на материале немецкой телевизионной передачи Galileo).....	47
Григорьева В. А. Сибирский текст: переводческий аспект (на материале книги В. Йоста «Из Японии в Германию через Сибирь»).....	49
Гурьянова Д. А. Межсемиотическая адаптация литоты на материале произведений англоязычной литературы и их экранизаций.....	51
Демидова З. В. Особенности перевода юмористического дискурса ситкомов: компаративный аспект (на материале сериала «Друзья»).....	53
Демчева М. В. Способы перевода лингвостилистических средств русской волшебной сказки на немецкий язык.....	55
Доржу Ю. Э. Лингвофункциональные особенности публицистического стиля.....	57
Дорохова В. А. Передача эмоциональной информации при переводе информационно-аналитической статьи (на материале статей издания Focus).....	59
Лавров А. М. Художественные образы военнослужащих войск национальной гвардии в англоязычной литературе	61
Макарова М. Ф. Стратегия самопрезентации в предвыборных речах мэра Токио Коикэ Юрико	63
Минашкина С. А. Лингвистические и экстралингвистические аспекты дизайна персонажа-антигероя в англоязычном видеоигровом дискурсе	65
Морозов А. К. Перевод видеоигр с помощью нейронных сетей	67
Рыжих Я. Ю. Авторский стиль и особенности языка Дж. Родари (на материале сборника сказок Favole al telefono)	69
Шустова Т. М. Особенности перевода терминов спортивного фехтовального дискурса	71

Межкультурная коммуникация

Беляева В. А. Речевой акт насмешки в британской лингвокультуре	73
Второва С. С. ФЕ с религиозным компонентом как отражение специфики языковой картины мира итальянцев	75
Галайда А. В. Прецедентные феномены в современных граффити на итальянском языке.....	77
Дедусенко К. Д. Театральная метафора в британском и русском политическом дискурсе.....	79
Елизарова П. П. Концепты COMMON SENSE и ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ в британской и русской лингвокультурах на примерах Британского национального корпуса и Национального корпуса русского языка	81
Заворина А. Р. Представление носителей итальянского языка о языковых единицах <i>acqua, pane, vino</i> на материале психолингвистического эксперимента	83

Захарова Ю. А. Суффиксы субъективной оценки в итальянском языке (на материале психолингвистического эксперимента).....	85
Кузнецова С. А. Гендерные особенности кооперативных стратегий и тактик (на материале англо- и русскоязычных подкастов).....	87
Сабашникова А. С. Стратегия привлечения внимания и языковые средства ее реализации в немецкоязычных видеорепортажах (на материале YouTube-каналов follow me.reports и Y-Kollektiv).....	89
Сарыг-оол А. А. Прагматика улыбки: коммуникативная тактика выражения радости (на материале английского языка).....	91
Улыбина А. С. Языковая репрезентация эмоций «радость» и «гнев» в речи носителей французского языка Камеруна, Мали и Буркина-Фасо.....	93
Хэ Цзинюй. Вербальные составляющие киноафиши как единицы межкультурной коммуникации.....	95

Лексикология, когнитивистика

Арустамян М. М. Соматические фразеологизмы в русском и армянском языках: сопоставительный аспект.....	97
Гаврилова Е. А. Лексические особенности идиостиля писателя в адаптации художественного произведения: полимодальный и стилистический аспекты.....	99
Гилева В. А. Полимодальные особенности репрезентации нарратологической функции «борьба» в кинотексте.....	101
Головин А. С. Специфика аббревиатур и сокращений в английских научно-технических текстах.....	103
Кенденова Б. М. Фразеологические параллели в английском, русском и тувинском языках как способ познания языковой картины мира.....	105
Куницкая А. Ю. Оценка влияния афроамериканского социолекта английского языка на испанский и русский языки (на материале текстов песен).....	107
Мишина Е. М. Национально-маркированная терминологика американской правовой системы (на материале сериала Suits).....	109
Назарова А. Н. Особенности аудиального конструирования реальности как черты индивидуального стиля автора.....	111
Сухушина Д. М. Эмотивная лексика в кинотексте: полимодальный аспект (на материале англоязычного художественного фильма The Fault in Our Stars и испаноязычного художественного фильма Nuestros amantes).....	113
Худаев М. М. Лингвокультурологические особенности фразеологической единицы чэньюй с компонентом «легкие» (肺).....	115
Червинская В. Ю. Отражение концептосферы британской лингвокультуры в произведениях Рейчел Джойс.....	117
Шукман А. А. Использование прецедентных феноменов в англо- и русскоязычной рекламе 1990-х гг. (на материале американских и российских рекламных телевизионных роликов).....	119

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Источниковедение русской литературы XI–XVIII вв.

Белоусов Г. В. Старообрядческий сборник выписок из Пролога второй половины XVIII в.: структура, источники, жанр	123
Габзалилова Е. Р. Образ Ими-Хиты в сборнике «Хантыйские сказки в собрании Вольфганга Штейница»	125
Долгова М. А. «Друг честных людей, или Стародум» Д. И. Фонвизина: освещение проблем воспитания и нравственности в эпоху Просвещения	127
Дьяченко М. Е. Неизвестный вариант издания Псалтири Почаевской типографии 80-х гг. XVIII в.	129
Калинина А. Д. Гендерные аспекты обличения повседневных грехов в проповеди XVII в.	131
Кизюн Ф. П. Тема благословенной и оскверненной пищи в текстах молитв на благословение колива (в рукописной традиции XIII–XVII вв.)	133
Крапоулова С. В. Образ помощника в волшебных сказках сборника «Фольклор Русского Устья»	135
Краснова О. Н. Роль ключевого понятия «судьба» в раскрытии глубинных характеристик внутреннего мира повествователя «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина	137
Максимовский Г. К. «Святые из гробницы»: распространение литературного феномена в Северной Руси	139
Фомина Д. Е. Издание французской литературы в русских переводах XVIII в.: типографии, имена, тенденции	141
Юдина Е. А. Лицевые списки «Сказания о двенадцати снах царя Шахаиши»	143

Русская литература XIX в.

Боттески К. Габриэле д'Аннунцио в контексте русской словесности конца XIX — начала XX в.	145
Ван Шаофань. «Китайские повести» О. И. Сенковского: имагологический аспект	147
Ермакова Н. А. Поэтика телесности в ранних рассказах Ф. Сологуба (1894–1904)	149
Козлова Д. В. Метатипы Гамлета и Дон Кихота в поэтике ранних повестей И. С. Тургенева	151
Козырева К. Д. Жанровый диалог в романе Ф. М. Достоевского «Подросток»: авантюрный роман и житие	153
Лисева К. А. «Таинственные повести» И. С. Тургенева: между позитивизмом и мистицизмом	155
Почеревина Е. С. Неизвестный список стихотворной повести Н. М. Языкова «Липы»	157
Серебренникова Д. А. Топосы дом — антидом в поздней прозе А. П. Чехова	159

Черкасова А. А. Мотив игры в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад» и в повести В. А. Соллогуба «Большой свет»	161
Чочиев Д. Т. Особенности интертекстуальных связей в повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда»	163
Шукст Н. С. Герой-врач в мифопоэтической системе А. П. Чехова 1890-1900-х гг. («Дуэль», «Три сестры»)	165

Русская литература XX–XXI вв.

Бурсакова Д. Д. Интертекстуальность в русской и японской антиутопии	167
Кукуев Д. В. Отражение традиций русской классической поэзии в творчестве рок-музыкантов (на примере текстов Александра Башлачёва и Егора Летова)	169
Ларютенко М. А. Художественные функции эпитафии из «Анналов» Квинта Энния к «римской» главе романа А. Петровой «Аппендикс»	171
Лу Чэнь. Роль метафор и символов в развитии сюжета «Петровы в гриппе и вокруг него»: анализ через деталь со старой таблеткой	173
Мальцева А. Н. Особенности нарративной организации современной русской прозы на примере сборников «Конец света, моя любовь» А. Горбуновой, «Сестроммам. О тех, кто будет маяться» Е. Некрасовой и романа «Сезон отравленных плодов» В. Богдановой	175
Скрипко М. С. Герой Василия Шукшина в контексте переходной эпохи: от оттепели к застою	177
Степанова Ю. Н. Проза Е. Д. Айпина второй половины 1980-х гг.: трансформация повести в роман на уровне хронотопа	179
Феоктистова К. Г. Образ Наполеона Бонапарта в мифопоэтическом отражении М. И. Цветаевой	181
Хонкулов А. Ш. «Хуррамабад» Андрея Волоса как «роман-пунктир»: форма и содержание	183
Чернавин М. А. Смерть и эсхатология в лирике М. И. Цветаевой на примере стихотворения «Еще и еще песни...»	185
Ши Юйчэнь. Поэтика стихотворения О. Э. Мандельштама «На влажный камень возведенный»: попытка интерпретации	187

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Адалатова Е. Ю. Разработка системы кодирования визуальных данных для последующего изучения искажений коммуникации средствами контент-анализа	191
Багомедов А-М. И., Курбанов М. Г. Цветовая символика в табасаранском языке	193
Борисова А. Ю. Лингвистический анализ эмоционально значимых и нейтральных слов с помощью ассоциативного эксперимента	194

Глущенко М. А. О терминологическом статусе лексемы «медиакоммуникация».....	196
Дагба А. Ш. Средства репрезентации внутренней речи персонажа в произведении Донгака Бегзи «Өңнүктөр дугайында тоожу» («Повесть о друзьях»)	198
Засыпкин А. С. Лингвистический анализ корпусов, использующихся для оценки языковых моделей	200
Злая С. С. ЭЭГ-реакции при распознавании оценочных предложений про себя и других у подростков в сравнении со взрослыми	202
Зоркальцев А. В. Риторические структуры в песенной поэзии и мера эстетики художественного текста	204
Иванкова К. С. Восприятие и оценка аффективных видео мужчинами и женщинами	206
Илющенко Ю. М. Построение контекстно-свободной грамматики CNL для событийно-темпоральных требований при помощи xText	208
Кемерова А. Э. Языковые приемы создания провокативной рекламы для привлечения внимания к бренду (на примере рекламы Burger King)	210
Кудрявцева А. А. Сравнительный статистический анализ текстов, написанных человеком и сгенерированных с помощью одной из больших языковых моделей	212
Латушко А. П., Мазине Д. Методы предварительной автоматической разметки данных для задач обработки естественного языка	213
Лебедкин Д. А. Нейролингвистическое исследование особенностей восприятия Я- и Другие-ситуаций в предложениях с разной эмоциональной окраской.....	215
Маилова Б. И., Маилова С. И. Принципы изучения метафоры посредством корпуса (на примере работ Э. Дейнан)	216
Обершт С. Д. Оценка сложности текста с учетом адаптации формул подсчета количественных параметров к русскому языку.....	218
Овчинникова К. А. Разработка подхода к автоматизации построения онтологий научных предметных областей на примере компьютерной лингвистики	220
Пензина У. Д. Местоимения отрицательной полярности русского и английского языков в аспекте скулемизации.....	222
Печёнкина М. Ю. Повышение осведомленности о речевых правонарушениях с помощью чат-бота.....	224
Попова С. М. Поведенческие, нейрональные и окуломоторные корреляты при восприятии информационных сообщений о вакцинации	226
Рябова О. Д. Аспектно-ориентированный анализ тональности отзывов с переключением кода	228
Симаков Д. Д. Выявление способов пропаганды наркотических веществ в текстах песен современных русскоязычных исполнителей.....	230
Ульченко А. Н. Повышение релевантности ответов диалоговой системы в области административного права.....	232
Цанда А. П. Разработка мультимодального корпуса для задачи автоматического реферирования научных статей на русском языке	234
Чаш-оол Т. Б. Лексема <i>аът</i> 'лошадь' в пословицах и поговорках тувинцев	236

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Грамматика

Даваа А-Ч. Б. Выражение значения субъекта в тувинском языке	241
Диде И. А. Русские сравнительные конструкции с союзом «точно»	245
Ду Сьюань. Сравнительные конструкции с лексемой 仿佛 'походить, быть похожим' в романе Мо Яня «Лягушки»	247
Жиравская А. А. Сопоставление продуктивности агентивных суффиксов в литературном языке и молодежном сленге	249
Журавлев Н. В. Порядок слов в предложениях существования и местонахождения в кетском языке	251
Кулятина Е. О. Реализация актуализационного темпорального ключа в монологической речи интеллигенции Академгородка	254
Ломаковская Д. В. Пунктуационное оформление «Статьи неустановленного автора о Никоне, патриархе Московском» 1870–1880 гг.	256
Монгуш А. Р. Определительные местоимения в тувинском языке	258
Новикова Н. М. Формальные характеристики пунктуационного знака и особенности его интонационной интерпретации	260
Потапова А. С. Предложения со структурной схемой ($N_3^S / y N_2^S$) V_f^{Ex} Pron-Subst Inf с предикатами речевой деятельности	262
Ступницкая А. Е. Количественный аспект анализа диктума в авторском тексте графического романа «Бестужевки»	264
Сухина О. Г. Употребление инфинитивов в «Евангелии от Марка» на древнегреческом языке	266
Тарасевич Д. В. Аналитические и аналитико-синтетические условные конструкции в корякском языке	268
Чепрасова А. А. Бытийно-локативные пространственные модели элементарных простых предложений в корякском языке	270
Чжао Пань. Предложения характеристики в русском и китайском языках (на материале романа «Жить» Юй Хуа)	272
Чумичкина А. К. О некоторых морфологических и прагматических свойствах субстантивированных причастий в современном русском языке	274

Коммуникативная лингвистика

Воротынцева С. А. Особенности языковой личности спортивного комментатора Владимира Стецко	276
Дешковец Д. О. Особенности образования прозвищ российских футбольных команд	278
Ильина М. В. Вербальные и визуальные метафоры в репрезентации научных концептов в научно-популярных лекциях на русском и английском языках	280

Картова Е. М. Анализ речевых ошибок в рукописных народных сборниках юго-востока Костромской области	282
Конопленко Г. Д., Садыков К. М. Современные военные пропагандистские плакаты как вид поликодового текста	284
Польщицина О. А. Оценка и способы ее репрезентации в профессиональных и любительских книжных рецензиях на русском языке.....	286
Почтарь А. М. Оценочные языковые средства в речи политиков (на материале телеграм-каналов Дмитрия Медведева и Вячеслава Володина).....	288
Саая М. Х. Современный молодежный сленг в тувинском интернет-пространстве	290
Терентьева А. О. Речевые высказывания с неавторизованной информацией в интернет-дискурсе (на материале комментариев социальной сети «ВКонтакте»).....	292
Федорченко Е. Ю. Стратегии передачи безэквивалентной лексики в английских переводах повести А. И. Куприна «Поединок»	294

Семантика

Будунова А. Ф. Развитие семантики индоевропейского корня *t'eik̥- на примере древнеиндийского и древнегреческого языков.....	296
Булчун А. А. Прилагательные, характеризующие физические качества предмета, образующие фразеологизмы в тувинском языке.....	298
Горбунова Е. С. Обрядовая лексика эвенков	300
Хэ Дань. Лексические и синтаксические средства фиксации предмета РЖ «Упрек»	302
Деменкова П. А. Концепт ВРЕМЯ в фильме «Зеркало» А. А. Тарковского: лингвистическая и визуальная репрезентация	304
Калинина А. А. Концептуальная оппозиция ЧИСТЫЙ — ГРЯЗНЫЙ в русской языковой картине мира.....	306
Ло Вэй. Фреймово-слотовая организация области-источника «рыба» в современных метафорических моделях (на основе контекстов из Национального корпуса русского языка)	308
Марченко В. В. Древнерусские прозвища как отражение представлений о национальной идентичности.....	310
Ма Цзя. Особенности метафоры с областью-источником «Ювелирное дело» в русской языковой картине мира.....	312
Мащенко А. С., Мельников В. С. Актуализация концепта «Патриотизм» в современном песенном дискурсе	314
Ондар А. Р. О мерных словах, функционирующих в языке тувинского фольклора....	316
Павлова В. А. Лексико-семантическое поле «слабость» как фрагмент русской языковой картины мира.....	319
Сендажы Л. Ч. Жаргонная лексика в произведении Чылгычы Ондар «Сөөлгү өртээл» («Последняя пристань»).....	321

Сун Ифэй. Лексикографическая репрезентация бинарных концептов СВЕТ и ТЬМА (на материале толковых и словообразовательных словарей)	323
Хань Чэлимугэ. Лингвокультурная специфика концептов СКАЗКА и 童话 в русской и китайской картинах мира	325
Хомушку М. Р. Структурные модели личных имен сказочного образа дангына: на материале тувинских народных сказок и героических сказаний.....	327
Цинь Мэн. Элемент «субъект труда» в структуре концепта ТРУД: признаки разрушения идеологемы в период 1980–1990-х гг.	329
Юпатова Д. И. Концепт ВРАЧ в концептуальном пространстве текстов М. А. Булгакова и кинофильма А. Балабанова.....	331
Яковлева К. А. Русизмы в эпических текстах сказителя В. О. Каратаева: функциональный аспект	333
Указатель авторов.....	335

Научное издание

МНСК-2024

**ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ:
ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ**

•

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

•

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

•

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Материалы

62-й Международной научной студенческой конференции

17–23 апреля 2024 г.

Корректор *П. И. Юганова*

Верстка *А. С. Терешкиной*

Обложка *Е. В. Неклюдовой*

Подписано в печать 25.06.2024 г.

Формат 60 × 84 1/8. Уч.-изд. л. 43,25. Усл. печ. л. 40,2.

Тираж 48 экз. Заказ № 71.

Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2.

Секции

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ:
ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ISBN 978-5-4437-1615-2

9 785443 716152

N* Новосибирский
государственный
университет
***НАСТОЯЩАЯ НАУКА**

